

11

Глава 1
Мира не ждут,
его завоевывают

Глава 2
Когда третьего не дано

МИР, КОТОРОГО ХОТЕЛИ

Глава 3
И все-таки сепаратные...

Глава 4
Быть или не быть
социалистическому Отечеству?

Глава 5
Брест-литовская голгофа

Глава 6
Советской власти
шел 129-й день

Глава 7
Борьба
за... грабительский мир

И.Н.Ксенофонов

И КОТОРЫЙ НЕ НАВИДЕЛИ

Документальный
репортаж

Москва
Издательство
политической
литературы
1991

Ксенофонтов И. Н.

К86 Мир, которого хотели и который ненавидели: Док. репортаж.— М.: Политиздат, 1991.—416 с.
ISBN 5—250—01174—8

Эта книга о первых 142 днях Советской власти, о драматической борьбе В. И. Ленина и партии за Брестский мир, о разработке внешнего курса Советской России, рассчитанного на длительный исторический период ее сосуществования с капиталистическими государствами.

Анализируя документы, выступления прессы тех лет, автор показывает роль, которую играли при подписании Брестского договора Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, Г. Я. Сокольников, Н. И. Бухарин, представители других политических партий.

Рассчитана на массового читателя.

К $\frac{0503020400-028}{079(02)-91}$ 127—91

ББК 63.3(2)711.2

ISBN 5—250—01174—8

© И. Н. Ксенофонтов, 1991
© Оформление И. И. Суслев, 1991

ОТ АВТОРА

Рождение Советского государства знаменовало начало сражения большевиков, других политических сил за выход из войны обескровленной и разоренной России. За право существовать власть Советов «заплатила» Брест-Литовским миром с его грабительскими и унижительными для суверенной страны условиями. Иного выхода для нашего государства тогда не было.

Этот период занял всего лишь первые 142 дня из жизни Советской власти, но это были смертельно опасные для нее дни, когда судьба социализма висела в буквальном смысле на волоске. Драматические события этого короткого исторического отрезка времени — от победы социалистической революции в России до ратификации Брест-Литовского мирного договора — и составляют содержание данной книги.

История Брест-Литовского мирного договора до сих пор содержит «белые пятна», многие ее страницы массовому читателю остаются неизвестными: годы застоя наложили свой отпечаток и на этот участок деятельности советских историков. Ученые были скованы запрещением отходить от установленной свыше линии при исследовании политики партии в дни борьбы Советской России за выход из империалистической войны. Естественно, что в таких условиях деятельность партии в период подготовки, заключения и ратификации Брест-Литовского мирного договора освещалась, во-первых, упрощенно, изобилвала сильно преувеличенными победными тонами, а во-вторых, все то, что не укладывалось в заранее сконструированные схемы, объявлялось далеким от науки, чаще всего — просто враждебным марксизму-ленинизму.

В книге «Мир, которого хотели и который ненавидели» предпринимается попытка значительно полнее и объ-

ективнее раскрыть драматизм борьбы большевиков за заключение и ратификацию аннексионистского Брест-Литовского мирного договора. При этом материал излагается в историко-хронологической последовательности, при освещении же острейших ситуаций — даже по часам, а то и по минутам, что позволяет более выпукло показать историческую обстановку тех грозных для нашей страны дней, более «зримо» представить позиции политических партий и многих политических деятелей.

Относительно последнего хотелось бы сказать особо. В книге автор стремился показать действительную роль в событиях, связанных с Брест-Литовским мирным договором, не только В. И. Ленина, но и других видных деятелей нашей партии и государства — Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, И. В. Сталина, Г. Я. Сокольникова, А. А. Иоффе, К. Б. Радека, Н. В. Крыленко, Л. М. Карахана... В равной мере это относится и к представителям других политических сил, прежде всего левых эсеров, которые принимали активное участие в брест-литовских переговорах наравне с большевиками.

Глава I МИРА НЕ ЖДУТ, ЕГО ЗАВОЕВЫВАЮТ

27 февраля 1917 года в России победила буржуазно-демократическая революция. Самодержавие было свергнуто. Однако находившиеся в течение почти восьми месяцев у власти правительства с помощью социалистических партий меньшевиков и эсеров тормозили дальнейшее развитие революционного процесса, держали курс на его свертывание и ограничение рамками буржуазного строя. Победившему народу не дали ни мира, ни земли, ни права самому определять свою судьбу. В результате все проблемы, которыми было беременно российское общество, не только не решались, а, напротив, все более обострялись.

Продолжающееся участие страны в мировой войне стремительно приближало ее к той опасной грани, за которой неминуемо должна была последовать национальная катастрофа. Русская армия смертельно устала от войны, она не знала, за что воюет. Создавалось критическое положение: обстановка в окопах была настолько накалена, что достаточно было искры, чтобы армия оставила позиции и хлынула в тыл. Так, во время наступления летом 1917 года только в 5-й армии, державшей фронт в районе Двинска, по делу о массовом неисполнении боевых приказаний было привлечено около 40 офицеров и более 12,5 тысячи солдат¹.

В воздухе явственно чувствовались признаки надвигающейся гигантской грозы. И в ней грозно звучали голоса миллионов людей в тылу и на фронте — хлеба и мира!

Свершившаяся Октябрьская революция вновь всколыхнула в миллионах людей усталые надежды на мир.

¹ См.: Двинцы. М., 1957. С. 159.

25 октября 1917 года пало на среду. Этот день в Петрограде выдался сырым и холодным. Рано утром Ленин от имени Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов пишет обращение «К гражданам России!». Согласованное с членами ЦК РСДРП(б) и Военно-революционного комитета, воззвание в 10 часов утра отправляется в печать и в тот же день публикуется в газете «Рабочий и Солдат»¹. Одновременно оно передается в эфир радиостанцией крейсера «Аврора»². В предельно сжатой и лаконичной форме новая власть точно и определенно излагала всем гражданам страны программу своей деятельности. Документ оповещал о низложении Временного правительства и переходе власти в руки Военно-революционного комитета. «Дело,— говорилось в нем,— за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено»³.

Телеграммы о победе революции в Петрограде посылались во все концы России, на все фронты. Самое серьезное внимание Военно-революционный комитет уделял организации правильной информации для заграничной о том, что произошло в Петрограде. К этой работе сразу же был привлечен В. В. Воровский, который после Февральской революции 1917 года возглавил Заграничное представительство ЦК РСДРП(б), находившееся в Стокгольме. В радиোগрамме на имя Воровского ему было предложено стать полномочным представителем Советской власти в Швеции и принять меры «к самому широкому осведомлению общественного мнения Европы, Англии и Соединенных Штатов о характере и смысле происшедшего в России переворота»⁴.

Днем 25 октября в 2 часа 35 минут открылось экстренное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, которому Военно-революционный комитет доложил о свержении Временного правительства и победе революции. Выступавший Троцкий говорил, что он не знает в истории примеров революционного движе-

¹ См.: Рабочий и Солдат. 1917. № 8. 25 октября.

² См.: Правда. 1987. 13 октября.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 1.

⁴ Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. М., 1966. Т. 1. С. 116.

ния, в котором участвовали бы такие огромные массы и которое прошло бы так бескровно¹.

Затем слово было предоставлено Ленину. Более ста дней он находился в подполье. Теперь Ленин присутствовал на заседании и открыто выступал перед массами с докладом о задачах Советской власти. Подчеркивая, что сейчас в России мы «должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства», Ленин изложил задачи новой власти, назвав одной из очередных «необходимость немедленно закончить войну»². Он заявил также, что Советская власть будет бороться за заключение справедливого мира, опубликует тайные договоры. На заседании выступили также А. В. Луначарский, Г. Е. Зиновьев. Последний говорил, что сегодня мы заплатили долг международному пролетариату и нанесли страшный удар войне, удар в грудь всем империалистам³.

Время не ждало. Зимний еще не был взят, к тому же Троцкий сообщил собравшимся, что получены сведения о движении с фронта войск в направлении Петрограда⁴, и поэтому было решено прений по докладу Ленина не открывать, а принять резолюцию. Она была подготовлена Лениным, и ее зачитал В. Володарский. Резолюция была принята громадным большинством голосов. Подтверждая тезис о мире, изложенный в обращении «К гражданам России», она подчеркивала, что новое правительство «немедленно предложит справедливый демократический мир всем воюющим народам», и выражала убеждение, что и пролетариат западноевропейских стран «поможет нам довести дело социализма до полной и прочной победы»⁵.

В этот же день, 25 октября, в 22 часа 40 минут в одном из залов Смольного открылся Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Его работу кратким вступительным словом от имени ЦИК первого созыва начал меньшевик Ф. И. Дан. Странным было это выступление: революционные отряды занимали Зимний, а Дан с трибуны съезда выражал солидарность с находившимся во дворце уже фактически свергнутым

¹ См.: Солдат. 1917. № 61. 26 октября.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 2—3.

³ См.: Солдат. 1917. № 61. 26 октября.

⁴ См. там же.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 4, 5.

Временным правительством, глава которого — А. Ф. Керенский — к этому часу уже бежал из Петрограда.

Сформировали президиум съезда, большинство которого пропорционально числу прибывших делегатов составили большевики. В президиум был избран и Ленин, но на открытии съезда он не присутствовал: здесь же, в Смольном, Ленин продолжал руководить операциями в районе Зимнего дворца. Перешли к обсуждению повестки дня, которую съезду предложил Каменев: вопрос об организации власти, вопрос о войне и мире, вопрос об Учредительном собрании.

Представители небольшевистских фракций начали затягивать обсуждение порядка работы съезда, обвиняя большевиков в авантюризме и организации «военного заговора», призывая делегатов съезда к открытию переговоров о прекращении начавшегося столкновения и создания власти, которая была бы признана «всею демократией». В концентрированном виде все это было высказано в речи лидера меньшевиков-интернационалистов Л. Мартова, который, в частности, заявил, что его фракция не считает «возможным брать на себя политическую ответственность за авантюру, затеянную большевиками»¹.

И хотя реализация всех этих соглашательских предложений таила в себе опасность того, что контрреволюция может воспользоваться затяжкой времени в своих целях, большевики, от имени которых выступил А. В. Луначарский, выразили готовность обсуждать поставленные вопросы.

Однако последовавшие новые выступления представителей соглашательских партий показали, что они ведут дело к тому, чтобы съезд фактически санкционировал сдачу уже завоеванных революционными массами позиций и отказ от свержения власти буржуазии. Подавляющая часть делегатов съезда решительно отвергла эту линию меньшевиков и эсеров и осудила ее в специально принятой резолюции. Меньшевики и эсеры покинули зал заседания, надеясь тем самым вызвать на съезде раскол. Но их надежды не оправдались: ушла лишь незначительная часть делегатов, и съезд продолжал быть правомочным верховным органом России. Из 318 провинциальных Советов, представленных на Втором съезде, 241 решительно высказался за передачу всей власти

¹ Известия ЦИК. 1917. 26 октября.

Советам¹. Вместе с большевиками остались работать левые эсеры, представители ряда других политических сил страны, многие рядовые меньшевики и эсеры.

Вся эта часть первого заседания Второго съезда Советов длилась до 2 часов 40 минут 26 октября, когда был объявлен получасовой перерыв.

В 3 часа 10 минут 26 октября первое заседание Второго съезда Советов возобновилось. Бурей аплодисментов встретили делегаты сообщение о взятии Зимнего и аресте Временного правительства. Выступивший Н. В. Крыленко доложил об образовании на Северном фронте Военно-революционного комитета, который примет меры к тому, чтобы воспрепятствовать движению воинских эшелонов на подавление революции в Петрограде. Затем съезд перешел к рассмотрению вопроса о власти. А. В. Луначарский огласил перед делегатами текст воззвания «Рабочим, солдатам и крестьянам!», которое было подготовлено Лениным в ночь с 25 на 26 октября. В воззвании подчеркивалось, что, «опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки» и постановляет, что «вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»². Говоря о программе деятельности Советской власти, в воззвании, в частности, указывалось, что она «предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах»³. В 5 часов утра 26 октября воззвание было поставлено на голосование. Против выступило лишь 2, воздержалось — 12 человек. Левые эсеры присоединились к этому важному историческому документу. В 5 часов 15 минут первое заседание Второго съезда Советов закрылось.

В ночь на 26 октября и в течение этого дня В. И. Ленин проводит гигантскую работу: он трудится над проектами документов о земле, о мире, об образовании рабоче-крестьянского правительства; на заседании фракции большевиков Второго съезда Советов участвует в обсуждении вопроса о составе этого правительства; выясняет ряд военных вопросов, связанных с защитой револю-

¹ См.: *Новгородов А. И.* Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 42.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 11.

³ Там же.

ции; на заседании ЦК РСДРП(б), куда были приглашены представители левых эсеров, обсуждает вопрос об их участии в правительстве, в которое левые эсеры отказываются войти. Нелегко давалось решение вопроса о составе правительства. Приглашенные на заседание ЦК РСДРП(б) левые эсеры Б. Д. Камков, В. Б. Спиро и В. А. Карелин не приняли предложение большевиков войти в состав правительства представителям их партии, настаивая на образовании «единого демократического правительства» в форме коалиции всех социалистических партий, включая и те, которые ушли со съезда Советов, — меньшевиков, эсеров и других. ЦК большевиков не мог пойти на соглашение с теми, кто открыто встал на сторону контрреволюции, делал все, чтобы погубить революцию. Трудно проходило обсуждение этого вопроса и среди большевиков. Каменев, Рязанов и некоторые другие считали, что против большевиков слишком много сил, им одним не удержаться, они изолированы и погибнут¹.

Надо полагать, что все эти трудности, многие неопределенности, желание большевиков исчерпать имевшиеся разумные возможности к достижению компромисса и задерживали открытие очередного заседания Второго съезда Советов, которое 26 октября должно было начаться в 13 часов дня². Но оно не началось и в 19 часов вечера, хотя зал уже давно заполнили делегаты и он гудел. В эти часы как раз и проходило заседание ЦК РСДРП(б) (на нем левым эсерам предлагалось войти в состав правительства), а чуть позже — заседание фракции большевиков Второго съезда Советов, обсуждавшее проекты декретов о мире, о земле, другие вопросы.

Было 20 часов 40 минут, когда в зале появился Владимир Ильич Ленин, другие члены президиума, встреченные громом аплодисментов и приветственными возгласами. Второе заседание Второго Всероссийского съезда Советов началось. Его открыл Каменев, сообщивший делегатам, что президиум съезда отдал распоряжение об отмене смертной казни на фронте, введенной Керенским по предложению меньшевиков, об освобождении всех солдат и офицеров, арестованных по «политическим преступлениям»³. Съезд утвердил эти распоряжения президиума.

¹ См.: Минц И. И. История Великого Октября. М., 1968. Т. 2. С. 1110; Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1959. С. 115.

² См.: Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 114.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 28 октября.

После выступления ряда делегатов на трибуну взошел Ленин. «Вопрос о мире,— начал свой доклад Ленин,— есть жгучий вопрос, большой вопрос современности»¹. И, не тратя лишних слов, он сразу же перешел к зачитанию декларации-обращения к народам и правительствам всех воюющих стран; она вошла в историю как знаменитый ленинский Декрет о мире — первое официальное слово только что рожденной и выходящей на международную арену Советской власти.

В декларации предлагалось «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире»². Под справедливым и демократическим миром Советская власть, подчеркивалось в декрете, понимает «немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций»³. При этом давалось определение понятия «аннексия», которое базировалось на марксистском положении о том, что нигде ни один народ не имеет права распоряжаться судьбой другого народа.

Предупреждая всевозможные попытки воюющих держав обосновывать свой отказ вести переговоры о мире или его условиях ссылками на непримиримость большевиков, на ультимативный характер их предложений, на военные действия, затрудняющие ведение переговоров, Советская власть заявляла, что она готова «рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира»⁴.

В этой связи в декларации указывалось, что Советская власть отменяет тайную дипломатию, твердо намерена вести переговоры открыто перед всем народом, приступает к опубликованию тайных договоров, заключенных царским и Временным правительствами, безусловно и немедленно отменяет содержащиеся в этих тайных договорах выгоды и привилегии помещикам и капиталистам России в ущерб другим странам и народам.

Одновременно в документе подчеркивалось, что, предлагая всем воюющим странам немедленно начать откры-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 15.

тые переговоры о заключении мира, мы со своей стороны готовы вести их любым способом — по почте, посредством телеграфа, путем встречи представителей разных стран или созыва конференции. И, демонстрируя серьезность своих намерений, Советская власть заявляла, что «для облегчения таких переговоров... назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны»¹. Более того, понимая всю сложность ведения этих переговоров между государствами с противоположными интересами, в декларации предлагалось на первых порах немедленно заключить перемирие, по мнению советской стороны, на три месяца, чтобы за этот срок завершить переговоры о мире с участием представителей всех воюющих стран и созвать их для окончательного утверждения условий мира.

В заключение Декрета о мире подчеркивалось, что он обращен к правительствам и народам всех воюющих стран, равно как «в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии», и что «рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира...»².

Зачитав это обращение к народам и правительствам всех воюющих стран, Ленин предложил принять его. Начались прения. Все выступавшие от разных фракций ораторы одобряли декларацию. Были высказаны и некоторые замечания. Один из делегатов предложил не упоминать в ней об усталости страны и армии³. С поправкой к декрету выступил меньшевик-интернационалист А. Д. Еремеев; он утверждал, что наше положение о мире без аннексий и контрибуций должно носить ультимативный характер, ибо в противном случае другая сторона будет иметь повод думать, что мы слабы⁴.

Оба эти соображения Ленин не оставил без внимания. «Я буду высказываться решительно против того,— начал свое заключительное слово Ленин,— чтобы наше

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 15.

² Там же. С. 16.

³ См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969. Т. 3. С. 15.

⁴ См. там же; Декреты Октябрьской революции. М., 1933. С. 7.

требование о мире было ультимативным. Ультимативность может оказаться губительной для всего нашего дела. Мы не можем требовать, чтобы какое-нибудь незначительное отступление от наших требований дало возможность империалистическим правительствам сказать, что нельзя было вступить в переговоры о мире из-за нашей непримиримости»¹. Он объясняет, что мы свои предложения о мире разошлем повсюду, о них будут знать все, скрыть наших условий будет невозможно. В этом случае империалисты будут вынуждены давать «объяснения» своим народам, мировому общественному мнению. Гласность и отсутствие тайны при ведении мирных переговоров всегда ставит любое правительство под контроль общественного мнения своей страны.

Отвергая мнение, что «неультимативность покажет наше бессилие», Ленин решительно подчеркивал другое понимание силы народа: «По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»². И в этой связи Ленин добавляет, что поэтому нам и нечего бояться сказать в декларации об усталости нашего народа, нашей страны, «ибо это правда, одинаково верная как для нас, так и для всех воюющих и даже невоюющих стран»³. А говоря об опубликовании тайных договоров и об отмене в них пунктов об аннексиях и контрибуциях, Ленин одновременно заявил: «Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать»⁴.

Шел одиннадцатый час вечера, когда декларация-обращение к народам и правительствам всех воюющих стран была поставлена на голосование. Каменев предложил поднять мандаты делегатам, поддерживающим обращение. Около 23 часов вечера 26 октября 1917 года ленинский Декрет о мире был единогласно принят съездом Советов. Зал поднялся в едином порыве и запел «Интернационал», после которого, отдавая дань тем, кто погиб за свободу, зазвучал напев «Вы жертвою пали в борьбе роковой...».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 19.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 22.

⁴ Там же. С. 20.

В 2 часа ночи 27 октября после обсуждения доклада Ленина о земле съезд принял подготовленный и зачитанный им Декрет о земле. При его голосовании 1 человек был против и 8 воздержалось¹.

В 4 часа утра того же дня подавляющим большинством голосов съезд принял предложение большевиков о составе правительства, в которое, из-за отказа левых эсеров, вошли только члены РСДРП(б). Против выступили меньшевики-интернационалисты, левые эсеры, делегат Викжеля², требовавшие создания правительства из представителей всех социалистических партий. В принятом Всероссийским съездом Советов постановлении говорилось: «Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров»³.

Утвердив правительство, съезд избрал новый состав Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в количестве 101 члена, среди которых были 62 большевика, включая Ленина, и 29 левых эсеров⁴. При этом съезд постановил, что ВЦИК может быть пополнен представителями крестьянских Советов, армейских организаций, а также представителями тех партий, которые покинули съезд.

В 5 часов 15 минут утра 27 октября 1917 года Второй Всероссийский съезд Советов завершил свою работу.

Народ, уставший от более чем трехлетней империалистической бойни, солдаты, страстно желавшие мира и возвращения к родным очагам, хотели бескровной революции. Но враги вынуждали их идти на бой. В полдень 25 октября Керенский в машине американского посольства бежал из революционного Петрограда. С трудом избежав ареста в Гатчине, он поздно вечером добрался до Пскова, где на следующий день была достигнута договоренность с генералом Красновым двинуть казачьи части на Петроград. Утром 27 октября была захвачена Гатчина, Керенский начал рассылать высокопарные победоносные телеграммы, в чем ему услужливо оказывало

¹ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 2. С. 1116.

² Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза, большинство которого составляли меньшевики и эсеры, выбранные за два месяца до свержения Временного правительства.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 28.

⁴ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 2. С. 1117.

поддержку эсеро-меньшевистское руководство Викжеля, распространяя депеши Керенского по всей сети железных дорог. 28 октября части Краснова заняли Царское Село. Над Петроградом, до которого было менее 25 километров, нависла серьезная угроза. Зашевелился генералитет Северного, Западного, Юго-Западного и Румынского фронтов, предпринимавший попытки организовать посылку войск на Петроград и Москву. К преступным действиям перешел «Комитет спасения родины и революции», созданная в ночь на 26 октября контрреволюционная организация, в которую вошли многие лидеры партий эсеров и меньшевиков. Члены этой организации А. Р. Гоц, А. А. Брудерер и другие в ночь на 29 октября организовали в Петрограде мятеж юнкеров. 27 октября в Москве контрреволюция при прямой поддержке эсеров и меньшевиков открыла военные действия против революционных сил, во второй столице было объявлено военное положение. Эта неустойчивая, нестабильная обстановка усугублялась шумными, крикливыми заявлениями и выступлениями лидеров партий эсеров, меньшевиков, Викжеля и других социалистических групп против большевиков. Отказавшись взять на себя бремя исторической ответственности, эти «революционеры» подталкивали контрреволюцию на выступления, поощряли саботаж старого чиновничества, не признававшего в своей массе новой власти. Все это, конечно, способствовало созданию в центре и на местах неуверенности, порождало лавину слухов, дезинформации, клеветы в адрес новой власти, обвиняемой в жестокостях и зверствах, сбивало с толку обывателя.

Что же в действительности происходило в эти дни? Уже к вечеру 27 октября ЦК РСДРП(б), Совнарком и Военно-революционный комитет создают комиссию во главе с Лениным для руководства обороной Петрограда от наступающих частей Керенского и Краснова¹. Ленин и члены комиссии проводят в последующие дни и ночи огромный объем организационно-мобилизующей работы по разгрому контрреволюционных сил, выступление которых было быстро и решительно пресечено. Так, вспыхнувший в Петрограде мятеж юнкеров уже днем 29 был ликвидирован. К 31 октября стало ясно, что наступавшие части Краснова разбиты революционными си-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. С. 9.

лами; Керенский 1 ноября бежал из Гатчины — бежал навсегда. К вечеру 2 ноября после ожесточенных боев с контрреволюцией было покончено и в Москве. Попытка реакции силой вырвать власть из рук трудящихся, предпринятая сразу же после Второго Всероссийского съезда Советов, не удалась.

Но проблем от этого не становилось меньше, напряжение не снималось, положение продолжало оставаться тревожным. После того как меньшевики и эсеры покинули съезд Советов, их органы печати не утаивали обвинять большевиков в захвате власти, призывая к созданию правительства из всех социалистических партий и групп. Используя Викжель, где меньшевики и эсеры играли руководящую роль, эти силы пытались подорвать революцию изнутри. 29 октября, когда в Петрограде продолжался мятеж юнкеров, а войска Керенского — Краснова двигались из Гатчины на столицу, Викжель принял резолюцию, в которой призывал создать новое, так называемое «однородное социалистическое правительство», в которое вошли бы представители всех партий «от большевиков до народных социалистов»¹. С помощью почтово-телеграфного союза, где в руководстве также преобладали меньшевики и эсеры, он разослал эту резолюцию по телеграфу с грифом «всем, всем, всем». Викжель прибегал к угрозе, заявив, что «к проведению своего решения он будет стремиться всеми имеющимися у него средствами, вплоть до прекращения всякого движения на дорогах»². «Остановка движения, — говорилось в резолюции, — наступит в 12 часов ночи сегодня, с 29 на 30 октября, если к тому времени в Петрограде и Москве боевые действия не будут прекращены».

Это был уже открытый вызов Советской власти. Было ясно, что, сделанный в чрезвычайно тревожные для нее часы, этот вызов будет немедленно поддержан всеми политическими партиями и группами, которые покинули Второй съезд Советов или вообще не участвовали в его работе. Создавалась исключительно опасная обстановка с непредсказуемыми последствиями.

29 октября состоялось заседание ЦК партии большевиков³. На нем присутствовали Винтер (Берзин), Каме-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 451; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. М.; Л., 1929. С. 145—146.

² Там же. С. 149.

³ См. там же. С. 144—147.

нев, Милютин, Рыков, Сокольников, Иоффе, Дзержинский, Свердлов, Бубнов, Урицкий. Обсуждался один вопрос: о расширении правительства и включении в его состав представителей партий, ушедших со съезда Советов, и организаций, не принимавших участия в его работе. В ходе заседания ЦК проголосовал за «расширение базы правительства», за то, что оно «создается ЦИК и перед ним ответственно» и «подтверждает декрет о мире и земле», что «ЦИК должен быть пополнен представителями ушедших со съезда партий в пропорциональном количестве» и в него «должны быть введены представители железнодорожников, почтово-телеграфного союза и других подобных организаций»¹. Таким образом, ЦК РСДРП(б) положительно отнесся к предложению Викжеля о переговорах относительно создания «однородного» социалистического правительства, делегировав на это совещание Сокольников и Каменева. Программой их действий на переговорах и должны были служить эти принятые решения.

Помимо Г. Я. Сокольникова и Л. Б. Каменева, делегированных на совещание ЦК РСДРП(б), там присутствовали также А. И. Рыков — от СНК, С. А. Лозовский — от Совета профсоюзов и Д. Б. Рязанов — от ЦИК Советов². Кроме Викжеля и большевиков в переговорах участвовали представители правых и левых эсеров, всех течений меньшевиков, «Комитета спасения родины и революции», центральных комитетов служащих государственных учреждений и почтово-телеграфных работников — всего на совещании присутствовал 71 человек³. Что касается ЦК партии народных социалистов, то они своего отдельного представителя прислать на совещание отказались, но это политическое течение входило в Викжель и в «Комитет спасения»⁴.

На заседании все политические противники большевиков изложили свои взгляды по вопросу об организации власти. И сразу, невзирая ни на какую словесную шелуху и демократически обтекаемые фразы, стало ясно, кто есть кто, кто чего хочет. Так, представитель «Комитета спасения» меньшевик С. М. Вайнштейн заявил, что пра-

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 144—145.

² См.: Минц И. И. История Великого Октября. М., 1973. Т. 3. С. 169.

³ См. там же. С. 170.

⁴ См. там же.

вительство должно быть создано без большевиков¹. Говоривший от имени ЦК правых эсеров М. Я. Гендельман призывал признать выступление большевиков в октябрьские дни авантюрой, заявлял, что его партия будет добиваться своего силой оружия². От имени меньшевиков-интернационалистов Л. Мартов предлагал, по сути дела, «растворить» Советы, сделав опорой новой власти не только их, но и органы городского самоуправления, а меньшевик Ф. И. Дан требовал непризнания Второго съезда Советов и создания правительства без большевиков³. Как всегда, колебались левые эсеры. При рассмотрении вопроса о новом правительстве представители почти всех политических сил отводили кандидатуры Ленина и Троцкого⁴.

Все различия между этими предложениями сводились только к одному — с большевиками или без них. Но все эти политические партии, группы, организации сходились в одном — вырвать власть из рук Советов и ликвидировать достижения Октябрьской революции. Принималась во внимание, думается, и позиция ряда большевиков, занимавших соглашательскую линию, не дававших отпора контрреволюционным выступлениям противников власти Советов, создававших впечатление того, что с контрреволюцией можно найти общий язык.

В итоге в этот день, 29 октября, договорились, несмотря на протесты Каменева и Сокольников, о выборе комиссии из представителей крупнейших партий и организаций с целью подготовить предложения о составе нового правительства и мерах по прекращению гражданской войны⁵. Комиссия заседала всю ночь и почти весь день 30 октября, но ни к каким результатам не пришла. От имени «Комитета спасения» меньшевик Дан изложил большевикам требования, предусматривавшие полный демонтаж советской власти⁶. Какого-либо отпора им Каменев, Рязанов и Лозовский, участвовавшие в заседании комиссии, не дали. Все трое возражали лишь против пункта о разоружении рабочих, а Рязанов и Лозов-

¹ См.: *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 3. С. 172.

² См. там же.

³ См. там же. С. 171.

⁴ См.: *Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918.* С. 156.

⁵ См.: *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 3. С. 172; *Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918.* С. 156—157.

⁶ См.: *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 3. С. 172—173.

ский выразили также и свое несогласие со вступлением войск Керенского в Петроград¹. После дебатов члены комиссии сошлись на договоренности об образовании «однородного социалистического правительства», оставив вопрос о вхождении в него большевиков открытым; было также принято решение, против которого голосовали большевики, — о заключении перемирия на три дня между сражающимися сторонами².

А кризис в рядах революционных сил все более обострялся. Вечером 1 ноября Ленин говорит о разногласиях в партии на заседании Петроградского комитета РСДРП(б) по вопросу о создании «однородного социалистического правительства»³. В этот же день позднее и в ночь на 2 ноября состоялось заседание ЦК РСДРП(б), которое обсуждало вопрос об участии большевиков-делегатов в совещании, созванном Викжелем по вопросу о создании «однородного социалистического правительства». Учитывая важность проблемы, заседание было весьма представительным. Помимо 12 членов ЦК в нем участвовали приглашенные: 5 представителей от Петроградского комитета, 1 — от Военной организации, не входившие в ЦК 3 члена правительства, Лозовский как представитель профсоюзов и Рязанов в качестве делегата от ВЦИК на совещании⁴. После доклада Каменева большинство членов ЦК, выступая в прениях, осудило поведение делегации. Выступившие на заседании ЦК Каменев, Милютин, Рыков, Рязанов говорили о необходимости продолжать переговоры⁵. Идею продолжения переговоров поддержал Свердлов, подчеркивая одновременно, что их характер должен быть «резко» изменен⁶. В принятой резолюции ЦК подчеркивал, что соглашательские партии ведут переговоры «не с целью создания объединенной советской власти, а с целью внесения раскола в среду рабочих и солдат, подрыва Советской власти и окончательного закрепления левых эсеров за политикой соглашательства с буржуазией»⁷. Одновре-

¹ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 173.

² См. там же.

³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 25.

⁴ См. там же; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 148.

⁵ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 152, 153, 154.

⁶ См. там же. С. 154.

⁷ Там же.

менно ЦК разрешил членам своей партии принять участие в последней попытке создать так называемую однородную власть.

Вечером 1 ноября на заседании ЦИК была принята большевистская резолюция о ходе переговоров. Говоря о желательности достижения соглашения социалистических партий, резолюция подчеркивала, что оно возможно на условиях признания Второго съезда Советов единственным источником власти¹. Однако Каменев, Зиновьев, Милютин, Рыков, Ларин, Рязанов и другие товарищи продолжали выступать с позиций, противоречащих решению ЦК партии. В этой связи ЦК РСДРП(б) на своем заседании вечером 2 ноября был вынужден принять резолюцию об оппозиции в руководстве партии. Ее проект был написан Лениным. В резолюции говорилось, что оппозиция внутри ЦК срывает решения съезда Советов, что уступки ультиматумам и угрозам меньшинства Советов равносильны полному отречению не только от Советской власти, но и от демократизма, что абсолютно ложны заявления, «будто большевики ни с кем не хотят разделить власти», что они готовы вернуть ушедших и признать коалицию этих ушедших в пределах Советов»².

Поздно вечером 2 ноября 1917 года открылось заседание ВЦИК, которое продолжалось и в ночь на 3 ноября. На заседании левые эсеры выступили с декларацией. Фракция левых эсеров заявляла, что «позиция, занятая большинством ЦИК в вопросе о создании общесоциалистической власти, делает образование последней невозможным, и этим толкает страну в пропасть дальнейшей гражданской войны»³. В этой связи декларация в ультимативной форме предлагала «ЦИК пересмотреть вопрос о платформе соглашения всех социалистических партий»⁴. Надо полагать, этот шаг левых эсеров диктовался и тем, что они были в курсе разногласий среди руководства большевиков по вопросу о создании правительства социалистических партий.

Заявление фракции левых эсеров вызвало замешательство среди части большевиков. Взятый слово Зиновьев огласил резолюцию ЦК РСДРП(б) от 2 ноября, но при этом подчеркнул, что фракция большевиков в

¹ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 177.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 45.

³ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 165.

⁴ Там же.

ВЦИК ее не обсуждала. Объявленный по ее просьбе перерыв был использован для обсуждения фракцией большевиков этой резолюции. И здесь события стали стремительно разворачиваться в направлении резкого обострения кризиса в ЦК РСДРП(б). Нарушив партийную дисциплину, Каменев и Зиновьев провели в большевистской фракции ВЦИК поправки к резолюции ЦК РСДРП(б) от 2 ноября, в частности по вопросам о численном и персональном представительстве большевиков в правительстве, допуске представителей городских дум в законодательные органы и другие¹. Левые эсеры приветствовали этот шаг большевистской фракции, и когда после перерыва Каменев зачитал уже резолюцию ВЦИК, в которой линия большевиков резко расходилась с резолюцией ЦК РСДРП(б) от 2 ноября, то она была принята большинством голосов.

3 ноября Ленин составляет текст заявления в ЦК партии, в котором резко критиковалась политика соглашательства и постоянных колебаний меньшинства партийного руководства. Этот документ, известный как «Ультиматум большинства ЦК РСДРП(б) меньшинству», объяснял историю вопроса и характеризовал сложившуюся в руководстве партии обстановку. Представители оппозиции, говорилось в нем, саботируют «работу партии в такой момент, когда от ближайшего исхода этой работы зависит судьба партии, судьба революции»². Обращение категорически настаивало на том, чтобы меньшинство ЦК дало бы в письменной форме ответ на вопрос, обязуется ли оно подчиняться партийной дисциплине и проводить принятую ЦК линию. При этом подчеркивалось, что, «в случае отрицательного или неопределенного ответа на этот вопрос», большинство ЦК немедленно обратится к Петроградскому и Московскому комитетам партии, большевистской фракции ЦИК, общегородской Петроградской партийной конференции и чрезвычайному съезду партии с альтернативным предложением: либо партия поручает «нынешней оппозиции сформировать новую власть» вместе со своими союзниками, либо партия одобрит линию ЦК, выраженную в его резолюцию от 2 ноября, и «предложит представителям оппозиции перенести свою дезорганизаторскую работу за пределы нашей партийной организации»³. Документ этот подписали

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 165—167.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 48.

³ Там же.

Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Иоффе, Бубнов, Сокольников, Муранов¹, и он был зачитан на заседании ЦК РСДРП(б) 4 ноября в присутствии Ленина².

Сторонники создания «однородного социалистического правительства» отвергли те претензии, которые были высказаны им в заявлении большинства ЦК РСДРП(б) на заседании 4 ноября. Более того, Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин в тот же день сами обратились с заявлением в ЦК партии, в котором подчеркивали, что будто бы руководящая группа ЦК своими действиями «твердо решила не допустить образования правительства советских партий и отстаивать чисто большевистское правительство во что бы то ни стало»³. Товарищи подчеркивали, что они не могут «нести ответственность за эту гибельную политику ЦК, проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат» и поэтому слагают с себя звание членов ЦК и выходят из его состава⁴.

В унисон этому заявлению сразу же прозвучало другое, резкое и бездоказательное, которое от имени группы наркомов Советского правительства сделал народный комиссар торговли и промышленности большевик В. Ногин. С трибуны ВЦИК он говорил: «Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий... Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров... Нести ответственность за эту политику мы не можем и поэтому слагаем с себя пред ЦИК звание народных комиссаров»⁵. Ногина поддержали нарком по внутренним делам А. Рыков, нарком земледелия В. Милютин, нарком по продовольствию И. Теодорович; к заявлению присоединился Д. Рязанов, комиссар по делам печати Н. Дербышев, комиссар государственной типографии И. Арбузов, комиссар Красной гвардии Юренев, а также ответственные работники СНК Г. Федоров и

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 164.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 32.

³ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 135.

⁴ См. там же.

⁵ Там же. С. 136.

Ю. Ларин¹. Согласился с общими оценками политического момента, данными в зачитанном Ногиным заявлении, и нарком труда А. Шляпников, но он счел «недопустимым сложение с себя ответственности и обязанностей» в тяжелый для революции период; как сообщала печать, не сложил с себя обязанностей и Юренев².

Но революция, несмотря ни на что, продолжала решать свои дела. Ленин и его сторонники по ЦК и Совнаркому подыскивают кандидатуры вместо «ушедших» наркомов, занимаются массой неотложных вопросов. На заседании ЦК РСДРП(б) 8 ноября принимается решение отстранить Каменева от председательства в ВЦИК в связи с несоответствием «между линией ЦК и большинства фракции с линией Каменева»³. Провести это решение в большевистской фракции ВЦИК поручается Троцкому, Сталину, Иоффе⁴. В тот же день ВЦИК принимает отставку Каменева, записывая в протоколе: «Тов. Каменев слагает с себя звание председателя ЦИК. Фракция левых эсеров высказывает свое сожаление. Тов. Свердлов 19 против 14 избран председателем ЦИК»⁵.

Проводя гигантскую работу по защите завоеваний Октября, Ленин и его сторонники, несмотря на то что они резко критиковали тех, кто отказался вместе с большевиками в эти тревожные дни разделить бремя ответственности за судьбы страны, постоянно стремились к консолидации в рядах революционных сил, в своих собственных рядах. Об этом свидетельствуют документы. 5—6 ноября Ленин от имени ЦК РСДРП(б) повторно письменно обращается к Л. Б. Каменеву, Г. Е. Зиновьеву, Д. Б. Рязанову и Ю. Ларину, продолжающим нарушать партийную дисциплину, с требованием подчиниться решениям ЦК и проводить его политику⁶. В те же дни он от имени ЦК обращается к партии и к трудящимся страны, разъясняя им суть той кризисной ситуации, которая сложилась в ЦК и в СНК в связи с уходом из этих ор-

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 169.

² См. там же.

³ Там же. С. 178.

⁴ См. там же.

⁵ Там же. С. 179.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 70—71; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 36; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 170.

ганов ряда видных большевиков¹. Ленин в который уже раз поясняет, что большевики предложили левым эсерам Камкову, Спиро и Карелину войти в это правительство, но последние отказались. В день опубликования этого обращения в «Правде» 7 ноября Зиновьев пишет «Письмо к товарищам». В нем он подчеркивает, что, убедившись в истинной позиции меньшевиков и эсеров, берет свое заявление о выходе из ЦК назад и обращается к своим «ближайшим единомышленникам» с предложением «воссоединиться с нашими старыми товарищами по борьбе» в это трудное и крайне ответственное время и «подчиниться партийной дисциплине»². Других подобных заявлений от вышедших из ЦК и СНК большевиков в эти дни не последовало.

Такова была та обстановка в руководстве партии и в правительстве, когда новая власть приступала к проведению в жизнь своей программы, утвержденной Вторым съездом Советов. Конечно, это накладывало отпечаток на работу правительства, на деятельность ЦК РСДРП(б), но не означало, что борьба за претворение в жизнь первых декретов Советской власти откладывалась. Это, разумеется, относилось и к Декрету о мире. Он был первым декретом Советской власти. Символично, что и первым народным комиссариатом, который был создан в Советской России, стал Народный комиссариат по иностранным делам. Его возглавил Л. Д. Бронштейн (Троцкий).

Делая все возможное, чтобы облегчить страдания измученного войной народа, вернуть миллионы солдат к мирному труду, Советское правительство понимало, что путь к миру будет чрезвычайно трудным. В речи на заседании Петроградского Совета совместно с фронтовыми представителями 4 (17) ноября Ленин подчеркивал: «Мы никогда не обещали, что войну можно кончить одним ударом, воткнув штык в землю»³. Это понимали и массы людей в тылу, солдаты в окопах. Газеты писали, как идут дела по реализации мирных инициатив Советской власти, рассказывали о положении в этой области на фронте и за рубежом. 5 ноября 1917 года «Известия ЦИК» информируют, например, что переведенный на ино-

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 171—174; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 72—76.

² Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 177.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 62.

странные языки текст Декрета о мире распространяется по всему фронту среди солдат противника, он отправлен одновременно в Стокгольм, откуда его будет распространять находящееся там Заграничное представительство РСДРП (б).

К 7 ноября военно-политическая обстановка для Советской власти стала более благоприятной. И в ночь с 7 на 8 (с 20 на 21) ноября верховному главнокомандующему генералу Н. Н. Духонину по прямому проводу и по радио направляется предписание приступить к переговорам о перемирии¹. Его подписали Ленин, Троцкий, Крыленко². «Сейчас, когда Советская власть утвердилась во всех важнейших пунктах страны,—говорилось в документе,—Совет Народных Комиссаров считает необходимым безотлагательно сделать формальное предложение перемирия всем воюющим странам, как союзным, так и находящимся с нами в враждебных действиях. Соответственное извещение послано Народным Комиссаром по Иностранным Дела́м всем полномочным представителям союзных стран в Петрограде»³. СНК поручал генералу Духонину «тотчас же по получении настоящего извещения обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров»⁴. Более того, ведение этих предварительных переговоров Совет Народных Комиссаров возлагал на генерала Духонина, приказывая ему «непрерывно докладывать Совету по прямому проводу» о ходе переговоров с представителями неприятельских армий и «подписать акт перемирия только с предварительного согласия» Советского правительства⁵.

Конечно, особого доверия к генералу Духонину Советская власть не могла иметь. Для этого, мягко говоря, были веские основания. Тем не менее, наделяя его огромными полномочиями в вопросах ведения переговоров о перемирии, она давала Духонину последний шанс послужить родине и народу. 8 (21) ноября днем Ленин присутствует на заседании ВЦИК, где обсуждается и воп-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 40; Декреты Октябрьской революции. С. 48—49.

² См. там же. С. 48.

³ Там же. С. 47.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ См.: Декреты Октябрьской революции. С. 48.

рос о мероприятиях Советского правительства в области внешней политики¹. Ответа к этому времени от Духонина еще не было.

Докладывал Троцкий, сообщивший, что 8 ноября послам союзных держав за его подписью разосланы ноты. К нотам прилагался Декрет о мире, который предлагалось рассматривать как «формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров»². Союзные державы уведомлялись также о том, что с аналогичным предложением Советское правительство обратилось «одновременно ко всем воюющим народам и их правительствам»³. Поздно вечером Ленин участвует в совещании делегатов с фронта, на котором Н. В. Крыленко информирует их о мерах, принятых Советским правительством для заключения перемирия с Германией⁴. Ответ от Духонина по-прежнему не поступал.

Уже в ночь с 8 на 9 (с 21 на 22) ноября с участием Ленина проходит совещание правительства и Военно-революционного комитета. Духонин в ставке продолжает молчать.

И тогда на заседании СНК и ВРК принимается решение уполномочить В. И. Ленина, И. В. Сталина и Н. В. Крыленко провести переговоры по прямому проводу с Н. Н. Духониным для выяснения причин невыполнения последним предписания Советского правительства⁵. В 2 часа ночи 9 ноября Ленин, Сталин и Крыленко приезжают в штаб Петроградского военного округа⁶. В результате переговоров, которые велись от лица Н. В. Крыленко, выяснилось следующее.

Ставка получила предписание СНК немедленно открыть переговоры о перемирии — 8 ноября в 5 часов 5 минут утра⁷. Из разговора стало ясно, что молчание ставки в течение суток было умышленным и явилось прямым саботажем важнейшего распоряжения Советской власти, которое касалось судеб страны и народа⁸. Раз-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 42.

² Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 17.

³ Там же.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 42.

⁵ См. там же. С. 42—43.

⁶ См. там же. С. 43.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 81.

⁸ См. там же. С. 77—80, 81—82.

говор с Духониным продолжался два с половиной часа — до четырех с половиной утра 9 ноября, и в течение всего этого времени генерал уклонялся от объяснения своего поведения, а когда ему в категорической форме было предложено «вступить немедленно в формальные переговоры о перемирии», отказался подчиниться¹. По поручению СНК Крыленко тут же заявил Духонину, что он немедленно увольняется от должности «за неповиновение предписаниям правительства», но что «под страхом ответственности по законам военного времени» он должен «продолжать ведение дела», пока в ставку не прибудет новый главком или уполномоченное им лицо для принятия дел от Духонина².

Наступало уже утро нового дня. После разговора с Духониным Ленин предлагает обратиться к солдатам с призывом брать дело мира в свои руки³. Вместе со Сталиным и Крыленко он в 4 часа 30 минут утра едет на военно-морскую радиостанцию, где составляет радиogramму всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам, всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота⁴ (идет 6-й час утра 9 ноября). От имени Совнаркома ее подписали глава Советского правительства Ленин и нарком по военным делам и верховный главнокомандующий Крыленко⁵. По словам последнего, радиogramма была отправлена в 6 часов утра 9 ноября⁶. Советское правительство заявляло: «Солдаты! Дело мира в ваших руках... Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это. О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии вправе только Совет Народных Комиссаров»⁷.

В этот же день, 9 ноября, за подписью Троцкого подготавливается заявление Наркомата иностранных дел, извещающее, что Советская власть, как она и обещала, приступает к «опубликованию секретных дипломатиче-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 81.

² См. там же. С. 80.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 43.

⁴ См.: Декреты Октябрьской революции. С. 61.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 82.

ских документов из области внешней политики царизма и буржуазно-коалиционных правительств за первые семь месяцев революции»¹. 10 ноября Ленин, Троцкий и секретарь Военно-революционного комитета С. Гусев подписывают телеграмму всем армейским организациям, военно-революционным комитетам, всем солдатам на фронте, в которой призывают их вести решительную борьбу с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело снабжения продовольствием армии и препятствующими заключению мира².

Участвуя в заседании ВЦИК 10 ноября, Ленин выступает с докладом, в котором информирует присутствующих о переговорах с Духониным. «Наша партия не заявляла никогда, что она может дать немедленный мир,— указывал Ленин.— Она говорила, что даст немедленное предложение мира и опубликует тайные договоры. И это сделано — борьба за мир начинается. Эта борьба будет трудной и упорной»³. Прямое обращение Советского правительства к солдатским массам было, разумеется, новым явлением в государственной жизни, во всей международной политике, которое не укладывалось в рамки прежних пониманий различных процессуальных моментов при практическом применении тех или иных срочных правительственных решений, не имеющих права быть отложенными. Видимо, поэтому доклад Ленина на заседании ВЦИК о переговорах с Духониным имел и своих оппонентов.

Так, большевик Г. И. Чудновский высказал сомнение в необходимости передавать дело заключения мира солдатам⁴. Он считал, что если немцы не пойдут на переговоры и нам придется продолжать с ними войну, то предложение Ленина, по его мнению, сделает невозможным для наших солдат идти в бой.

Выступил по докладу Ленина и Каменев, предложивший составить от имени ВЦИК воззвание, в котором давались бы разъяснения о том, что при передаче ведения переговоров в руки солдат заключение перемирия может быть произведено только государственной властью общероссийского масштаба⁵. Другими словами, это предложение Каменева касалось процедурных вопросов,

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 21.

² См.: Декреты Октябрьской революции. С. 73—75.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 86.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1917. 12 ноября.

⁵ См. там же.

хотя и очень важных, связанных с прерогативами СНК и ВЦИК. Каменев высказал и другое соображение. Необходимо иметь гарантии того, говорил он, что перемирие не будет использовано для переброски немцами своих войск с русского фронта против союзников. В противном случае французские, английские и итальянские рабочие могут подумать, что мы, идя на перемирие, покидаем их.

От левых эсеров на заседании выступил Левин, который от имени своей фракции высказал несогласие с той частью обращения правительства «к полкам», где они призываются к непосредственному ведению с немцами переговоров о перемирии¹.

Выступая с заключительным словом и отвечая на некоторые высказывания оппонентов, Ленин пояснил дополнительно позицию правительства во время переговоров с Духониным. Он говорил, что одного его смещения было мало, что мы в вопросе о мире вели войну с контрреволюционным генералитетом, идущим против нас, и поэтому апеллировали к солдатской массе, дав «ей право вступать в переговоры о перемирии»². При этом Ленин подчеркивал, что, проводя эту линию, большевики опирались на низовые солдатские комитеты, были уверены в их силе и способности обеспечить практическое осуществление политики мира. Решительным образом опровергал Ленин и тех, кто утверждал, будто обращение к солдатам приведет к падению дисциплины и ослабит наш фронт, если немцы вдруг перейдут в наступление³. При Духонине, говорил Ленин, «у армии не было уверенности в том, что она проводит международную политику мира», что только теперь у нее «эта уверенность есть», и мы опираемся на это чувство «организованности и самостоятельности солдатской массы»⁴.

После получения в окопах известия об обращении СНК к солдатам на различных участках фронта начались братания, установление контактов с немцами для ведения переговоров о перемирии. Уже 10 ноября на Западном фронте солдатский комитет Гренадерского корпуса 2-й армии предложил немецким частям вступить в переговоры о перемирии на участке корпуса⁵. Тогда же начались братания солдат по фронту 27-го армейского

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 12 ноября.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 87—88.

³ См. там же. С. 88.

⁴ Там же.

⁵ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 329.

корпуса¹. Взял на себя ведение переговоров о перемирии комитет 5-й армии, дислоцированной на Северном фронте.

Активные меры Советского правительства 7—10 ноября в области практического претворения в жизнь Декрета о мире, стремительность его действий вызвали ответные шаги в руководящих сферах стран обеих враждующих группировок. Какова была позиция центральных держав — Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции? Разумеется, все они откровенно враждебно встретили известия об октябрьских событиях 1917 года в Петрограде. Но война все сильнее сказывалась на державах Центрального блока. Истощались ресурсы ведущего партнера этого блока — Германии. Не лучшей была обстановка и в Австро-Венгерской монархии. Центральные державы не могли, конечно, не знать о катастрофическом положении дел в России. Их агентура имела в своем распоряжении богатейшую информацию на этот счет и беспрепятственно передавала ее по назначению. И в первую очередь их интересовала боеспособность русской армии, ее потенциальные возможности к сопротивлению. Другими словами, они стремились использовать складывающуюся в России обстановку в интересах реализации своих военных планов. Начальник германского генерального штаба Э. Людендорф напишет потом: «Положение дел на Восточном фронте позволило приступить к обмену усталых дивизий с запада на боеспособные с востока»². Видимо, немцы понимали, что рано или поздно, но на контакты с Советами по вопросу о переговорах относительно перемирия им придется пойти, тем более их заинтересованность в этом была не меньшая, чем у советской стороны. А потому и спешили с переброской войск до начала этих переговоров. События в России были «выгодны» германскому милитаризму, они в немалой степени породили в его среде надежды на победоносное окончание войны, на удовлетворение политических и экономических appetites империализма Германии как на востоке, так, разумеется, и на западе. Вместе с тем третья революция в России и пугала правящие круги Германии, они боялись заразительности ее примера для своего собственного народа.

В Германии к этому времени уже сложились две

¹ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. М., 1966. С. 33.

² *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М., 1924. Т. 2. С. 77.

группировки, каждая — со своим подходом к вопросам войны и мира. Одну во главе с самим кайзером Вильгельмом II представляли военные — главнокомандующий германской армией Гинденбург, начальник генштаба Людендорф, начальник штаба Восточного фронта генерал Гофман. Их стремление к «окончанию» войны основывалось на силе, то есть достижение «мира» они не мыслили иначе как только путем победы над врагами центральных держав. Другое направление составляли штатские — рейхсканцлер Гертлинг, министр иностранных дел Кюльман, лидер партии центра в рейхстаге Эрцбергер. И эту группировку также устраивало только такое окончание войны, которое было бы в политических и экономических интересах Германии и ее союзников. Разница заключалась лишь в том, что «штатские», имея в виду силу и опираясь на нее, внешне старались действовать «с учетом» общественного мнения за рубежом и в Германии, скрывали свои подлинные планы за общими пожеланиями, туманными фразами и якобы объективным подходом к вопросам войны и мира. И уж конечно те и другие хотели «ликвидации» Восточного фронта, равно как мечтали и о том, чтобы «пожизниться» за счет обескровленной России.

И еще на один момент обратим внимание. Разумеется, Германия стремилась убрать из-под «воздействия красной пропаганды» часть своих войск, перебрасывая их на запад. Кроме того, немцы снимали свои части и заменяли их австро-венгерскими и другими на таких участках фронта, соприкасавшихся с территориями бывшей царской России, где уже концентрировались силы контрреволюции, формировались буржуазно-националистические власти, где во главе русских армий стояли генералы — ярые противники большевиков. Это были районы Украины, Бессарабии, Крыма, Дона, Кубани, Закавказья. Вскоре здесь запылывает пламя гражданской войны, раздуваемое не в последнюю очередь и империалистами стран Центрального блока. Но германские части не снимались и не заменялись на тех направлениях, с которых кратчайшим путем можно было при случае совершить бросок на Петроград и Москву — из районов Прибалтики и Белоруссии.

Каковы же были побуждения государств Антанты? Их официальные круги вряд ли могли сразу же, как говорится, по свежим следам оценить масштабность происшедших в России событий. И поэтому, надо полагать,

первоначально их воспринимали там прежде всего под углом зрения дальнейшего ведения войны с Германией. Тем более что буржуазная печать союзных России стран, многих нейтральных государств, российская печать, враждебная Советам, уже длительное время представляли большевиков как германских агентов.

Страны Антанты, их дипломатические и военные представители в Петрограде, при ставке русских войск в Могилеве, штабах ряда армий многотысячекилометрового Восточного фронта знали о мирных предложениях Советской власти. Но делали при этом вид, как будто это их не касается. Так, 9 (22) ноября их представители в Петрограде собрались в резиденции посольства США на заседание, созванное старшиной дипломатического корпуса американским послом Френсисом, и в соответствии с позициями своих правительств приняли решение на советскую ноту... не отвечать¹.

10 ноября Троцкий от имени Советского правительства адресовался с нотами к посланникам нейтральных стран, которые не участвовали в войне,— Норвегии, Нидерландов, Испании, Швейцарии, Дании и Швеции². Они были поставлены в известность о советских нотах союзным посольствам от 8 ноября. В нотах содержалась также просьба официально довести советское предложение немедленного перемирия и открытия мирных переговоров до сведения неприятельских правительств. Наконец, Советское правительство просило представителей нейтральных стран принять все зависящее от них, чтобы ознакомить общественность своих государств с мерами, предпринятыми Советской властью в пользу мира.

10 ноября проходило заседание Петроградского Совета. Среди прочих вопросов обсуждалось и положение дел относительно советского предложения союзным странам об открытии мирных переговоров. Докладывал Сокольников³. Сообщив о принятии ноты от 8 ноября послами союзных стран, полагавшими, как сказал докладчик, что мы будем «тянуть» с вопросом о мире, Сокольников говорил об извращении советской позиции зарубежной буржуазной прессой и враждебными большевикам органами печати внутри страны, которые представляют дело таким образом, будто Советское правительст-

¹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 707; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 459.

² См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 22—23.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 11 ноября.

во обратилось к Германии с предложением о сепаратном мире. Далее докладчик возражал тем, кто предлагал по вопросу о мире дожидаться выступлений международного пролетариата, подчеркнув, что и при подготовке революции нам советовали то же самое. Союзники России были действительно шокированы взятыми Советской властью темпами по вопросу об открытии переговоров о перемирии на всех фронтах. Большевики не шутили, мобилизовывали свои силы и средства по всем направлениям. Появлялись и первые «плоды» мирного натиска Советской власти. Ряд органов печати сообщал, что уже есть первые результаты этой борьбы — немцы приостановили наступательные операции¹.

В первой половине дня 11 ноября 1917 года Ленин беседует с Крыленко и Иоффе, которых СНК уполномочил вступить в переговоры с германским командованием о перемирии². Он дает им подробные инструкции о ведении переговоров; тогда же Ленин подписывает удостоверения — Крыленко о том, что он 9 (22) ноября постановлением СНК назначен верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами Российской республики, и Н. И. Подвойскому о том, что последний является заместителем наркома по военным делам³.

А союзные державы в это время продолжали усиливать линию на открытое противодействие миролюбивому курсу Советской власти. Их особенно тревожило обращение СНК к солдатам на фронте брать дело мира в свои руки. 10 (23) ноября начальники военных миссий союзных держав при ставке заявляют Духонину, к тому времени уже смещенному Советским правительством, протест против нарушений договора от 23 августа (5 сентября) 1914 года, по которому союзные державы обязались не заключать сепаратного мира или перемирия с противником⁴. В совместной ноте Духонину, подписанной военными представителями Англии, Франции, Японии, Италии, Румынии и Сербии, последние открыто угрожали нам тяжелыми последствиями в случае любого нарушения Россией союзного договора⁵. Духонин в свою оче-

¹ См.: Буревестник. Орган федерации анархистских групп. Пг., 1917. 12 ноября.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 50.

³ См. там же.

⁴ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 331—332.

⁵ См. там же. С. 332.

редь, игнорируя, как и союзники, приказ Совнаркома о своем отстранении от должности, проинформировал о содержании полученной ноты командующих русскими армиями на фронте с целью дальнейшего оповещения войск, а затем, уже в ночь на 11 ноября, доложил об этом в Петроград в военное министерство, где продолжали заседать генералы, в основном враждебно относящиеся к Советской власти¹.

Когда Ленин инструктировал Крыленко и Иоффе, уже было известно, что советская делегация выедет на Северный фронт в район дислокации 5-й армии, игравшей передовую роль в борьбе за Советскую власть среди окопников². К тому же это была самая ближайшая к Петрограду крупная стратегическая военная единица. Было известно также и то, что еще в 6 часов утра этого дня, то есть 11 ноября, Троцкий именем СНК обратился ко всем войсковым комитетам на фронте и ко всем Советам с изложением последних данных о поведении смещенного Духонина и начальников союзных военных миссий при Ставке³. В обращении говорилось о недопустимости вмешательства во внутренние дела нашей страны союзных представителей, пытающихся «путем угроз заставить русскую армию и русский народ продолжать дальше войну во исполнение договоров, заключенных царем и подтвержденных правительствами Миллюкова — Керенского — Терещенко»⁴. Подчеркивалось также, что союзники не дают никакого ответа на советское предложение о перемирии на всех фронтах, более того, обвиняют нас в том, будто СНК предлагает сепаратное перемирие. В обращении содержался призыв к солдатам продолжать «борьбу за немедленное перемирие», выбирать делегатов для таких переговоров.

Не лучшим образом вели себя в эти дни и меньшевики с эсерами, которые вместе с теми, кто стоял за продолжение войны, вещали в печати, что немцы не хотят с нами вести какие-либо переговоры, что они наступают и наши армии буквально бегут от них. Этой ложью они сеяли тревогу в тылу, а заодно и как бы подсказывали

¹ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 334.

² См. там же, С. 329; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 50.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 12 ноября.

⁴ Там же.

немцам линию их поведения в отношении обескровленной и неспособной к сопротивлению страны¹.

Молчали по вопросу о перемирии и демократическом мире нейтральные страны, к которым Советское правительство обратилось с нотой от 10 (23) ноября. Исключение составил только представитель Испании Гаридо Циснерос, который уже на следующий день — 11 (24) ноября — дал ответ, обещая немедленно телеграфом передать советскую ноту своему правительству, чтобы оно «могло довести ее до сведения испанского народа и приложить со своей стороны все необходимые усилия, чтобы способствовать заключению мира, которого так жаждет все человечество»². За это испанский представитель поплатился — он был незамедлительно отозван своим правительством из нашей страны.

Активное противодействие продолжали оказывать советскому миролюбивому курсу и союзные державы. 11 (24) ноября в британской палате общин выступил заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Сесиль, который заявил, что его страна не признает Советское правительство как субъект международного права³. Аналогичную позицию заняла и Франция, резко отреагировавшая на смещение Духонина за отказ начать переговоры с немцами о заключении перемирия. Ф. Фош немедленно телеграфировал французской военной миссии в России, что Франция полагается на патриотизм главного русского командования и надеется, что оно откажется от переговоров с немцами и удержит русскую армию на фронте против их общего врага⁴.

После смещения Духонина и США сразу же начали проводить курс на аннулирование экономических и военных поставок, обещанных еще Временному правительству⁵. 12 ноября американский военный атташе в России бригадный генерал У. В. Джедсон довел до сведения русского генерального штаба в Петрограде документ: любые действия новой власти в Петрограде, которые, по мнению США, противоречат их интересам, приведут к

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 12 ноября.

² Известия ЦИК. 1917. 14 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 708.

³ См.: Daily Mail. 1917. 24 November; Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 19.

⁴ См.: Фош Ф. Воспоминания (война 1914—1918 гг.). М., 1939. С. 213.

⁵ См.: Гершов З. М. Вудро Вильсон. М., 1983. С. 177.

блокированию каких-либо связей между США и Россией. В документе прежде всего излагалось сообщение, появившееся в прессе США. «Американское Правительство объявило,— говорилось в печати,— что никакие отправки военных припасов или продовольствия не будут производиться в Россию до тех пор, пока положение в этой стране не выяснится. Правительство, до разрешения отправки американских продуктов, хочет знать, в чьи руки они попадут в России. Вывоз в Россию будет возобновлен только после формирования твердой власти, которая может быть признана Соединенными Штатами»¹. Далее открытым текстом, как говорится, сообщалось, что внешний курс большевиков не устраивает США: «Но если большевики останутся в обладании власти и будут проводить свою программу заключения мира с Германией, то настоящее запрещение вывоза в Россию останется в силе»². Передавая материал, У. В. Джедсон подчеркивал, что хотя ни он, ни посол Френсис не имеют на этот счет никаких инструкций из США, однако пресса правильно отражает точку зрения американского правительства, и они ждут дальнейших известий из своей страны³. Генерал сообщил также, что передаваемое им заявление согласовано с послом⁴.

12 ноября «активничал» и смещенный Духонин. Он из ставки передал фронтам телеграмму, призывая солдат соблюдать обязательства России перед союзниками продолжать войну, угрожал тем, кто приступит к мирным переговорам с немцами⁵. Более того, Духонин открыто выступил с призывом против Советской власти. «Дайте время истинной русской демократии,— взывал Духонин,— сформировать власть и правительство, и она даст нам немедленный мир совместно с союзниками...»⁶ Последний призыв проливает свет и на то, зачем и для чего в эти дни в ставку выехали или находились уже в ней такие политические и военные фигуры, как социал-шовинист эсер Н. Д. Авксентьев, лидеры правых эсеров А. Р. Гоц и В. М. Чернов, один из лидеров «революционного оборончества», меньшевик Б. О. Богданов, органи-

¹ Известия ЦИК. 1917. 14 ноября; *Миц И. И.* История Великого Октября. Т. 3. С. 332—333.

² Известия ЦИК. 1917. 14 ноября.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

⁵ См.: *Миц И. И.* История Великого Октября. Т. 3. С. 334.

⁶ Красный архив. 1927. Т. 4. С. 220.

затор и лидер кадетской партии П. Н. Миллюков, генерал М. В. Алексеев, будущий организатор и руководитель Белогвардейской Добровольческой армии¹.

Тесную связь поддерживает Духонин и с Петроградом. 13 ноября от него была получена здесь телеграмма, уведомляющая, что английский генерал Бартер предостерегает от заключения сепаратного мира с Германией, поскольку в этом случае Япония выступит против России². Печатаемая телеграмма, «Известия ЦИК» прокомментировали этот начавшийся шантаж Советской власти. Мы знаем, писала газета, что в борьбе за мир столкнемся с противодействием прежде всего союзных стран, но «русский народ, запроданный некогда царизмом, а затем коалиционным правительством Керенского в распоряжение европейских финансистов, взял свою судьбу в собственные руки и не хочет более быть слепым орудием в руках заграничного империализма»³.

Духонин спешил. Он не мог не знать о приказе № 1, изданном Крыленко после получения инструкций от Ленина (он дал их делегации перед ее поездкой на Двинский участок Северного фронта для ведения переговоров о перемирии)⁴. Этот приказ оповещал армию об отстранении его, Духонина, от должности и назначении Крыленко, который уже во второй половине дня 11 ноября выехал на фронт. За поездкой Крыленко следили все политические партии, газеты всех направлений. Все ждали результатов — одни с надеждой, другие с полным неверием в успех, третьи злобствовали и клеветали. Но информацию об этой поездке печатали все. Делегация выехала в составе главнокомандующего Крыленко, члена ЦК РСДРП(б) А. М. Коллонтай, секретаря Военной организации при ЦК партии большевиков Е. Ф. Розмирович (Трояновская)⁵.

11 ноября, в субботу, в 20 часов вечера делегация была уже в Пскове и немедленно приступила к работе⁶. Неявившийся на вызов Крыленко командующий Северным фронтом генерал В. А. Черемисов был тут же отстранен от должности. Одновременно Крыленко отстранил и Шубина, комиссара бывшего Временного прави-

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 12 ноября.

² См. там же. 14 ноября.

³ Там же.

⁴ См.: Мицц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 329.

⁵ См. там же.

⁶ См.: Буревестник. Орган федерации анархических групп. Пг., 1917. № 3. 14 ноября.

тельства на Северном фронте, и назначил на его место большевика Б. П. Позерна. В Пскове Крыленко разговаривал с делегацией 12-го финляндского полка, расквартированного в городе. Убедившись, что гарнизон Пскова находится на стороне Советской власти и поддерживает декрет о мире, Крыленко и его спутники в 1 час ночи, то есть уже 12 ноября, выехали в направлении Двинска, куда прибыли в 9 часов утра. Надо полагать, что Духонин имел полное представление о маршруте движения делегации во главе с Крыленко, который в конечном итоге двинулся курсом на Ставку.

В Двинске Крыленко встречали как главкома делегаты комитета 5-й армии; во главе этого комитета стоял большевик Э. М. Склянский¹. И здесь командующий армией генерал В. Г. Болдырев проигнорировал вызовы Крыленко, за что был также отстранен от должности и взят под арест.

Далее события развивались следующим образом². Отсюда, из Двинска, в 11 часов утра 13 (26) ноября 1917 года Крыленко именем СНК отдал распоряжение послать парламентаров на фронт для установления контактов с германским командованием на предмет ведения переговоров о перемирии. Парламентарями были: поручик 9-го Гусарского Киевского полка Владимир Шнеур, члены комитета 5-й армии — военный врач Михаил Сагалович и вольноопределяющийся Георгий Мерен. Они должны были обратиться к германскому командованию на том участке, где их примут, с просьбой запросить высшее командование германской армии, «согласно ли оно прислать своих уполномоченных для открытия немедленных переговоров об установлении перемирия на всех фронтах воюющих стран в целях начатия затем мирных переговоров»?³ Таким образом, с самого начала Советская власть ставила вопрос отнюдь не о сепаратных переговорах с немцами. В случае положительного ответа со стороны высшего командования германской армии нашим парламентарам поручалось установить место и время для встречи уполномоченных представителей воюющих стран.

В 12 часов 20 минут дня парламентары, получив необходимые указания и полномочия, выехали из Двинска

¹ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 330.

² См. там же. С. 330—331; Известия ЦИК. 1917. 15 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 25—28.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 25—28.

на фронт в распоряжение 19-го армейского корпуса. В 15 часов 50 минут они прибыли на передовую линию на участок Московского пехотного полка, где в 16 часов 20 минут вышли из окопа с белым флагом и трубачом и двинулись в направлении германских окопов. В трехстах шагах от них, у немецких проволочных заграждений, их встретили германские офицеры, которые в 17 часов доставили наших парламентаров с повязками на глазах в штаб своего батальона, занимавшего этот участок фронта. В 17 часов 40 минут письменные полномочия парламентаров, полученные ими от Крыленко, были переданы двум германским офицерам, прибывшим с этой целью из штаба дивизии. Все переговоры велись на французском языке.

А далее советское мирное предложение с немецкой точностью пошло по инстанциям: штаб дивизии — штаб командования Восточным фронтом — ставка верховного германского командования. Самих же парламентаров на автомобиле в 18 часов 20 минут доставили в распоряжение дивизии, где их официально принял ее командир генерал-лейтенант фон Гофмейстер вместе с чинами своего штаба. Он-то и объявил парламентарам, что их полномочия признаны действительными, а советские предложения переданы высшему германскому командованию, ответ от которого, по мнению генерала Гофмейстера, может быть получен через 24 часа.

Судя по приказу Крыленко по армии и флоту № 2, датированному 13 ноября, он был в курсе, как развиваются события у наших парламентаров. В этом приказе, в частности, говорилось, что наши парламентары перешли линию фронта на участке 5-й армии и что ответ на наши предложения немецкая сторона обещала дать в 20 часов 14 ноября¹.

Но, видимо, немецкой стороне была очень нужна ясность в вопросе о мирных переговорах. Во всяком случае, уже в 19 часов 50 минут 13 ноября был получен первый предварительный ответ от верховного германского командования, в котором давалось согласие вести переговоры о перемирии на принципах, изложенных в советском предложении, переданном Крыленко через парламентаров немецкой стороне. При этом германская сторона предоставляла генералу Гофмейстеру право вме-

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 15 ноября.

сте с нашими парламентарями договориться о деталях следующей встречи представителей воюющих сторон. После обмена мнениями между сторонами, который шел на русском, немецком и французском языках, и новых контактов генерала Гофмейстера по прямому проводу со своим верховным командованием нашим парламентарям был дан письменный ответ на немецком языке. В нем помимо согласия в принципе на ведение переговоров о перемирии оговаривались их конкретные организационные и технические детали: вопросы транспорта, связи, времени, места и т. д. и т. п.

Этот письменный ответ немецкой стороны был дан уже глубокой ночью — в 00 часов 20 минут 14 ноября. Встреча сторон была назначена на 19 ноября (2 декабря) в 12 часов дня по средневропейскому времени¹ в городе Брест-Литовске, где располагалась ставка главнокомандующего Восточным фронтом германской армии, то есть на территории России, занятой к этому времени войсками противника. Постановление об этом обе стороны подписали в 1 час 13 минут ночи. Тогда же нашим парламентарям было заявлено, что германское верховное командование отдало приказ о прекращении стрельбы на фронте, если таковая не будет вызываться противником, и братания впредь до окончания переговоров.

В 8 часов утра 14 ноября наших парламентарей с завязанными глазами отвезли на тот участок фронта, на котором они были приняты немецкой стороной, и в 11 часов 30 минут дня делегация благополучно возвратилась на свою сторону. В Двинск она прибыла во второй половине дня. В приказе Крыленко по армии и флоту № 3, изданном в тот же день, сообщалось, что 14 ноября в 16 часов 15 минут наши парламентары привезли согласие немцев на переговоры о перемирии². В связи с этим Крыленко отдал распоряжение: «Предписываю немедленно приостановить перестрелку и братание на всем фронте. Необходима усиленная бдительность по отношению к противнику. Боевые действия предпринимать лишь в ответ на боевые действия противника»³.

¹ При дальнейшем изложении время, указываемое для Брест-Литовска, будет на два часа меньше, чем в Петрограде.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 15 ноября.

³ Там же.

Глава II

КОГДА ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО

В официальном ответе нашей делегации германского верховного командования, дававшего согласие вести переговоры о заключении перемирия, в 5-м пункте говорилось, что «день и час встречи обеих комиссий может быть назначен русским Верховным Главнокомандующим»¹. По предложению советской стороны начало переговоров отсрочивалось на пять дней, то есть до 19 ноября (2 декабря). Почему Советская власть предложила отложить начало общих переговоров, — а именно о них, об «общих» переговорах, постоянно вела речь советская сторона, — на пять дней?

Прежде всего потому, что вся враждебная большевикам пропаганда продолжала вести клеветническую кампанию, обвиняя Советскую власть в попытках сговориться с кайзеровской Германией за спиной союзных держав. Информационные средства стран Антанты, их различные представители на всех уровнях усиленно поддерживали эту версию. Они преследовали при этом двоякую цель: либо удержать Россию на своей стороне и заставить ее продолжать войну против Германии, либо свое нежелание ответить на мирные призывы Советской власти прикрыть шумихой об измене России своему союзническому долгу. По-прежнему игнорируя тот факт, что Духонин смещен СНК и объявлен врагом народа², союзные державы в лице США и Франции предприняли 14 ноября еще один демарш.

Как известно, подписи США не было под нотой протеста союзных военных миссий, переданной Духонину 10 ноября. 14 ноября военный представитель США при

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 28.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 15 ноября.

Ставке подполковник М. Керт вручил Духонину официальное заявление. Ссылаясь на указание своего правительства, переданном ему американским послом, М. Керт доводил до сведения Духонина, что США и Россия вместе ведут войну против Германии и поэтому, подчеркивал он, «мое Правительство определено и энергично протестует против всякого сепаратного перемирия, могущего быть заключенным Россией»¹.

В тот же день Духонину было передано письмо начальника французской военной миссии генерала Ж. Лаверня, в котором заявлялось официально, в частности, следующее: «Франция не признает власти Народных Комиссаров. Доверяя патриотизму русского верховного командования, она рассчитывает на его твердое намерение отклонить всякие преступные переговоры и держать в дальнейшем русскую армию лицом к общему врагу»². В письме также подчеркивалось, что «вопрос о перемирии является вопросом правительственным, обсуждение которого не может иметь места без предварительного запроса союзных правительств, и что вследствие этого никакое правительство не имеет права обсуждать самостоятельно вопросов о перемирии и мире»³.

Этот заключительный аккорд французского письма еще раз свидетельствует о том, насколько предусмотрительно поступило Советское правительство, отложив начало переговоров в Брест-Литовске на пять дней. Надо было перекрыть противникам переговоров о перемирии все каналы, которыми они могли бы воспользоваться для обвинения большевиков в сепаратном сговоре с Германией. Вот почему после получения известий из Двинска о согласии немецкой стороны на переговоры Советское правительство в тот же день, вечером 14 ноября, обращается к правительствам и народам воюющих стран с предложением присоединиться к переговорам о перемирии, назначенным на 19 ноября⁴. Обращение подписывают Л. Троцкий, В. Ульянов (Н. Ленин).

В документе подчеркивалось, что военные действия на русском фронте приостановлены, но никакие перемеще-

¹ Известия ЦИК. 1917. 18 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 33.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Правда. 1917. 15 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 28—30; Декреты Октябрьской революции. С. 97—100; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 58—59.

ния войск в течение пяти дней не должны иметь места ни с чьей стороны. Другими словами, Советская власть заявляла, что в своих действиях, направленных к миру, она учитывает и интересы союзных стран.

Подчеркивая историческую важность момента, не терпящего оттяжек и всевозможных канцелярских уверток, Совнарком прямо ставил вопрос: мы спрашиваем перед лицом их собственных народов и перед лицом всего мира, согласны ли вместе с нами приступить к мирным переговорам правительства наших союзников — Франции, Великобритании, Италии, Соединенных Штатов, Бельгии, Сербии, Румынии, Японии, Китая? Мы требуем ответа и от рабочих партий союзных стран — хотят ли они открытия мирных переговоров?

Документ обращался и к рабочим массам Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Советская власть не строила себе иллюзий, когда шла на контакты по вопросу о перемирии с Германией, она знала, с кем имеет дело, и в борьбе за мир очень надеялась на поддержку пролетариата стран Четверного союза, прежде всего, конечно, германского рабочего класса.

Разумеется, она надеялась и на поддержку и помощь народов союзных стран в борьбе за мир. И в этой связи в документе ставился вопрос: выражает ли дипломатия союзных стран мысли и стремления своих народов, согласны ли последние позволить дипломатии упустить великую возможность мира, открытую русской революцией? В заключение обращения Советское правительство заявляло: «Русская армия и русский народ не могут и не хотят дольше ждать... Если союзные народы не пришлют своих представителей, мы будем вести с немцами переговоры одни. Но если буржуазия союзных стран вынудит нас заключить сепаратный мир, ответственность падет целиком на нее».

Прошли только сутки, как немцы дали согласие на переговоры о перемирии, а Ленин уже пишет письмо генерал-майору С. И. Одинцову, который сразу же после Октябрьской социалистической революции добровольно стал служить Советской власти. Ленин обращается к нему 15 (28) ноября. Напомнив Одинцову, что он ранее предложил организовать группу штабных офицеров и генералов из числа квалифицированных военных специалистов, желающих заняться разработкой военно-технических вопросов перемирия, «которое бы позволило России, не нарушая ее интересов, получить приостановку воен-

ных действий», Ленин подчеркивал: «Я очень просил бы Вас, ввиду крайней спешности этого вопроса, собрать завтра же с утра Вашу группу и прислать мне завтра вечером хотя бы краткий конспект основных вопросов, пунктов и соображений договора о перемирии (определение линии фронта, условие о неотводе войска на другие фронты, меры контроля и так далее и т. п.), а также указать лицо или лица, которые могли бы, с полным знанием дела, участвовать непосредственно в переговорах»¹.

А Духонин и его окружение через Ставку продолжают общение с представителями военных миссий союзников. 15 ноября генерал заверяет их, что до решения вопроса о перемирии и мире, а это может сделать только «полномочная центральная власть», которая признавалась бы союзными державами, он, Духонин, примет все меры, чтобы война продолжалась².

Задиристый тон Духонина был вызван, конечно, и поддержкой, которую он постоянно ощущал со стороны военных представителей союзных держав в России, и, надо полагать, также и тем, что он знал не только об открывающейся 16 (29) ноября в Париже межсоюзной конференции, но и имел представление о той обстановке, в которой она готовилась. А намечена она была еще до социалистической революции в России, которая, безусловно, спутала все карты ее устроителям. Уже накануне открытия конференции началась обработка общественного мнения в союзных державах. О нарушении Россией своего обязательства не вступать в сепаратные переговоры о мире писала парижская буржуазная пресса³. В день открытия конференции английская печать призвала оказать поддержку Украинской Центральной раде, Каледину. Так, газета «Таймс» писала: «Игра не потеряна, она проиграна пока только наполовину... Для союзников весьма важно всеми возможными средствами связаться со всеми этими лояльными элементами... предоставив всякого рода поддержку всем тем, кто считает священными обязательства России»⁴.

В этих условиях ожидать, что открывшаяся 16 ноября в Париже межсоюзная конференция хоть мало-мальски выскажется позитивно в отношении миролюбивых предложений и призывов Советской власти, не приходилось.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 6—7.

² См.: Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 35.

³ См.: Temps. 1917. 26 (13). XI.

⁴ Times. 1917. 29 (16). XI.

В самом деле, среди более полутора десятка стран, представленных на конференции, были Либерия и Сиа́м, но не было России, которую союзные державы сами таким образом исключили из числа государств, воюющих с Германией. Вскоре, видимо, спохватившись, они пригласили на конференцию посла бывшего Временного правительства в Париже В. А. Маклакова, да и то в качестве неофициального представителя, поскольку никаких полномочий он не имел. Кстати, Маклаков, «застряв» в Париже, в годы гражданской войны представлял там «правительства» Деникина, Колчака, Юденича.

Союзные державы не отвечали на обращение Советского правительства, призывавшего их присоединиться к мирным переговорам. Правда, английская сторона 16 ноября, то есть в день открытия межсоюзной конференции в Париже, посредством своего посла в Петрограде сделала неуклюжую попытку оправдать свое молчание, ссылаясь на то, что союзников при решении вопроса о мирных переговорах поставили, дескать, «перед уже совершившимся фактом, в предварительное обсуждение которого с ними не вступали»¹. В ответ тут же последовало разъяснение Наркомата иностранных дел, в котором особо подчеркивалось: «Открытое предложение немедленного перемирия всем народам — союзным и враждебным — было сделано Вторым Всероссийским Съездом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов 26 октября»².

На следующий день, 17 (30) ноября, за подписью Троцкого было опубликовано повторное предложение союзникам присоединиться к мирным переговорам. В нем они еще раз через советскую печать извещались: «Военные действия на русском фронте приостановлены. Прелиминарные переговоры начнутся 19 ноября — 2 декабря. Совет Народных Комиссаров как раньше, так и теперь считает необходимым единовременное ведение переговоров вместе со всеми союзниками в целях достижения скорейшего перемирия на всех фронтах и обеспечения всеобщего демократического мира. Союзные правительства и их дипломатические представители в России сообразуют ответить, желают ли они принять участие в переговорах, открывающихся 2-го декабря в 5 часов дня».

¹ Известия ЦИК. 1917. 18 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 30—31.

² Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 30—31.

Одновременно Советское правительство не могло оставить без внимания уже имевшее место вмешательство союзных держав в дела России и в его суверенные права. 18 ноября (1 декабря) публикуется официальное заявление внешнеполитического ведомства нашей страны по поводу обращения М. Керта и Ж. Лаверня «с официальными документами» к смещенному за неповиновение Советской власти Духонину; авторы обращения позволили себе призывать Духонина «вести политику, прямо противоположную той, какую ведет» Совнарком «в полном согласии» с решениями Второго съезда Советов¹. В советском заявлении подчеркивалось: «Такое положение не может быть терпимо. Никто не требует от нынешних союзных дипломатов признания Советской власти. Но в то же время Советская власть, ответственная за судьбы страны, не может допустить, чтобы союзные дипломатические и военные агенты, во имя тех или других целей, вмешивались во внутреннюю жизнь нашей страны и пытались разжигать гражданские войны»².

Накануне открытия переговоров, 18 ноября (1 декабря), Ленин беседует с А. А. Иоффе перед его отъездом в Брест-Литовск в качестве председателя советской делегации, говорит о нашей позиции на этих переговорах, дает соответствующие указания на этот счет³. Продолжавший свои заседания в Петрограде Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов утвердил кандидатуры от левых эсеров в состав советской делегации: С. Д. Мстиславский, А. А. Биценко и Р. И. Сташков⁴.

18 ноября в печати за подписью Троцкого публикуется официальный текст радиограммы Советского правительства правительству Австро-Венгрии. В ней говорилось о том, что министр иностранных дел Австро-Венгрии известил нас о согласии его страны приступить 19 ноября к переговорам о перемирии, что это сообщение будет немедленно доведено «до сведения русского народа, а также союзных народов и их правительств», а на переговоры будет послана «делегация Совета Народных Ко-

¹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 33.

² Там же; Известия ЦИК. 1917. 18 ноября.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 69.

⁴ См.: Буревестник. 1917. 21 ноября; Известия ЦИК. 1917. 21 ноября.

миссаров»¹. На следующий день печать сообщила, что и германский канцлер Гертлинг находит наши предложения приемлемыми для открытия переговоров². С такими же заявлениями выступили Болгария и Турция³.

18 ноября Троцкого в Смольном посетил американский генерал У. В. Джедсон. Беседа была весьма любопытной, и в ходе ее военный представитель США вновь демонстрировал, правда в очень изысканных дипломатических выражениях, отрицательное отношение своей страны к советским мирным предложениям, да и вообще к новой власти в России⁴. Во время визита Джедсон сказал Троцкому, что пока он не имеет известий от своего правительства по вопросу о признании Советской власти, однако счел необходимым посетить Смольный, дабы прояснить кое-что и рассеять возникшее между сторонами недоверие. «Время протестов и угроз по адресу Советской власти прошло,— подчеркивал генерал, явно желая сгладить у Советской власти отрицательное впечатление в связи с американским демаршем в ставке перед Духоным,— если вообще это время существовало»⁵. И тут же поинтересовался, можно ли инцидент, связанный с протестом американской военной миссии, считать исчерпанным. Троцкий ответил, что формальная сторона дела не представляет интереса и может считаться исчерпанной заявлением Джедсона — «время угроз и протестов по адресу Советской власти прошло»⁶.

Американский генерал сказал также Троцкому, и, думается, в этом заключалась главная цель его визита в Смольный, что союзники вряд ли 19 ноября смогут начать переговоры. На это Троцкий ответил: мы будем делать все гласно, и союзные державы могут присоединиться на следующем этапе переговоров⁷. Это была, так сказать, неофициальная попытка обращения к благоразумию союзных держав. Начиная переговоры, Советская власть для всех держала двери открытыми.

Наступило 19 ноября, обусловленный день открытия

¹ Известия ЦИК. 1917. 18 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 32.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 19 ноября.

³ См.: *Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны.* М., 1959. С. 115.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1917. 19 ноября.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

переговоров о перемирии. И начинались они под несмолкаемый аккомпанемент обвинений Советской власти и большевиков во всевозможных мыслимых и немыслимых грехах. Но лейтмотив при этом был один — предательство интересов родины и народа, измена союзническому долгу. «Дело сделано,— писал 19 ноября один из периферийных органов кадетской партии.— Большевики могут торжествовать. Немецкие деньги взяты не даром. Россия не только изменила своим союзникам, не только предала европейскую демократию реакционному хищнику, но для высшего торжества этого хищника пошла через своих уполномоченных умолять торжествующего победителя о мире, очевидно «похабном»¹. Здесь кадетский орган воспользовался словом, которое впервые употребил большевик Чудновский в своем выступлении на заседании ВЦИК 10 ноября 1917 года².

Итак, советская делегация 18 ноября (1 декабря) выехала поездом в Брест-Литовск³. Делегация была очень представительной, и в то же время ее состав отражал глубокий демократизм Советской власти и те гуманистические цели, которые преследовала наша страна, начиная переговоры с державами Четверного союза. Первоначально состав нашей делегации был намечен в 15 человек, но затем она была значительно увеличена. В состав делегации в итоге вошло 28 человек⁴. Персонально и, так сказать, по тем обязанностям, которые все они должны были выполнять в составе делегации на переговорах о перемирии, это были следующие товарищи⁵.

В качестве уполномоченных — членов ВЦИК в делегации было 9 человек: Иоффе Адольф Абрамович (председатель делегации), Каменев Лев Борисович, Сокольников Григорий Яковлевич, Биценко Анастасия Александровна, Масловский Сергей Дмитриевич, Олич Федор Владимирович (матрос), Беляков Николай Кузьмич (солдат), Сташков Роман Илларионович (крестьянин), Обухов Павел Андреевич (рабочий)⁶. Последний — москвич⁷.

¹ См.: Астраханский вестник. 1917. 19 ноября.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 87.

³ См.: Сорин Вл. Ленин в дни Бреста. М., 1936. С. 5.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1917. 26 ноября; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 44.

⁵ См.: Известия ЦИК. 1917. 26 ноября; *Миц И. И.* История Великого Октября. Т. 3. С. 348; *Чубарьян А. О.* Брестский мир. М., 1964. С. 87.

⁶ См.: Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

⁷ См.: *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 115.

Первые пять членов делегации были видными деятелями в своих партиях: Иоффе, Каменев и Сокольников — в РСДРП(б), Биценко и Масловский — в партии левых эсеров. Четверо других как бы олицетворяли силы, бывшие ведущими при свершении социалистической революции: рабочий, крестьянин, солдат и матрос. Коротко скажем здесь об одном из видных деятелей партии левых эсеров, Масловском С. Д. Это его настоящая фамилия, а как политический деятель он больше известен под псевдонимом Мстиславского. Под этой фамилией он напишет в дальнейшем интересную книгу из истории революционного движения в России, посвященную Н. Э. Бауману, — «Грач, птица весенняя».

Далее в состав делегации входили так называемые «члены военной консультации» — девять крупных военных специалистов из числа офицеров бывшей царской армии, которые с установлением Советской власти отнеслись к ней более или менее лояльно. Старшим среди них был контр-адмирал Альтфатер Василий Михайлович¹. В составе военных консультантов были также капитан 1-го ранга Доливо-Добровольский Борис Иосифович, полковники Шишкин Владимир Иванович и Станиславский Андрей Васильевич, подполковники Мороз Феликс Антонович, Берендс Константин Юльевич, Сухов Василий Гаврилович, Фокке Д. Григорьевич, Ведин Карл Янович. В дальнейшем все они пошли служить в Красную Армию. Газеты писали, что всем включенным в делегацию военным консультантам «вменено в обязанность во время ведения переговоров отстаивать интересы русской армии и наших союзников с чисто военно-технической точки зрения»².

Десять человек входили в состав служебного персонала — «состоящие при делегации». Это — секретарь делегации Карахан Лев Михайлович, переводчики Соколов Владимир Петрович, поручик Щуровский Андрей Владимирович и Штукольдт, юзисты (телеграфисты) Герберсон Карл Антонович, Иванов Василий Петрович и Артарьян Иван Павлович, переписчик Войшвилло Бронислав Иосифович, ординарцы Иванов и Коршунов.

19 ноября в 11 часов утра советская делегация прибыла в Двинск. Мы оставим ее на некоторое время здесь и обратимся к другой крайне важной акции, которую в

¹ См.: *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988. С. 59.

² Известия ЦИК. 1917. 21 ноября.

этот день начала проводить Советская власть. Чтобы способствовать более успешному ведению переговоров о перемирии, надо было покончить с контрреволюционной ставкой в Могилеве, революционным путем прекратить ее существование, вносящее определенную двусмысленность в военную политику новой власти. И этот час настал.

Среди солдатских масс, особенно ближайших к Ставке Северного и Западного фронтов, равно как и солдат гарнизона Могилева, нарастало возмущение ее политикой, попытками затягивать решение вопросов войны и мира. Это недовольство имело вполне конкретный адрес — Духонин, открытое неповиновение которого распоряжениям СНК могло плохо закончиться для генерала. Советская власть не хотела кровопролития и сделала все необходимое, чтобы быстро и безболезненно решить вопрос о ликвидации контрреволюционной Ставки в Могилеве. По распоряжению СНК из Петрограда и со стороны Западного фронта на Могилев направлялись революционные отряды моряков и солдат. Все они были под общим командованием Н. В. Крыленко, который 19 ноября находился в Орше¹. Могилев и расположенная в нем Ставка брались в клещи. В 4 часа утра 19 ноября в Ставку прибыл от Крыленко состоявший при нем генерал С. И. Одинцов². После переговоров с генералами — сторонниками подчинения Ставки Советской власти выяснилось, что гарнизон города и охрана Ставки не будут оказывать сопротивления двигавшимся к Могилеву революционным силам. Дело в том, что в часы, когда Одинцов вел переговоры с военными Ставки, в городе произошли важные события. Могилевский Совет, преодолев сопротивление соглашателей, вынес постановление об избрании Военно-революционного комитета, который взял всю власть в городе и контроль над Ставкой в свои руки³. В своем первом же сообщении Военно-революционный комитет подчеркивал: «Всякая попытка нарушения спокойствия будет подавлена революционными мерами»⁴. Генерал Духонин был взят под домашний арест, но с исполнением служебных обязанностей до прибытия Крыленко⁵.

¹ См.: *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. С. 56.

² См. там же. С. 56—58.

³ См.: *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 3. С. 389.

⁴ Там же.

⁵ См. там же.

На следующий день, 20 ноября, в 10 часов утра верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко во главе революционных войск и со своим личным штабом прибыл в Могилев и немедленно направился в Ставку для вступления в должность»¹.

Духонин, конечно, не мог не понимать, что дело сил, стоящих за ним и использовавших его положение, проиграно. Понял он, видимо, и бессмысленность дальнейшего сопротивления. Во всяком случае, Духонин не предпринимал в этом плане больше никаких активных действий накануне вступления в Могилев революционных войск во главе с Крыленко. Но признать новую власть он так и не смог, а в частных беседах не раз говорил, что не является противником переговоров о мире, но только не от имени большевиков². Более того, накануне прибытия Крыленко он направил в Старый Быхов, где под арестом содержались Корнилов и его единомышленники, предписание об освобождении их из-под стражи³. Духонин, конечно, воспользовался и беспечностью Военно-революционного комитета Могилева, который, взяв под охрану революционных войск Ставку, не сделал этого же в отношении Старого Быхова. В результате Корнилов в сопровождении верного ему отряда текинских конников, а также генералы Деникин, Марков, Орлов и другие бежали на юг, где немедленно занялись организацией похода против Советской власти.

Известие о бегстве генералов начало быстро распространяться по городу. В этот момент Крыленко и прибыл в Ставку, где ему тотчас сообщили, что поезд Духонина, на котором последнего должны были отправить в центр, окружен толпой, среди которой было много матросов. Кстати, и поезд Духонина охраняли матросы с «Авроры». Крыленко и сопровождающие его лица немедленно направились к составу. Здесь Крыленко произнес речь, убеждая людей отказаться от самосуда. Сначала они разошлись, но через короткий промежуток времени, когда, видимо, получили сведения о бегстве контрреволюционных генералов из Старого Быхова, стали вновь собираться у поезда, требуя немедленной выдачи им Духонина. Напрасно Крыленко увещевал их, заявляя, что он сам сию же минуту разжалует Духонина и отдаст им

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 22 ноября.

² См.: Волковичер И. Брестский мир. М., Л., 1928. С. 12—13.

³ См.: Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. С. 58.

его погоны. Крыленко, люди его штаба, генерал Одинцов, матросы с «Авроры» с риском для жизни защищали Духонина от самосуда разъяренной вооруженной толпы. Она смяла их и обезоружила, ворвалась в вагон и выбросила оттуда Духонина на штыки. После этого убитого генерала положили обратно в вагон и толпа разошлась. Никаких эксцессов больше не было. Так закончил свою жизнь генерал Духонин¹. 20 ноября Крыленко издал приказ, в котором сообщал: «Ставка сдалась без боя. Последнее препятствие делу мира пало. Не могу умолчать о печальном факте самосуда над бывшим Главкововерхом генералом Духониным. Народная ненависть слишком накалилась. Несмотря на все попытки спасти его, он был вырван из вагона на ст. Могилев и убит. Бегство ген. Корнилова накануне падения Ставки было причиной эксцесса»².

А теперь вновь вернемся к нашей делегации, ехавшей в Брест-Литовск и, как мы сказали, 19 ноября в 11 часов утра прибывшей в Двинск. Там в это время проходил чрезвычайный съезд 5-й армии. Председатель армейского комитета Склянский сообщал, что участники съезда тепло встретили приглашенных товарищей из состава делегации — Каменева, Сокольников, Биценко, Мстиславского, а также Обухова, Сташкова, Олича и Белякова³. Некоторые из них выступили на съезде. Каменев, говоря о тех, кто упрекает Советскую власть за то, что она начинает переговоры не с народом, а с генералами, подчеркивал: «Мы надеемся, что через головы генералов весть о мире дойдет до солдат, рабочих и крестьян Германии, и тогда мы уверены, что, если им придется выбирать между политикой своих генералов и братским предложением русского народа, они подадут нам руку через голову своего правительства»⁴.

Огромный энтузиазм масс, их революционный порыв, готовность сокрушить любые преграды, стоящие на пути заключения мира, и покончить с ненавистной войной — это захватывало всех и, конечно, находило отражение в выступлениях политических деятелей.

После выступлений на армейском съезде делегация в 14 часов 19 ноября поездом отбыла на 514-ю версту

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 22 ноября; Бердянская жизнь. 1917. 23 ноября; Амурский лиман. 1917. 26 ноября.

² Известия ЦИК. 1917. 21 ноября.

³ См. там же.

⁴ Там же.

Северо-Западной железной дороги и в 16 часов 30 минут того же дня прибыла в зону, где должна была по договоренности произойти встреча с немецкими представителями¹. Через несколько дней, 24 ноября, член делегации Мстиславский, выступая на съезде партии левых эсеров, расскажет присутствующим², что советская делегация с красным флагом пересекла линию наших окопов и двинулась по направлению к нейтральной зоне. Навстречу ей с белым флажком вышли немцы, встреча с которыми произошла в 17 часов 30 минут³. Германский офицер сделал «переключку» членов нашей делегации по врученному ему списку⁴. Далее делегация, перейдя со встретившими ее лицами линию немецких окопов, которые, несмотря на дожди, были сухими и хорошо обустроенными, была размещена в двух вагонах с паровозом и по узкоколейке доставлена на ближайшую станцию, откуда в тот же день в 22 часа выехала в Брест, куда прибыла в 12 часов дня 20 ноября⁵. На брестском вокзале делегацию встретил комендант германской ставки Восточного фронта. Публика на вокзале была изолирована. После взаимных приветствий членов делегации на автомобилях в сопровождении германских офицеров доставили в цитадель, где были приготовлены помещения. С немецкой аккуратностью у каждого советского делегата в комнате были разложены письменные принадлежности — по 5 листов линованной и белой бумаги, по 5 конвертов, по 1 черному карандашу и 1 чернильному, по 1 ручке, по 2 пачки папирос и по коробку спичек⁶. На умывальниках лежало по куску туалетного мыла и висело по 2 полотенца.

И еще отметим один момент. При встрече на вокзале наших товарищей предупредили о желательности того, чтобы их прогулки не выходили за пределы территории, связывающей между собой места проживания членов делегации, а также с залом заседания конференции. Правда, потом делегации предоставили возможность на автомашинах в сопровождении германских офицеров посмотреть город, и те, кто воспользовался этим, говорили, что город сильно пострадал от стрельбы и пожаров.

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 21 ноября; Бердянская жизнь. 1917. 24 ноября.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 27 ноября.

³ См. там же. 21 и 27 ноября.

⁴ См. там же. 28 ноября.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же.

Выезжая на переговоры, советская делегация уже имела, так сказать, солидную «материальную основу» для их ведения. Мы имеем в виду «солдатские миры», которые в эти дни заключались на различных участках фронта. Так, 14 ноября на Западном фронте было достигнуто соглашение между представителями 67-й русской и 31-й германской пехотными дивизиями, при этом обе стороны обязались «озаботиться о дальнейшем распространении прекращения военных действий в соседних участках»¹. В этот же день было подписано перемирие между Военно-революционным комитетом Северного фронта и противостоящими частями немецкой армии². 15 ноября прекратились военные действия с противником на участках Гренадерской дивизии 2-й армии и 15-го армейского корпуса на Западном фронте, 11-го корпуса на Румынском фронте, 32-й дивизии на Юго-Западном фронте³. 18 ноября был подписан протокол о прекращении военных действий с противником на участке Особой армии на Юго-Западном фронте⁴. 19 ноября была достигнута договоренность о перемирии на участке 3-го кавказского корпуса на Кавказском фронте⁵. 20 ноября прекратила военные действия 11-я армия на Юго-Западном фронте⁶. 21 ноября наступило по взаимной договоренности замирение на всем протяжении Западного фронта⁷.

Советское правительство понимало, что это непреодолимое движение солдатских масс к миру необходимо ввести в русло общих принципиальных положений своей политики. Одновременно надо было помочь советской делегации в Брест-Литовске решать поставленные перед ней задачи. Вместе с тем необходимо было позаботиться и об интересах стран Антанты, не давать ни их правящим кругам, ни каким-либо внешним и внутренним недругам большевиков поводов для обвинения Советской власти в нарушении союзнического долга. Именно

¹ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 23 ноября; Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 410.

² См.: Темкин Я. Большевики в борьбе за демократический мир. М., 1957. С. 347.

³ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 410, 412; Бескорвайная А. Т. Партия большевиков в борьбе за мир. Автореферат. Киев, 1965. С. 12.

⁴ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 411—412.

⁵ См.: Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 23 ноября.

⁶ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 412.

⁷ См. там же. С. 411.

поэтому Крыленко на следующий день после занятия Ставки, 21 ноября, издал приказ по армии и флоту за номером 16248¹. В нем говорилось, что при заключении частных перемирий на различных участках фронта необходимо иметь в виду поездку нашей делегации в Брест-Литовск для заключения общего перемирия на всем фронте. В этом случае все частные перемирия будут терять силу, говорилось в приказе. Особо подчеркивалось положение относительно переброски войск. «Обязательным пунктом при заключении частичных перемирий,— указывалось в приказе,— должно входить условие о прекращении каких бы то ни было перебросок войск с фронтов договаривающихся сторон на какой-либо новый фронт, в особенности же с нашего фронта на фронты союзных армий². Советская Россия не пренебрегала интересами держав Антанты, которые постоянно искажали позицию нашей страны по этому вопросу. Пройдут годы, и Д. Ллойд Джордж в своих воспоминаниях скажет, как в неофициальной беседе представителей союзных держав с Крыленко последний «заявил, что он издал приказ, чтобы все соглашения о перемирии содержали оговорку о недопустимости переброски войск с одного фронта на другой»³.

Представители держав Четверного союза собрались в Брест-Литовске 20 ноября (3 декабря). Накануне «Правда» в передовой статье подчеркивала: «Рабочее и крестьянское правительство твердо решило добиться мира. Общего, если можно, сепаратного, если нам навяжут его союзные империалисты... Угрозы союзников-империалистов нас не устроят... Попробуйте, господа, поднять ваши рабочие массы на крестовый поход против рабочей и крестьянской России, которая после сорокамесячной войны зажгла факел, указывающий путь массам пролетарской Европы»⁴.

Делегации Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции выглядели весьма внушительно⁵. Германию представляли: начальник штаба главнокомандующего

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 22 и 23 ноября.

² Известия ЦИК. 1917. 22 и 23 ноября; Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 413.

³ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1938. Т. 5. С. 92.

⁴ Правда. 1917. 19 ноября.

⁵ См.: Известия ЦИК. 1917. 26 ноября; Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 348; Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 116; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 38; Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 87.

Восточным фронтом генерал-майор Макс Гофман — председатель делегации, майор Бринкман из Генерального штаба, капитан 1-го ранга Горн, капитан Гей из штаба Восточного фронта, секретарь делегации ротмистр фон Розенберг и его помощник поручик фон Бюлов. От Австро-Венгрии делегацию возглавлял подполковник Генерального штаба Герман Покорный, в ее состав входили также майор Генерального штаба Франц фон Мирбах, секретарь делегации граф Эмерих Чакий фон Кережех и Адорьян, ротмистр фон Бергер. В болгарскую делегацию входили: в качестве ее председателя полковник Генерального штаба Ганчев и советник Анастасов. И, наконец, Турцию представляли: руководитель делегации генерал от кавалерии Зеки-паша, прикомандированный к нему ротмистр фон Шмидт и советник Эдем-бей.

Общее число членов делегации стран Четверного союза составляло 15 человек, и все они были военными¹. Последнее обстоятельство говорило за то, что делегации Четверного союза, среди которых ведущая роль принадлежала германской и ее руководителю генералу Гофману, придавали переговорам чисто военно-технический характер: они прибыли в Брест-Литовск решать именно эти вопросы, и никакие другие. Об этом же свидетельствовало также и то, что ведение переговоров было поручено главнокомандующему Восточным фронтом Леопольду Баварскому, который получил эти полномочия от верховного главнокомандующего германской армией генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга и начальника морского штаба германского флота адмирала Генинга фон Гольцендорфа².

Перед открытием переговоров 20 ноября с небольшой речью выступил Леопольд Баварский³. Он выразил надежду, что общими усилиями всех делегаций будет достигнута желанная цель — заключено перемирие. Баварский также довел до сведения советской делегации, что на него германским верховным командованием в согласии со своими союзниками возложено общее руководство переговорами со стороны стран Четверного союза и он, Баварский, поручает представлять его на этих переговорах генералу Гофману. С ответным словом выступил председатель нашей делегации А. А. Иоффе, особо

¹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 38.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 26 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 38.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

подчеркнувший ту задачу, которую она прибыла решать в Брест-Литовск. «Мы явились сюда,— заявил Иоффе,— в качестве представителей народов революционной России, которая исполнена твердой решимости положить конец всеобщей войне общим миром, соответствующим справедливым стремлениям демократических масс всех воюющих стран»¹.

До открытия первого заседания между сторонами были согласованы некоторые вопросы. Наша делегация заявила, что она требует точного ведения протоколов всех заседаний и оставляет за собой право публиковать их без каких-либо изъятий². Это заявление было принято странами австро-германского блока. Поскольку каждая сторона вела протоколы на своем языке (речь шла только о русском и немецком), то была достигнута договоренность о создании редакционной комиссии, в которую вошли по три представителя от нас и немцев. Ежедневно после заседаний эта комиссия должна была сличать оба текста протоколов и утверждать их.

Первый этап мирных переговоров продолжался всего три дня — 20, 21 и 22 ноября (3, 4 и 5 декабря). 20 ноября в 16 часов 10 минут по средневропейскому времени (14 часов 10 минут) началось первое заседание, которое открыл генерал Гофман, пожелавший участникам успешной работы. После того как австро-немецкой стороной были предъявлены полномочия на ведение переговоров, а турками и болгарями к открытию первого заседания таковые еще не были получены, Гофман попросил советскую делегацию изложить свои предложения. Это сделал глава делегации А. А. Иоффе, огласивший декларацию о принципах мира³. В ее основе лежал советский Декрет о мире. Иоффе подчеркивал, что нашей целью является скорейшее достижение всеобщего мира без аннексий и контрибуций, с гарантией права на национальное самоопределение. Указав, что советская делегация уполномочена обсудить с представителями Четверного союза условия перемирия на всех фронтах, Иоффе далее заявил: «Мы предлагаем поэтому немедленное обращение ко всем не представленным здесь воюющим странам с предложением принять участие в ведущихся переговорах»⁴.

¹ Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

² См. там же.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 23 и 26 ноября; Документы внешней политики. Т. I. С. 38—41.

⁴ Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

В ответ на это заявление генерал Гофман поставил перед нашей делегацией вопрос: уполномочена ли она говорить от имени своих союзников? И когда Иоффе объяснил, что Советское правительство обращалось к ним «с предложением принять участие в переговорах, но до сих пор не получило точного ответа», что наша делегация тем не менее считает возможным приступить к переговорам и в то же время вновь обратиться к своим союзникам с призывом присоединиться к ним, Гофман заявил об отсутствии у него полномочий на переговоры с неприсутствующими союзниками России. Одновременно он подчеркнул, что является военным и поэтому не считает себя компетентным и вправе говорить о политических вопросах. С этими его словами тут же выразили свое согласие представители Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Тогда Иоффе счел нужным заметить, что «русская делегация рассматривает вопрос о перемирии значительно шире, полагая, что оно должно явиться основой всеобщего мира, во имя которого и заключается перемирие»¹. Однако генерал Гофман, дипломатично соглашаясь с высказываниями Иоффе, вновь заявил, что со стороны Германии и ее союзников присутствуют только военные, «которые являются компетентными исключительно в обсуждении чисто военных вопросов перемирия»².

В разгоравшуюся дискуссию о характере начавшихся мирных переговоров вступил член советской делегации Каменев. Подчеркнув, что в ответах Германии и Австро-Венгрии, дававших согласие на открытие мирных переговоров в Брест-Литовске, «не видно действительного присоединения к тому всеобщему миру без аннексий и контрибуций, с гарантиями прав на самоопределение», которые провозглашены нашей революцией и являются нашей мирной программой, Каменев заявил, что «только о таком общем мире может идти речь»³. Касаясь вопроса об объеме полномочий, он говорил, что советская делегация имеет «поручение установить отношение представленных здесь стран к основам всеобщего демократического мира»⁴. Но Гофман продолжал ссылаться на отсутствие полномочий обсуждать вопросы мира, подчеркивая, что «прежде всего должны быть приостановлены военные действия для того, чтобы полити-

¹ Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

кам дано было время и возможность вести переговоры о мире»¹. Генерал сказал также при этом, что срок перемирия можно ограничить, дабы не затягивать открытия переговоров о мире.

Выразив сожаление по поводу отсутствия на переговорах политических представителей стран Четверного союза и в связи с этим невозможности пока решить «вопрос об общем мире», Каменев, удерживая дипломатическую инициативу за советской делегацией, внес предложение, чтобы Германия и ее союзники обратились к не представленным на данной конференции воюющим странам с призывом присоединиться к переговорам о перемирии, то есть сделали бы шаг, аналогичный тому, который предприняло еще ранее Советское правительство. Гофман в ответ лишь подтвердил прежнюю позицию.

Видя бесполезность вести дальнейшие дискуссии по данному вопросу, советская делегация поставила вопрос об объявлении краткого перерыва. В тот день, 20 ноября, заседание возобновилось в 17 часов 50 минут (15 часов 50 минут) по средневропейскому времени. Оно было непродолжительным. Иоффе, вновь говоря о важности того, чтобы Германия и ее союзники обратились к не представленным на конференции воюющим странам с призывом присоединиться к переговорам об установлении перемирия на всех фронтах, предложил уполномоченным стран Четверного союза довести это заявление советской делегации до своих правительств и до получения ответа от них перейти к обсуждению условий перемирия. После того как Гофман сказал, что пожелание советской делегации будет доведено до сведения германского верховного командования, которое в свою очередь доложит его правительству Германии, и ответ, по мнению генерала, несомненно, будет дан, но для этого, естественно, нужно время, Иоффе заявил, что советская делегация доложит об этом в Петроград, а сейчас считает необходимым отложить обсуждение условий перемирия до заседания другого дня. Иоффе добавил при этом, что советской делегации необходимо время, для того чтобы выработать свой проект условий перемирия, а сегодня она обсуждать этот вопрос не в состоянии, поскольку не налажена ее телеграфная связь с Петроградом.

По-видимому, ход заседания после перерыва был несколько неожиданным для Гофмана, не ожидавшего та-

¹ Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

кой «неуступчивости» от советской делегации. Во всяком случае, теперь уже генералу пришлось ставить вопрос перед советскими представителями, не считают ли они все же возможным тотчас же перейти к обсуждению условий перемирия¹. Ответ был отрицательным. И тогда представитель Болгарии предложил в интересах дела изложить основные пункты перемирия, как его себе представляют Германия и ее союзники, на что советская делегация выразила согласие. Гофман очень коротко и практически формально, не желая, вероятно, до поры до времени раскрывать истинные цели германского империализма, сообщил те пункты, которые, по мнению стран Четверного союза, должны были быть обсуждены при заключении перемирия². На этом первый день работы представителей стран австро-германского блока и Советской России закончился.

21 ноября в 11 часов 40 минут (9 часов 40 минут) генерал Гофман открыл заседание второго дня работы конференции предложением выслушать советские условия перемирия³. С нашей стороны они были изложены контр-адмиралом В. М. Альтфатером⁴. Основные положения советского проекта условий перемирия сводились к следующему.

Перемирие заключается сроком на 6 месяцев. Если в это время мирные переговоры будут прерваны, то военные действия возобновляются не ранее чем через 72 часа.

Перемирие, то есть прекращение военных действий, распространяется на все фронты, на все рода войск — наземные, морские и воздушные.

На все время перемирия запрещаются переброски войск с одного фронта на другой, в тыл и обратно. В тыл могут перевозиться только уволенные, больные, раненые и отправляющиеся в отпуска военнослужащие. Из тыла — закончившие лечение и возвращающиеся из отпусков военнослужащие.

Германские войска очищают территории Даго, Эзель, Моон и другие из системы Моонзундских островов, которые никем из воюющих не занимаются, а также город Ригу. Морские силы обеих сторон покидают воды Рижского залива и района Моонзундских островов.

Когда контр-адмирал Альтфатер зачитывал условия

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

² См. там же.

³ См. там же.

⁴ См. там же. 25 ноября.

перемирия, предлагаемые советской делегацией, представители стран Четверного союза заметно нервничали. Многим из них не нужно было дожидаться перевода, ибо они в достаточной степени знали русский язык, чтобы понять существо советских предложений. И когда их чтение закончилось, на мгновение наступила тишина, а затем генерал Гофман с неприкрытым удивлением высказал свое отношение к советским предложениям. Член советской делегации С. Д. Мстиславский, обращаясь к протокольным записям, писал в своей книге об этом моменте переговоров: «Генерал Гофман выражает прежде всего, с точки зрения верховного командования, свое удивление, что со стороны русской делегации предлагаются условия, как будто Германия и ее союзники были бы побеждены»¹.

Но Германии был очень нужен мир. Он был нужен ей в не меньшей степени, чем нам. На востоке маячила совсем непризрачная надежда разрешить или, по крайней мере, смягчить продовольственный кризис, который уже фактически разразился в Австро-Венгрии и Турции, и тем самым удержать их от выхода из союза центральных держав, от соблазна пойти на сепаратный мир. На востоке, наконец, отчетливо вырисовывалась не столь далекая перспектива ликвидации фронта и возможность в связи с этим переброски дополнительных военных сил в западном направлении, против армий стран Антанты. Германия и ее союзники отдавали себе отчет в том, что мощь Антанты будет возрастать, так как поток военных сил США в Европу постепенно стал увеличиваться. И Германия спешила воспользоваться благоприятно складывающейся для нее обстановкой на востоке.

Поэтому генерал Гофман и не отверг с порога советских условий перемирия, а стал высказываться по отдельным их пунктам. Он сразу же выступил против длительного его срока, апеллируя к тому, что советская делегация сама все время настаивала на том, чтобы перемирие непосредственно перешло в переговоры о мире. Генерал, подчеркивая, что это и желание Германии, говорил о более коротком сроке перемирия.

В дискуссию с ним по этому вопросу вступил Каменев, заявивший, что по договоренности об условиях длительного перемирия должно быть достигнуто соглашение о кратковременном приостановлении военных дей-

¹ Мстиславский С. Д. Брестские переговоры. Пг., 1918. С. 76; Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

ствий, «во время которого русское правительство имело бы возможность еще раз обратиться к своим союзникам с предложением принять участие во всеобщем перемирии на всех фронтах»¹. И когда Гофман заявил о приемлемости этого предложения для держав Четвертого союза, Каменев сказал, что для советской делегации важно установить принципы длительного перемирия, так как это давало бы время для ведения мирных переговоров, облегчало бы «возможность примкнуть к перемирию здесь не присутствующим воюющим странам, и, таким образом, борьба народов России за мир получила бы под собой более широкую базу»². Но последнее заявление Каменева вызвало ответную реакцию генерала, вновь подчеркнувшего, что он не имеет полномочий «входить в обсуждение мирных предложений и мирных условий»³. Высказывая же свою личную точку зрения на этот счет, Гофман выразил сомнение в том, чтобы центральные державы обратились «с просьбой к своим врагам об открытии мирных переговоров»⁴.

Изложение позиций сторон по этому вопросу заняло чуть более получаса, когда по предложению болгарской делегации был объявлен короткий перерыв, после которого генерал Гофман выступил с разъяснениями по дискутируемому вопросу. Заявив, что вопрос о мире и всеобщем перемирии был уже исчерпан на заседании 20 ноября и русская делегация приняла это к сведению, согласившись вступить в переговоры о перемирии между армиями России, с одной стороны, и Германии и ее союзников, с другой, Гофман сказал: «Совершенно невозможно установить условия всеобщего перемирия без того, чтобы не присутствующие здесь воюющие державы предъявили свои соответственные предложения. Дело русского правительства обратиться к своим союзникам, согласиться с ними об условиях перемирия и мира и затем предложить эти условия Германии и ее союзникам»⁵.

Приняв к сведению это заявление, Иоффе предложил перейти к обсуждению пунктов советских условий перемирия. Стороны заинтересованно их обсуждали, по их просьбам объявлялись перерывы для нахождения

¹ Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

взаимоприемлемых формулировок. Возникали острые и бескомпромиссные словесные стычки. Вопросы, связанные с дислокацией войск, их переброской и заменой, с установлением демаркационных линий между вооруженными силами двух сторон, были чрезвычайно важны в первую очередь для Германии, которую не устраивали соответствующие предложения в советском проекте условий перемирия. Например, советское требование об очищении Моонзундских островов или наше предложение об установлении демаркационной линии на Балтийском море вызывались военными обстоятельствами: нельзя было оставлять в руках Германии плацдарм для броска на Петроград, равно как надо было и лишить германский флот возможности легко высадить десант на советском побережье¹. И уж конечно Германию совершенно не устраивал тот пункт в советских условиях перемирия, согласно которому запрещалась переброска войск австро-германского блока против стран Антанты, то есть на западный и итальянский фронты.

Поэтому генерал Гофман заявил, что германское верховное командование категорически отклоняет русское предложение об очищении островов Рижского залива, то есть Моонзундских². Выразила противная сторона несогласие и с советским предложением о демаркационной линии на Балтийском море³. Но особенно резкие возражения были у нее против запрещения перебрасывать войска с Восточного на Западный фронт. И смысл контрпредложения стран Четверного союза сводился к тому, чтобы за обеими сторонами сохранить право на свободу действий в вопросах, связанных с высвобождением и расквартированием войсковых частей⁴.

Следующее заседание было открыто Гофманом 22 ноября (5 декабря) в 12 часов (10 часов) дня выступлением А. А. Иоффе⁵. Последний говорил, что предложены два варианта условий перемирия — советский и стран австро-германского блока. В них есть разночтения, которые обусловлены отчасти различным характером имеющихся полномочий у сторон. Глава советской делегации заявил, что обо всем этом было сообщено нашему верховному командованию, которое сегодня

¹ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 349.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 27 ноября.

³ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 350.

⁴ См. там же.

⁵ См.: Известия ЦИК. 1917. 27 ноября.

ночью передало нам, что возникшие разногласия должны быть им обсуждены вместе с делегацией. В этой связи, говорил Иоффе, наша делегация вносит предложение о перерыве в заседании на неделю, с тем чтобы продолжить работу в 14 часов дня по средневропейскому времени 12 декабря (29 ноября в 12 часов дня). Одновременно мы предложили, если не будет возражений, возобновить работу в Пскове, сохранив для контактов ранее установленный порядок телеграфной связи¹.

Выразив сожаление в связи с необходимостью отложить на неделю переговоры о перемирии, генерал Гофман заявил, что это советское предложение тем не менее принимается. Что же касается нашего предложения относительно перенесения места заседания в Псков, то оно было отвергнуто по техническим причинам, так как в Брест-Литовске, мол, уже все налажено для работы делегаций, включая и средства связи. При опубликовании русского текста протокола этого заседания советская делегация здесь сделала примечание, которое гласит: «В этом месте протокол не вполне точен. Главным доводом делегации противной стороны против продолжения совещания не в Брест-Литовске было указано на невозможность для уполномоченных Германии покинуть Ставку (Брест-Литовск) даже на короткое время, так как они все по своему служебному положению не могут покинуть армию»².

Соблюдая дипломатический этикет, Иоффе выразил надежду на согласие нашего верховного командования продолжать заседания в Брест-Литовске, подчеркнув, что, предлагая Псков, советская делегация хотела этим ответить на гостеприимство другой стороны. На этом официальная, если можно так сказать, часть заседания закончилась. Однако Гофман предложил «продолжать переговоры, не обязывающие ни к чему обе стороны», поскольку, как он сказал, русской делегации все равно придется оставаться в Брест-Литовске до подготовки для нее экстренного поезда, а это будет сделано только к 22 часам³. Гофман сказал, что, может быть, в этих переговорах делегации достигнут «единогласия по отдельным пунктам условий перемирия», и советские уполномоченные ответили на это согласием⁴.

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 27 ноября.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. там же.

Генерал внес также предложение заключить особое перемирие на предстоящую неделю, чтобы, как он сказал, «урегулировать на время перерыва в переговорах взаимные отношения между армиями»¹. Советская делегация это германское предложение отклонила на том основании, что взаимные отношения между вооруженными силами представленных в Брест-Литовске стран уже определены приказами с каждой стороны, и надо только подтвердить нынешнее состояние «фактического перерыва военных действий»². Однако Гофман, сославшись на то, что, несмотря на издание таких приказов, «на отдельных участках фронта боевые действия продолжались», вновь стал говорить о важности вместо этих приказов с каждой стороны «заключить двустороннее соглашение о прекращении боевых действий»³. После обсуждений советская делегация ответила согласием. Стороны тут же поручили специальной смешанной подкомиссии составить такой проект соглашения о прекращении боевых действий. К концу этой неофициальной части заседания он был составлен и принят⁴. В нем говорилось, что для облегчения ведущихся переговоров стороны условились о следующем.

Прекращаются военные действия между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с другой, на срок с 12 часов дня 24 ноября (с 14 часов 7 декабря) до 12 часов дня 4 декабря (14 часов 17 декабря).

Обе стороны имеют право возобновить военные действия, предупредив об этом за три дня.

Приостановка военных действий распространяется на все сухопутные и воздушные силы сторон от Черного до Балтийского морей, равно как и на русско-турецкий фронт.

Германские сухопутные силы, расположенные на Моонзундских островах, включаются в это общее положение о приостановке военных действий. Воздушным силам сторон разрешается производить полеты только над «своим» водным пространством и запрещается летать над сушей «другой» стороны. Запрещается обстрел побережья с моря.

¹ Известия ЦИК. 1917. 24 и 27 ноября.

² Там же. 27 ноября.

³ Там же.

⁴ Там же.

Войсковые единицы от дивизии и выше могут перебрасываться, если распоряжение об этом было издано до 22 ноября (5 декабря) включительно.

Все частные перемирия на фронтах теряют свою силу в связи с принятием этого общего соглашения.

По числу участников переговоров в Брест-Литовске (Россия, Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция) документ этот был составлен в пяти экземплярах.

Стороны же в это время перешли, по предложению Гофмана, «к неимеющему обязательной силы обсуждению условий перемирия»¹. Контр-адмирал Альтфатер стал пункт за пунктом зачитывать и сравнивать два текста условий перемирия — советский, с одной стороны, и государств Четверного союза — с другой². Военные эксперты нашей делегации тщательно изучили проект условий перемирия противной стороны, и поэтому возражения советских представителей были весьма весомыми. Приведем примеры.

Один из пунктов документа стран австро-германского блока распространял перемирие на находившиеся в Македонии русские силы, которые державы Четверного союза предлагали перевести обратно в Россию³. Советская делегация возразила против такой редакции, разъясняя, что русские войска не только в Македонии, но и во Франции находятся под командованием соответствующих союзных главнокомандующих и вопрос об этих силах должен быть предметом особого соглашения с союзниками, то есть, как предложила записать этот пункт советская делегация, он «подлежит предварительному обсуждению Правительством России с союзными ей державами».

Еще пример. Державы Четверного союза записали в своих предложениях, что нейтральная Персия очищается турецкими и русскими силами, на что также последовало возражение нашей делегации, которая заявила, что об этом следует договариваться не с Турцией или Германией, а с самой Персией, и поэтому она предложила записать, что «вопрос об очищении Персии требует особого соглашения с Персией».

Замечаний и возражений подобного рода было у советской делегации достаточно, и это тоже в значительной мере определило временный перерыв в заседаниях

¹ Известия ЦИК. 1917. 27 ноября.

² См. там же.

³ См. там же. 28 ноября.

двух сторон. Вечером 22 ноября советские делегаты выехали в Петроград. В Брест-Литовске нашим представителем остался Л. Карахан, с которым продолжала работу небольшая группа военных экспертов¹.

Советскому правительству уже было известно, что в Брест-Литовске наметились разногласия по вопросу о праве перебрасывать войска с фронта на фронт, на чем настаивали страны австро-германского блока, мотивируя это тем, что Германия ведет войну на востоке и на западе². Нашей делегации было дано указание не уступать по этому пункту, а переговоры временно прервать для проведения консультаций с центром. И когда до открытия заседания третьего дня работы конференции в Брест-Литовске оставалось еще два часа, в Петрограде уже было к этому времени (в 10 часов утра) подготовлено правительственное сообщение о ходе этих переговоров³.

В нем кратко подводился итог первого этапа переговоров, а в заключение оно вновь оповещало страны Антанты о позиции Советской власти по вопросу о мире. «Союзные народы должны знать,— говорилось в сообщении,— что переговоры начались и что они будут продолжаться независимо от поведения нынешней союзной дипломатии. В этих переговорах, где русская делегация отстаивает условия всеобщего демократического мира, дело идет о судьбе всех народов, в том числе и тех воюющих народов, дипломатия которых сейчас остается в стороне от переговоров»⁴. И далее в советском правительственном сообщении подчеркивалось: «Союзные народы, их парламенты и в первую голову их социалистические партии должны сами немедленно решить, совместимо ли такое поведение союзной дипломатии с интересами союзных народов. Отстаивая в переговорах интересы союзных народов, Русское Правительство одним из главных условий перемирия поставило не переброску армий с Восточного фронта на Западный. Перемирие не может и не будет содействием одному милитаризму против другого. Но интересы союзных народов могут быть с успехом защищены лишь в той мере, в ка-

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 25 ноября; Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 350.

² См. там же.

³ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 38—41.

⁴ Известия ЦИК. 1917. 23 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 40.

кой сами союзные народы захотят и сумеют принять участие в переговорах и проявить свою волю к немедленному перемирию и демократическому миру»¹.

Три дня работы на первом этапе переговоров показали, что Германия и ее союзники заинтересованы в их продолжении. Какого-либо политического нажима на нашу делегацию на этом этапе переговоров они не оказывали, осторожно и весьма умело уклонялись от обсуждения всего того, что выходило за рамки чисто военных проблем, в процессе переговоров неизменно проявляли спокойствие и хладнокровие, а в отношении пребывания советской делегации в Брест-Литовске и ее обслуживания — вежливость и предупредительность. Твердость советской делегации при постановке принципиальных вопросов, например запрещения переброски войск с одного фронта на другой, не вызвала пока резких реакций со стороны делегаций австро-германского блока. Видимо, будет правомерным сказать, что на этом этапе шло взаимное «прощупывание» позиций, возможные пределы уступок. При этом противная сторона не афишировала широко ход переговоров. Так, в германских газетах о них публиковались лишь краткие информационные заметки². Надо также иметь в виду, что советская делегация, не имея никакого опыта в подобного рода делах, впервые садилась за стол переговоров лицом к лицу с представителями иной социальной системы для решения вопроса, от которого зависела будущая судьба самой новой власти.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 40.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 29 ноября.

Глава III

И ВСЕ-ТАКИ СЕПАРАТНЫЕ...

22 ноября «Правда» и «Известия ЦИК» помещают обращение Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Оно публикуется за подписью Сталина и Ленина¹. Обращение было составлено Сталиным², рассматривалось на заседании СНК 20 ноября и тогда же было подписано Лениным³. В документе подчеркивалось, что «близится конец кровавой войны, начатой из-за дележа чужих стран», что в своем стремлении «добиться честного мира» Советская власть надеется также и на поддержку мусульман России и стран Востока. Обращение в отношении советских мусульман декларировало: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов — Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов»⁴. Таким образом, Советская власть продолжала расширять социальную базу строительства нового общества, борьбы за мир и дружбу между народами всех стран, международной поддержки своих миролюбивых устремлений.

В Петрограде в это время продолжал заседать (18—25 ноября)⁵ I Всероссийский съезд военного флота.

¹ См.: Правда. 1917. 22 ноября; Известия ЦИК. 1917. 22 ноября.

² См.: Декреты Октябрьской революции. С. 137.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 74, 76.

⁴ См.: Декреты Октябрьской революции. С. 134—135; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 34.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 461.

В повестке был и вопрос о текущем моменте. Уже на второй день работы, 19 ноября, делегация съезда посетила Смольный с целью пригласить Ленина выступить на нем¹. Ленин обещал сделать это 22 ноября. И вот в 15 часов он приезжает на пятое заседание съезда и выступает о текущем моменте².

В последней части своей речи он подробно останавливается на вопросе о войне. Подчеркнув, что все партии до сих пор больше говорили о борьбе против войны, и лишь теперь борьба за мир началась практически, и она будет трудной, Ленин пророчески предупреждал: «Кто думал, что мира достигнуть легко, что стоит только лишь заикнуться о мире, и буржуазия поднесет его нам на тарелочке, тот совсем наивный человек. Кто приписывал этот взгляд большевикам, тот обманывал»³. Он разъясняет делегатам, что покончить с войнами можно лишь путем победы над старым общественным строем, капитализмом, «и в этом смысле Советская власть начала борьбу»⁴. Ленин говорит о практических мерах, принимаемых Советской властью в этой области, о том, что, публикуя тайные договоры, мы помогаем народам видеть, из-за чего их гнали на бойню, подчеркивает, что никакая злоба, клевета и ненависть, которую «буржуазия проявляет к нам, к нашему движению к миру», не остановит нашей борьбы против войны, за мир⁵.

Касаясь в своей речи мирных переговоров в Брест-Литовске, Ленин объясняет их временный перерыв уклончивой позицией делегации Германии по вопросу о непереброске своих освобождающихся в результате перемирия войск с русского на западный и итальянский фронты⁶.

И в то же время, когда вся трудовая и честная Россия в тылу и на фронте ждала мира, Ленин, нисколько не заискивая и не скрывая правды, прямо и с глубокой верой в народ заявлял: «Если же представить такой случай, когда немецкий рабочий класс пошел бы вместе со своим правительством хищников-империалистов, и мы стали бы перед необходимостью продолжать войну, то

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 72.

² См. там же. С. 77.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 116.

⁴ Там же.

⁵ См. там же. С. 116, 117.

⁶ См. там же. С. 117.

русский народ, умевший безропотно проливать свою кровь, не зная зачем и во имя каких целей исполнявший волю душившего его правительства, без всякого сомнения с удесятеренной энергией, с удесятеренным героизмом пошел бы на борьбу тогда, ибо речь шла бы о борьбе за социализм, за свободу, на которую направила бы штыки международная буржуазия»¹.

В этот же день, 22 ноября, во все российские дипломатические учреждения за границей за подписью Троцкого ушла циркулярная телеграмма. В ней от имени СНК всем служащим этих учреждений предлагалось немедленно и категорически ответить, «согласны ли они проводить ту международную политику», которая определена II Всероссийским съездом Советов и которая «нашла себе выражение в мероприятиях, направленных к скорейшему заключению мира»². Телеграмма предупреждала, что если служащий российского дипломатического заграничного представительства, не отказываясь от своей должности, станет проводить политику, враждебную Советской власти, то это будет приравнено «к тягчайшему государственному преступлению»³.

23 ноября Троцкий от имени советского внешнеполитического ведомства доводит до сведения послов Великобритании, Франции, США, Италии, Китая, Японии, Румынии, Бельгии и Сербии, что переговоры в Брест-Литовске прерваны на неделю, дабы иметь «возможность в течение этого времени информировать народы и правительства союзных стран о самом факте переговоров, об их направлении»⁴. Коротко пояснив ход переговоров, Троцкий обратил внимание послов на то обстоятельство, что между провозглашением Советской властью Декрета о мире и моментом предстоящего возобновления 29 ноября по старому стилю мирных переговоров пролегал срок свыше месяца. «Этот срок,— подчеркивал Троцкий,— представляется даже при нынешних расстроенных средствах международного сообщения совершенно достаточным для того, чтобы дать возможность правительствам союзных стран определить свое отношение к мирным переговорам, т. е. свою готовность или свой отказ принять участие в переговорах о перемирии и мире

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 117—118.

² Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 41.

³ Там же.

⁴ Известия ЦИК. 1917. 24 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 41—42.

и, — в случае отказа, — открыто перед лицом всего человечества заявить ясно, точно и определенно, во имя каких целей народы Европы должны истекать кровью в течение четвертого года войны»¹. Итак, Советская власть в очередной раз предлагала союзным державам присоединиться к мирным переговорам.

23 ноября Ленин среди прочих дел этого дня подписал постановление СНК о назначении М. С. Кедрова в Наркомат по военным делам — по отделу демобилизации армии². Обычный декрет, одно из многих решений Советского правительства, подписанное Лениным. И все же обратим на него внимание потому, что в эти дни Ленин все чаще принимает участие в обсуждении вопросов или в подписании документов, касающихся Красной гвардии. Например, 20, 23, 25 ноября³. Внимание Ленина к этому вопросу диктовалось как общей обстановкой в стране, так и развитием событий в Брест-Литовске. Все более беспокойно становилось на юге России, пока ближайшем к Москве и Петрограду районе страны, где контрреволюция уже свила себе на Дону прочное гнездо. На явно антисоветские позиции переходила Украинская Центральная рада, и вопросы отношений с ней начинали в эти дни занимать свое место на заседаниях СНК, тревожить Ленина⁴. На Урале против Советской власти поднял восстание атаман Дутов. На борьбу с контрреволюцией Советская власть посылала имеющиеся в ее распоряжении силы, но это были в большинстве случаев рабочие отряды, красногвардейцы, матросы. Настоящей армии у Советской власти не было.

Естественно, что в этой обстановке не сходил с повестки дня вопрос о том, чем отражать усиливающийся натиск внутренней контрреволюции, как быть с внешней опасностью, если переговоры в Брест-Литовске закончатся ничем или империалисты от угроз в адрес Советской власти перейдут к прямым действиям против нее. Отсюда понятны и призывы к находившейся в окопах армии сохранять бдительность. Они исходили прежде всего от большевиков, которых по ряду вопросов в этот период поддерживали и левые эсеры. Их, например,

¹ Известия ЦИК. 1917. 24 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 41—42.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 78.

³ См. там же. С. 74, 79, 85.

⁴ См. там же. С. 72, 80.

начавшая выходить в Москве газета «Социалист-революционер», сообщая о проходивших на фронте переговорах относительно перемирия, то есть о так называемых «солдатских мирах», в то же время призывала: «Но, товарищи крестьяне, армия не может уйти с фронта, пока мир не заключен, армия вынуждена зорко следить и быть всегда готовой к бою, если наше предложение мира будет отвергнуто»¹. К сохранению боеспособности армии призывал в эти дни и Московский Совет. «Крестьяне! Не дайте погибнуть нашей армии,— подчеркивалось в одном из его призывов.— Погибнет она — погибнут все наши лучшие надежды, нас голыми руками возьмет снова помещик, капиталист, кулак задавит нас»².

Решение вопросов, связанных с защитой завоеваний революции, неизбежно должно было натолкнуться и начинало наталкиваться на отсутствие той силы, которая могла не только обеспечить сохранение уже достигнутого Советской властью, но и гарантировать ее продвижение вперед по пути строительства нового общества. И создание такой охраняющей революцию силы все более выдвигалось в повестку дня, идея о ней уже веяла, так сказать, в воздухе. Определенная материальная база у Советской власти для этого была: усиленно шло создание и формирование организационного аппарата защиты революции и ее завоеваний, всемерно укреплялись красногвардейские и рабочие отряды. В отношении этих частей большевики пока продолжали проводить принцип добровольности при их организации, руководствуясь своим программным требованием о замене постоянной армии всеобщим вооружением народа, которое было выдвинуто ими задолго до Октября 1917 года. Формирование Красной гвардии и проходило на основе этого требования. «Наша задача,— говорил Ленин, выступая 29 октября 1917 года на совещании полковых представителей Петроградского гарнизона и касаясь вопроса о водворении порядка в городе,— которую мы ни на минуту не должны упускать из виду — всеобщее вооружение народа и отмена постоянной армии»³.

Но жизнь заставляла вносить коррективы в те или иные подходы к проблемам организации борьбы в защиту революционных завоеваний, в самой партии выкристаллизовывались различные точки зрения на этот счет,

¹ Социалист-революционер. 1917. № 2. 21 ноября.

² Там же.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 40.

равно как и на перспективы развития революционного процесса в России вообще, на гарантии его необратимости. Каким представляется замирение с империалистами? Можем ли мы садиться с ними за стол переговоров? Пойдут ли они на мир с нами? Будет ли этот мир прочен? При каких условиях мир будет способствовать развитию революции, а сама она станет непобедимой? Все это были не праздные вопросы, они рождались самой жизнью, выплескивались на страницы газет и журналов, звучали в речах ораторов. И все эти неоднозначные точки зрения прямо или косвенно имели отношение к переговорам в Брест-Литовске, где Советская власть решала вопрос стратегической важности, вопрос своего будущего развития.

Дискуссии по этим вопросам начинали переноситься в партию, ее руководящие органы. Характерно в этом отношении заседание Петроградского комитета РСДРП(б) от 16 ноября, где проблема предстоящих мирных переговоров с Германией вызвала споры. Выступивший в прениях В. Н. Нарчук (в феврале 1920 года на Южном фронте его сразил тиф), касаясь вопроса о состоянии русской армии и намечавшихся переговоров с немцами, говорил: «С такими солдатами начинать новую войну невозможно. Раньше мы надеялись на всеобщий мир, теперь мы заключаем мир с Гинденбургом и даже не с немецким народом. С нами случится то же, что с эсерами,— мы потеряем авторитет, потому что не платим по векселям, которые мы выдали»¹. Г. К. Орджоникидзе, упрекая Нарчука за отсутствие у того веры в социальную революцию на Западе, заявил, что если надо, то мы все пойдем на революционную войну, но сейчас вопрос об этом так не стоит². В свою очередь С. Н. Равич, говоря о Красной гвардии, подчеркивал необходимость создать революционную армию, которая могла бы противостоять окружающим нас врагам — буржуазии всех стран³.

Еще более острые споры разгорелись на заседании Петроградского комитета РСДРП(б) 23 ноября, то есть на следующий день после перерыва переговоров в Брест-Литовске и в день опубликования в печати правительственного сообщения об этом и о ходе переговоров. Засе-

¹ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. М.; Л., 1927. С. 356.

² См. там же. С. 357.

³ См. там же.

дание комитета проходило вечером, председательствовал на нем С. В. Косиор, с докладом о международном положении выступил Карл Радек¹. «Мы всегда выдвигали перспективу международного восстания,— говорил Радек,— и мы не ошиблись. В Германии — движение, которое определит исход борьбы; это движение больше, чем можно было ожидать»². По сути дела, Радек ратовал здесь за революционную войну. Указывая, что немецкое правительство, начав переговоры, тем самым «не сможет двинуть своих корпусов на русскую революцию», он в то же время считал, что «условия мира», которые оно нам предложит, «будут для нас неприемлемы»³. Подытоживая, Радек в своей речи сформулировал три основных положения: наше правительство, вступив в переговоры, не уклонилось от правильной линии и «продолжает звать рабочих всех стран к борьбе»; наше правительство «должно отстаивать условия мира, отвечающие интересам международного пролетариата», и наконец, «надо готовиться не на захватный бой, но всеми мерами подготавливать революцию в других странах»⁴. Другими словами, Радек снова проводил мысль о важности готовить революционную войну. «Мы держимся только потому, что не пошли на соглашение,— подчеркивал он.— Углубить революцию можно не уступками, а проведением твердой линии... Судьба русской революции будет решаться не только в России, но и во всей Европе. ...Опасность состоит в том, чтобы народные массы не толкали нас на мир, который неприемлем»⁵.

Выступивший Безработный (Д. З. Мануильский) выразил несогласие с тезисом Радека о подготовке революционной войны. Заявив, что наша активная политика по вопросам мира придает нам силы, и в этой связи обратив внимание на слова Радека «о возможности для нас вести революционную войну ради защиты революции», оратор сказал, что «последствия мира ликвидируют невыгодные условия мира — вспыхнет международная революция»⁶. По вопросу о продолжении войны Мануильский говорил: «В России нет возможности даль-

¹ См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. С. 360.

² Там же. С. 361.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 361—362.

⁵ Там же. С. 362.

⁶ Там же.

ше воевать. Если мы в ближайшем времени не дадим армии мира, то могут возникнуть необычайные трудности, чтобы удержать армию на фронте, и в этом вопросе я разойдусь с тов. Радеком»¹.

Несогласие с Мануильским и поддержку тезиса Радека о революционной войне высказал на заседании Г. Е. Евдокимов. «Нам придется говорить и даже придется делать революционную войну, если это будет необходимо,— заявил оратор.— Самая разгрузка фронта — факт, отвечающий ведению революционной войны. Замалчивать вопрос о ведении революционной войны нельзя... Это может быть губельно для нашей партии»².

Тревогу за состояние фронта проявил и следующий выступавший — М. Горелик. По его мнению, сепаратный мир может стать «не следствием переговоров, а следствием сильного нажима на наш фронт, он может быть нам только продиктован»³. И в этой связи Горелик говорил о необходимости «пополнить армию революционным элементом, рабочими, которых можно достать только с заводов и фабрик»; он подчеркивал, что «Красная гвардия должна быть послана в первую очередь на фронт, так как без революционной армии невозможно заключить мир»⁴.

В поддержку брест-литовских переговоров выступил М. М. Харитонов, заявивший, что могут создаться условия, когда сепаратный мир станет неизбежным, даже если условия, которые выдвинет Германия, могут быть для нас и неприемлемыми. «Не можем же мы отказаться от мира только потому,— говорил Харитонов,— что союзники отказались участвовать в переговорах»⁵. Оратор призывал все эти вопросы освещать на митингах.

Отстаивая свою точку зрения, Евдокимов подчеркивал, что «мы живем в обстановке социальной революции» и не должны бояться, что «массы нас не поймут», на что последовала реплика другого выступавшего — П. Л. Пахомова, заявившего, что «если будет необходимость вести революционную войну, то массы поймут, что необходимы часовые для защиты» революции⁶.

¹ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. С. 362.

² Там же. С. 362—363.

³ Там же. С. 363.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См. там же. С. 363—364.

В своем заключительном слове Карл Радек, согласившийся с точкой зрения Евдокимова по вопросу о революционной войне, высказался и относительно того, как он понимает положение России в окружающем нас мире. «Перехожу к сепаратному миру,— заключил Радек.— Я не верю в то, чтобы Вильгельм был принужден дать нам честный мир. Если революционное движение в Германии будет настолько сильно, что принудит Вильгельма заключить мир, то это движение перекинется... в другие страны, и мир будет всеобщим. ...Война накопила такой горючий материал, что если даже нас сейчас не поддержат, нас разобьют, то через $\frac{1}{2}$ года вспыхнет международная революция. Победа пролетариата в одной стране невозможна. Единственная реальная политика — это политика революционного дерзания. Теперь малейшее шатание, малейший компромисс может погубить революцию. Никаких сделок с капитализмом»¹.

Пока же в переговорах наступил перерыв. Но военные действия, как известно, не возобновились. Одно это уже было огромным достижением Советской власти. После возвращения нашей делегации в Петроград 24 ноября состоялось объединенное заседание ВЦИК и Петроградского Совета, заслушавшее отчет о ходе переговоров в Брест-Литовске. Докладывал Каменев. Подчеркнув, что задачей нашей делегации было «перевести дело мира из области слова в область дела», Каменев обратил внимание заседания на то важное в политическом отношении обстоятельство, что «состав нашей делегации нарушил все представления старого мира о дипломатии и о том, как должны вестись переговоры между государствами. Вы послали для переговоров не дипломатов, а представителей политических партий... а также представителей тех слоев, которые осуществляют власть...»². Он подробно доложил на заседании о тех пунктах условий перемирия, по которым возникали в Брест-Литовске разногласия. Так, по вопросу о запрещении переброски войск он подчеркивал: «Мы заключаем перемирие, ведем борьбу за мир не путем предательства рабочих и крестьян, одетых в солдатский мундир, к какой бы стране они ни принадлежали, и мы требуем гарантий, что перемирие не будет использовано против

¹ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. С. 364.

² Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

союзных народов»¹. Рассказал он и о причинах настойчивых требований советской делегации очищения Моонзундских островов. Это делалось, говорил Каменев, по совету наших военных экспертов, считавших, что с этих позиций создается непосредственная угроза Петрограду, революции. Мы не рассматривали условий перемирия, представленных в письменной форме другой стороны, говорил на заседании Каменев, а предложили устроить перерыв в переговорах, чтобы обратиться к народу, к вам за указаниями о наших дальнейших шагах в Брест-Литовске. Каменев доложил также, что мы требовали гарантировать братание солдат на фронте, но после дискуссий согласились на пункт в следующей редакции — «организованное общение солдат воюющих стран допускается»². Что же касается свободного провоза революционной литературы из России в Германию, а через нее и в другие воюющие страны, то немцы охотно соглашались, объяснял Каменев на заседании, доставлять такую литературу в Англию, Италию и Францию, но были против ее доставки в Германию, и поэтому мы не смогли принять этих «услуг» Германии. Оценивая первый этап работы мирной конференции, Каменев указывал: «Я могу сказать смело на основании своих впечатлений — для сепаратного мира у Германии предел уступок весьма и весьма широк»³. И далее он заключал: «Мы были смелы, так как мы выражали стремления народов всего мира к миру. С одной и другой стороны испробована сила штыков, но не использована еще сила революционного энтузиазма народов всего мира, а эта сила огромна»⁴.

С уверенностью в успех переговоров выступал в этот же день, то есть 24 ноября, на съезде левых эсеров и член нашей делегации Мстиславский. Подчеркивая, что в Брест-Литовске мы определенно «заявили о своей платформе всеобщего демократического мира и показали, что от этой платформы не отступим ни на йоту», оратор еще раз подтвердил, что мы «мыслим только о мире демократическом, о мире всеобщем и честном, а не о варварском сговоре отдельных государств за счет угнетенных народов»⁵. «Я лично думаю — немцы стараются

¹ Известия ЦИК. 1917. 26 ноября.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. 27 ноября.

идти на уступки», — подытожил свое выступление Мстиславский¹.

Оптимистически прозвучало мнение о первом этапе работы мирной конференции в Брест-Литовске и рядового члена нашей делегации Н. К. Белякова, который представлял в ней солдатскую фронтовую массу, хотя сам он был старшим унтер-офицером². Беляков в газете заявлял: «...у меня полная уверенность, что заключение с немцами перемирия и мира вполне возможно и без проволочек»³.

И здесь мы позволим себе еще процитировать отдельные места и статьи «Брестские переговоры» С. Мстиславского, который напишет ее по свежим следам, но все же спустя ряд дней, а опубликует эту статью выходящая в Севастополе газета эсеров «Вольный Юг»⁴. Думается, автор весьма зримо и хорошо подметил ряд деталей брест-литовских переговоров, в ходе которых за столом встретились два диаметрально противоположных мира. «Поединок начался» — так сразу же характеризовал автор открытие переговоров, представляя делегации. Мстиславский писал: «Весь ряд германской делегации поблескивает разноцветной эмалью крестов, полумесяцев и звезд на темных походных мундирах. И, отрываясь глазами от этого ряда, перенося взгляд на «нас», «чувствуешь», в буквальном смысле «глазами», глубокое различие двух — лишь узкой полосой стола разделенных в этой комнате — миров. Разве не «символичны» в высшей мере хотя бы только эти — точно нарочно друг против друга посаженные — старый, сивый весь, до прозелени, крестьянин Сташков, в зипуне и рубахе — и австрийский ротмистр, в невозможной высоты желтом воротнике, весь усеянный побрякушками, униженный кольцами — от мизинца до большого пальца».

Мстиславский дает и оценку сил, севших друг против друга за стол переговоров, оценку, не лишенную определенных оснований. Он подчеркивает: «...силы двух — сошедшихся на этот поединок — станов были слишком явственно, слишком вопиюще неравны. Русская делегация, собранная наспех, из элементов далеко не «одинаковой тактики» и — главное всего — совершенно не успе-

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 27 ноября.

² См.: Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 25 ноября.

³ Там же.

⁴ См.: Вольный Юг. Севастополь. 1917. 8 декабря.

ших столкнуться между собой, не имевшая строго выработанных директив — за исключением «ядра» делегации, трех представителей партии большевиков, получивших инструкции от Совета Комиссаров, должна была состязаться с противником опытным, заранее обдумавшим все свои ходы. Недаром перед каждым из германских и союзных им делегатов лежали аккуратно отлитографированные листки с какими-то инструкциями, замечаниями, меморандумами... А перед нами лежали только — теми же немцами заготовленные, в чистеньких синих папочках — чистые листы бумаги».

И далее Мстиславский продолжал: «Правда, делегация — отвергнув «приемы старой дипломатии», предлагала германцам померяться силами как будто новым методом, исключавшим преимущества «прежней подготовки» противника. Но вся беда в том, что существо всякого рода «преимуществ» — не в самих приемах, но в опыте». В доказательство этого положения Мстиславский приводит в своей статье пример из переговоров в Брест-Литовске, указывая на следующий факт: «...когда — до приступа к «поединку» т. Иоффе — многозначительно указал ген. Гофману на «особенность» наших дипломатических приемов, совершенную прямоту заявлений и полную гласность каждого произносимого здесь слова, — председатель немецкой делегации принял это к сведению с совершенным спокойствием, в котором светилась твердая вера, что... политика останется политикой, даже когда ее ведут «санкюлоты»...»

25 ноября объединенное заседание ВЦИК и Петроградского Совета продолжило свою работу. Началось обсуждение отчета советской мирной делегации. Оно было острым: высказывались возражения против деятельности большевиков в Брест-Литовске и вообще по вопросу о мире, вносились конструктивные предложения. Много месяцев большевики говорили, указывал, например, в своем выступлении Лапинский, что мир надо заключать через головы империалистических, разбойничьих правительств, а теперь вступили в переговоры с представителями этих правительств¹. Лапинский заявлял, что большевики предаются иллюзиям, ведя переговоры с генералами, что этот факт говорит об отречении левых течений от интернационализма². С позиций непризнания Советской

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 29 ноября.

² См. там же.

власти выступил Линдов, подчеркивавший, что окончательные условия перемирия и мира будут выработаны Учредительным собранием, поскольку нынешняя власть, мол, никем не признана и не уполномочена говорить от имени русского народа¹.

От фракции левых эсеров на заседании выступил член советской делегации Мстиславский². Подчеркнув, что в нашей работе в Брест-Литовске были дефекты и шероховатости, которых необходимо избегать в будущем, поскольку слишком велика ответственность и тяжесть задач, лежащих на делегации, Мстиславский в то же время выразил сожаление на отсутствие пока в выступлениях конструктивных возражений, их подмену простыми придирками. Нас обвиняют в том, что мы говорим с генералами, продолжал Мстиславский, но мы ведем разговор с ними по чисто техническим вопросам перемирия, все отчеты о которых опубликованы. Мстиславский высказался за то, чтобы для делегации был разработан наказ, предложив с этой целью избрать комиссию, которая его подготовит, представит в ЦИК, а тот после обсуждения вручит этот наказ делегации³.

Говоривший от фракции большевиков Сокольников отвечал на возражения Лапинского и Линдова⁴. По вопросу об обмене военнопленными Сокольников заявил, что он был бы к выгоде немцев. Относительно пункта о запрещении переброски войск Сокольников подчеркнул, что наша делегация добилась своего, лишив немцев возможности усилиться за счет увода войск с нашего фронта. По вопросу об информированности во всех деталях немецких рабочих и солдат о переговорах в Брест-Литовске он выразил уверенность в невозможности скрыть от них протоколы этой конференции.

Выступивший на заседании Дыбенко говорил о всех шагах, которые предпринимались во имя заключения мира до установления Советской власти, но которые вели лишь к затягиванию войны⁵. Дыбенко, не согласившийся также с мнением Линдова, будто немецкий народ ничего не делает для мира, заявил от имени флота, что последний выражает свое доверие нашей делегации, хотя она и действовала в Брест-Литовске без наказа ВЦИК. А вот

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 29 ноября.

² См. там же.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же.

будущему Учредительному собранию, подчеркнул Дыбенко, мы дело мира не доверим.

С заключительным словом выступил Каменев, еще раз разъяснивший ряд вопросов, по которым в ходе прений выдвигались возражения или были высказаны другие точки зрения. Возвращаясь к вопросу об обмене пленными в настоящий момент, Каменев сказал, что немцы в этом случае получили бы молодых и годных для войны людей, и «было бы безумием со стороны русской делегации в то время, когда союзники не представлены при переговорах и этим самым находятся еще в периоде войны с Германией, дать последней такой сильный козырь в руки»¹. Говорил Каменев и относительно тех возражений, которые были высказаны в выступлении Лапинского, обвинявшего делегацию, в частности, в сдаче позиций по вопросу о сроках перемирия (с 6 месяцев до 28 дней). Мы смотрели «на предварительное перемирие как на нечто такое, что дает возможность фактически приостановить бойню и дать возможность народам прийти в себя», отвечал Каменев на это возражение². И, продолжая, он подчеркнул: «Мы верим, что после приостановления военных действий очень трудно будет снова к ним перейти»³. Имея в виду тот революционный подъем, который был в стране, ту веру в идеалы братства между всеми трудящимися, которыми жила революционная Россия, Каменев далее говорил о сроках перемирия: «Это же время должно быть использовано для созыва мирного конгресса и в течение этого же времени правительства, которые будут упорствовать и отказываться от участия в таком конгрессе, будут своими народами притянуты к ответственности»⁴.

Когда закончилось заключительное слово Каменева, изъявил желание высказаться член нашей делегации крестьянин Сташков. Коснувшись вопроса о том, что вот некоторые думают, будто Учредительное собрание решит вопрос о мире, Сташков чисто по-крестьянски заявил, что «это еще писано по воде вилами» и все эти ссылки на Учредительное собрание напоминают ему старую пословицу — «Приедет барин, барин нас рассудит»⁵.

¹ Известия ЦИК. 1917. 29 ноября.

² См. там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См. там же.

После окончания прений и заключительного слова докладчика объединенное заседание ВЦИК и Петроградского Совета решило поручить комиссии, составленной из предложенных фракциями товарищей, разработать наказ для нашей мирной делегации. Было предложено также поспешить и с подготовкой обращения к трудящимся всего мира с призывом потребовать от своих правительств принять участие в мирных переговорах.

Советская власть продолжала предпринимать шаги к тому, чтобы привлечь к переговорам представителей союзных держав, официальные круги которых относились резко отрицательно ко всем мирным шагам революционной России. Газеты, например, приводили слова французского посла в Петрограде Ж. Нуланса, который заявил, что мир у Германии можно взять «лишь при победе союзников»¹. Пресса информировала читателей и о заявлении американского президента В. Вильсона, который в свою очередь также подчеркивал: «Наша задача, разумеется, выиграть войну, и мы не позволим себе замедлить шаг и не позволим отклонить себя от намеченной цели, пока война не будет выиграна»². Словом, союзники по-прежнему «отвечали»: война до победного конца, а значит, и России по-прежнему надо было держать фронт протяженностью в 1800 верст со всеми вытекающими отсюда последствиями для нашей страны³.

В одном «строю» с союзниками продолжали идти и эсеры, старавшиеся нагнетать через свои газеты атмосферу нервозности в стране, вызывать панику у обывателя, возбуждать у людей недоверие к большевикам. «Большевики обманули нас,— писала 25 ноября их севастопольская газета «Вольный Юг». — Обещали мир народам и ведут переговоры с принцами. Обещали мир без аннексий, без контрибуций и на основе самоопределения народов — и выдают нас на милость победителя, который с первого же слова подчеркивает, что мы разбитая, неполноправная страна... Россия расплачивается за политику большевиков»⁴.

25 ноября Ленин очень много внимания уделил вопросам, связанным с продолжением переговоров в Брест-Литовске. За его подписью Н. В. Крыленко направлена те-

¹ Известия ЦИК. 1917. 25 ноября.

² Там же.

³ См. там же.

⁴ Вольный Юг. 1917. 25 ноября.

леграмма¹. В ней Ленин указывал, что «для обеспечения более правильного состава военной экспертной комиссии при делегации», которая будет направлена в Брест-Литовск для продолжения переговоров, в нее, по его мнению, необходимо назначить: в качестве старшего представителя от армии, по усмотрению Крыленко, генерал-майора Базарова или генерал-майора Скалона; по одному офицеру Генерального штаба «от каждого из четырех европейских наших фронтов», при этом от Северного фронта Ленин назвал фамилию подполковника Генерального штаба Мороза; представителями флотов должны быть назначены контр-адмирал Альтфатер от Балтийского и один офицер, на усмотрение помощника главкома Румынским фронтом, от Черноморского флота. В качестве переводчика Ленин назвал и фамилию Соколова из штаба 5-й армии. В телеграмме Ленин подчеркивал, что все упомянутые лица должны прибыть в Петроград, в Смольный, утром 26 ноября для участия в составлении проекта договора о перемирии, и Крыленко надлежит на этот счет отдать соответствующие распоряжения.

А жизнь в Советской России продолжала идти своим сложным и неоднозначным путем. 26 ноября Ленин подписывает декрет, согласно которому первое заседание Учредительного собрания будет открыто по прибытии в Петроград более 400 его депутатов, то есть более половины состава этого выборного органа². Издание этого декрета вызывалось тем обстоятельством, что правая часть членов Учредительного собрания вкупе с контрреволюцией намеревалась открыть его при любом числе депутатов. Дело в том, что после разгрома мятежа Керенского — Краснова контрреволюция сама распустила «Комитет спасения родины и революции», создав вместо него 23 ноября 1917 года «Союз защиты Учредительного собрания» под председательством правого эсера В. Н. Филипповского³ (через несколько месяцев он станет одним из руководителей мятежа белочехов, а затем и эсеров). И вопросы, связанные с выборами в Учредительное собрание и его созывом, неоднократно обсуждались в Совнарком, в руководстве партии. Совнарком постановил,

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 82; *Труш М. И.* Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. М., 1986. С. 64.

² См.: Декреты Октябрьской революции. С. 204—205.

³ См.: *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975. С. 20.

что Учредительное собрание будет открыто 28 ноября. Однако за несколько дней до этого стало очевидным, что в Петроград прибыло очень мало депутатов, которые к тому же настроены весьма контрреволюционно. Но группа бывших министров — С. Н. Прокопович, П. Н. Малянтович и другие, действуя вместе с «Союзом защиты Учредительного собрания», намеревалась все же открыть его 28 ноября и призвала своих сторонников к демонстрации в поддержку этого решения¹. В этой обстановке Советская власть хотела иметь гарантии, что Учредительное собрание не будет использовано против народа. Этому и служил подписанный Лениным декрет об условиях открытия Учредительного собрания.

Надо сказать, что вопрос об Учредительном собрании был для Советской власти нелегким. Иллюзии относительно его созыва, вера в силу Учредительного собрания изживались среди масс с большим трудом. И это было понятно, ибо лозунг Учредительного собрания был старым требованием российской демократии. За него шли в тюрьмы и на каторгу лучшие сыны и дочери России. Все это было фактом, и от него никуда нельзя было уйти. Однако те, кто в прошлые годы выступал за Учредительное собрание, вряд ли могли даже предположить, что в условиях величайшей революции этот лозунг станет объектом политической спекуляции, а само Учредительное собрание контрреволюция попытается использовать против власти рабочих и крестьян, против Советской власти. И делали это люди, которые хотя и ходили в «правых», но многие из них ведь называли себя «социалистами». А между тем все более становилось очевидным, что контрреволюция собирается использовать Учредительное собрание во вред революционным завоеваниям трудящегося народа, намеревается с помощью Учредительного собрания вырвать власть у Советов. вполне естественно, что Советская власть в такой обстановке постоянно должна была быть начеку и в вопросе об Учредительном собрании. И поэтому, конечно, не случайно «Известия ЦИК» писали, что рабочие и крестьяне имеют право «в случае, если Учредительное собрание попадет в руки контрреволюционеров, поставить перед всей страной вопрос, насколько такой состав Учредительного собрания действительно выражает волю трудящихся и насколько он отражает истинное настроение трудовой России»².

¹ См.: Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. С. 20.

² Известия ЦИК. 1917. 22 ноября.

Проводя миролюбивую внешнеполитическую линию, Советская власть продолжала предпринимать в этом направлении необходимые, обеспечивающие этот курс шаги, готовиться к возобновлению мирных переговоров в Брест-Литовске. 26 ноября (9 декабря) приказом Троцкого были уволены со своих постов представители России в Англии, Японии, США, Италии, Китае, Испании, Франции, Швеции, Голландии, Швейцарии, Бельгии, Португалии, Бразилии, Уругвае, Парагвае, Чили, Аргентине, Египте, Румынии, Канаде, Сиаме, Корее, Греции¹. Причина — неполучение от них ответа на поставленный всем им вопрос: согласны ли они работать под руководством Советской власти над претворением в жизнь решений II Всероссийского съезда Советов? Относительно вопросов внешней политики это означало прежде всего их несогласие способствовать выходу нашей страны из войны и обеспечивать заключение демократического мира без аннексий и контрибуций.

Газеты сообщали также, что в эти дни в разговоре между Троцким и Крыленко, находившимся в Могилеве, затрагивался вопрос о принятии представителей Украины при Ставке, включении их в состав советской мирной делегации².

Большую озабоченность Советского правительства продолжало вызывать состояние армии. В Петрограде в эти дни начал работу общеармейский съезд, который рассматривал вопросы, связанные со снабжением армии и ее демобилизацией³. Его открыл Подвойский. Положение со снабжением фронта было катастрофическим: тяжелейшее положение со средствами, подвозящими продовольствие и фураж — имеется лишь 40 процентов необходимого транспорта; фронт располагает только 12 процентами нужного ему конского состава; катастрофическое положение с продовольствием на Северном фронте — хлеба дают менее фунта на солдата, пошли в ход сухари из неприкосновенного запаса⁴.

Тревожные сведения поступали и с различных «антибольшевистских фронтов». Все сильнее стягивался блокадный узел вокруг Советской России. Германские газеты со ссылкой на Нью-Йорк сообщали о конфискации

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 27 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 43—44.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 25 ноября.

³ См. там же. 27 ноября.

⁴ См. там же.

американскими властями 10 тысяч тонн сахара, закупленного еще до Октябрьской революции и готового к отправке в Россию¹. Пресса информировала о речи австрийского министра иностранных дел графа Чернина, которую он произнес по вопросу о мире 25 ноября в Вене². В выступлении министра звучали нотки обеспокоенности, по крайней мере Австро-Венгрии, за судьбу переговоров в Брест-Литовске. Чернин говорил: «Нам стало точно известно, что западная Антанта (западные державы) будет всеми средствами стараться пойти наперерез мирным стремлениям России, и я глубоко уверен, что мы наткнемся здесь на еще большие трудности, которые нам точно так же придется преодолеть»³.

Граф Чернин, разумеется, беспокоился прежде всего о своей стране, но сказанное им относительно позиции государств Антанты по вопросам мирных переговоров в Брест-Литовске имело под собой основание. Их конференция в Париже закончилась, и союзные державы подтвердили, что «все готовы на те жертвы, которые налагаются на них союзом»⁴. Буржуазное «Русское слово» по этому поводу писало, что «измена общему делу большевистского правительства России не только не обескуражила наших союзников», но заставила их еще сильнее напрячь свои силы⁵. Вместе с тем газета сожалела, что имеющиеся различия в оценках помешали союзникам принять определенную линию поведения по отношению к революционной России.

Думается, что последняя оценка не совсем точная. Государства Антанты придерживались четкого курса в отношении Советской России — антибольшевистского, антисоветского. Другое дело, «Русскому слову» хотелось видеть более масштабные действия союзников в этом направлении. Они были не за горами, они уже начинались. Правящие круги стран Антанты просто еще «чутьочку» выжидали, решая для себя немалой важности стратегические вопросы. Сумеет ли Германия использовать слабость России и вернуть и усилить там свои экономические позиции? Можно ли будет договориться с Германией о дележе российской добычи, имея в виду, что ресурсы Германии истощены и она не выдержит длительного напряжения

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 24 ноября.

² См. там же. 27 ноября.

³ Там же.

⁴ Там же. 28 ноября.

⁵ См. там же.

борьбы против государств Антанты? Возможно ли, наконец, руками Германии покончить с большевизмом и тем самым задушить социалистическую революцию?

Такого рода «выжидание» союзников прямо и непосредственно зависело от исхода брест-литовских переговоров. А их исход еще никто не мог предсказать. И хотя никому не было ясно, каковы будут их результаты, но все выступавшие против большевиков, Советской власти силы уже заранее отвергали внешнеполитический курс нашей страны на выход из войны, на демократический мир. «Всевозможные средства пущены в ход, чтобы сорвать дело мира, начатое со стороны России правительством Советов»¹, — подчеркивала газета «Армия и флот рабочей и крестьянской России».

Итак, мы готовились к продолжению переговоров в Брест-Литовске. Секретарь нашей делегации Карахан сообщал оттуда, что в немецких окопах распространяется воззвание за подписью Ленина и Троцкого². В нем, в частности, говорится, что «в случае, если немецкие солдаты принуждены будут идти на помощь тылу, то русские солдаты наступать не будут»³. Карахан информировал, что в связи с этим он имел полуофициальную беседу с членами германской делегации, которые расценивают этот факт, по его словам, как вмешательство в свои внутренние дела, как неискренность нашего стремления посредством перемирия достичь мира с Германией. Он подчеркивал также, что, по мнению немецкой стороны, это может привести к срыву переговоров. Немцы, сообщал Карахан, выражают сомнение к тому же относительно наших полномочий вести переговоры, поскольку, дескать, у нас нет всеобщего признания.

27 ноября (10 декабря) Владимир Ильич Ленин руководит заседанием Совнаркома. На нем среди прочих дел рассматриваются вопросы о составе советской мирной делегации для переговоров с Германией о перемирии и мире и об инструкции для делегации о ведении этих переговоров⁴. Относительно последнего Совнарком решил, что они должны основываться на Декрете о мире⁵. В соответствии с этим Ленин подготавливает «Конспект прог-

¹ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 26 ноября.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 27 ноября.

³ Там же.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 88—90; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 64—66.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 461.

раммы переговоров о мире»¹. По отдельным источникам, в его написании принимал участие Сталин². В нем указывались два направления в переговорах: политическое и экономическое. При этом подчеркивалось, что главной темой политических переговоров по вопросу о мире должен быть основной принцип, заложенный в нашем Декрете о мире, — мир без аннексий и контрибуций. В этом документе подробно развиваются положения нашего Декрета о мире относительно аннексии. Как бы в предвидении будущих жарких схваток с капитализмом по вопросам о судьбах стран и народов, попавших в орбиту империалистического господства, продолжается закладка основ новых норм международного права, принципов внешней политики Советского государства.

В 19 часов вечера того же дня Я. М. Свердлов открывает очередное заседание ВЦИК. Первый вопрос на повестке — наказ мирной делегации³. В принятой резолюции подчеркивалось, что «ЦИК одобряет действия делегации, ведшей в Брест-Литовске предварительные переговоры о всеобщем перемирии, и подтверждает полномочия этой делегации продолжать переговоры и предпринимать на основе решений» II Всероссийского съезда Советов «все необходимые шаги» для осуществления скорейшего перемирия в целях борьбы за всеобщий мир народов на демократических основах»⁴. При голосовании она принимается абсолютным большинством голосов против 2 и при 4 воздержавшихся⁵.

27 ноября Ленин подписывает дубликат телеграммы Крыленко о составе военной экспертной комиссии при делегации⁶. В состав группы вошел ряд новых высших офицеров, которые не были в Брест-Литовске на первом этапе переговоров, — генералы В. Е. Скалон, Ю. Н. Данилов, А. И. Андогский и А. А. Самойло, подполковник И. Я. Цеплит и капитан В. А. Липский⁷. Последний в мае 1918 года будет назначен помощником начальника военной миссии в Германии и в Советскую Россию больше не

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 121—122.

² См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 708.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 28 ноября.

⁴ Там же. 29 ноября.

⁵ См. там же. 28 ноября.

⁶ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 88; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 66.

⁷ См.: Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. С. 59.

вернется¹. Уже поздно вечером Ленин подписывает полномочия членам ВЦИК А. А. Иоффе, Л. Б. Каменеву и А. А. Биценко на ведение переговоров о заключении мира и удостоверения, подтверждающие эти их полномочия. В тот же день советская делегация выехала в Брест-Литовск².

Пока делегация добиралась до Брест-Литовска, в Петрограде антисоветские партии во главе с кадетами 28 ноября (11 декабря) предприняли, вопреки декрету СНК от 26 ноября, попытку проникнуть в Таврический дворец и самочинно «открыть» Учредительное собрание³. Днем у главного входа в Таврический дворец собралась толпа — около тысячи человек. Она оттеснила караул. Незначительная часть людей, среди которых было до 20 депутатов Учредительного собрания, проникла в зал дворца, расселась, и эсер Шрейдер, заняв председательствующее место, объявил высокое заседание, «собравшееся согласно постановлению Временного правительства», открытым. В поддержку этой акции от Невского проспекта до Таврического дворца прошла колонна до 10 тысяч человек. Лозунги демонстрантов не были антисоветскими, но рабочие и солдаты в колонне отсутствовали. Обо всех этих событиях Ленин узнал во второй половине дня⁴. В Смольный был вызван командующий Петроградским военным округом В. А. Антонов-Овсеенко, получивший приказание немедленно пресечь это выступление⁵. Поздно вечером СНК принимает воззвание «Ко всем трудящимся и эксплуатируемым»⁶. Относительно Учредительного собрания в нем говорилось: «Врагам народа, помещикам и капиталистам, не должно быть места в Учредительном собрании! Спасти страну может только Учредительное собрание, состоящее из представителей трудовых и эксплуатируемых классов народа! Да здравствует революция! Да здравствуют Советы! Да здравствует мир!»⁷ Как подчеркивал орган левых эсеров «Знамя Труда», «если Учредительное собрание осуществит заветные желания трудового народа, если оно станет по пути зак-

¹ См.: *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. С. 115.

² См.: *Миц И. И.* История Великого Октября. Т. 3. С. 353.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 29 ноября.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 93.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же; Известия ЦИК. 1917. 28 ноября.

⁷ Декреты Октябрьской революции. С. 216.

репления уже завоеванных позиций — оно станет властью, ибо оно соберет вокруг себя симпатии всей демократии и в ней найдет себе прочную опору»¹.

29 ноября советская делегация прибыла в Брест-Литовск². Через несколько часов после прибытия в своей комнате застрелился один из военных экспертов нашей делегации, генерал Скалон. Газеты сообщили, что причина — нервное расстройство³. В воспоминаниях военного эксперта нашей делегации генерала А. А. Самойло по поводу этого случая говорится, что Скалон в день смерти получил от кого-то письмо с сообщением о неверности своей супруги⁴. На следующий день, 30 ноября, Совнарком выражает соболезнование его жене; дочери генерала Советское правительство назначило пенсию⁵. Тело генерала было отправлено из Брест-Литовска в Киев, где проживали его родные⁶.

30 ноября переговоры в Брест-Литовске возобновились. В день их открытия «Известия ЦИК» за подписью Троцкого публикуют статью «К мирным переговорам»⁷. В ней были изложены те принципы, которые Советское правительство клало в основу мирных переговоров. «Никаких насильственных аннексий, — говорилось в статье. — Судьба народов, их хозяйства, их государства, их культуры не должна решаться силою штыков. Только свободная воля самого народа должна определять его принадлежность к тому или другому государственному целому или его государственную независимость. Все народы, которые чувствуют или сознают себя угнетенными, должны получить возможность свободно высказаться путем референдума о своей дальнейшей судьбе». «Известия ЦИК» обращали внимание и на характер переговоров. «Перемирие получает в настоящее время сепаратный характер... — заявляла газета. — Ответственность за сепаратный характер перемирия падает целиком на те правительства, которые отказались до сих пор предъявить свои условия перемирия и мира, которые продолжают скрывать от своих и чужих народов те цели, во имя которых должна про-

¹ Известия ЦИК. 1917. 29 ноября.

² См. там же. 6 декабря; Буревестник. 1917. 2 декабря.

³ См.: Буревестник. 1917. 2 декабря.

⁴ См.: Самойло А. Две жизни. М., 1958. С. 188.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 97; Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. С. 114.

⁶ См.: Баку. 1917. 9 декабря.

⁷ См.: Известия ЦИК. 1917. 30 ноября; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 45—46.

должаться война». Вместе с тем газета вновь подчеркивала: «Сепаратное перемирие не есть еще сепаратный мир. Но оно означает опасность сепаратного мира. Предупредить эту опасность могут только сами народы». Другими словами, Советская власть еще раз обращалась к рабочему классу, к его социалистическим партиям, к народам стран Антанты и Четверного союза с призывом выступить за действительно демократический мир.

Итак, переговоры в Брест-Литовске возобновились 30 ноября. На утреннем заседании, как сообщал Карахан, дискуссии шли вокруг трех вопросов: о переброске частей с Восточного на Западный фронт, некоторых морских вопросах, условия братания¹. Немцы, отходя от своих первоначальных позиций по второму и третьему пунктам и идя по ним на уступки, еще раз сделали попытку настоять на своем по вопросу о перебросках войск. После длительного и бесплодного обсуждения был сделан перерыв до вечера, с тем чтобы обе стороны имели возможность связаться со своими правительствами, со ставками, заинтересованными военными лицами и учреждениями. Вечером после перерыва советская делегация, сохраняя инициативу, внесла ряд предложений по вопросам обмена гражданскими лицами, больными и инвалидами, по вопросам улучшения положения военнопленных, облегчения культурных и хозяйственных связей. Но камнем преткновения по-прежнему оставался вопрос о запрещении переброски войск с Восточного на Западный фронт. Как скажет уже после получения известия о подписании в Брест-Литовске перемирия Троцкий на заседании Петроградского Совета 2 декабря, немцы сначала и слышать не хотели, что им нельзя будет перебрасывать войска с нашего фронта на запад².

В ночь с 30 ноября на 1 декабря (с 13 на 14 декабря) Ленин из сообщений нашей делегации узнает, что в Брест-Литовске возникла конфликтная ситуация по вопросу о прекращении оперативных перебросок войск с русско-германского фронта на Западный фронт³. И он тут же дает указание категорически настаивать на этом нашем требовании. А оно имело под собой все основания: Германия, пользуясь тем, что перемирие еще не подписано

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 1 декабря.

² См. там же. 6 декабря.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 98—99; *Труш М. И.* Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 66.

и пункт о переброске пока еще висит, так сказать, в воздухе, не теряя даром времени и заменяя свои части на западе солдатами с востока. Во всяком случае, советская сторона имела на этот счет достаточно фактов. Газеты со ссылкой на французские и английские источники сообщали, что немцы еще до подписания соглашения о перемирии с Россией всех 20—30-летних солдат на Восточном фронте заменили старшими по возрасту или молодыми рекрутами¹. Естественно, что последние были едва обученными. Таким образом, на нашем фронте номинально стояли те же части, что и прежде, но заранее принятыми мерами немцам удалось все же усилить состав своих дивизий на западе путем включения в них более боеспособных солдат с русского фронта. Этим способом немцы пользовались и в дальнейшем, о чем свидетельствовали показания перебежчиков, подтверждавших слух об отправке молодых солдат из частей на Западный фронт². Об этом же вспоминал и Гинденбург, который, говоря о подписании на Восточном фронте перемирия, подчеркивал: «Ввиду разложения русской армии мы еще раньше отвели оттуда большую часть наших боевых сил, оставив только часть боеспособных дивизий до окончательного расчета с Россией и Румынией»³.

В день начала работы мирной конференции в Брест-Литовске вновь резко обострился вопрос об Учредительном собрании. О нем говорили на IV съезде партии эсеров, продолжавшем свои заседания в Петрограде. Так, Е. М. Ратнер подчеркивала необходимость организации вооруженных частей, создания боевых дружин в защиту Учредительного собрания, не исключая при этом возможности борьбы путем применения террора⁴. Одновременно продолжались заседания и II Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Здесь вопрос об Учредительном собрании затронул в своем выступлении А. Л. Колегаев, говоривший от имени левых эсеров (в ноябре 1918 года он будет принят в партию большевиков)⁵. Напомнив съезду, что Учредительное собрание существует для народа, а не народ для него, Колегаев охарактеризовал лозунг «Вся власть Учредительному собранию» как ошибочный,

¹ См.: Вольный Юг. 1917. 12 декабря.

² См.: Революционная ставка. 1917. 22 декабря.

³ Воспоминания Гинденбурга. Пг., 1922. С. 66.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1917. 2 декабря.

⁵ См. там же. 3 декабря; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 522.

поскольку априори совершенно неизвестно, как оно поведет себя по вопросам земли, мира и другим. Как подчеркивали «Известия ЦИК», говоря о будущей судьбе Учредительного собрания, если оно «пойдет в ногу с развивающейся революцией, то оно пойдет вместе с Советами»¹. Но будет ли это так на самом деле, сказать было нельзя. Более того, факты пока свидетельствовали об обратном². Контрреволюция готовилась к «использованию» Учредительного собрания в своих интересах, к замене им Советской власти. Из различных губерний страны (Рязанской, Костромской, Курской, Псковской, Витебской, Тверской, Смоленской) поступали сведения о том, что во время выборов в Учредительное собрание имели место многочисленные случаи подтасовок со списками людей, имеющих право голоса, из избирательных урн изымались поданные за большевиков бюллетени и заполнялись голосами за кадетов, неправоммерно лишали права голоса или вообще не выдавали бюллетеней тем, кто симпатизирует большевикам.

Вечером 1 декабря Ленин разъясняет большевистской фракции Учредительного собрания позицию Советского правительства по отношению к этому органу³. Поздно вечером того же дня он участвует в заседании ВЦИК, где вновь излагает точку зрения СНК по вопросу об Учредительном собрании⁴. Подчеркивая, что, прикрываясь лозунгом Учредительного собрания, кадеты развязывают гражданскую войну, Ленин заявил: «Когда революционный класс ведет борьбу против имущих классов, которые оказывают сопротивление, то он это сопротивление должен подавлять; и мы будем подавлять сопротивление имущих всеми теми средствами, которыми они подавляли пролетариат,— другие средства не изобретены»⁵. Развязывая гражданскую войну и усиливая саботаж, говорил Ленин, буржуазия срывает дело перемирия⁶. После выступления Ленина и прений ВЦИК большинством в 150 голосов против 98 и при 3 воздержавшихся одобрил декрет СНК об открытии Учредительного собрания при на-

¹ Известия ЦИК. 1917. 2 декабря.

² См.: Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 1 декабря.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 103.

⁴ См. там же. С. 103—104; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 135—137.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 136.

⁶ Там же. С. 137.

личии 400 его членов¹. ВЦИК расценил решение СНК «самым целесообразным способом обеспечить в кратчайший срок созыв Учредительного собрания»².

2 (15) декабря «Известия ЦИК» публикуют сообщение Карахана из Брест-Литовска, в котором он информирует Троцкого о том, что после длительного обсуждения делегации Четверного союза согласились принять предложенную советской стороной формулировку пункта о непереброске войск с Восточного на Западный фронт³. В тот же день в 20 часов из Ставки Крыленко (из Могилева) было официально сообщено, что переговоры привели к заключению перемирия⁴. Договор о перемирии 2 (15) декабря 1917 года в Брест-Литовске подписали А. Иоффе, Л. Каменев, А. Биценко — со стороны России; Зекки — от Турции; полковник П. Ганчев — со стороны Болгарии; полковник Покорный, барон Франц фон Мирбах, майор Бергер, Чаки — от Австро-Венгрии; капитан Гей, капитан 1-го ранга Горн, ротмистр запаса фон Розенберг, майор генштаба Бринкман, генерал-майор Гофман — со стороны Германии⁵.

Перемирие заключалось на 28 дней: с 14 часов 4 декабря 1917 года (с 12 часов 17 декабря по новому стилю) до 14 часов 1 января 1918 года (до 12 часов 14 января 1918 года). Обе стороны имели право, начиная с 21-го дня перемирия, отказаться от него с предупреждением о том за 7 дней до возобновления военных действий. Если же ни одна из сторон за 7 дней до истечения срока перемирия не заявляет о своем желании прервать его, то оно автоматически продлевается, пока одна из сторон не откажется от него с предупреждением за 7 дней.

Перемирие распространялось на все сухопутные и воздушные силы договаривающихся государств, расположенные на сухопутном фронте между Балтийским и Черным морями. Одновременно перемирие наступает и на русско-турецком театре военных действий в Азии. При этом договаривающиеся стороны обязались на время перемирия на названных фронтах и на островах Моонзунда не усиливать числа войсковых соединений, а также их

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 466; Декреты Октябрьской революции. С. 205.

² Там же.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 2 декабря.

⁴ См. там же. 3 декабря; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 47—52.

⁵ См. там же. С. 51.

состава и численности, не предпринимать на этих фронтах перегруппировок для подготовки наступления. Был согласован и пункт о запрещении перебросок войск. Он гласил: «Договаривающиеся стороны обязуются до 1 января 1918 года (14 января 1918 года) не производить никаких оперативных воинских перебросок с фронта между Балтийским и Черным морями, за исключением тех, которые к моменту подписания настоящего договора были уже начаты»¹. Таким образом, этим пунктом мы вновь демонстрировали союзным державам свою лояльность в отношении соблюдения их интересов.

Один из пунктов перемирия разрешал в двух-трех специально организуемых местах на участке каждой русской дивизии встречи воинских чинов в дневные часы. Группы с каждой стороны при таких встречах не должны были превышать 25 человек. Участвовавшим в этих встречах разрешалось обмениваться газетами, журналами и открытыми письмами для последующей доставки их по назначению, а также предоставлялось право торговли и обмена предметами первой необходимости. Эти «пункты сношения», как они назывались официальным языком в договоре о перемирии, организовывались в местах, совместно определяемых сторонами, и обозначались белыми флагами. В приказе по армии, изданном Крыленко в связи с достижением перемирия, эти пункты именовались как «участки для братания»². «Влейте через братание,— подчеркивалось в приказе,— революционный жар в сердца измученных войною солдат противника, но строго соблюдайте условия договора»³. Разумеется, мы использовали эти места встречи солдат двух сторон для самой широкой пропаганды наших идей, идей Октября, идей мира и дружбы между народами. И страны австро-германского блока не могли не пойти на это, у них не было выхода: перемирие и мир им были нужны не менее, чем нам. В воспоминаниях Людендорфа об этом говорится так: «На некоторых пропускных пунктах, по желанию русских, было даже допущено сообщение между фронтами. Намерение вести пропаганду было совершенно ясно. Но главнокомандующий востоком был убежден, что соответствующими мероприятиями он сумеет справиться

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 47.

² См.: Революционная ставка. 1917. 5 декабря.

³ Там же.

с этой пропагандой. Мы пошли и на это условие, лишь бы прийти к соглашению»¹.

В договоре о перемирии запрещалось нападение с моря и с воздуха на порты и побережья договаривающихся сторон на всех морских театрах войны, равно как судам входить в гавани и подходить к берегам, занятым другой стороной. Запрещались полеты над портами и побережьем договаривающихся сторон на всех морских театрах, перелеты демаркационной линии. Кстати, последней как таковой практически не было, и ею служили передовые заграждения сторон. Что касается морских пространств, то эта линия определялась по взаимному соглашению сторон, зафиксированному в договоре о перемирии.

Было предусмотрено также, что с момента вступления договора в силу с целью наблюдения за его правильным выполнением учреждаются особые комиссии с местом пребывания в Риге, Двинске, Брест-Литовске, Бердичеве, Колошваре, Фокшанах и Одессе².

Один из пунктов договора касался Персии и гласил: «Исходя из принципов свободы, независимости и территориальной неприкосновенности нейтральной Персии, русское и турецкое Верховные Командования выражают готовность вывести свои войска из Персии. Для разработки деталей такого вывода войск, а также для обеспечения вышеуказанных принципов русское и турецкое Верховные Командования вступают немедленно в переговоры с персидским правительством»³.

Важной представляется короткая формулировка девятого пункта: «Договаривающиеся стороны непосредственно после подписания настоящего договора о перемирии приступают к мирным переговорам»⁴. И в этом плане большое значение имело Добавление к договору о перемирии, подписанное в Брест-Литовске в тот же день⁵. Согласно ему стороны условились принять меры для быстрого урегулирования вопроса об обмене гражданских пленных и инвалидов непосредственно через фронт, имея в виду в первую очередь возвращение на родину задержанных в течение войны женщин и детей до 14 лет. Стороны согласились немедленно принять все возможные меры для взаимного улучшения положения военнопленных.

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. С. 91.

² См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 50.

³ Там же. С. 51.

⁴ Там же.

⁵ См. там же. С. 52.

«В целях облегчения ведения мирных переговоров,— подчеркивалось в Добавлении,— и скорейшего излечения ран, нанесенных войною цивилизации, договаривающиеся стороны принимают меры к восстановлению культурных и хозяйственных сношений между странами, заключившими перемирие. В этих целях принимаются, между прочим, меры к облегчению, в пределах, допускаемых перемирием, почтовых и торговых сношений, пересылки книг, газет и пр.»¹. В заключение Добавления говорилось, что для определения деталей по указанным вопросам в Петрограде в ближайшем будущем создается смешанная комиссия из представителей всех заинтересованных сторон.

Несколько позднее, 5 (18) декабря, в городе Эрзинджане было подписано соглашение о перемирии на Кавказско-Турецком театре военных действий². Вообще надо сказать, что на этом фронте борьба за мир, равно как и на Румынском, проходила с гораздо большими трудностями, что объяснялось как отдаленностью этих районов страны от Петрограда и Москвы, так и значительным влиянием здесь контрреволюции, а также националистических партий и организаций на территориях нынешней Украины, Молдавии, Бессарабии, Грузии, Азербайджана, Армении.

В основе перемирия между русскими и турецкими армиями лежал, разумеется, общий договор о перемирии, подписанный в Брест-Литовске. При этом срок действия этого договора был иным: он вступал в силу с 1 часа 5 декабря 1917 года (18 декабря 1333 года по турецкому исчислению) и «до заключения окончательного мира»³. И нарушение его «одной из сторон» могло «последовать лишь с предупреждением за четырнадцать (14) суток до начала боевых действий»⁴.

Здесь также был пункт, который свидетельствовал о нашей позиции в отношении обеспечения интересов союзных держав. Этот пункт гласил: «С момента вступления настоящего договора в силу обе стороны взаимно обязуются не производить никаких оперативно-стратегических передвижений, перегруппировок и перевозок, выходящих из рамок обычной смены частей боевой линии частями из резерва, и особенно в целях переброски их на

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 52.

² См. там же. С. 53—57.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же.

Месопотамско-Сирийский фронт»¹. Другими словами, речь шла о запрещении переброски войск на фронт, где действовали вооруженные силы Великобритании. И насколько серьезно мы относились к этому запрету, говорит заключительная фраза этого параграфа: «Нарушение этого пункта должно знаменовать собою возобновление военных действий»².

С нашей стороны этот договор был подписан начальником штаба Кавказской армии генерал-майором Вышинским, командиром 156-го пехотного Елизаветинского полка в звании полковника, солдатом Ал. Смирновым, приват-доцентом В. Тевзая, переводчиком штаба Кавказской армии капитаном Ведринским³. К договору о перемирии между русскими и турецкими армиями был приложен акт о демаркационных линиях, подписанный в тот же день и теми же лицами⁴.

Итак, перемирие на русском фронте было подписано. Оно было сепаратным, но в этом нет никакой «вины» Советской власти. В этом была только ее заслуга: восемь месяцев Временное правительство обманывало народ, обещая заключить мир, и лишь месяц (но какой напряженный и какой тяжелейший!) понадобился власти Советов, чтобы дать народу передышку. Она знаменовала окончание одного этапа борьбы за мир и переход к другому, еще более сложному и ответственному.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 54.

² Там же.

³ См. там же. С. 56.

⁴ См. там же. С. 56—57.

Глава IV

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ОТЕЧЕСТВУ?

По-разному встретили в России и в мире известие о подписании в Брест-Литовске договора о перемирии, о временном прекращении на Восточном фронте военных действий. Народ в тылу и солдаты в окопах возлагали большие надежды на полное прекращение войны в недалеком будущем. Так, в первую декаду декабря прошел ряд областных армейских и фронтовых съездов¹, на которых делегаты уже могли высказать свое отношение к заключенному перемирию. В Минске, например, фронтовой съезд солдатских депутатов одобрил его и выразил в своем решении поддержку Советскому правительству в проведении им политики мира².

С явной враждебностью встретили известие о перемирии в кругах контрреволюции и противников большевиков, где ясно понимали, что даже кратковременная передышка помогает Советской власти укреплять свои позиции, а значит, расширять влияние среди широких масс народа.

Что касается держав Антанты, то в их правящих кругах никаких изменений не произошло. 2 декабря «Известия ЦИК» сообщают о речи морского министра Англии У. Черчилля. «Благодаря временному стечению обстоятельств и нарушенному равновесию сил,— заявлял английский министр,— прусский милитаризм получил некоторую передышку. Наша задача, следовательно, не выполнена. Мы намерены выиграть эту войну, как бы ни был долог и тяжел путь к победе». О том, что этот путь будет не только долгий, но и кровавый, в Англии, конечно, по-

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 187.

² См.: *Никольников Г. Л.* Победа ленинской стратегии и тактики по вопросам войны, мира и революции. Киев, 1966. С. 92.

нимали. Но кто виноват в этом? Ну, разумеется, Россия, которая отказывается проливать кровь своего народа во имя «общих интересов». Черчилль так прямо об этом и говорит простому англичанину: «Именно положение России затянуло войну и лишило английскую, французскую и итальянскую армии столь близкой уже награды за все понесенные лишения и жертвы».

После заключения перемирия советская делегация на несколько дней прибыла в Петроград для проработки ряда вопросов; 2—6 декабря Ленин неоднократно встречался с членами делегации¹. Перед ее отъездом в Брест-Литовск он занимался многими вопросами, имевшими прямое отношение к мирным переговорам. Ленин подписал удостоверение М. Н. Покровскому о назначении его членом делегации, говорил с ним, сообщил ему инструкции Совнаркома для нашей делегации². Консультантом делегации был назначен и М. П. Вельтман (Павлович), удостоверение которого также было подписано Лениным³. Подписал Ленин и удостоверение П. И. Бессонову, командированному в Брест-Литовск в качестве офицера связи при советской мирной делегации⁴. 3 декабря Ленин председательствует на заседании Сознаркома, где обсуждается и вопрос об ассигнованиях для издания органа на немецком языке, а на следующий день, 4 декабря, Советское правительство, рассмотрев доклад своей делегации на переговорах в Брест-Литовске, предложило ей «в спешном порядке представить... точный текст немецких условий мира»⁵. Особо следует остановиться на «Манифесте к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде», над проектом которого в эти дни работал Ленин и который обсуждался на Совнаркоме, был им утвержден, а затем и подписан Владимиром Ильичем⁶. Вопрос о взаимоотношениях Советской власти и Украинской рады имел большое значение для хода переговоров в Брест-Литовске.

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 105.

² См. там же. С. 108.

³ См. там же. С. 108, 680.

⁴ См. там же. С. 114.

⁵ Там же. С. 106; *Выгодский С. Ю.* В. И. Ленин — руководитель внешней политики Советского государства (1917—1923 гг.). Л., 1960. С. 85.

⁶ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 106—107.

Рада уже на следующий день после свержения Временного правительства приняла резолюцию «против восстания в Петрограде» и заявила, что будет «энергично бороться со всякими попытками поддержать бунты на Украине»¹. Эта враждебная по отношению к Советской власти, к большевикам позиция предопределила и последующие действия Рады, которая начала предпринимать меры к разоружению и выводу революционно настроенных частей из Украины. 7 (20) ноября был принят третий Универсал, согласно которому объявлялось о создании Украинской народной республики². 10 (23) ноября Малая рада (исполнительный орган Центральной рады) объявила, что Совнарком в Петрограде не является правительством, которое признается большинством населения, а потому надлежит вступить в переговоры с теми, кто действует на Дону, Кубани, о создании правительства из всех «социалистических партий»³. Словом, Рада шла по тому же пути, что в эти же дни демонстрировали меньшевики и эсеры в Петрограде, окружение уже смещенного Духонина в Ставке, в Могилеве.

Во главе этого курса Рады стояли ее председатель и идеолог М. С. Грушевский, его заместитель В. К. Винниченко, ведавший военными делами С. В. Петлюра и другие⁴. 11 (24) ноября Петлюра в телеграмме командующим русскими армиями потребовал объявить украинским частям, что обращения «Народных Комиссаров Петрограда» к армии «исполнению не подлежат», а на следующий день, 12 (25) ноября, представители Рады вступили в Ставке с уже отстраненным от командования Духониным в сговор, выразившийся прежде всего в непуске на Дон революционных частей, посылаемых Советской властью для борьбы против контрреволюции⁵.

Тревожные вести с Украины беспокоили Советское правительство, которое на своих заседаниях 19 ноября и 2 декабря заслушивало на этот счет сообщения И. В. Сталина и Ю. Л. Пятакова⁶. Огромное внимание этому вопросу было уделено на заседании СНК 3 декаб-

¹ Декреты Октябрьской революции. С. 235.

² См. там же.

³ Там же.

⁴ См. там же. С. 235; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 467.

⁵ См.: Декреты Октябрьской революции. С. 235.

⁶ См. там же. С. 235—236; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 72, 104.

ря¹. Сначала, на дневном заседании правительства, было постановлено «выпустить особый меморандум украинскому народу и послать Раде ультиматум». С этой целью создали комиссию в составе Ленина, Сталина и Троцкого и объявили перерыв в заседании СНК для ее работы. На вечернем заседании Совнаркома предложенный комиссией проект этого документа был единогласно утвержден.

В «Манифесте», подтверждая за всеми нациями право на самоопределение и признавая его и за украинским народом, подчеркивалось, что Рада «ведет двусмысленную буржуазную политику», исключаящую возможность признать ее Советской властью в качестве «полномочного представителя трудящихся и эксплуатируемых масс Украинской республики», что ее контрреволюционные шаги подрывают и дезорганизуют общий фронт борьбы, уничтожают всякую возможность достичь с ней соглашения². О каких контрреволюционных действиях Рады шла речь в документе? «Рада перемещает и отзывает односторонними приказами украинские части с фронта,— говорилось в «Манифесте»,— разрушая таким образом единый общий фронт до размежевания, осуществимого лишь путем организованного соглашения правительств обеих республик»³. Далее в документе указывалось, что «Рада приступила к разоружению советских войск, находящихся на Украине», что она «оказывает поддержку кадетски-калединскому заговору и восстанию против Советской власти», что «Рада пропускает через свою территорию войска к Каледину, отказываясь пропускать войска против Каледина»⁴. Это уже было прямым вызовом Советской власти, и Совнарком утверждает в «Манифесте» недвусмысленное предупреждение руководству Рады по поводу такой политики: «Становясь на этот путь неслыханной измены революции, на путь поддержки злейших врагов как национальной независимости народов России, так и Советской власти, врагов трудящейся и эксплуатируемой массы, кадетов и калединцев, Рада вынудила бы нас объявить, без всяких колебаний, войну ей, даже если бы она была уже вполне формально признанным и бесспорным органом высшей государственной власти независимой буржуазной рес-

¹ См.: Декреты Октябрьской революции. С. 236; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 106.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 143—144.

³ Там же. С. 144.

⁴ Там же.

публики украинской»¹. «Манифест» требовал от Рады ответа: готова ли она прекратить все действия, направленные против Советской власти. Обстановка вызывала необходимость незамедлительного получения от Рады всех разъяснений в связи с ее контрреволюционными шагами, ибо вот-вот должны были начаться переговоры о мире в Брест-Литовске, и содействие Рады кадетам и каледицам в раздувании гражданской войны на юге, ее отвод без каких-либо предупреждений своих частей с фронта и его оголение тем самым серьезно ослабляло наши позиции на брест-литовских переговорах. Все это и обуславливало решительный тон заключительной части «Манифеста». «В случае неполучения удовлетворительного ответа... — подчеркивалось в нем, — в течение 48 часов Совет Народных Комиссаров будет считать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине»².

4 (17) декабря Ленин подписывает этот документ, и он тут же телеграфом передается в Киев³. В тот же день Рада дает ответ за подписями Винниченко и Петлюры, который был расценен как неудовлетворительный и содержащий одновременно выпады против Совнаркома⁴. Обсудив его, СНК на своем заседании 5 декабря постановляет: «Признать ответ Рады неудовлетворительным, считать Раду в состоянии войны с нами. Поручить комиссии в составе гг. Ленина, Троцкого и Сталина принять соответствующие меры по сношению со Ставкой и выпустить от имени Совета Народных Комиссаров два воззвания — к украинскому народу и к солдатам»⁵.

Положение создавалось опасное, и к каким последствиям оно могло бы привести, никто не мог заранее сказать. Советская власть делала все возможное, чтобы конфликт был решен мирным путем. Еще в конце ноября — первых числах декабря, несмотря на враждебную позицию Рады в отношении Советской власти, последняя положительно отнеслась к ее желанию иметь в составе советской мирной делегации представителей Украины⁶.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 144.

² Там же, С. 145.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 107; Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 561.

⁴ Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 562; Декреты Октябрьской революции. С. 236.

⁵ Декреты Октябрьской революции. С. 236; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 111.

⁶ См.: Известия ЦИК. 1917. 25 ноября.

И когда в Двинск прибыла делегация Рады в составе трех человек, были приняты меры для их быстрее доставки к месту переговоров¹. Совнарком положительно отнесся к посредническим попыткам между ним и Радой, которые были предприняты 6 декабря представителями «Украинского революционного штаба» в Петрограде, а 7 декабря сначала украинскими представителями II крестьянского съезда, заседавшего в эти дни в Петрограде, а затем в тот же день делегатом этого же съезда левым эсером В. А. Карелиным². Но и эти шаги никаких практических результатов не дали. Рада, поощряемая извне, закусила удила и ужесточала свой антисоветский курс. Она распорядилась о закрытии границ Украины с Россией, готовилась в Киеве к открытию британского генерального консульства, при котором планировалось создать специальный отдел для поддержания дипломатических отношений англичан с Радой³. В этих условиях Советское правительство придерживалось единственно разумной линии: оно продолжало предпринимать попытки к разрешению этого внутреннего конфликта мирным путем.

А между тем сгущались тучи и на внешнем фронте. Наркоминдел был вынужден даже отдать распоряжение не выдавать никаких пропусков и других документов представителям посольств тех стран, которые чинят затруднения Советской власти в ее контактах с заграницей, в продвижении советских мирных инициатив на международной арене⁴. В ночь с 5 на 6 декабря Ленин принимает члена французской военной миссии в России капитана Ж. Садуля и в беседе с ним решительно высказывается за участие наших бывших союзников — Франции, Англии, США и других стран — в общих переговорах о мире⁵.

6 декабря «Известия ЦИК» в виде передовой публикуют статью Троцкого по поводу заключения перемирия и приостановки военных действий на Восточном фронте. Призывая рабочих воюющих стран и их солдат к борьбе «за немедленное прекращение войны на всех фрон-

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 3 декабря.

² См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 578, 579; Декреты Октябрьской революции. С. 243—244.

³ См.: Вольный Юг. 1917. 9 декабря.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1917. 3 декабря.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 112; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 68.

тах», газета подчеркивала, что «за подлинный демократический мир народам предстоит еще только бороться», ибо условий для него, кроме России, пока нигде нет. И в этой связи, думается, с излишней свехреволюционностью, которая могла лишь усложнить позиции нашей делегации в Брест-Литовске, Троцкий писал: «В переговорах о мире Советская власть ставит себе двойную задачу: во-первых, добиться как можно скорейшего прекращения постыдной и преступной бойни, которая губит Европу, во-вторых, помочь всеми доступными нам средствами рабочему классу всех стран низвергнуть господство капитала и овладеть государственной властью в целях демократического мира и социалистического переустройства Европы и всего человечества». Троцкого, как это было часто в нашей истории, непомерно заносило. Более сдержанным и трезвым в этом смысле было опубликованное газетой в тот же день обращение Советского правительства «К трудящимся, угнетенным и обескровленным народам Европы», в котором оно призывало рабочих и солдат воюющих стран взять дело мира «в свои руки», подчеркивая, что это «единственный путь спасения для вас и для нас».

8 декабря в Петрограде состоялось объединенное заседание ВЦИК, II крестьянского съезда, Петроградского Совета, представителей профсоюзов, фабрично-заводских комитетов, полковых комитетов и районных Советов¹. На заседании присутствовали члены Совнаркома, партии левых эсеров, других организаций. На повестке дня был один вопрос: заключение перемирия и дальнейшая борьба за всеобщий демократический мир. Первой в прениях выступала от левых эсеров Спиридонова, которая подчеркивала, что на русском фронте пробита наконец брешь в борьбе против войны и что ее партия поддерживает линию Совнаркома на мир². О переговорах в Брест-Литовске говорил и Троцкий³. На заседании было принято «Обращение к трудящимся массам всех стран»⁴. В нем подчеркивалось, что политика Советского правительства по вопросам мира открывает путь к прекращению войны на всех фронтах. Призывая германских рабочих поддержать борьбу русского народа за справедливый все-

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 9 декабря; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 58—59.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 9 декабря.

³ См. там же.

⁴ Там же; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 58—59.

общий мир, в документе заявлялось: «Разве вы боретесь для того, чтобы умирать не на Висле, а на Изере?»¹ Обращаясь к рабочим Франции, Англии, Италии, Сербии, Бельгии, документ подчеркивал: «И вы должны возвысить ваш голос. Пусть знают ваши правительства, что вы не хотите больше проливать кровь ради чуждых вам грабительских целей. Одни мы, представители трудящихся масс России, не можем вам дать всеобщего мира»². Только воля народов заставит империалистов всех стран пойти на всеобщий справедливый мир — таков был лейтмотив этого обращения.

Однако курс империалистов Антанты на продолжение войны до полного разгрома Германии и ее союзников был сильнее и преваляровал над сознанием и движением трудящихся за прекращение бессмысленной бойни народов. А потому все, что препятствовало проведению этого курса, объявлялось враждебным интересам союзных держав. Советская власть и ее политика мира были здесь на первом месте. «Большевиков следует рассматривать как открыто признанных врагов»³, — говорилось на заседании кабинета Ллойда Джорджа 7 декабря 1917 года.

Что касается Германии, то она стремилась быстрее развязать себе руки на востоке. Но в то же время она не хотела упустить здесь и своей добычи, которая представлялась ей сравнительно доступной, если иметь в виду тяжелое политическое, экономическое и военное положение Советской власти. И готовясь к открытию мирных переговоров в Брест-Литовске, Германия намечала проводить на них четко выраженный аннексионистский курс. Э. Людендорф в своих воспоминаниях пишет, что 18 декабря (значит, по старому стилю это было 5, то есть накануне открытия мирных переговоров в Брест-Литовске) в Крейцнахе под председательством кайзера состоялось совещание, на котором присутствовали высшие политические и военные чины Германии. Цель совещания — установить условия мира, «которые должны были быть поставлены России»⁴. Людендорф подчеркивает, что император, не встретив возражений со стороны канцлера и министра иностранных дел, высказал согласие «с проектом присоединения оборонительной полосы вдоль прус-

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 58.

² Там же. С. 59.

³ *Штейнберг Валентин*. Джентльмены в Латвии (1917—1929). Тайное и явное в политике Запада. Рига, 1983. С. 25.

⁴ *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. С. 112.

ско-польской границы в тех размерах, которые мы признавали удовлетворительными»¹; под «мы» подразумевались военные круги Германии.

В целом на совещании речь шла о Литве, Курляндии, Эстляндии и Лифляндии. В отношении Курляндии (территория бывшего Ливонского ордена, после его распада в конце XVIII века присоединенная к России) и Литвы, пишет далее Людендорф, решили, что «мы будем держиваться прежнего направления, если в будущем на восточной границе не явятся новые опасности для Германской империи»². Что касается Эстляндии (историческое название Северной Эстонии) и Лифляндии (часть Северной Латвии и Южной Эстонии), то, продолжает Людендорф, «его величество решил предложить России очистить эти области, но не настаивать на этом требовании, чтобы предоставить эстонцам и латышам использовать право самоопределения наций»³.

Готовилась к переговорам в Брест-Литовске и Советская власть. Много было у нее дел — и внешних и внутренних. Из ставки приходили сообщения, что нарушений перемирия на фронтах не наблюдается, происходит братание солдат, на ряде участков, например, Западного фронта, оно носит массовый характер, а на Юго-Западном — немцы даже протестуют, что их окопы посещают большие группы наших солдат⁴. Все это свидетельствовало о том, что наступившее перемирие отвечало настроениям широких солдатских масс как России, так и противника. Не случайно французский министр иностранных дел Пишон заявлял в это время, что, «несмотря на все усилия союзных правительств, перемирие (на Румынском фронте) не могло быть предотвращено»⁵.

На фронте жаждали мира, верили в него, а положение солдат в окопах, даже в условиях перемирия, было тяжелейшим из-за отсутствия продовольствия, фуража, зимнего обмундирования. Враждебная Советской власти печать по этому поводу подогревала страсти среди населения в тылу. «Последние сведения с фронтов, — писала, например, газета «Баку», — указывают, что солдатские массы выходят из повиновения даже той власти, которая

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. С. 112.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1917. 8 и 13 декабря.

⁵ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 19 декабря.

принесла им надежду на немедленный мир»¹. Как удержать фронт, снабдить его всем необходимым в условиях наступившей зимы и развалившегося транспорта, каково положение на фронте с точки зрения боевой готовности войск на случай каких-либо непредвиденных обстоятельств в ходе переговоров с немцами? Все эти вопросы постоянно находились в поле зрения Совнаркома и лично Ленина, неоднократно в эти дни ведшего переговоры по прямому проводу с главкомверхом Н. В. Крыленко².

В правильности внешнеполитического курса Советской власти убеждались все более широкие слои населения, прежде всего крестьяне и выразители их демократических устремлений — левые эсеры. Так, в принятой II съездом крестьянских депутатов резолюции подчеркивалось, что съезд «приветствует первый крупный успех, завоеванный на пути борьбы против бесчестной империалистической бойни, и обещает поддержку миллионов крестьян и солдат той политике» ЦИК и СНК, «которая направлена к скорейшему достижению честного демократического мира народов»³. Съезд постановил перевести эту резолюцию на немецкий, французский и другие языки и сообщить ее «всеми возможными способами всем воюющим и нейтральным народам»⁴.

Надо сказать, что Советская власть активно проводила линию на всемерную пропаганду своего внешнеполитического курса, всей своей политики среди трудящихся и солдат воюющих стран. В Петрограде тогда нередко можно было видеть и читать такие документы, как отношение Военно-революционного комитета о выдаче армейскому исполнительному комитету 5-й армии 30 пудов... литературы на немецком языке или просьбу отдела по делам военнопленных Наркомата по иностранным делам к ВРК выдать солдатскую одежду немецким военнопленным Геслеру Отто и Павлу Анковерку, необходимую им для работы среди германских и австрийских военнопленных в России с целью агитации и создания интернационалистических организаций⁵. На агитационные цели связанные с пропагандой мира и борьбы за него, Совнар-

¹ Баку. 1917. 9 декабря.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 113, 119.

³ Известия ЦИК. 1917. 7 декабря.

⁴ Там же.

⁵ См.: Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3 т. М., 1967. Т. 3, С. 574—585.

ком выделял посильные средства. Например, в ночь с 9 на 10 декабря Советское правительство обсуждало вопрос об ассигновании В. В. Воровскому в Стокгольм 2 миллионов рублей в фонд борьбы за мир, а 11 декабря Ленин уже подписывает соответствующее правительственное постановление на этот счет¹. В нем, в частности, говорилось: «Принимая во внимание, что советская власть стоит на почве принципов международной солидарности пролетариата и братства трудящихся всех стран; что борьба против войны и империализма может только в международном масштабе привести к полной победе, Совет Народных Комиссаров считает необходимым прийти всеми возможными, и в том числе денежными, средствами на помощь левому интернационалистическому крылу рабочего движения всех стран, совершенно независимо от того, находятся ли эти страны с Россией в войне, или в союзе, или же сохраняют нейтральное положение»². Газеты в эти дни публиковали объявления вроде следующего: «Декрет о мире на немецком, турецком, мадьярском, польском и др. языках товарищи, отправляющиеся на фронт, могут получить в Смольном институте, 1-й этаж, комн. № 4»³.

Большое значение для укрепления позиций Советской власти имело дальнейшее сближение точек зрения левых эсеров и большевиков по многим вопросам внутренней политики и почти идентичности их взглядов по проблемам мира и мирных переговоров в Брест-Литовске. 7 декабря Ленин председательствует на заседании Совнаркома, на котором обсуждался и вопрос о вхождении левых эсеров в правительство⁴. В ночь с 9 на 10 (с 22 на 23) декабря СНК вновь возвращается к этому вопросу, в результате чего была достигнута договоренность о том, что Прошьян, Алгасов, Трутовский, Михайлов, Измайлович и Штейнберг вошли в состав Советского правительства, в котором левые эсеры, с учетом заседавшего в СНК Колегаева, были теперь представлены 7 нарками⁵.

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 121, 124.

² Декреты Октябрьской революции. С. 281.

³ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 13(26) декабря.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 116.

⁵ См. там же. С. 121; Известия ЦИК. 1917. 12 декабря.

Поддержка левыми эсерами внешнеполитического курса Советской власти укрепляла, конечно, ее авторитет на международной арене. Орган левых эсеров «Знамя Труда» подчеркивал, что политика мира «есть единственное средство отстоять великие завоевания революции как в ее национальном, так и международном значении»¹. «Знамя Труда» писало о восторге трудового крестьянства по поводу вести о заключении перемирия, что «от слов приступлено к делу, что к миру подошли вплотную, что войне, наконец, нанесен жестокий, роковой удар»².

О том, что с войной надо кончать, что с миром тянуть дальше невозможно, на этом сходились многие политические партии и группы, действовавшие тогда в России. Но в их взглядах на эти вопросы были оттенки, различные подходы, неодинаковые точки зрения на приемы и средства решения вставших перед Советской властью вопросов. Эта неоднозначность проявлялась и в рядах партии большевиков. Все это в какой-то мере можно было наблюдать и на уже упоминавшемся объединенном заседании 8 декабря ВЦИК, II съезда крестьянских депутатов, Петросовета, а также представителей других организаций и органов, включая и Совнарком. Выступивший там после Спиридоновой Троцкий, как бы отвечая тем, кто упрекал большевиков в ведении переговоров с генералами, говорил: «Конечно, наше положение было бы много лучше, если бы народы Европы восстали вместе с нами и нам пришлось бы разговаривать не с генералом Гофманом и графом Черниным, а с Либкнехтом, Кларой Цеткин, Розой Люксембург и другими. Но этого еще нет, и ответственность за это не может быть возложена на нас»³. Оратор подчеркивал отсутствие какого-либо нарушения принципов интернационализма в факте наших переговоров с немцами. Троцкий заявлял, что, если голос рабочего класса Германии «не проснется и не окажет того могучего влияния, которое должно сыграть решающую роль... мир будет невозможен»⁴. Другими словами, решение вопроса переносилось в международную плоскость, обуславливалось развитием событий на международной арене.

Будучи отличным оратором, Троцкий в этой своей речи как бы предлагал огромной аудитории различные

¹ Известия ЦИК. 1917. 10 декабря.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

варианты развития событий в Брест-Литовске, как бы «проигрывал» эти возможные варианты на большой массе людей, среди которых были представители всех политических течений.

Говоря о том, что без воздействия германского рабочего класса «мир будет невозможен», оратор в то же время заявлял о крепнущей у нас уверенности в могучем воздействии самих переговоров на борьбу народов за мир. Троцкий тут же еще более заострял вопрос: «Но если бы мы ошиблись, если бы мертвое молчание продолжало сохраняться в Европе, если бы это молчание давало бы Вильгельму возможность наступать и диктовать условия, оскорбительные для революционного достоинства нашей страны, то я не знаю, смогли ли бы мы, при расстроенном хозяйстве и общей разрухе, явившейся следствием войны и внутренних потрясений, смогли ли бы мы воевать»¹.

Оратор, таким образом, выдвигал перед полномочным собранием дилемму: в международном плане поддержки нет, враг наступает, сил разрушенная страна не имеет. Более того, не только выдвигал эту дилемму, но и выражал свое личное сомнение в возможности вести в такой обстановке войну. Однако тут же твердо заявлял другое: «Я думаю: да, мы смогли бы. За нашу жизнь, за смерть, за революционную честь мы боролись бы до последней капли крови»². И на эти слова оратора собрание ответило взрывом аплодисментов.

Далее последовал еще более любопытный поворот в речи Троцкого, который связал тему мирных переговоров с вопросом об Учредительном собрании. «Если нам предложат условия, неприемлемые для нас и всех стран, противоречащие основам нашей революции,— заявил Троцкий,— то мы эти условия представим Учредительному собранию и скажем: решайте. Если Учредительное собрание согласится с этими условиями, то партия большевиков уйдет и скажет: ищите себе другую партию, которая будет подписывать эти условия, мы же — партия большевиков и (здесь оратор обратился к нашим союзникам по власти), надеюсь, левые эсеры, призовем всех к священной войне против милитаристов всех стран»³. И снова аплодисменты зала, готового драться за революцию до конца.

¹ Известия ЦИК. 1917. 10 декабря.

² Там же.

³ Там же.

Но и этот тезис был не последним в речи Троцкого. Выразив сначала сомнение в возможности противостоять без поддержки международного пролетариата натиску германских армий в случае неблагоприятного для нас хода событий в Брест-Литовске, заявив тут же, что тогда мы все же будем вести революционную войну не на жизнь, а на смерть, Троцкий поворачивает ход своих рассуждений и еще одной гранью проблемы — нашим, по сути дела, поражением в ходе такой революционной войны, хотя открыто он говорит не о поражении, а о невозможности вести ее. «Если же мы, в силу хозяйственной разрухи, воевать не сможем, если мы вынуждены будем отказаться от борьбы за свои идеалы,— подчеркнул оратор,— то мы своим зарубежным товарищам скажем, что пролетарская борьба не окончена, она только отложена, подобно тому как в 1905 году мы, задавленные царем, не закончили борьбу с царизмом, а лишь отложили ее»¹.

В выступлении Троцкого наглядно отразились те точки зрения, которые все более отчетливо проступали в руководстве партии большевиков, среди левых эсеров, других политических сил. Пока еще в зародыше, но в этой речи уже наличествовали и тезис «ни мира, ни войны», и положение о возможности утраты Советской власти ради подталкивания развития мировой революции, и призыв к революционной войне при любых условиях, и отрицание любых компромиссов, и многое другое, вокруг чего через пару месяцев закипят страсти, до предела накалившие обстановку в стране, в партии, поставившие на край гибели молодую Советскую власть.

Таков был фон, на котором должны были начинаться в Брест-Литовске переговоры о мире. Их открытие намечалось на 5 (18) декабря, но в связи с тем, что делегации Австро-Венгрии и Турции запаздывали, решено было начать работу 9 декабря². И поэтому часть советской делегации, уже прибывшей в Брест-Литовск, побывала в эти дни в Варшаве, где ознакомились с положением наших военнопленных³. Передышкой воспользовались и немцы, проведя 7 декабря совещание у канцлера Гертлинга, который сообщил присутствующим, что он назначил вести переговоры министра иностранных дел фон Кюльмана, а последний ознакомил собравшихся с планом ведения мирных переговоров, получив его одобре-

¹ Известия ЦИК. 1917. 10 декабря.

² См. там же.

³ См. там же.

ние представителями всех партий, в том числе и Независимой социал-демократической, от которой на этом совещании присутствовал Г. Гаазе¹.

Шел 45-й день Советской власти. Это была суббота, 9 (22) декабря 1917 года. В этот день в Брест-Литовске в 16 часов 24 минуты начала свою работу мирная конференция, открылось ее первое пленарное заседание². На переговоры в Брест-Литовск делегации прибыли в следующих составах.

Советскую делегацию представляли ее руководитель А. А. Иоффе, Л. Б. Каменев, А. А. Биценко, М. Н. Покровский, секретарь делегации Л. М. Карахан, консультант М. П. Вельман-Павлович, военные консультанты контр-адмирал В. М. Альфатер, генерал А. А. Самойло, капитаны В. А. Липский и И. Я. Цеплит³.

В делегацию Германии входили министр иностранных дел фон Кюльман в качестве ее главы, генерал-майор Гофман, посланник фон Розенберг, директор правового департамента Криге, тайный советник Надольный, капитан 1-го ранга Горн, майор Брикман, директор экономического департамента Иоганнес.

Значительной по составу была делегация Австро-Венгрии, в которую входили возглавлявший ее министр иностранных дел граф Чернин, посол фон Мерей, посланник фон Визнер, легационные советники графы Коллоредо и Чаки, фельдмаршал-лейтенант фон Чичерич, оберлейтенант Покорный, майор фон Глайзе.

Болгарию представляли министр юстиции Попов, посланники Коссов и Стаянович, полковник Ганчев, легационный секретарь Анастасов⁴.

И наконец, в турецкую делегацию входили великий визирь Талаат-паша, министр иностранных дел Ахмед Несим-бей, посол Ибрагим Хакки-паша, генерал от кавалерии Зеки-паша, легационный советник Решад Хикмет-бей⁵.

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 15 декабря.

² См. там же. 10 и 14 декабря; Мирные переговоры в Брест-Литовске с 22/9 декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г. Т. 1; Пленарные заседания. Заседания Политической комиссии. Издание Народного комиссариата иностранных дел. М., 1920. С. 3.

³ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 3; Известия ЦИК. 1917. 14 и 16 декабря; *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. С. 59.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1917. 14 и 16 декабря; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 3.

⁵ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 3.

Кроме того, со стороны Германии и Австро-Венгрии помимо официальных членов делегаций присутствовало много высокопоставленных чинов их внешнеполитических ведомств¹.

Первое заседание было коротким и продолжалось менее часа. Оно открылось краткой речью генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского, приветствовавшего всех в своей «главной квартире в качестве гостей»². Подчеркнув, что стараниями присутствующих война остановлена заключением перемирия, Баварский попросил Ибрагима Хакки-пашу принять по старшинству председательствование, пожелал конференции успеха и покинул зал заседания. Заняв место председателя, турецкий делегат поблагодарил за оказанную ему честь возглавить первое заседание конференции, а затем в изысканных, цветистых фразах, подчеркивая, что все делегации — гости Германии, в свою очередь предложил, выражая надежду на всеобщее согласие, председательствовать фон Кюльману.

Высказав обычные дежурные фразы по этому поводу, Кюльман постарался придать деловой характер работе конференции. Сказав, что вряд ли возможно сразу же обговорить все процедурные детали переговоров, он подчеркнул, что «скорее нам предстоит определение главных принципов и условий, при которых мирные и дружественные сношения, особенно в культурной и хозяйственной областях, смогут быть вновь возобновлены в ближайшем будущем, а также и обсуждение лучших средств, которыми можно было бы залечить раны, причиненные войной»³. Глава германской делегации брал, как говорится, быка за рога: немцам были нужны хозяйственные связи с Россией (они были разорваны войной) для получения необходимого Германии продовольствия и сырья. Поэтому Кюльман и выразил пожелание, чтобы ход работы конференции «был быстрый и успешный»⁴. Что же касается слов о залечивании ран, причиненных войной, то они адресовались прежде всего измученному, обескровленному и разоренному народу России.

Без затруднений был решен и вопрос о протоколе. Порядок перечисления в документах стран, участвующих в конференции, и председательствования на пленарных

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 14 декабря.

² Там же; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 3.

³ Известия ЦИК. 1917. 14 декабря.

⁴ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 4.

заседаниях должен был происходить по латинскому алфавиту, ведение протоколов — на немецком и русском языках, а выступления — на языках представленных в Брест-Литовске государств¹. Не возражали делегации и против предложения Ибрагима Хакки-паши использовать для выступлений французский язык, хотя Кюльман и бросил реплику, что при этом надо будет всегда проявлять заботу о переводе. Наконец, по предложению Кюльмана был решен вопрос о способе ведения переговоров: общие принципы и темы договорились обсуждать на пленарных заседаниях, а вопросы, затрагивающие, скажем, Болгарию и Россию или Турцию и Россию, решать с меньшим составом участников заседания, то есть тех стран, которых это непосредственно касается². Какие вопросы где обсуждать, должно было решать пленарное заседание. Как подчеркивал Кюльман, внося эти предложения, такой порядок работы мирной конференции позволит одновременно проводить два-три заседания и «не слишком затянуть переговоры»³. Последнего, и это чувствовалось, как мы уже сказали, сразу же по началу работы конференции, немцы не хотели.

Закончив с процедурными вопросами, Кюльман предложил Иоффе высказаться относительно того, какие принципы, по мнению русских, «должны быть положены в основу наших работ»⁴. Глава нашей делегации начал с того, что обратил внимание присутствующих еще на один важный процедурный момент, не нашедший своего отражения в предложениях Кюльмана. Речь шла о гласности при ведении переговоров. «Мы считаем необходимым,— заявил Иоффе,— чтобы все заседания были публичны и чтобы на них велись подробные протоколы. За каждой стороной остается право публиковать полностью протоколы заседаний»⁵. При опросе Кюльманом присутствующих свои сомнения на этот счет на французском языке выразил Ибрагим Хакки-паша. Кюльман же взял на себя и «труд» изложить точку зрения турецкого делегата. По словам Кюльмана, она заключалась в следующем. Сам факт «публичности» при ведении переговоров

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 4; Известия ЦИК. 1917. 14 декабря.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 14 декабря; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 5.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

не вызывает сомнения у Ибрагима Хакки-паши. Но он придерживается того взгляда, что ежедневная публикация в печати материалов о ходе переговоров или отдельных стадий их развития до окончания самих переговоров возбудит лишь дискуссии в прессе и в обществе, а это может угрожать продолжению и успешному окончанию конференции. Сам же Ибрагим Хакки-паша, обращаясь к нашей делегации, вопрошал: не могла бы русская делегация найти средний путь, который, не затрагивая принципа публичности, вместе с тем дал бы возможность не подвергать ежедневно открытой дискуссии отдельные аргументы и фразы переговоров? ¹

Однако советская делегация не склонна была уступать в вопросах подробного освещения работы конференции. «Мы полагаем,—подчеркивал Иоффе, отвечая на возражения как самого турецкого делегата, так и частично на изложенные Кюльманом,— что, наоборот, открытое и гласное обсуждение условий мира полезно и даже необходимо в интересах достижения того мира, за который мы боремся» ². Разумеется, говорил Иоффе, технически осуществить это не легко и будут издержки с публикацией материалов мирной конференции. Кюльман, выступивший вслед за Иоффе, постарался найти компромисс в решении вопроса об освещении в печати хода переговоров. Он подчеркивал, что делегации стран Четверного союза отнюдь не против гласности, что все протоколы будут сверяться, что, наконец, с такой постановкой вопроса согласен и Ибрагим Хакки-паша. На этом стороны и договорились, перейдя далее к заслушиванию руководителя советской делегации Иоффе; он выступал по вопросу о принципах, которые, по нашему мнению, должны быть положены в основу мирных переговоров. Мы исходим, говорил Иоффе, «из ясно выраженной воли народов революционной России добиться скорейшего заключения всеобщего демократического мира» ³. Принципы такого мира, подчеркивал глава советской делегации, заключены в Декрете о мире. Эти принципы, которые мы предлагали положить в основу мирных переговоров, были представлены конференции в виде шести пунктов ⁴.

Мы предлагали вести переговоры, исходя из следующей

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 14 декабря; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 5, 6.

² Там же.

³ Там же. С. 6.

⁴ См. там же. С. 6—8.

шего. Никакие насильственные присоединения территорий, захваченных во время войны, не допускаются, а войска, оккупировавшие их, выводятся с этих территорий в кратчайший срок.

Те народы, которые во время войны лишились своей политической самостоятельности, должны быть восстановлены в ней во всей полноте.

Мы привлекали внимание к положению национальных групп, которые не пользовались до войны самостоятельностью, и предлагали гарантировать им возможность путем референдума свободно самоопределиваться, то есть самим решить вопрос о своей принадлежности к тому или иному государству или о своей государственной самостоятельности; такой референдум, по нашему мнению, должен был проходить при полной свободе голосования для всего населения данной территории, включая эмигрантов и беженцев.

На территориях, где население состоит из нескольких национальностей, права всех национальных меньшинств должны быть ограждены законом, который обеспечивал бы им культурно-национальную самостоятельность, а при наличии к тому фактической возможности — административную автономию.

Стороны должны руководствоваться при мирных переговорах тем, что ни одно из воюющих государств не платит другому контрибуции, а все уже взысканные контрибуции в виде так называемых «военных издержек» подлежат возврату; убытки частных лиц, пострадавших от войны, возмещаются из особого фонда, образуемого путем пропорциональных взносов всех воюющих государств.

И наконец, мы предложили решать все колониальные вопросы на основе первых четырех пунктов представленной нами декларации. А в дополнение к этим пунктам Иоффе заявил, что советская делегация «предлагает договаривающимся сторонам признать недопустимым какие-либо косвенные стеснения свободы более слабых наций со стороны наций более сильных, как-то: экономический бойкот, подчинение в хозяйственном отношении одной страны другую при помощи навязанного торгового договора, сепаратные таможенные соглашения, стесняющие свободу торговли третьих стран, морскую блокаду, не преследующую непосредственно военные цели»¹.

¹ Известия ЦИК. 1917. 10 декабря; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 8.

Огласив все шесть пунктов, Иоффе в заключение заявил, что мы не мыслим себе всеобщего демократического мира без реализации заложенных в них принципов. Надо думать, что для держав Четверного союза предложенная нами основа ведения мирных переговоров явилась все же неожиданностью. Почему? Видимо, австро-германской коалиции было трудно понять, что на такое могла решиться страна, стоявшая на грани экономического краха, не имевшая никаких, на их взгляд, материальных средств для своей защиты, раздираемая внутренними междоусобицами, уже вступившая в кровавую гражданскую войну за власть между силами революции и контрреволюции, причем на стороне последних открыто действовали бывшие союзники России — страны Антанты. В такое, конечно, было невозможно поверить, учитывая к тому же, что и в самой-то России у большинства не было пока еще твердого убеждения в благоприятном исходе «большевистского эксперимента» в целом.

Во всяком случае, такая «неожиданность» проявилась в концовке этого первого пленарного заседания. Мы пока не можем высказаться относительно вашей декларации, заявил Кюльман, поскольку не имеем ее в письменной форме. Поэтому, продолжал он, просим быстрее передать нам ваши предложения, которые мы должны обсудить и обменяться по ним мнениями. И здесь Кюльман обратился к делегациям Четверного союза с вопросом: смогут ли они изучить и обсудить русские предложения за сегодняшний вечер, то есть в течение 9 (22) декабря, и завтрашнее утро, то есть уже 10 (23) декабря, чтобы после обеда дать ответ? Чернин предложил попытаться сделать это к утру 10 (23) декабря, а в случае невозможности, сказал он, у нас будет время отложить заседание¹. В этой связи Кюльман заявил, что если утром 10 декабря от делегаций стран Четверного союза не последует никаких других уточнений, то он считает возможным собраться на пленарное заседание в тот же день в 16 часов, чтобы дать ответ русской делегации². Поскольку никаких возражений не последовало, Кюльман объявил о закрытии первого пленарного заседания; было 17 часов 13 минут, заседание продолжалось менее часа³.

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 14 декабря; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 8, 9.

² См. там же.

³ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 9; Известия ЦИК. 1917. 10 и 14 декабря.

«Неожиданность» русских предложений продолжала довлеть над странами австро-германского блока и в последующие дни. 10 декабря заседание не состоялось: страны Четверного союза не смогли подготовить свой ответ и попросили перенести заседание на 16 часов 11 (24) декабря¹. Но и в этот день собраться снова не удалось: ответ на наши предложения по-прежнему не был готов, и делегации другой стороны опять попросили отложить заседание на 12 (25) декабря².

Ответ на нашу декларацию был дан поздно вечером на втором пленарном заседании, которое открылось в 22 часа 11 минут под председательством Кюльмана³. В начале его сразу же подчеркивалось, что делегации Четверного союза «исходят из ясно выраженной воли своих правительств и народов как можно скорее добиться заключения общего справедливого мира». И в этой связи заявлялось, что «основные положения русской декларации могут быть положены в основу переговоров о таком мире», что державы Четверного союза «согласны немедленно заключить общий мир без насильственных присоединений и без контрибуций», что они «присоединяются к воззрению русской делегации, осуждающей продолжение войны ради чисто завоевательных целей».

После этой как бы преамбулы в ответе держав Четверного союза подытоживалось, что они «торжественно заявляют свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных равно справедливых для всех без изъятий воюющих держав условиях». Но в то же время подчеркивалось: «Необходимо, однако, с полной ясностью указать на то, что предложения русской декларации могли бы быть осуществлены в том случае, если бы все причастные к войне державы без исключения и без оговорок в соответствующий срок обязались точнейшим образом соблюдать общие для всех народов условия. Договаривающиеся теперь с Россией державы Четверного союза не могут, конечно, связываться односторонне с такими условиями, не имея ручательства в том, что союзники России признают и исполняют эти условия честно и без оговорок по отношению к Четверному союзу».

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 13 декабря.

² См. там же.

³ См. там же. 14 декабря; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 9—11.

Страны австро-германского блока не могли, разумеется, открыто выразить свое несогласие с предложенными советской делегацией принципами ведения мирных переговоров и заключения мира. Они должны были считаться с тем, что их народы также устали от войны и жаждут мира, что идеи русской революции, особенно ее призывы к прекращению войны и конкретные действия в этом направлении, находят широкий отклик в гуще народных масс. Поэтому они не могли отрицательно ответить на предложения нашей делегации, но их «согласие» заключить мир на основе русских предложений было вынужденным даже с формальной стороны. Государства Четверного союза ничего не теряли при этом, идя на встречу советским предложениям. Почему?

Прежде всего они прекрасно понимали, что страны Антанты и США не пойдут на переговоры о всеобщем демократическом мире, да еще на условиях, предлагаемых Советской властью, большевиками. Бывшие союзники России, владевшие куда большими размерами колониальных территорий, чем Германия, даже и мысли не допускали, чтобы расстаться с этими землями, приносящими им баснословные прибыли. В этих условиях Германии было очень легко спрятаться за широкую колониальную «спину» стран Антанты и США. Другими словами, Германия и ее союзники могли спокойно возложить на них ответственность за срыв переговоров о всеобщем демократическом мире. Поэтому-то, дав в принципе согласие на ведение переговоров, ответ австро-германского блока тут же содержал замечания по всем шести пунктам советской декларации, которые фактически либо вели к их отрицанию, либо затрудняли их выполнение.

Так, подтверждая, что страны Четверного союза не намерены присоединять к себе захваченные во время войны территории, документ держав Четверного союза одновременно подчеркивал, что вопрос о выводе войск из этих территорий, если об этом не будет условлено заранее, может быть решен только всеобщим мирным договором.

Трактуя право наций на самоопределение, документ австро-германского блока заявлял, что этот вопрос решается не в международном плане, а каждым государством в отдельности вместе со своим народом и путем, который установлен его конституцией. По существу, это было непризнание за каждой нацией права самой решать свою судьбу.

Уклончивая позиция была занята австро-германским блоком и в отношении национальных меньшинств: в документе говорилось, что этот вопрос страны Четверного союза будут ставить в зависимость от наличия фактических возможностей для его решения.

Мы за взаимный отказ от возмещения причиненных войной убытков, заявлялось в их ответе по поводу пятого пункта советских предложений. Что же касается особого международного фонда, из которого предполагается возмещать сторонам эти убытки, то это русское предложение, подчеркивалось в документе, «может быть обсуждено лишь в том случае, если другие воюющие державы примкнут к мирным переговорам».

И наконец, замечания австро-германского блока по шестому пункту нашей декларации. Начав с констатации того факта, что только одна Германия из всех стран Четверного союза имеет колонии, что все страны Четверного союза выступают за возврат насильственно захваченных во время войны колониальных территорий и за их очищение от войск противника, в ответе их вместе с тем заявлялось о невозможности распространить принцип самоопределения наций на германские колонии, туземное население которых, дескать, очень привязано к своей метрополии.

Заключили же свой ответ государства Четверного союза тем, что весьма и весьма интересовало австро-германский блок, испытывавший острую нужду в продовольствии и сырье: было заявлено о поддержке принципов хозяйственных отношений, предложенных русской делегацией. На это страны Четверного союза готовы были пойти даже без решения вопроса о всеобщем демократическом мире.

После оглашения ответа австро-германского блока слово взял Иоффе¹. Он заявил, что русская делегация, с удовлетворением воспринимая согласие держав Четверного союза на ведение переговоров о заключении всеобщего демократического мира, вместе с тем отмечает ограничительное толкование ими права наций на самоопределение. Такой подход фактически подрывает признание государствами Четверного союза принципа мира «без аннексий». Иоффе отметил также, что и принцип «без контрибуций», признаваемый австро-германским блоком на словах, серьезно ущемляется в свою очередь по-

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 11—13.

пытками добиться вознаграждения за содержание военнопленных, которое может стать скрытой формой той же контрибуции. Наконец, Иоффе говорил, что русская делегация настаивает на создании международного фонда возмещения убытков, равно как и на одинаковом понимании всеми принципа самоопределения наций, который имеет самое прямое отношение и к населению германских колоний.

Была уже глубокая ночь с 12 на 13 (с 25 на 26) декабря, когда стало ясно, что по целому ряду принципиальных вопросов наметились различные точки зрения. Тем не менее, как заявил Иоффе, российская делегация «полагает, что заключающееся в декларации держав Четверного союза открытое заявление об отсутствии с их стороны каких-либо агрессивных планов дает фактическую возможность немедленно приступить к переговорам о всеобщем мире между всеми воюющими странами»¹. Поэтому глава советской делегации в заключение своего выступления предложил объявить перерыв в переговорах на 10 дней: от 24 часов с 12 на 13 (с 25 на 26) декабря 1917 года до 22 часов 22 декабря 1917 года (до 22 часов 4 января 1918 года по новому стилю).

Это был разумный и логичный шаг. При создавшейся обстановке, когда обе стороны были заинтересованы в мире и хотели его, принципиальные расхождения по ряду вопросов их заявлений-деклараций не давали им возможности заключить между собой мир немедленно. В этих условиях непосредственный личный контакт с Петроградом, с руководством партии и страны, с народом был нам, пожалуй, более необходим и более нужен, чем державам Четверного союза. Мы за перерыв в переговорах, формулировал наше предложение Иоффе, с тем «чтобы народы, правительства которых не примкнули еще к ведущимся переговорам о всеобщем мире, имели бы возможность достаточно ознакомиться с устанавливаемыми ныне принципами такого мира»².

Такая позиция советской стороны была вместе с тем и естественным следствием принципиальной оговорки австро-германского блока в его заявлении о том, что всеобщий демократический мир на условиях, предложенных русской делегацией, возможен лишь при согласии с ними всех воюющих держав и их участии в данных переговорах.

¹ Известия ЦИК. 1917. 14 декабря; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 13.

² Там же.

Однако наше предложение о перерыве в переговорах не должно было, по мнению русской делегации, ни в коей мере влиять на их будущее продолжение через 10 дней. «По истечении указанного срока,— подчеркивал Иоффе,— переговоры должны быть возобновлены независимо от того, присоединятся ли к переговорам другие воюющие державы и в каком числе»¹. И то, что мы были за продолжение переговоров, подчеркивалось в последующих словах Иоффе, сказавшего о возможности продолжить обсуждение таких пунктов, в которых отдельные державы будут заинтересованы и при всеобщем демократическом мире².

И здесь Кюльман сразу же попросил Иоффе высказать свое мнение о времени работы конференции на следующий день. Глава советской делегации предложил открыть ее в 10 часов утра. Возражений не последовало, и Кюльман в 22 часа 44 минуты закрыл второе пленарное заседание мирной конференции в Брест-Литовске³.

Он же утром 13 (26) декабря открыл и председательствовал на заседании политической комиссии в составе русской, германской и австро-венгерской делегаций⁴. Как сказал Кюльман, сегодняшние переговоры сводятся к обмену мнениями между русскими и германскими представителями, но у последних много общего с австро-венгерской делегацией, которая любезно согласилась участвовать в этом заседании. Словом, немцы хотели продолжать переговоры. Кюльман в присущей ему энергичной манере сразу же перешел к делу, предложив нам высказаться по вопросу о том, согласны ли мы считать, что восстановление мира должно по возможности вести и к восстановлению договоров между Германией и Россией⁵.

Выразив согласие на обсуждение отдельных вопросов, в которых заинтересованы обе стороны и к которым неизбежно придется обращаться в случае переговоров о всеобщем демократическом мире, Иоффе заключил: «Восстановление или подготовка к восстановлению народно-правовых отношений может пока произойти лишь постольку, поскольку оно не противоречит нынешним ус-

¹ Известия ЦИК. 1917. 14 декабря; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 13.

² См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 13.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же. С. 14.

ловиям внутреннего положения в России»¹. С этим очевидным положением Кюльман был согласен, и он предложил следующий метод работы: пункты, по которым стороны договорятся, «зафиксировать предварительной необязательной редакцией»; вопросы, по которым не удастся достичь согласия, временно оставлять и переходить к обсуждению других. Советская делегация не возражала.

В ходе обмена мнениями по этому вопросу четко вырисовывалась линия поведения германской делегации: предлагая разнообразные варианты формулировок и принимая во внимание при этом высказанную Иоффе точку зрения относительно восстановления прежних договоров между двумя странами, Кюльман стремился закрепить состояние прекращения войны между Россией и Германией определенными правовыми формами, добиваясь согласия на этот счет у русской делегации².

Второе направление, по которому в этот день Кюльман добивался ответа от нас, было экономическим. Речь шла о важности восстановления нормальных, как подчеркивала германская делегация, экономических отношений между двумя странами. При этом Кюльман спрашивал Иоффе, не желает ли русская делегация начать обсуждать эту проблему в целом прежде всего с вопроса о восстановлении товарообмена между Россией и Германией³. Немцы, видимо, протупывали наше отношение к прежнему, невыгодному для России, торговому договору между нашими странами. И получили ответ от Иоффе: мы за то, «чтобы восстановить торговые сношения, но должны заявить заранее, что восстановление последнего торгового договора невозможно»⁴. Иоффе и член делегации Покровский разъяснили Кюльману, что такая наша позиция в отношении старого торгового договора обуславливается новыми условиями, создавшимися в России, а также тем, что организация хозяйства у нас отныне будет происходить в общегосударственном масштабе⁵.

Тогда Кюльман сделал попытку подойти к вопросу о восстановлении торговых связей с другой стороны. Он предложил в этих целях на обсуждение два возможных варианта: или пойти на беспощинную свободу торговли

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 14.

² См. там же. С. 14—18.

³ См. там же. С. 18.

⁴ Там же.

⁵ См. там же. С. 19.

между нами в течение года, или ввести режим «взаимного благоприятствования»¹. Думается, что разоренную Россию оба эти варианта могли бы устроить, но на них нельзя было пойти, не зная и не решая политических вопросов во взаимоотношениях между Германией и Россией. А от их постановки Кюльман пока уходил. И поэтому, отвечая ему, Покровский, например, сказал, что свобода торговли является помехой для развития нашего нового государства, а принцип «взаимного благоприятствования» может иметь место на нашем рынке, если бы на нем действовала не одна страна, а поскольку речь в данном случае идет только о Германии, то и говорить о применении этого принципа не имеет смысла².

Поставил Кюльман и вопрос о законах военного времени, которые вызвали конфискацию имущества враждующих сторон и ликвидацию ряда привилегий, в результате чего были понесены убытки, подлежащие взаимному возмещению. Давая ответ, Покровский говорил: «Окончательное решение этого вопроса может последовать лишь тогда, когда нам будут известны все мероприятия, направленные Германией против России, и когда мы сможем сравнить их с мероприятиями России против Германии. Пока можно только сказать, что подписанием мирного договора аннулируются немедленно все законы военного времени, но подробности подлежат еще обсуждению»³. Выражая согласие с такой постановкой вопроса, Кюльман обещал дать нашей делегации соответствующий обзор действий Германии, нанесших ущерб России, и просил то же самое сделать нас относительно немецкой стороны. Он указал также на важность скорейшего создания комиссии по этому вопросу. Член нашей делегации Каменев здесь заметил (имея в виду прежде всего ущерб, нанесенный войной гражданскому населению), что действие военных законов носит двоякий характер — прямое или косвенное. Например, говорил Каменев, неблагоприятные последствия от общего нарушения всех сторон жизни страны, наносящие ущерб всему населению. Каменев же сказал и о том, что мы согласны с предложением Кюльмана создать комиссию по всем этим проблемам.

Такое «плавное» течение хода работы политической комиссии настраивало германскую делегацию на поста-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 19.

² См. там же.

³ Там же. С. 22.

новку все новых и новых интересовавших ее вопросов. Так, Кюльман захотел узнать отношение русской делегации к проблеме концессий. Во время обмена мнениями выяснилось, что немцев интересовала прежде всего судьба их собственных концессий в России, которые с началом войны были отменены и переданы другим, например американцам¹. Каменев, отвечая, в частности, говорил, что в нынешних условиях, когда Россия преобразовывается на новых принципах построения общественной жизни, сказать что-либо по этому вопросу затруднительно.

Кюльман запрашивал наше мнение о праве собственности на суда, получив ответ Иоффе, что мы в принципе согласны обоюдно возвращать таковые, если в момент объявления войны они находились в портах враждебной стороны². Наша позиция здесь соответствовала общепринятым нормам международного права. Глава германской делегации говорил о взаимном отказе от военной контрибуции и, наоборот, о возмещении убытков, нанесенных войной, другим лицам, и снова не встречал возражений со стороны русских представителей³. Кюльман проявлял повышенную озабоченность относительно освобождения и возвращения на родину после заключения мира всех интернированных и тут же получал согласие на это со стороны Иоффе⁴.

Наконец Кюльман стал говорить о том, что сегодня делегации разобрали много вопросов и поэтому, может быть, следует устроить перерыв с целью отредактировать формулировки тех положений, относительно которых сторонам в принципе удалось достичь согласия⁵. И он тут же поставил вопрос: продолжить ли работу сегодня после перерыва или завтра? Чувствовалось, что видимое внешнее «спокойствие» заседания подходит к концу. Во всяком случае, Иоффе, говоря о возможности перерыва, перевел разговор в сторону политических проблем, о которых на этом заседании еще не было сказано ни слова. Он заявил, что если заниматься редактированием отдельных пунктов, то предпослать им всем необходимо прежде всего общую согласованную формулировку относительно территориальных вопросов мирного договора, которые

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 23—24.

² См. там же. С. 24—25.

³ См. там же. С. 25—26.

⁴ См. там же. С. 26.

⁵ См. там же. С. 27.

самой логикой вещей должны быть вынесены на первое место¹.

Это был уже очень серьезный и принципиально важный, так сказать, пробный шар относительно истинных намерений держав Четверного союза, прежде всего Германии. Кюльман это превосходно понял. Сославшись на то, что все, в том числе и переводчики, уже изрядно устали, он снова поставил вопрос, когда проводить следующее заседание — сегодня или завтра? Мы за то, заявил Иоффе, чтобы продолжить работу сегодня вечером. И тут начался обмен репликами по этому вопросу между Кюльманом, Криге и Иоффе². Если Кюльман вопрошал, когда проводить заседание, то Криге отвечал, что большой объем требующего обработки материала надо сделать до вечера, а поэтому о проведении пленарного заседания раньше завтрашнего дня нечего и думать. Когда Иоффе говорил, что, может быть, закончим редактирование до вечера, а вечером проведем еще одно заседание, в «обсуждение» снова вступал Кюльман, призывая не злоупотреблять ночами, и предлагал собраться еще до обеда. Но ведь редактирование займет много времени, по-прежнему «тянул» свое Криге.

Пришлось вступать в «бой» Каменеву. «Если я правильно понял господина Председателя,— заметил он,— то вопрос о занятых и подлежащих очищению территориях с немецкой стороны уже был решен и оглашен в общей декларации»³. В лоб поставленный вопрос требовал и прямого ответа, и Кюльман сначала предпочел уклониться от него, предложив пока не поднимать этой проблемы, рассмотрение которой может вылиться в целое заседание, а мы к ее обсуждению, как он подчеркнул, не готовы. А когда Каменев вновь обратил внимание Кюльмана на то, что в связи с ответом австро-германского блока на русскую декларацию о принципах всеобщего демократического мира территориальные вопросы на заседании еще не обсуждались, глава немецкой делегации заявил, что якобы «это само собой разумеется», поэтому «никакой обмен мнений на эту тему невозможен»⁴.

Это же было нечто вроде ультиматума. Тем более что Кюльман стал, как говорится, «закругляться»: объявив,

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 27.

² См. там же.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же.

что место и время следующей встречи будет зависеть от хода работы по формулированию согласованных пунктов, он тут же текущее заседание закрыл.

Проблема оккупированных территорий оставалась необсужденной. Надо было до конца выяснять намерения Германии по этому вопросу. И на следующий день, 14 (27) декабря, вновь собралась политическая комиссия в составе русской, германской и австро-венгерской делегаций. Заседание открылось вечером: председательствующий Кюльман предоставил слово Иоффе¹. Подчеркнув, что на предыдущей встрече речь зашла о первом пункте будущего мирного договора, где главным содержанием этого пункта должен стать «вопрос об очищении оккупированных территорий», Иоффе представил заседанию его русский проект. Согласно ему, мы должны были вывести войска из занятых нами районов Австро-Венгрии, Турции и Персии, а страны Четверного союза — из оккупированных ими областей Польши, Литвы, Курляндии и других земель России. Относительно российских земель в проекте подчеркивалось, что «населению этих областей дана будет возможность вполне свободно... решить вопрос о своем присоединении к тому или другому государству или об образовании самостоятельного государства»². При этом в нашем проекте одновременно заявлялось, что «в самоопределяющихся областях недопустимо присутствие каких-либо войск, кроме национальных или местной милиции», что, наконец, до решения вопроса о самоопределении «управление этими областями находится в руках избранных на демократических началах представителей самого местного населения»³. Именно в такой формулировке в целом мы и предложили наш проект первого пункта будущего мирного договора.

В ответ Кюльман от имени Германии и Австро-Венгрии внес свой проект по территориальным вопросам, подчеркнув при этом, что страны австро-германского блока учли, мол, наши пожелания и пошли нам навстречу. В чем же это выражалось? Германия заявляла о своей готовности очистить оккупированные ею территории России, «как только мир будет заключен и демобилизация русской армии закончится»⁴. Более того, из слов Кюльмана явствовало, что население этих областей уже «вы-

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 28.

² Там же. С. 29.

³ Там же.

⁴ Там же.

разило» свою волю, и данные территории вышли из состава России, а поэтому представителям российской делегации остается, следовательно, лишь уважать свой собственный провозглашенный принцип о самоопределении наций¹.

Выслушав заявление Кюльмана по территориальным вопросам, Иоффе заметил, что воля народа может выражаться только при свободном голосовании и при отсутствии на его земле войск из другой страны². Одновременно он сказал, что все технические затруднения, касающиеся проведения референдума относительно самоопределения той или иной нации, сроков эвакуации чужих войск с занятых территорий, то есть вопросы, которые поднимались и самой немецкой стороной, можно решить путем создания специальной комиссии, и в этом, заявил Иоффе, мы согласны с Кюльманом.

Аннексионистские аппетиты германского милитаризма по ходу работы возрастали. Видимо, немецких представителей «усыпляло» спокойное поведение русской делегации, и они все более «раскрывались». Констатируя согласие Иоффе на предмет создания специальной комиссии для рассмотрения различных технических моментов при решении территориальных проблем, Кюльман предложил перейти к другим вопросам. В первую очередь его интересовало отношение государств Антанты к занятым на конференции в Брест-Литовске принципиальным позициям сторон, был ли, как он выразился, «между Петроградским Центральным Правительством и державами Согласия» какой-либо обмен мнениями по этому поводу, и если был, то в какой форме³.

Немцы, конечно, только делали вид, будто им ничего не известно об отношении других воюющих стран к мирным переговорам. Их цель заключалась в другом: подчеркнуть, что Россия, предъявляя свои, как им казалось, «нелепые» требования и действуя в сегодняшнем мире, где партнеров оценивают по их реальной силе, так, словно она представляет из себя некую мощную в политическом, экономическом и военном отношениях державу, выступает фактически одна, без какой-либо поддержки, и

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 29—30; *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 184—186; *Никольников Г. Л.* Брестский мир и Украина. Киев, 1981. С. 44—45; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 50—51.

² См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 30.

³ См. там же.

совершенно непонятно, на что, собственно говоря, она может надеяться при своих внутренних и внешних позициях.

Все это нам было понятно, и Иоффе спокойно проинформировал делегации другой стороны, что бывшие союзники России всегда и обо всем уведомлялись относительно переговоров о перемирии и мире, что проходящая сейчас в Брест-Литовске мирная конференция заседает гласно и детали ее работы известны из сообщений печати. Что же касается последних заявлений русской и австро-германской делегаций, в которых изложены их точки зрения на принципы будущего мирного договора, то точными сведениями об отношении других воюющих держав к этим документам мы пока не располагаем.

Получив ответ, Кюльман не успокаивается и тут же ставит другой «каверзный» вопрос: не выведем ли мы свои войска из оккупированных нами районов Лифляндии и Эстляндии, где население, дескать, уже не раз выражало желание свободно и без какого-либо военного давления самостоятельно решить свою судьбу и объединиться со своими соплеменниками¹. Другими словами, Кюльман интересовался возможным присоединением этих территорий к уже оккупированным германскими войсками частям Лифляндии и Эстляндии. Мы готовы сделать это, прозвучал ответ руководителя советской делегации, если, разумеется, при этом будет обеспечен на взаимной основе действительно свободный и демократический порядок волеизъявления народа.

А Кюльман продолжал «выяснять» все новые вопросы, на этот раз уже с помощью генерала Гофмана. Последний, словно спохватившись, что заседание вот-вот закроется, сначала проявил интерес к Финляндии, что означало «в переводе» Кюльмана, в какой стадии находится вопрос о самостоятельности этой территории. Иоффе пришлось напомнить членам германской делегации, что, как явствует из заявления держав Четверного союза на нашу декларацию о принципах будущего мирного договора, «вопросы такого свойства не подлежат международному обсуждению», но тем не менее, отвечая по существу заданного вопроса, мы подтверждаем полное право Финляндии на свободное самоопределение².

Покончив с финляндскими делами, дипломат и генерал стали интересоваться, имеются ли у русской делегации

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 30—31.

² См. там же. С. 32.

сведения о состоянии средств сообщения с Украиной. Если речь идет о пассажирском сообщении, сказал Иоффе, то движение в сторону Украины, равно как между Киевом и Петроградом, и не прерывалось. Вступивший в разговор Гофман объяснил заданный вопрос получением уведомления от Рады, что она «будет считать себя связанной мирными переговорами только тогда, когда в этих переговорах будет участвовать ее делегация»¹. И мне необходимо знать, добавил генерал Гофман, прибудет ли эта делегация, и если да, то каким путем, чтобы иметь возможность заблаговременно подумать об установлении для нее системы телеграфной связи. В словах Гофмана четко просматривалась мысль: немцы будут использовать предательство Радой интересов революционной России в ходе брест-литовских переговоров, они заранее готовы рассматривать ее как самостоятельную государственную силу на мирной конференции.

Вероятно, исчерпав «список» вопросов к русской делегации, на которые немцы хотели бы получить интересующую их информацию, Кюльман с согласия присутствующих через 40 минут закрыл заседание политической комиссии².

А на следующий день, 15 (28) декабря, в полдень политическая комиссия снова собралась на свое заседание в том же составе³. По предложению председательствующего Кюльмана было решено приступить к обсуждению отдельных статей проекта мирного договора. Кюльман построил заседание в форме зачитывания членом германской делегации Криге предлагаемых немецкой стороной статей. Последний начал их чтение с третьей по счету, предупредив, что, по желанию русских представителей, первые две будут касаться вопросов об оккупированных территориях. После того как все статьи с 3 по 16 были зачитаны, Кюльман попросил Иоффе высказать свои замечания. Глава советской делегации сказал, что по ряду вопросов наша позиция уже была здесь на переговорах определена, по другим же мы выскажемся позднее, равно как и оставляем за собой право, подчеркнул Иоффе, вносить в дальнейшем новые предложения и изменения к зачитанному проекту. Заключая, Иоффе заявил, что мы принимаем к сведению этот зачитанный здесь

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 32.

² См. там же. С. 33.

³ См. там же.

проект и считаем в целом содержащиеся в нем предложения «приемлемой основой для дальнейшего рассмотрения тех вопросов, которые затрагиваются статьями 3—16»¹.

Заседание уже подходило к концу, когда с кратким словом выступил граф Чернин, сказавший, что ему необходимо будет проконсультроваться с руководством монархии относительно тех начал, которые должны лечь в основу мирных переговоров. И тут же за получением информации к нам снова обратился Кюльман, пожелавший узнать, намерена ли Россия отказаться от укрепления Аландских островов и присоединятся ли к возможному русско-германскому соглашению по этому вопросу другие страны, например Швеция². Отвечая, Иоффе говорил, что проблема Аландских островов имеет международный характер, но не все страны здесь представлены, что по крайней мере заинтересованные государства, то есть те, кто подписывал этот договор, должны, безусловно, также участвовать в решении проблемы Аландских островов. Что же касается нас, подчеркнул Иоффе, то «новое Российское Правительство в данном случае не имеет никаких агрессивных намерений и не склонно поддаться чьим-либо агрессивным планам»³.

На этом заседание политической комиссии закончилось. Закрывая встречу, Кюльман предложил вечером собраться на пленарное заседание⁴. Оно носило скорее торжественный, так сказать, предотъездовский характер в связи с намечавшимся перерывом в переговорах. Председательствовал глава болгарской делегации Попов. Принятые нами основные положения заключения мира, говорил он, открывают «совершенно новую эру в развитии международного права»⁵. Надо отдать должное представителю Болгарии, который, даже если иметь в виду обычный для таких случаев дипломатический этикет и проявляемую при этом вежливость в отношении всех приглашаемых делегаций, высоко оценил наш вклад в работу мирной конференции. «Человечество должно быть благодарно в первую очередь русской делегации,— говорил Попов,— в лице которой здесь представлены творческий дух и правовое чувство вели-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 37,

² См. там же.

³ Там же. С. 38.

⁴ См. там же.

⁵ Там же.

кого русского народа, и затем мирным делегациям Четверного союза»¹.

Взявший слово Иоффе напомнил, что на предыдущем пленарном заседании мы предложили сделать в работе конференции перерыв и что текущая встреча, видимо, последняя. Выступал и Ибрагим Хакки-паша, указавший на большой объем работы, проделанной всеми участниками переговоров, и сказавший также, что заседавшие сегодня же турецкие и русские представители рассматривали свои двусторонние вопросы и у него сложилось впечатление, что они будут благополучно решены. За достигнутые на конференции результаты, говорил Ибрагим Хакки-паша, мы благодарим русскую делегацию, «которая в течение этих тяжелых переговоров обнаружила много прямоты, справедливости и практического смысла», ее члены «доказали, что они настоящие представители демократии и вместе с тем отличные дипломаты и государственные деятели»². Закljučая работу первого периода мирных переговоров в Брест-Литовске, Иоффе подчеркивал: «Во время предстоящего перерыва все мы будем чувствовать, что за нами стоят миллионы страдающих людей, которые жаждут мира. Сознание ответственности перед народами, перед человечеством и перед историей даст нам надежду и внутреннюю силу проложить путь ко всеобщему миру. Мир может и должен наступить в ближайшем будущем. С этой надеждой объявляю заседание закрытым»³. Было 18 часов 40 минут⁴. Шел 51-й день Советской власти.

Первый этап брест-литовских переговоров о мире закончился. Состоялось три пленарных заседания и три заседания политической комиссии при участии делегаций России, Германии и Австро-Венгрии. Велись также переговоры между Россией и Турцией, между Россией и Болгарией⁵. Разными были начало и конец работы этого этапа конференции. Еще до открытия Иоффе официально обращался к генералу Гофману, указывал, что мы будем продолжать заседать в Брест-Литовске, но вместе с тем настаиваем на переносе места конференции в нейтральную страну. Позднее в примечаниях к протоколам брест-литовских мирных переговоров Иоффе напишет,

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 39.

² Там же. С. 39—40.

³ Там же. С. 40.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же. С. 242; Известия ЦИК. 1917. 19 декабря.

что по этому вопросу, когда все собрались в Брест-Литовске, имели место частные беседы с Кюльманом и Черниным¹. Последние говорили, что понимают деликатность нашего положения, когда мы ведем переговоры на оккупированной части территории своей собственной страны, что потом они, дескать, готовы переехать на русскую территорию и подписать мир, скажем, в Пскове.

Внешне отношения между делегациями и их представителями выглядели и были вполне дружелюбными. Германия жаждала сепаратного мира, мы боролись за всеобщий демократический.

После того как позиции России и держав Четверного союза были изложены, 9 и 12 (22 и 25) декабря соответственно обнаружилось разные подходы, прежде всего по территориальным вопросам. Мы в их обсуждение, по существу, на заседаниях не вступали, а лишь ограничивались заслушиванием и принятием к сведению. Разумеется, эти позиции были непримиримыми, но намерения стран австро-германского блока до конца еще не были выяснены, как не было ясности в обстоятельствах, до каких пределов и при каких условиях пойдут они в достижении своих целей, возможен ли разумный и удовлетворяющий обе стороны компромисс при решении территориальных вопросов.

Решение встававших проблем, связанных с выходом из войны, отвоеванием Советским государством места на международной арене, осложнялось тем, что процесс становления Советской власти в целом происходил на фоне быстро меняющихся событий, постоянной перегруппировки сил.

Последнее не могло не проявляться и на конференции в Брест-Литовске. Так, при постановке экономических и правовых вопросов представители нашей делегации неоднократно в частных беседах с немцами подчеркивали, что рассматривать эти проблемы до обсуждения территориальных невозможно, а Кюльман их поначалу старательно обходил, стремясь втянуть нас в обсуждение «мелочей»². Но вот в конце первого этапа брест-литовских переговоров в делегации Германии похоже что-то изменилось, в речах ее представителей появились новые нотки, стал проявляться неприкрытый аннексионизм, принцип самоопределения наций трактовался в интере-

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 241.

² См. там же. С. 242.

сах достижения своих целей¹. Иоффе в указанных выше примечаниях писал, что это было вызвано усилившимся на окраинах России, а в этот период особенно на Украине, проявлением шовинизма и национализма².

Эту же мысль высказал и консультант нашей делегации М. Павлович в беседе с корреспондентом печати о ходе брест-литовских переговоров³. Характеризуя поведение германских представителей, он говорил, что «степень их готовности идти на уступки находилась в прямой зависимости от тех сведений, которые получались из России». И в этой связи Павлович «делит» первый период заседаний конференции на два этапа: до и после получения сообщения от Рады о непризнании ею мирного договора, в работе над которым ее делегация не принимает участия. Об этом говорил Гофман на заседании политической комиссии 14 (27) декабря.

По мнению Павловича, этот шаг Рады был неожиданным для нашей делегации, поскольку «все время в переговорах принимал участие» М. Любинский⁴. Представляя интересы Рады, последний наравне с Павловичем, Самойло и Альфатером своим консультированием помогал обсуждению и решению всех вопросов, встававших перед нашей делегацией. За день до получения известного сообщения от Рады Любинский неожиданно отбыл из Брест-Литовска, мотивируя свой отъезд обстоятельствами частного характера. И вот с получением телеграммы от Рады, подчеркивает Павлович, австро-германская сторона, проявлявшая вначале определенную гибкость и уступчивость, стала как-то сразу несговорчивой, тон ее представителей переменялся, ими стали выдвигаться такие соображения и ставиться такие вопросы, в которых просматривались далеко идущие аннексионистские намерения держав Четверного союза. Впечатление от контактов с ними в этот период, подчеркивал в своем интервью Павлович, создавалось такое, что наша гражданская война «страшно мешает успеху переговоров и ослабляет позицию революционной демократии»⁵. Поэтому и телеграмма Рады, указывал он, стала ударом в спину нам.

В целом, думается, прав был руководитель нашей делегации Иоффе, когда также в беседе с представителем

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 242.

² См. там же.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 19 декабря.

⁴ См. там же; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 42.

⁵ Известия ЦИК. 1917. 19 декабря.

печати о значении завершившегося этапа в работе брест-литовской конференции сказал: «Я признаю, что главное значение достигнутого нами успеха заключается в том, что впервые в истории империалистическое правительство, каким является Германское правительство, вынуждено было принять декларацию пролетарского правительства и считаться с ним самым серьезным образом»¹. И, продолжая, он говорил, что нашей победой является и достижение гласности в ведении переговоров, о деталях которых через средства массовой информации люди узнают во всем мире. В этой связи Иоффе, в частности, напомнил об издаваемой нами на немецком языке газете «Факел», распространяемой в больших количествах среди австро-германских солдат².

Итак, в Брест-Литовске наступило временное затишье. Европейские делегаты разъезжались по домам отмечать рождество. Представители русской делегации возвращались в голодный, холодный и беспокойный Петроград: надо было отчитываться перед народом о проделанной работе, наметать дальнейшую линию своего поведения на переговорах.

В Петрограде, как и во всей России, шла своя тревожная жизнь, наполненная заботами о дне насущном и ожиданиями лучших времен. Накануне открытия мирной конференции, 8 декабря, Совнарком рассматривает срочную телеграмму от Крыленко о снабжении армии продовольствием³. На фронте голодно, не хватает теплой одежды, фуража. Однако армия держит позиции, соблюдает условия перемирия⁴. И хотя были отдельные инциденты, но в целом царило спокойствие. На Северном фронте отмечалось братание; из 10-й армии Западного сообщалось, что нарушений условий перемирия не наблюдается, полеты аэропланов не производятся. На фронте 8-й Сибирской стрелковой дивизии проходили в эти дни похороны убитых в прежних боях солдат при участии нижних чинов, офицеров и музыкальных команд с обеих сторон. В сообщении из 11-й армии Юго-Западного фронта говорилось, что для наблюдения за исполнением ус-

¹ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 22 декабря.

² См. там же.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 119.

⁴ См.: Революционная ставка. 1917. 8 декабря; Известия ЦИК. 1917. 16 декабря.

ловий перемирия в некоторых частях созданы особые дежурные команды в каждой роте. Словом, фронт стоял без движения, солдаты ждали исхода переговоров в Брест-Литовске, они жаждали мира, хотели как можно скорее вернуться домой, к семьям, к труду.

А в тылу, в который уже раз в эти дни, вновь обостряется вопрос, связанный с созывом Учредительного собрания. Делая ставку на Учредительное собрание, буржуазная, правая и анархистская печать трубила о том, что Советская власть бессильна предотвратить бедствия тысяч рабочих семей, обреченных на голод и холод. «Был обещан мир — но дело с миром почти не подвинулось ни на шаг; был обещан хлеб — и дают полфунта на человека какого-то мякинного месива...» — писал в эти дни один из многочисленных органов анархистов¹.

11 (24) декабря состоялось заседание ЦК РСДРП(б)². В повестке дня один вопрос: о позиции большевистской фракции Учредительного собрания, — поставленный «ввиду того, что во фракции водворились настроения правого крыла и расхождения ее с мнением ЦК». В заседании участвовали Зиновьев, Свердлов, Ленин, Сокольников, Сталин, Бухарин, Урицкий, Троцкий, Дзержинский, Стасова. Суть проблемы заключалась в том, что бюро фракции выступало против линии ЦК в вопросе об Учредительном собрании. Оно рассматривало его как завершающий этап революции и поэтому предлагало отказаться от контроля над созывом Учредительного собрания. В ходе заседания ЦК РСДРП(б) с предложениями выступали Ленин, Зиновьев, Свердлов. Было решено назначить на 12 (25) декабря в 16 часов в Смольном собрание фракции, на котором обсудить доклад ЦК, его тезисы по вопросу о линии партии в отношении Учредительного собрания, переизбрать бюро фракции, поручить вести в ней работу Сокольникову и Бухарину. Выступая на заседании, Ленин подчеркивал: важно напомнить фракции об уставе партии, в котором содержится положение «о подчинении всех представительных учреждений ЦК».

Вечером 11 (24) декабря и в ночь на 12 (25) декабря Ленин работает над «Тезисами об Учредительном собра-

¹ Буревестник. 1917. 13 декабря.

² См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Апрель 1917 — февраль 1918. С. 194—195; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 125; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 160, 469.

нии», проектом резолюции о временном бюро большевистской фракции в нем¹. Изложив в «Тезисах» историю вопроса, связанную с Учредительным собранием, требованием его созыва, расстановкой сил до и после победы Октябрьской революции, Ленин подчеркивает: «Группировка классовых сил России в их классовой борьбе складывается, следовательно, на деле, в ноябре и декабре 1917 года принципиально иная, чем та, которая могла найти свое выражение в партийных списках кандидатов в Учредительное собрание половины октября 1917 года»². И далее он указывает, что начавшаяся гражданская война «окончательно обострила классовую борьбу и отняла всякую возможность путем формально-демократическим решить самые острые вопросы, поставленные историей перед народами России и в первую голову перед ее рабочим классом и крестьянством»³. Поэтому лозунг «Вся власть Учредительному собранию» в создавшейся обстановке вступает в противоречие с реальной действительностью, с уже принятыми народными массами решениями и на деле становится «лозунгом кадетов и калединцев и их пособников»⁴. Отсюда понятно, продолжает свою мысль Ленин, что «Учредительное собрание, если бы оно разошлось с Советской властью, было бы неминуемо осуждено на политическую смерть»⁵. В заключение «Тезисов» Ленин, предостерегая от ошибки, «в которую впадают немногие из верхов большевизма», показывает суть этого их заблуждения. «Всякая попытка, прямая или косвенная,— подчеркивает он,— рассматривать вопрос об Учредительном собрании с формально-юридической стороны, в рамках обычной буржуазной демократии, вне учета классовой борьбы и гражданской войны, является изменой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии»⁶.

Усматривал ли Ленин в эти дни безболезненное разрешение кризиса, создавшегося «в силу несоответствия» выборов в Учредительное собрание, проходивших тогда, «когда подавляющее большинство народа не могло еще знать» сущности и видеть плоды Октябрьской револю-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 126—127; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 161—166.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 164.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 165.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 166.

ции, «и воли народа», ясно обозначившейся к середине декабря 1917 года? ¹ Да, Ленин считал, что «единственным шансом» выхода из назревавшего кризиса «является возможно более широкое и быстрое осуществление народом права перевыбора членов Учредительного собрания», согласие последнего на эти перевыборы «и безоговорочное заявление Учредительного собрания о признании Советской власти», ее декретов ². Другого пути безболезненного разрешения этой проблемы не было. Вне «шанса», о котором говорил Ленин, кризис мог быть преодолен «только революционным путем, путем наиболее энергичных, быстрых, твердых и решительных революционных мер со стороны Советской власти» против контрреволюции, «какими бы лозунгами и учреждениями (хотя бы и членством в Учредительном собрании) эта контрреволюция ни прикрывалась» ³. Так ставил вопрос Владимир Ильич Ленин относительно судьбы Учредительного собрания. 12 (25) декабря во второй половине дня на заседании большевистской фракции Учредительного собрания он оглашает подготовленные им «Тезисы», которые после длительных прений были единогласно приняты.

Насколько это была серьезная проблема, говорит и тот факт, что в этот же день, 12 (25) декабря, в 21 час под председательством Орджоникидзе открылось заседание Петроградского комитета большевиков ⁴. С докладом о текущем моменте выступил М. С. Урицкий, и в центре его выступления был вопрос об Учредительном собрании. А Урицкий был полностью в курсе о положении дел в этой области: согласно декрету СНК, он являлся комиссаром над «Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссией» ⁵. Урицкий к этому времени уже знал о ленинских «Тезисах», и поэтому, не пересказывая его доклада, остановимся лишь на тех моментах выступления, которые подтверждали опасность кризиса, назревавшего вокруг созыва Учредительного собрания. Так, приводя цифры о партийной принадлежности 388 депутатов, данными о которых Урицкий располагал, он указывал на обозначившуюся расстановку сил в Учредительном собрании, где большевики и

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 166.

² См. там же.

³ Там же.

⁴ См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. С. 371.

⁵ Декреты Октябрьской революции. С. 172.

левые эсеры не составляли и половины общего количества депутатов¹. «Это соотношение, — подчеркивал Урицкий, — не изменится и в дальнейшем»². Он говорил о том, что не оправдал наших надежд Урал, а центральные губернии России, куда дошел советский Декрет о земле, дал, наоборот, большинство голосов на выборах в Учредительное собрание нашей партии. Похоже складывалась обстановка и на фронтах: ближайšie к Петрограду Северный и Западный высказывались в основном за большевиков, а более отдаленные Юго-Западный и Румынский — за эсеров. «Роль, которую играет Учредительное собрание в буржуазной революции, — подчеркивал Урицкий, — пользуется еще большой популярностью в полубуржуазных элементах, хотя они идут с нами. Да и в наших рядах есть товарищи, которые еще не изжили иллюзии относительно Учредительного собрания»³. В этой связи оратор напоминал, что на почве агитации за Учредительное собрание наблюдается брожение и в гарнизоне Петрограда, особенно в тех частях, которые «не упрочились еще на позиции Советской власти»⁴. Создавшаяся обстановка свидетельствует о том, подчеркивал Урицкий, что «в данный момент вопрос об Учредительном собрании является тем боевым пунктом, вокруг которого нам хотят дать генеральное сражение, и мы вокруг него хотим дать тоже сражение»⁵. Словом, имевшие место иллюзии относительно Учредительного собрания в широких кругах России, особенно в ее отдаленных от центра районах, обуславливали и выжидательную пока тактику нашей партии.

Не наблюдалось никаких благоприятных для Советской власти сдвигов и во внешнем плане, где правящие круги стран Антанты все теснее смыкались в своих действиях с российской внутренней контрреволюцией. На Дону, в Закавказье, на Украине действовали военные миссии наших бывших союзников. В день открытия мирной конференции в Брест-Литовске, 9 (22) декабря, в Париже начали заседать высшие военные руководители Антанты, где заправляли Англия и Франция⁶. В этот день

¹ См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. С. 372.

² Там же.

³ Там же. С. 373.

⁴ Там же. С. 374.

⁵ Там же.

⁶ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 52.

мы огласили в Брест-Литовске основу для ведения переговоров о всеобщем демократическом мире. А на следующий день, 10 (23) декабря, по инициативе французского премьера Клемансо подписывается секретная англо-французская конвенция о разделе сфер действия в России: зона Франции — Украина, Бессарабия и Крым; зона Англии — Кавказ, казачьи территории Кубани и Дона¹. «Подразумевается, — подчеркивалось в этом документе, — что США примут участие в этих действиях»². Еще день спустя, 11 (24) декабря, Англия и Франция договариваются об оказании военной помощи всем контрреволюционным силам России³. По свидетельству Ллойд Джорджа, это соглашение было ответом на предложение большевиков о мире⁴. Антанта не желала иметь дело с Советами. «Когда Россия будет иметь правительство, признанное всеми народами, — заявил 14 (27) декабря в палате депутатов французский министр иностранных дел С. Пишон, — Франция будет готова рассматривать с ним цели войны и условия справедливого и длительного мира»⁵.

В поведении правящих кругов стран Антанты по отношению к Советской России надо обратить внимание на одну немаловажную деталь. Наши союзники после свершения в России социалистической революции не раз заявляли о своих «дружественных» чувствах по отношению к русскому народу, о том, что они «понимают» его положение, отягченное разорительной войной. И вместе с тем они же начали и «делить» Россию, и разрабатывать планы ликвидации власти Советов до того, как державы австро-германского блока предъявили нам грабительские условия мира. Здесь, пожалуй, более уместно будет говорить о том, что наши «союзники» просто-напросто выдавали нас державам Четверного союза. Не случайно в эти же дни, когда в Брест-Литовске участвующими в переговорах сторонами были представлены свои программы мира, Ллойд Джордж заявлял, что об общем мире можно будет вести разговор лишь после того, как Россия определит свою будущую границу с Германией и Ав-

¹ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 52; *Прицкер Д. П.* Клемансо Жорж. Политическая биография. М., 1983. С. 215; *Кунина А. Е.* Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М., 1951. С. 45.

² Там же.

³ См.: *Джордж Ллойд Д.* Военные мемуары. М., 1937. Т. 6. С. 85.

⁴ См. там же. С. 93.

⁵ *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 52—53.

стро-Венгрией¹. Это была недвусмысленная подсказка австро-германскому блоку на предмет того, что он мог бы сговориться с державами Антанты за счет удовлетворения своих территориальных и иных претензий на востоке.

Своеобразную линию по отношению к мирным переговорам начинали в этот период занимать враждебные большевикам различные политические партии и группы страны. Учитывая настроения масс, они, конечно, не могли выступать против мира, за продолжение войны. Все труднее становилось им обвинять большевиков и в сепаратном сговоре с германским кайзером, поскольку Советская власть многократно обращалась к бывшим союзникам России с предложением присоединиться к переговорам о мире, на что постоянно не получала никакого ответа. Им оставалось возлагать надежду на Учредительное собрание, на поддержку внешних сил, на то, наконец, что большевики не устоят в разгоравшейся гражданской войне.

Между тем внешнеполитический курс Советской власти, большевиков обретал все более широкую поддержку масс. 13 декабря Петроградский Совет, заслушав доклад Зиновьева, принял резолюцию, одобрявшую деятельность нашей делегации в Брест-Литовске и мирную политику, проводимую Совнаркомом². 14 декабря Крыленко издает приказ по армии, в котором извещает все фронты о согласии немцев в принципе вести переговоры о всеобщем демократическом мире на предложенных нами условиях³. Объясняя причину перерыва, Крыленко подчеркивал: «Товарищи, не боязнь и страх перед союзными правительствами Англии и Франции заставляют нас так делать. Русская революция обязана приложить все усилия, чтобы все народы получили мир»⁴. Обращаясь к солдатам, главковерх Крыленко конечно же знал, что они держат свои позиции до тех пор, пока идут обнадеживающие переговоры о мире в Брест-Литовске. И солдаты держали фронт верой в Советскую власть, которая в свою очередь полностью полагалась на солдат революции. Этого равновесия нарушать было нельзя.

¹ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 54.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 14 и 15 декабря.

³ См. там же. 15 декабря; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 15 декабря.

⁴ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 15 декабря.

Поздно вечером 14 декабря Ленин участвует в заседании ВЦИК, на котором, в частности, обсуждался и вопрос о ходе мирных переговоров в Брест-Литовске¹. Докладывал Троцкий. Он говорил, что в переговорах мы стоим на почве наших принципов и не намерены от них отходить, что такая политика воздействует на трудящихся мира. «И есть уже симптомы,— продолжал Троцкий,— что наша тактика, тактика, пробуждения международной солидарности пролетариата уже оказывает на него большое влияние»².

От имени левых эсеров Штейнберг предложил резолюцию о необходимости решительных мер по подъему революционного движения пролетариата Западной Европы, которая была принята единогласно при одном воздержавшемся³. Чувствовалось, что идея определяющего воздействия международного пролетариата на судьбы русской революции все более захватывала различные политические силы страны, широкие массы, значительные круги большевиков. Вместе с тем все партии в целом благожелательно приняли известие о согласии немцев вести переговоры о мире на предложенных нами условиях. Зиновьев даже предложил отметить достигнутый на переговорах в Брест-Литовске успех грандиозной мирной демонстрацией в Петрограде и в других городах России, назначив ее на воскресенье 17 (30) декабря⁴. Предложение было принято единогласно⁵.

На заседании выступил Крыленко, рассказавший о положении с продовольствием на фронтах. В своем сообщении он подчеркивал, что «закрытие путей у Челябинска и через Украину грозит нашим армиям полным голодом»⁶. Крыленко с негодованием говорил о предательской политике Рады в отношении державших позиции солдат Северного, Юго-Западного и Румынского фронтов. Так, он указывал, что на Юго-Западном фронте «политика Петлюры повела к полной дезорганизации фронта, к самовольному уходу частей, загрузивших железные дороги и приостановивших подвоз продовольствия», что три расположенные здесь армии фактически

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 133.

² Известия ЦИК. 1917. 16 декабря.

³ См. там же. 16 и 17 декабря.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же. 17 декабря.

⁶ Там же.

берутся Петлюрой измором¹. ВЦИК при двух голосах против одобрил политику Совнаркома в отношении Центральной Рады².

15 (28) декабря в Петроград прибыла немецкая делегация для работы в смешанной комиссии по урегулированию вопроса об обмене гражданских пленных и военнопленных инвалидов, а также для принятия мер к восстановлению культурных и хозяйственных отношений между заключившими перемирие странами³. Немецкую делегацию возглавлял граф В. Мирбах, с нашей стороны аналогичную делегацию первоначально возглавил К. Радек⁴. В день прибытия глава немецкой делегации был принят Лениным, который в ходе беседы с Мирбахом говорил о желательности перенесения мирной конференции из Брест-Литовска в Стокгольм или в другую нейтральную страну⁵.

15 (28) декабря в Петрограде открылся общеармейский съезд по демобилизации армии⁶. Среди его делегатов большинство составляли большевики и левые эсеры, было также немало меньшевиков и правых эсеров. В начавшуюся стихийную демобилизацию армии съезд должен был внести определенную организованность, а также обсудить вопрос о создании новой армии — армии социалистического государства. «Сейчас вопрос стоит круто, — подчеркивал на съезде руководитель специально созданного при Ставке главковерха отдела по демобилизации М. С. Кедров. — Армия похожа на тяжело раненного человека, и необходимо немедленно провести ряд героических мер. Недавно прибыл делегат от 10-й армии, который заявил, что если не будут приняты решительные безотлагательные меры, то наступит полный крах и окончательный развал армии»⁷. В этот же день на съезде выступил и Крыленко, который, говоря о действиях контрреволюционных сил, указывал, что они умышленно разлагают армию, способствуют развалу всего и вся. Крыленко заявлял: «Мы живем в период обострения

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 17 декабря.

² См. там же. 16 декабря.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 135; Известия ЦИК. 1917. 19 декабря.

⁴ См. там же; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 20 декабря.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 135.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 472—473.

⁷ Известия ЦИК. 1917. 17 декабря.

гражданской войны. В то время, когда на фронте уже больше не грохочут пушки, не свистят пули и изнуренные люди вылезли наконец из темных, грязных землянок,— в это время там, где не было никогда ни окопов, ни колючей проволоки, наши враги, объявив войну революции, тормозят великое дело мира и совершают поступки, которым нет названия на языке честных борцов»¹.

Ленин был постоянно в курсе дел на фронте, поскольку знакомился с суточными информационными сводками Наркомвоена². Знал он также и то, что несколько улучшились дела на Украине, где Всеукраинский ЦИК образовал в Харькове рабоче-крестьянскую Раду — украинское правительство. В обращении к трудящимся Украины ВУЦИК подчеркивал, что «войны между Украиной и Россией быть не может, что этой войны желала только Центральная Рада, а не украинские трудящиеся массы»³. Об этом же говорилось и в его телеграмме на имя Совнаркома⁴. 16 декабря в приветствии «рабочей и крестьянской Раде» Совнарком заявлял, что он видит в ней истинно народную Советскую власть на Украине и «обещает новому правительству братской Республики полную и всемерную поддержку в деле борьбы за мир, а также в деле передачи всех земель, фабрик, заводов и банков трудящемуся народу Украины»⁵. Провозглашение Советской власти на Украине было серьезным подспорьем для российской революции в ее борьбе за мир, вызвало определенные надежды на благоприятный исход брест-литовских мирных переговоров.

17 (30) декабря печать публикует обращение НКВД к народам и правительствам союзных стран, по поручению СНК подписанное Троцким⁶. Изложив причину перерыва в переговорах и охарактеризовав представленные в Брест-Литовске две программы их ведения — русскую и стран Четверного союза, обращение подчеркивало, что «правительства союзных народов до сих пор не примкнули к мирным переговорам по причинам, от точной формулировки которых они упорно уклонялись»⁷. Мы отда-

¹ Известия ЦИК. 1917. 17 декабря.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 136.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 63.

⁴ См. там же. С. 65.

⁵ Декреты Октябрьской революции. С. 327.

⁶ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 67—70.

⁷ Там же. С. 68.

вали себе отчет в том, что Антанта думает не о мире, а о разгроме Германии. Это, естественно, ухудшало положение Советской власти в ее борьбе за мир, оставляло нас один на один с державами Четверного союза. В этой связи в обращении говорилось: «Теперь, после предъявления противной стороной условий мира, нельзя отделяться общими фразами о необходимости доведения войны до конца. Нужно ясно и точно сказать, какова мирная программа Франции, Италии, Великобритании, Соединенных Штатов»¹. Но союзные правительства, отмечалось далее в обращении, не проявляют «готовности идти на действительно демократический мир»².

В обращении вновь подтверждалась неизменная позиция Советской власти покончить с войной. «Россия не связывает себя в этих переговорах согласием союзных правительств,— подчеркивалось в нем.— Если бы эти последние продолжали саботировать дело всеобщего мира, русская делегация все равно явится для продолжения переговоров. Сепаратный мир, подписанный Россией, нанес бы несомненно тяжелый удар союзным странам, прежде всего Франции и Италии. Но предвидение неизбежных последствий сепаратного мира должно определять политику не только России, но и Франции, Италии и других воюющих стран. Советская власть до сих пор всеми мерами боролась за всеобщий мир. Никто не может отрицать значительности достигнутых на этом пути результатов. Но в дальнейшем все зависит от самих союзных народов»³.

Что касается нашего народа, то он твердо брал судьбу страны в свои руки. В день опубликования в печати этого обращения, а это было воскресенье, в Петрограде проходила манифестация в поддержку мирной политики Советской власти, проводимой ею в Брест-Литовске. Рабочие, солдаты, широкие народные массы шестью колоннами с разных концов Петрограда с утра начали марш к Марсову полю⁴. Там, где они шли, движение трамваев было приостановлено. С транспарантами и лозунгами манифестанты строго по расписанию проходили через Марсово поле. В их рядах под лозунгами пролетарской революции шли военнопленные австрийцы и немцы. В де-

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 68.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 70.

⁴ См.: Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 17 декабря; Известия ЦИК. 1917. 19 декабря.

монстрации участвовали воинские части. Газета «Правда» писала, что 17 декабря стал днем «единодушия, свежести и мощности революционного энтузиазма в массах»¹.

И хотя 17 декабря было воскресенье, много дел пришлось решать в этот день Владимиру Ильичу, в том числе и касающихся мирных переговоров в Брест-Литовске. Ленин принимает делегацию общearмейского съезда по демобилизации², говорит ей, что не может выступить на съезде с докладом, который включен в повестку дня без его согласия. Однако соглашается с доводами о крайней желательности его встречи с делегатами и обещает на узком совещании побеседовать с ними. А уже через некоторое время Ленин председательствует на заседании Совнаркома, где, в частности, обсуждается и доклад советской делегации о ходе переговоров в Брест-Литовске³. На заседании было решено «предложить мирной делегации в спешном порядке представить в Совнарком точный текст немецких условий мира»⁴.

Во второй половине дня Ленин, как и обещал посетившим его делегатам общearмейского съезда по демобилизации, приехал в Наркомвоен⁵. Здесь происходило совещание представителей армий и фронтов из числа делегатов. Присутствовали также руководящие работники и военные эксперты Наркомвоена. Всего было 30—40 человек⁶. Ленин проинформировал участников совещания о только что сделанном нашей мирной делегацией докладе в Совнаркоме, рассказал о ходе переговоров в Брест-Литовске. Вместе с тем Владимир Ильич высказал пожелание, чтобы представители фронтов охарактеризовали состояние армии. Слушая их выступления, Ленин составляет для делегатов съезда 10 вопросов и просит дать на них письменные ответы⁷.

О чем шла речь в этих ленинских вопросах? Что хотел знать Ленин? Думается, что на этом необходимо

¹ Правда. 1918. 1 января (1917. 19 декабря).

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 138.

³ См. там же. С. 138—139.

⁴ Чубарьян А. О. Брестский мир. М., 1964. С. 106.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 139.

⁶ См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969. Т. 3. С. 143—144.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 179—180, 472.

остановиться более подробно. Мирные переговоры, развитие событий внутри страны, внешнеполитические обстоятельства — все это сплеталось в острейший драматический клубок, где происходящее в Брест-Литовске начало приобретать определяющее значение для судеб революции. Но оценка «происходящего» в Брест-Литовске и возможных результатов переговоров там становилась все более неоднозначной, сталкивались прямо противоположные взгляды и мнения.

Итак, на чем заострял внимание Ленин в своих вопросах делегатам со всех фронтов, из всех армий, державших позиции на этом фронте от Балтийского до Черного морей, что Ленин хотел знать? Состояние армии, во-первых. Ее способность воевать, во-вторых. Об этом Владимир Ильич хотел иметь четкое представление, ибо на «военном вопросе» завязывались в данном случае первоочередные политические, экономические, стратегические проблемы нашей революции, перспективы ее развития.

Какова возможность немецкого наступления в ближайшем будущем, если иметь в виду физическое и техническое состояние армии противника в условиях зимы, настроение германских солдат? Может ли это последнее обстоятельство «помешать наступлению или хотя бы задержать его»?

Что будет, если мы немедленно разрываем мирные переговоры, а немцы сразу же переходят в наступление? Могут ли они в этом случае нанести решающее поражение нам и «взять Петроград»?

Как поведет себя наша армия, когда получит «известие о срыве мирных переговоров»? Вызовет ли это в ней «массовое анархическое настроение и побег с фронта», или мы можем быть уверены, что она после получения этого известия «будет стойко держать фронт»?

Сумеет ли мы «в боевом отношении противостоят» немцам, если 1 января они начнут наступать? «Если нет», то «какой срок» нужен нам, чтобы армия была в состоянии «оказать сопротивление немецкому наступлению»?

Здесь мы позволим себе небольшое отступление. Почему Ленин называет датой возможного немецкого наступления 1 января? Речь идет о старом стиле. Напомним читателям, что по условиям договора о перемирии «договаривающиеся стороны имеют право, начиная с 21-го дня перемирия, отказаться от него с предупреждением о том за 7 дней до возобновления военных действий; если отказа не последует, то перемирие автома-

тически продолжается, пока одна из сторон не откажется от него с предупреждением за 7 дней»¹. Надо полагать, что Ленин как бы «прокручивал» вариант, когда нам из-за неприемлемых аннексионистских требований Германии пришлось бы прервать переговоры, которые должны были возобновиться 25 декабря. А этот день был, во-первых, 21-м после начала перемирия, а во-вторых, до 1 января оставалось бы как раз 7 дней. Словом, обстановка, если употреблять ленинское выражение, была «архисерьезная».

Но продолжим рассмотрение ленинских вопросов. Может ли наша армия при быстром немецком наступлении «отступить в порядке», сохраняя артиллерию? Надолго ли в благоприятном случае удалось бы «задержать продвижение немцев в глубь России»?

И здесь Ленин, как бы подведя спрашиваемого к определенному итогу, ставит чрезвычайной ответственности вопрос. Исходя из состояния нашей армии, что следовало бы нам сделать: «постараться затянуть мирные переговоры» или пойти на «революционно резкий и немедленный» их срыв «из-за аннексионизма немцев», демонстрируя тем самым «решительный твердый переход, подготавливающий почву для возможности революционной войны»?

Своего рода продолжением этого вопроса был следующий: надо ли нам немедленно переходить «к усиленной агитации против аннексионизма немцев и к агитации за революционную войну»?

Далее Ленин спрашивает: возможно ли, например, за 5—10 дней путем опроса «широких частей действующей армии» получить более «полные ответы» на поставленные вопросы?

Ленина весьма интересует при этом обстановка на Украине, и он хочет знать, как поведут себя «украинцы», узнав «об аннексионизме немцев»? Ослабнет ли в этом случае у нас «рознь с украинцами или даже сменится дружным сплочением сил», или, наоборот, они «воспользуются более трудным положением великорусов», чтобы усилить свою борьбу против них?

И заключает Ленин прямым вопросом к армии. Если бы последняя получила сейчас возможность «голосовать», за что бы армия высказалась: за немедленный мир, даже зная, что он приведет к потере всех занятых немцами

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 47.

территорий и крайне трудным для России экономическим условиям, «или за крайнее напряжение сил для революционной войны, т. е. за отпор немцам?»

Таковы были вопросы, предложенные Лениным представителям армий и фронтов из числа делегатов общевойсковой конференции по демобилизации армии, которые 17 (30) декабря присутствовали на совещании в Наркомвоене.

18 (31) декабря Ленин знакомится с присланными в Совнарком ответами делегатов на вопросы разработанной им анкеты. Они были удручающими с точки зрения боеспособности нашей армии: подавляющее большинство делегатов-фронтовиков отвечали, что армия воевать не в состоянии. М. С. Кедров впоследствии вспоминал, что только в единичных анкетах говорилось о боеспособности отдельных воинских частей, в большинстве же случаев речь шла о почти полном развале фронтов, массовом дезертирстве¹. «Вопрос становился яснее ясного,— писал Кедров.— Реальной боевой силы у нас нет, фронт открыт, воевать мы не можем, мир необходим во что бы то ни стало, любой, даже самый «похабный»².

Ленин знал, что солдаты на фронте готовы идти на большие жертвы во имя достижения мира, готовы ждать этого мира, о котором шли переговоры в Брест-Литовске и которые вселяли надежду в их сердца на скорое прекращение войны. Но он отдавал себе отчет и в другом: это ожидание мира измученными войной солдатами не могло быть беспредельным. И здесь было важно не перегнуть, как говорится, палку, не перейти ту черту, за которой могло последовать непредсказуемое.

В этот день, 18 (31) декабря, Ленин во второй половине дня председательствует на заседании Совнаркома, на котором среди прочих вопросов вновь обсуждалось положение на фронте и состояние армии³. Докладывал Крыленко. При этом он опирался на те материалы, которые дали делегаты общевойсковой конференции по демобилизации армии, отвечая на вопросы ленинской анкеты. Их ответы говорили о том, что армия в значительной степени небоеспособна, что в случае возобновления военных действий линию фронта удержать будет невозможно,

¹ См.: *Никольников Г. Л. Победа ленинской стратегии и тактики по вопросам войны, мира и революции.* С. 121.

² См.: *Кедров М.* Из красной тетради об Ильиче. М., 1957. С. 21.

³ См.: *Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.* Т. 5. С. 142.

что солдаты вообще против продолжения войны, что они уже с очень большим трудом ждут официального мира. Но было очевидным также, что и прекращать переговоры нельзя, ибо одно только известие об этом, которое фактически будет означать возобновление состояния войны, приведет армию к окончательному развалу. Поэтому нельзя было в таких условиях ставить и вопрос о немедленной «революционной» войне. Словом, это был какой-то заколдованный круг, выход из которого в пользу Советской власти пока не просматривался. Ввиду разложения русской армии надо было немедленно подписывать мир, а германские условия его были явно неприемлемыми. Оставалось одно — насколько это возможно, затягивать переговоры, стараясь выиграть время для укрепления своих позиций.

И Ленин по докладу Крыленко пишет проект резолюции, которая принимается Совнаркомом. «Результаты анкеты признать исчерпывающими вопрос о состоянии армии,— постановило правительство,— и принять резолюцию, предложенную В. И. Лениным»¹. Было решено ее не публиковать. В резолюции предлагалось проводить усиленную агитацию против аннексионизма немцев, и в этой связи говорилось об ассигновании на эти цели дополнительных средств. В ней ставился также вопрос о перенесении мирных переговоров в Стокгольм. Советской делегации давалась установка на затягивание мирных переговоров — «продолжать мирные переговоры и противодействовать их форсированию немцами»². В случае успеха этой тактики можно было использовать время перемирия для проведения важнейших преобразований в экономической и политической жизни страны, с трибуны переговоров открыто пропагандировать принципы Советской власти, ее внутренней и внешней политики, осуществлять революционизирующее влияние на трудящихся мира, способствовать росту сочувствия и симпатий к Советской стране. Время перемирия предполагалось использовать и для принятия важных мер на случай германского наступления: резолюция говорила об усилении работы по реорганизации армии, организации обороны Петрограда, а также о пропагандистской и агитационной работе, подготавливающей необходимость ведения революционной войны.

¹ Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 106; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 181.

² Там же.

В этот же день, 18 декабря, в Петрограде в соответствии с достигнутыми в Брест-Литовске договоренностями начала свою работу смешанная комиссия по вопросам улучшения положения военнопленных и обмена гражданских пленнх и инвалидов¹. С нашей стороны делегацию возглавлял А. И. Доливо-Добровольский, граф Мирбах и фон Гемпель были председателями германской и австрийской делегаций соответственно. На первом же пленарном заседании Доливо-Добровольский подчеркнул, что работа комиссии носит не политический, а технический характер. Он предложил поочередное председательствование на заседаниях. С заявлениями перед началом работы выступили также Мирбах и фон Гемпель. Затем слово взял К. Радек, который говорил об арестах в Германии борцов за мир, их заключении в тюрьмы, о лишении свободы польского социал-демократа Мархлевского и латышского социал-демократа Данишевского. Радек, указывая, что такого рода факты затрудняют возможность достичь успехов в работе смешанной комиссии, выразил надежду, что «делегация доведет до сведения Германского правительства о том отрицательном впечатлении, которое неизбежно производят эти мероприятия на русских революционных рабочих, солдат и крестьян». Возражая, Мирбах подчеркивал, что заседания смешанной комиссии носят технический характер, к тому же, как он говорил, германская делегация не располагает какими-либо сведениями на этот счет. По предложению Мирбаха и фон Гемпеля были созданы две комиссии: по делам пленнх, гражданских и военных, и по культурно-экономическим вопросам. Советская делегация предложила проводить заседания в помещении Наркомата по иностранным делам. Договорились, что очередное заседание состоится 19 декабря (1 января 1918 года). В заседании следующего дня мы поставили вопрос об облегчении почтовых связей с военнопленными, обмене официальными известиями, подготовке плана перевозки гражданских пленнх, то есть повели речь о тех вопросах, ради которых и была, собственно говоря, создана эта смешанная комиссия². В свою очередь представители Германии и Австро-Венгрии выдвинули предложение о создании комиссии по вопросам изучения возможностей,

¹ См.: Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 20 декабря; Известия ЦИК. 1917. 20 декабря.

² См.: Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 22 декабря.

связанных с торговым обменом, на что последовало возражение Радека, подчеркнувшего, что о налаживании хозяйственных связей пока не может быть речи и надо продолжать заниматься проблемами облегчения положения пленных, как военных, так и гражданских¹. Словом, смешанная комиссия втягивалась в работу.

19 декабря состоялось объединенное заседание ВЦИК, Петроградского Совета и общеармейского съезда по демобилизации армии. Делегаты последнего были приглашены на это заседание по специальному указанию Ленина². Кворум собрался очень внушительный: 350 человек от ВЦИК, 600 — от Петроградского Совета и 300 — от общеармейского съезда³. Важным был и вопрос: доклад советской делегации о ходе мирной конференции в Брест-Литовске, с которым выступил Каменев. Затем начали выступать делегаты общеармейского съезда⁴. Ленин, присутствовавший на этой части собрания после того, как он провел заседание Совнаркома, внимательно слушал представителей армий и фронтов⁵. Все они поддерживали мирную политику Советской власти, хотя и подчеркивали в то же время очень тяжелое положение с продовольствием на фронте, просили тыл помочь окопникам с подвозом хлеба, а также сменить на позициях усталые и небоеспособные части.

Так, представитель 1-й армии Беленький говорил, что, «несмотря на крайне тяжелые условия, в которых находится 1-я армия, она, если это потребует, до конца постоит за дело международного социализма» и вне зависимости от того, как сложатся переговоры о мире, «всегда готова всей своей мощью поддержать борьбу Советской власти с империалистами всех стран за освобождение всех народов»⁶. Мы «наших боевых постов не покинем, но мы потребуем материальной поддержки», говорил делегат с Ревельского фронта Тонстантьев, а Быков, представлявший 11-ю армию, заявлял, что она «не дрог-

¹ См.: Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 22 декабря.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 143—144.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 20 декабря; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 21 декабря.

⁴ См. там же. 1917. 22 декабря; Известия ЦИК. 1917. 21 декабря.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 146, 145.

⁶ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 22 декабря.

нет, если перед ней встанет опасность нападения, продиктованного интересами империалистов германской коалиции»¹. В свою очередь делегат Особой армии Громан в своем выступлении подчеркивал: «...армия окажет решительное сопротивление всем тем препятствиям, которые встанут на пути борьбы за мир, откуда бы эти препятствия ни исходили. Особая армия верит Советской власти и поддерживает ее»². Говоривший от Западного фронта делегат Калего заявлял, что если германцы поставят нас перед необходимостью продолжать войну, то у нас «найдутся еще силы для борьбы и с немецкими империалистами, и с отечественными саботажниками»³. От русского флота выступал Баранов, заверивший собрание, что флот будет до конца стоять за революцию. С таким же революционным порывом выступали и делегаты других армий и фронтов.

И хотя представитель Петросовета Кашкаров, имея в виду отряды революционной Красной гвардии, говорил, что тыл поможет фронту и продовольствием, и заменой уставших частей, и сохранением порядка в стране, но это был, если смотреть правде в глаза, все тот же революционный энтузиазм, мало, к сожалению, подкрепляемый пока достаточными материальными средствами. В конце 1917 года Советская власть фактически располагала очень незначительной военной силой, на боеспособность которой она могла твердо рассчитывать. Это были лишь отряды Красной гвардии, некоторые боеспособные старые части латышских стрелков, отдельные сибирские полки и отряды революционных моряков — всего общей численностью около 60 тысяч человек⁴. Конечно же, противостоять в случае разрыва переговоров в Брест-Литовске немецкому наступлению они не могли, их роль была в другом — этими силами велась борьба с внутренней контрреволюцией, которую Советская власть сдерживала с трудом.

После того как делегаты рассказали присутствующим о положении на своих фронтах и в своих армиях, начали выступать представители фракций. Первым выступил представитель объединенных интернационалистов Мои-

¹ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 22 декабря.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Котович В. Политика партии в период Бреста. Л., 1934. С. 10—11.

сеев. Указав на необходимость помощи со стороны западноевропейского пролетариата в борьбе России за всеобщий демократический мир, оратор призывал с этой целью к воздействию всеми возможными средствами на зарубежную демократию¹. От левых эсеров слово взял Камков. Подчеркивая, что германским империалистам вряд ли удастся с такой же легкостью, как раньше, повести войска против русской революции, и поддерживая действия нашей делегации в Брест-Литовске, не пошедшей на компромиссные сделки с кайзером, он говорил: «Наша сила не штыковая, мы опираемся на силу тех наших лозунгов, которые отрывают союзную демократию от французских и английских империалистов и ставят ее рядом с русским крестьянством. Мы настойчивы потому, что сила русской революции — сочувствие трудящихся масс Европы — это слабость германского империализма»².

От фракции большевиков выступал Троцкий. Довольно уверенно он говорил, в частности, о том, что «дальше наши переговоры будут вестись в нейтральной стране», призывая окопников продержаться еще немного. Революционный дух, царивший на этом объединенном заседании, захватывал всех. Не обошел он и такого крупного оратора, каковым был Троцкий, умевший великолепно улавливать настроение аудитории. «Мы верим, — говорил Троцкий, — что окончательно будем договариваться с Карлом Либкнехтом, и тогда мы вместе с народами мира перекроим карту Европы для полного самоопределения народов, для окончательного уничтожения гнета на земле»³. «Громким» и пока с непонятным подтекстом выглядел и брошенный им в зал призыв ввести во всей стране «революционную дисциплину рабочих над верхами»⁴.

Итоги обсуждения доклада советской делегации о ходе мирной конференции в Брест-Литовске подводил Каменев, выступивший с заключительным словом. Он, в частности, еще раз подтвердил позицию советской стороны по вопросу обмена военнопленными, подчеркнув невозможность его решения до подписания мира. В противном случае, говорил Каменев, в Германию возврати-

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 21 декабря.

² Там же; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 22 декабря.

³ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 22 декабря.

⁴ Там же.

лось бы «несколько миллионов здоровых воинов», которых она могла бы использовать «для отправки на французский и на другие фронты, что для нас, конечно, недопустимо»¹. Отвечая на вопрос, когда будет заключен мир, Каменев заявил: «...никто не в состоянии указать, хотя бы приблизительно, срок, ибо все зависит от того, как сложатся международные отношения в ходе мирных переговоров, в частности, от того, какую позицию займут Франция, Англия и др.»².

Принятая объединенным заседанием резолюция подробно излагала позиции сторон на переговорах в Брест-Литовске, поручала Совнаркому принять меры для их перенесения в нейтральную страну, содержала обращение к народам Германии и остальным державам Четверного союза не допустить войны против России ради порабощения Польши, Эстляндии и других территорий, призывала народы стран Антанты добиваться от своих правительств присоединения к переговорам на основе изложенных нами принципов заключения всеобщего демократического мира³. Осуществить пожелание резолюции относительно более весомого вклада народов других воюющих государств в борьбу за мир было, конечно, практически невозможно, и в целом все это решение носило, думается, характер информирования общественности всех стран о ходе брест-литовских переговоров. Во всяком случае, газета «Правда» писала: «Надо признать, что программа мира нашей революции усвоена до конца пока лишь меньшинством сознательного пролетариата Запада»⁴.

19 декабря Ленин проводил очередное заседание Совнаркома. Среди обсуждавшихся вопросов заслушивали и сообщение П. Прошьяна о его поездке в качестве делегата от крестьянского съезда в Киев и переговорах с представителями Рады Винниченко, Грушевским, Поршем и другими⁵. Намечались возможности контактов с Радой, Советская власть была готова пойти на соглашение с ней, дабы не доводить дело до войны; в этом духе СНК принял подготовленную Лениным резолюцию, которую, после переговоров по этому вопросу по прямому

¹ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 22 декабря.

² Известия ЦИК. 1917. 21 декабря.

³ См. там же. 20 декабря.

⁴ Правда. 1918. 3 января (1917. 21 декабря).

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 145—146, 147—149; Декреты Октябрьской революции. С. 352—354

проводу с ВУЦИК, 21 декабря опубликовала печать¹. Это было немаловажным подспорьем для Советской власти накануне начала нового этапа в брест-литовских переговорах, разумеется в том случае, если бы события по этому вопросу и дальше развивались в таком же благоприятном направлении. Но, к сожалению, чаша весов во взаимоотношениях между Советской Россией и Центральной Радой все время колебалась. Например, в тот же день за подписью А. Мясникова, заменявшего Крыленко в его отсутствие в Ставке, там был издан приказ, обращенный к нашим армиям Юго-Западного и Румынского фронтов в связи с распоряжением Петлюры об увольнении на 3 месяца всех солдат великороссов². Призывая не искушаться этим приказом, Ставка обращалась к солдатам: «Вы, как сознательные сыны освободившейся страны, обязаны и должны поддерживать порядок на фронте и ненарушимость наших армий, ибо впереди еще предстоит нам битва с буржуазией»³.

Несмотря на то что союзники не отвечали на очередной призыв Советского правительства присоединиться к мирным переговорам, они тем не менее не могли, конечно, вообще уклониться от каких-либо контактов с новой властью. В полдень 19 декабря Троцкого посетил капитан Смит, представлявший посла Бьюкенена⁴. Капитан уведомил нашу сторону, что посол уезжает в отпуск для поправки здоровья, что с ним вместе отъезжают некоторые представители британской военной миссии, что в этой связи посол обращается с просьбой не досматривать багаж отъезжающих. Троцкий поинтересовался, будут ли аналогичными привилегиями пользоваться наши дипломаты, если им придется выезжать в Англию или проследовать через нее транзитом? И хотя Смит выразил уверенность в положительном разрешении таких случаев, Троцкий все же просил его официально доложить послу этот вопрос советской стороны и немедленно дать на него ответ, чтобы НКВД принял аналогичные меры в отношении посла Бьюкенена и сопровождающих его лиц. Англичане дали положительный ответ⁵. Выяснение этого момента для нас не являлось праздным: приказом по

¹ См.: Декреты Октябрьской революции. С. 352—354; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 182—183.

² См.: Известия ЦИК. 1917. 22 декабря.

³ Армия и флот рабочей и крестьянской России, 1917. 21 декабря.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1917. 20 декабря.

⁵ См. там же.

НКВД нашим представителем в Лондоне был назначен М. М. Литвинов¹, и мы должны были быть уверены в том, что в отношении наших представителей в Англии не будет допущена какая-либо дискриминация.

Вообще надо сказать, чем меньше дней оставалось до возобновления работы мирной конференции в Брест-Литовске, тем активнее становились всевозможные внутренние и внешние силы, выступавшие против большевиков и Советской власти, тем истеричнее шумела буржуазная печать вокруг брест-литовских переговоров. Из союзных стран телеграф продолжал приносить сообщения с обвинениями нас в предательстве, прямыми угрозами в адрес Советской России. Газеты распространяли слухи о разногласиях в советской мирной делегации по вопросу принятия или неприемлемости предъявленных нам Германией условий мира, увязывая эти измышления с предстоящим открытием Учредительного собрания, «патриоты» которого готовы, мол, подписать мир, если большевики откажутся это сделать². Газета «День», называя большевиков препятствием к достижению мира, писала: «Или большевизм, и тогда распад России, от которой Германии тем легче будет отхватывать один кусок за другим, или всевластное Учредительное собрание, перешагнувшее через труп большевистской диктатуры, и тогда мир внутри России и мир вовне, утверждаемый свободным соглашением союзных держав с германской коалицией»³. Германия «знает, что нынешней России, растерзанной, залитой междоусобной кровью, лишенной армии, можно только приказывать»⁴, подчеркивала одна из газет. Большевики полагали, продолжала она же, что захват ими власти вызовет такое же движение в воюющих странах, что «их перемирие немедленно приведет к перемирию на всех фронтах», но ничего этого не случилось, и «нигде в Европе пролетариат не последовал примеру наших большевиков»⁵. Словом, буржуазная и контрреволюционная печать, улавливая различия во мнениях и оценках относительно брест-литовских переговоров, действительно зревших и имевших место среди сил русской революции, интерпретировала их на свой манер

¹ См.: Известия ЦИК. 1917. 22 декабря.

² См.: Правда. 1918. 2 января (1917. 20 декабря).

³ Там же. 1918. 5 января (1917. 23 декабря).

⁴ Баку. 1917. 22 декабря.

⁵ Там же.

и старалась, естественно, использовать в своих интересах.

20 декабря на заседании Совнаркома принимается постановление об открытии, «при наличии установленного кворума из 400 человек», Учредительного собрания 5 (18) января 1918 года¹. В этот же день Ленин подписывает назначение С. Шаумяна временным чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа, «впредь до образования краевой Советской власти на Кавказе»²: надо было предпринимать меры против местной контрреволюции, имея в виду также и то обстоятельство, что здесь проходила линия перемирия с турецкими войсками. Тогда же, 20 декабря, руководитель советской мирной делегации Иоффе разослал всем председателям делегаций Четверного союза телеграмму, в которой говорилось, что Совнарком предлагает для дальнейшего ведения переговоров избрать нейтральную страну, перенеся их в Стокгольм, что ответ на это предложение наша делегация ожидает в Петрограде, что, наконец, понимание другой стороной пункта о праве наций на самоопределение СНК и ВЦИК считают для нас неприемлемым³.

21 декабря Владимир Ильич Ленин, проявлявший серьезное беспокойство о состоянии армии, участвует в совещании с работниками Наркомвоена по вопросу организации новой армии Советского государства⁴. 22 декабря вечером Ленин вновь посещает Наркомвоен, где обсуждается тревожное положение на Румынском фронте, и опять ставится вопрос о формировании новой, социалистической армии⁵. Для Ленина все более становилось очевидным, что без создания своей армии социалистическому государству не обойтись⁶.

В тот же день, 22 декабря, в Ставке главнокомандующего в Могилеве проходила встреча с участием представителей советской и германской сторон с целью предва-

¹ См.: Декреты Октябрьской революции. С. 355—356; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 149.

² Декреты Октябрьской революции. С. 357, 359.

³ См.: Правда. 1918. 3 января (1917. 21 декабря); Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 21 декабря.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 150.

⁵ См. там же. С. 152.

⁶ См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969. Т. 3. С. 40—43.

рительного изучения условий мирного договора¹. Заседание было весьма представительным: Н. В. Крыленко, М. М. Володарский, М. С. Урицкий, В. А. Антонов-Овсеенко, Ф. Э. Дзержинский, Н. А. Скрыпник и другие — с советской стороны и фон Готт, Таубнер, Рауш и другие — со стороны немецкого командования. Разумеется, иллюзий себе на этой встрече никто не строил. Для нас это был своеобразный зондаж позиций германской стороны, выяснение ее планов накануне возобновления работы мирной конференции в Брест-Литовске. Не случайно, что на следующий день, 23 декабря, «Известия» писали: «Коалиция центральных империй только на словах признала великие принципы русской революции: мир без аннексий и контрибуций и право наций на самоопределение. Когда дело дошло до того, чтобы эта абстрактная формула приняла конкретные очертания, австро-германские правители спрятали лисий хвост и показали свой волчий зуб». И далее газета подчеркивала: «Борьба против завоевательных стремлений германского империализма — это не только вопрос самосохранения для русской революции, это вопрос спасения международной социалистической революции, которая уже зреет на Западе».

А эти «завоевательные стремления» германского империализма продолжали нарастать. Многие обстоятельства тех дней «играли» в пользу держав Четверного союза, роста аннексионистских appetитов Германии: прогрессирующий развал в России армии, транспорта, промышленности, надвигающийся голод, увеличивающееся число очагов гражданской войны. Позиция, наконец, стран Антанты в отношении власти большевиков и их участия в работе брест-литовской мирной конференции. Она, эта их позиция, говоря языком более позднего времени, а именно — второй половины тридцатых годов, прямо подталкивала Германию на Восток с целью удовлетворения ее возраставших appetитов. Антанта как бы одним выстрелом хотела убить двух зайцев: не спеша накапливала силы для окончательного удара по Германии и в то же время была не прочь нанести, как ей представлялось, смертельный удар по большевикам германским кулаком. В этом плане весьма красноречиво звучит

¹ См.: *Бескорвайная А. Т.* Партия большевиков в борьбе за мир (октябрь 1917 — март 1918 гг.). Автореферат. Киев, 1965. С. 13—14.

признание Ллойд Джорджа. «Дневник войны показывает,— вспоминал он впоследствии,— что с конца декабря 1917 г. до середины марта 1918 г. на Западном фронте совершенно прекратились даже самые незначительные боевые операции. Это был самый длинный период передышки за последние два года»¹.

Если мы сопоставим факты, то нам будет ясно, почему именно с конца декабря на Западном фронте наступает «затишье». По старому стилю это как раз те дни, когда в работе мирной конференции в Брест-Литовске по просьбе советской делегации был объявлен перерыв. И мы, как известно, выступили с предложением о таком перерыве потому, что австро-германский блок неожиданно выставил грабительские, аннексионистские условия мира, относительно которых нам необходимо было держать большой совет в правительстве. Впрочем, предоставим «слово» немецкому источнику. М. Эрцбергер, а приводимые им даты даются по новому стилю, писал: «Принятие русского общего мирного предложения «без аннексий и контрибуций» от 25 декабря германской мирной делегацией привело в ярость верховное командование. Прежде чем это предложение и его принятие Германией могли оказать свое действие на мир, появилась уже вторая германская нота от 27 декабря, которая давала совершенно иной вид миру с Россией и требовала дальнейшего отделения русских областей»².

Последняя точка зрения и начала проводиться в жизнь австро-германским блоком. При этом немцы спешили. Э. Людендорф, вспоминая о совещании у кайзера, имевшем место незадолго до возобновления мирной конференции в Брест-Литовске, 2 января 1918 года (20 декабря 1917 года), писал: «Я указал, что ввиду намечающегося удара на западе требуется скорейшее заключение мира на востоке, так как лишь в том случае, если заключение мира предстоит в ближайшее время, мы будем иметь возможность надлежащим образом совершить переброску войск. По военным соображениям надо противиться всякой попытке промедления»³. Словом, речь шла о том, чтобы как можно быстрее заключить аннексионистский мир. В эти дни произошел разговор между

¹ Джордж Ллойд Д. Военные мемуары. М., 1938. Т. 3. С. 332.

² Эрцбергер М. Германия и Антанты. М.; П., 1923. С. 210.

³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. С. 122—123.

М. Эрцбергером и генералом Гофманом, и последний, как вспоминает Эрцбергер, «высказался против военного очищения оккупированных областей и считал необходимым держать в Литве и Курляндии во время мира, по крайней мере, шесть армейских корпусов»¹. «Право народов на самоопределение,— подчеркивал Эрцбергер,— он (генерал Гофман.— И. К.) желал рассматривать как средство отторжения этих областей от России»².

В этих условиях державы Антанты считали, говоря словами их официальной печати, что «Россия представляет собой того пайщика одного предприятия, который участвует своим дефицитом»³. Другими словами, они полагали, «чем шире вознаградит себя Германия на Востоке, тем легче будет союзным правительствам сговориться с ней на Западе»⁴.

Так складывалась внутренняя и внешняя обстановка перед возобновлением работы мирной конференции. И, исходя из нее, можно было заранее предположить, что в Брест-Литовске нас ожидали нелегкие дни.

¹ Эрцбергер М. Германия и Антанта. С. 212.

² Там же.

³ Правда. 1918. 6 января (1917. 24 декабря).

⁴ Там же.

Глава V БРЕСТ-ЛИТОВСКАЯ ГОЛГОФА

23 декабря 1917 (5 января 1918) года Ленин подписывает удостоверения членам советской мирной делегации А. А. Биценко, А. А. Иоффе, Л. Б. Каменеву, Л. М. Карahanу, М. Н. Покровскому и Л. Д. Троцкому о том, что они уполномочены Совнаркомом вести переговоры в Брест-Литовске о заключении мира между Советской Россией и державами Четверного союза¹. На этом этапе переговоров во главе нашей делегации был поставлен нарком по иностранным делам Троцкий. Тогда же Ленин подписал и удостоверения включенным в состав делегации в качестве консультантов В. М. Альтфатеру, В. В. Липскому, В. С. Мицкевичу-Капсукасу, Ф. А. Морозову и К. Б. Радеку². До открытия мирной конференции в состав нашей делегации вошли и другие товарищи.

Еще 20 декабря (2 января) А. А. Иоффе в качестве председателя русской делегации обратился к председателям делегаций стран Четверного союза по вопросу о перенесении места переговоров в нейтральную страну. Ответ последовал незамедлительно, 21 декабря (3 января), и гласил, что перенесение переговоров из Брест-Литовска отклоняется, ибо делегации стран австро-германского блока уже прибыли, дескать, к месту работы мирной конференции, и начать заседать где-то в другом месте не представляется возможным, а потому русская делегация ожидается в Брест-Литовске не позже 23 декабря (5 января)³. Позиция держав Четверного союза в

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 153.

² См. там же.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 24 декабря; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 24 декабря (1918. 6 января); Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 244.

вопросе места переговоров была понятна: мирная конференция проходила в главной квартире германского командования Восточным фронтом, что вполне устраивало австро-германский блок во всех отношениях и прежде всего давало возможность «держаться» эти переговоры в изоляции от общественного мнения.

Неуступчивая позиция держав Четверного союза определялась и рядом других факторов. Так, германский канцлер граф Гертлинг, выступая 22 декабря (4 января) в рейхстаге и говоря о работе мирной конференции, сказал, что в Брест-Литовск прибыли представители Украинской Центральной рады и наши делегации приступили с ними к переговорам¹. Высказался Гертлинг и по поводу различного понимания сторонами права наций на самоопределение. «Германия,— говорил канцлер,— опираясь на свое могущество, лояльный образ мыслей и свое законное право, может спокойно ждать, чем кончится этот инцидент»². Словом, для советской стороны было ясно, что Германия и ее союзники постараются «выжать» все из националистической позиции Рады.

В день выступления Гертлинга советская делегация отправила в Брест-Литовск телеграмму, в которой извещала наших партнеров по переговорам, что в связи с их прибытием к месту заседания завтра туда же выедет наша делегация во главе с народным комиссаром по иностранным делам Троцким и что договоренность по вопросу о перенесении места переговоров не создаст затруднений³. В ответ 23 декабря (5 января) на имя Иоффе поступило сообщение, в котором нас ставили в известность о том, что десятидневный перерыв в работе мирной конференции накануне истек и что за это время никто из других воюющих стран не заявил о присоединении к мирным переговорам⁴. Телеграмма была подписана Кюльманом, Черниным и Поповым, руководителями делегаций Германии, Австро-Венгрии и Болгарии соответственно, и Нессими-беем, министром иностранных дел Турции⁵. Документ этот был с явным намеком: державы Четверного союза, как известно, соглашались положить предложенные нами принципы мира в основу переговоров при усло-

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 244.

² Там же.

³ См. там же. С. 245; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 24 декабря (1918. 6 января).

⁴ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 245.

⁵ См. там же.

вии, если с этими положениями согласятся и присоединятся к переговорам другие воюющие державы. Но этого не произошло, подчеркивалось в телеграмме, и этим нам как бы давалось понять, что первоначально данное согласие государств австро-германского блока с нашими принципами мира теряет свою силу.

24 декабря (6 января) советская делегация во главе с Троцким прибыла в Двинск поездом в Брест-Литовск¹. Было воскресенье, шел 60-й день Советской власти. В немецкой прессе накануне возобновления переговоров разгоралась дискуссия, в которой полемика по вопросу о нашем предложении продолжить конференцию на нейтральной почве, вызвавшем несогласие другой стороны, сливалась с жаркими политическими спорами вокруг внутреннего положения Германии. В день прибытия в Двинск нашей делегации социал-демократическая фракция в германском рейхстаге обнародовала декларацию, в которой заявлялось: «В связи с событиями в Брест-Литовске и атакой аннекционистов на право самоопределения народов фракция социал-демократов рейхстага заявляет вновь, что добрососедские отношения и длительный мир возможен только тогда, если будет честно проведен основной демократический принцип самоопределения народов»². Разумеется, все это вселяло надежду.

В тихую морозную ночь русская делегация перешла линию фронта³. Окопники напутствовали делегацию, желали ей успеха в достижении мира, говорили, что солдаты поддержат ее действия. От имени делегации Троцкий заверял солдат, что «революция не склонит головы перед германским империализмом, что не для того сбросили русские крестьяне, солдаты и рабочие иго царя, чтобы подчиняться другому игу»⁴. Мертвая тишина царил в немецких окопах при пересечении их нашей делегацией. А затем знакомый путь: сначала на санях, потом по узкоколейке в вагонетках и, наконец, в экстренном поезде. 25 декабря (7 января) в 9 часов утра советская делегация в составе Троцкого, Иоффе, Каменева, Покровского, Биценко, Карахана, Радека, Альтфатера и

¹ См.: Правда. 1918. 10 января (1917. 28 декабря).

² Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 29 декабря (1918. 11 января).

³ См.: Правда. 1918. 9 января (1917. 27 декабря). Экстренный выпуск.

⁴ Там же.

Липского прибыла в Брест-Литовск¹. На вокзале состоялась официальная встреча, после которой делегация направилась в свое помещение, где тут же утром прошло совещание с представителями Украинской Центральной рады, уже в течение нескольких дней находившимися в Брест-Литовске и ожидавшими, в частности, прибытия нашей делегации.

На совещании решался один вопрос; единые выступления в ходе работы мирной конференции². В принципе удалось договориться о том, что обе делегации будут выступать с заявлениями совместно, предварительно обсуждать вопросы между собой, что вместе выступят и по поводу переноса переговоров на нейтральную почву³. Одним словом, первоначально казалось, что есть все основания полагать о единых действиях двух делегаций при возобновлении работы мирной конференции. Ввиду того, что руководитель делегации Украинской Центральной рады Голубович еще не прибыл в Брест-Литовск, начало работы конференции было перенесено с понедельника, 25 декабря, на вторник, 26 декабря⁴. При этом русская и украинская делегации договорились, что работу начнут с заявления представителей Украины об их самостоятельном участии в переговорах и что после признания их полномочий будет поднят вопрос о месте заседаний конференции в дальнейшем.

26 декабря (8 января) мирная конференция еще не открылась: Голубович в Брест-Литовск пока не прибыл. Однако этот день был весьма примечательным: в американском конгрессе выступил президент США Вудро Вильсон, выдвинувший в своей речи «14 пунктов» послевоенного устройства мира. О его выступлении и изложенной им «программе мира» написано много, и нет надобности останавливаться на этом. Для нас важно только то в речи американского президента, что помогает раскрытию темы.

Ленинский Декрет о мире, советские мирные предложения, брест-литовские переговоры сначала о перемирии, а затем и о мире завоевали умы народов, оказали большое воздействие на их настроение. Не были исключением Англия, Франция и Италия. Все это, разумеется,

¹ См.: Правда. 1918. 9 января (1917. 27 декабря). Экстренный выпуск.

² См. там же.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

беспокоило правящие круги США, стремившихся занять доминирующее положение в послевоенном мире. Изложенная Вильсоном «программа мира» американских империалистов и представляла собой своеобразное противопоставление советской программе мира без аннексий и контрибуций. Буржуазная печать и не скрывала, что целью речи Вильсона было желание США перехватить мирную инициативу у Советов, предстать перед всеми поборником мира, скрывая свои истинные цели за лицемерными рассуждениями о демократии, за туманными и расплывчатыми формулировками о свободе народов в решении своих судеб. Уже 28 декабря (10 января) наши газеты начали давать информацию и выдержки из речи американского президента, а 30 декабря (12 января) она была опубликована в «Известиях ЦИК». Накануне возобновления работы брест-литовской мирной конференции американский президент высказывался, по сути дела, за продолжение русским народом войны во имя защиты «мировой цивилизации» и конечно же своих собственных прав. Играя на естественных патриотических чувствах людей, Вильсон говорил, что хотя русский народ бессилен и беспомощен перед Германией, но тем не менее его дух не побежден, и он не хочет уступать ни в принципах, ни в действиях.

Специальный, шестой пункт вильсоновской «программы мира» был посвящен русским делам. В нем весьма туманно говорилось о гарантиях России «в деле получения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики». В этом пункте демагогически заявлялось об эвакуации с территории России всех иностранных войск, об оказании русскому народу поддержки и помощи, о принятии его в «сообщество свободных наций». Если говорить в целом, то этот пункт был верхом лицемерия: в октябре 1918 года в официальных комментариях для служебного пользования ко всей этой «программе мира», в том числе и к шестому пункту, касающемуся русского вопроса, в России предусматривалось свержение Советской власти и превращение ее отдельных частей в зависимые от иностранных государств территории¹. А пока расчет был

¹ См.: *Никольников Г. Л.* Брестский мир и Украина. Киев, 1981. С. 51; *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 155; *Чубарьян А. О.* Брестский мир. С. 123—124.

один: «поддержать» Россию в ее трудный час против германского хищника, а если удастся, то и втравить ее в продолжение военного столкновения с Германией, подкрепить позиции тех сил в России, которые выступали против каких-либо соглашений с германским империализмом. Такова была обстановка в канун возобновления работы мирной конференции в Брест-Литовске.

Заседания там открылись 27 декабря (9 января). И начались они не совсем по тому сценарию, о котором предварительно договаривались представители русской и украинской делегаций. Но все по порядку. Прежде всего о составах делегаций на этом этапе работы мирной конференции¹. Русскую делегацию возглавил Л. Д. Троцкий. В ее состав вошли А. А. Иоффе, Л. Б. Каменев, М. Н. Покровский, А. А. Биценко, В. А. Карелин, секретарь делегации Л. М. Карахан. Военными консультантами делегации были контр-адмирал В. М. Альфатер, капитан Липский, генерал А. А. Самойло. В состав делегации были включены консультанты по национальным вопросам — К. Б. Радек, П. И. Стучка, С. Бобинский, В. Мицкевич-Капсукас.

В украинскую делегацию входили В. М. Шахрай и Е. Г. Медведев, которые прибыли позже — за неделю перед началом уже третьего этапа работы мирной конференции.

Свою делегацию имела и Украинская Центральная рада: статс-секретарь Голубович, М. Левитский, М. Любинский, М. Полозов, А. Севрюк. Консультантами ее делегации были ротмистр фон Гассенко, профессор Е. Остапенко.

Делегация Германии была представлена статс-секретарем фон Кюльманом, директором правового департамента Криге, посланником фон Розенбергом, тайным легационным советником фон Штокгаммером, легационным советником фон Балигандом, легационным секретарем фон Гешем, генерал-майором Гофманом, капитаном 1-го ранга Горном, майором Бринкманом.

В состав австро-венгерской делегации входили министр по иностранным делам граф Чернин, директор департамента доктор Грац, посланник барон фон Миттаг, посланник фон Визнер, легационный советник барон Андриан, легационный советник граф Коллоредо, легационный секретарь граф Чаки, фельдмаршал-лейтенант

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 41—43.

фон Чичерич, обер-лейтенант Покорный, майор фон Глайзе.

Делегация Болгарии состояла из министра юстиции Попова, посланника Коссова, посланника Стояновича, полковника Гантчева, легационных секретарей Анастасова и Кермекчиева, капитана 1-го ранга Нодева, капитана Маркова.

В турецкую делегацию входили великий визирь Талаат-паша, министр по иностранным делам Нессими-бей, посол Ибрагим Хакки-паша, генерал от кавалерии Ахмед Иззет-паша, капитан Хуссен Рауф-бей, секретарь посольства Вехби-бей, майор Садик-бей, капитан 2-го ранга Комал-бей.

Первое после перерыва пленарное заседание конференции открыл в 11 часов 10 минут Талаат-паша, передав председательствование Кюльману¹. Последний обратил внимание присутствующих на то, что ранее принятые формальности ведения заседаний будут, видимо, действовать и впредь, что в составах делегаций произошли персональные изменения. Затем Кюльман перешел к подробному изложению истории переговоров сначала о перемирии, а затем и о мире. И когда он дошел в изложении вопроса до условий, выдвигаемых державами Четверного союза при даче ими согласия на предложенные русской делегацией принципы демократического мира, Кюльман подчеркнул, что за установленный срок перерыва в работе конференции в 10 дней «ни от одной из остальных участниц войны не поступало заявления о присоединении к мирным переговорам»². Из слов Кюльмана следовало, что согласие австро-германского блока с русскими принципами демократического мира имеет силу лишь в случае присоединения к ним других воюющих государств. «Неисполнение этого условия,— сказал в этой связи Кюльман,— повлекло за собой следствие, вытекающее как из содержания заявления, так и из истечения срока: документ стал недействительным»³. И поэтому, продолжал Кюльман, мы возобновляем переговоры «с того пункта, на котором мы остановились до наступления рождественского перерыва»⁴. Таким образом, с первых же минут возобновления работы мирной конференции противная сторона дала понять, что с нашими

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 44.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же.

принципами заключения мира она в создавшихся условиях считаться не будет. Немцы шли в атаку.

Далее Кюльман перешел к вопросу о нашем предложении относительно перенесения мирных переговоров на нейтральную почву, конкретно — в Стокгольм. По этому поводу он сказал, что на заключительном этапе мирных переговоров можно будет подумать о перемене места, исходя из «международной вежливости»¹. Подчеркнув большое значение атмосферы, в которой проходят переговоры, Кюльман стал обвинять русскую делегацию в неискренности провозглашаемых ею миролюбивых целей. С момента перерыва, заявил Кюльман, «случилось многое, что казалось способным возбудить сомнения в искреннем намерении Русского Правительства добиться заключения скорого мира с державами Четверного союза»². По словам Кюльмана, речь шла о некоторых полуофициальных заявлениях нашего правительства, распространяемых Петроградским телеграфным агентством (ПТА), которое за границей рассматривается как русский официоз. И здесь Кюльман сделал еще один полуугрожающий выпад, заявив, что все сказанное им по этому поводу не приведет, как он полагает, к неудаче дела мира и к возможности «возобновления войны на Востоке с ее неисчислимыми последствиями»³.

Взявший слово Чернин изъявил желание кое-что добавить к замечаниям Кюльмана. Чернин стал разъяснять, как он выразился, почему «мы категорически отказываемся перенести переговоры в настоящий момент в нейтральную страну»⁴. Указав, что с технической точки зрения в Брест-Литовске налажена связь с Петроградом, Киевом и другими местами, без чего было бы очень затруднительно вести переговоры, Чернин подчеркнул другое важное обстоятельство, не позволяющее, по его мнению, переносить переговоры на нейтральную почву. Поскольку союзные России страны не присоединились к переговорам, сказал Чернин, и не ответили на обращение к ним в течение десятидневного перерыва в работе мирной конференции, то, следовательно, «сегодня речь идет не о всеобщем мире, но о мире сепаратном между Россией и державами Четверного союза»⁵. И если в этом

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 46.

² Там же.

³ Там же. С. 47.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

случае переговоры будут перенесены в нейтральную страну, то державы Антанты, заявил Чернин, получают «давно желанную возможность вмешаться, с целью воспрепятствовать делу мира»¹. Антанта открыто и за кулисами испробует все, «чтобы помешать осуществлению сепаратного мира», и мы, естественно, «отказываемся дать западным державам эту возможность»². Вместе с тем Чернин указал, что державы Четверного союза «готовы закончить формальности переговоров, а также подписать мирный договор в нейтральном городе, который надлежит еще определить»³.

Остановился Чернин и на территориальных вопросах в переговорах, напомнив, что на последнем пленарном заседании было окончательно условлено передать их в специально созданную комиссию, «которая немедленно и начнет свои работы»⁴. Заклучая свои добавления к замечаниям Кюльмана, Чернин сказал, что если обе стороны «согласны довести переговоры до конца»⁵, то можно надеяться на достижение результатов, удовлетворяющих всех. И здесь Чернин, действуя безусловно по заранее намеченному с Кюльманом плану, делает в свою очередь, как говорят фехтовальщики, выпад шпагой. В противном случае, то есть если русская делегация не помышляет о доведении переговоров до конца, разумеется на условиях австро-германского блока, «события пойдут своим неизбежным ходом, но ответственность за продолжение войны падет тогда исключительно на Русскую делегацию»⁶. Итак, еще одна полуугроза, полуультиматум со стороны держав Четверного союза.

К заявлениям Кюльмана и Чернина присоединились Талаат-паша и Попов, и линия действий австро-германского блока стала ясной. Затем слово взял Гофман. Он говорил об имеющихся в его распоряжении телеграммах и воззваниях, выпущенных от имени представителей русского правительства и командования, в которых содержались якобы оскорбления по адресу германской армии и ее командования, а также призывы революционного характера к германским войскам. Гофман, выразив ре-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 47.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

шительный протест против формы этих материалов, заявил, что они «противны духу заключенного между обеими армиями перемирия»¹. К протесту Гофмана присоединились также Чичерич от Австрии, Гантчев от Болгарии и Иззет-паша от Турции.

После обращения Кюльмана к русской делегации с вопросом, не желает ли кто из наших представителей выступить, Троцкий предложил объявить перерыв заседания. Договорились возобновить работу во второй половине дня². Однако в этот день, 27 декабря, заседание больше не возобновлялось: оно было отложено по нашей просьбе на 28 декабря³.

Возвратившийся после кратковременного пребывания в финском санатории «Халила» в Петроград Ленин знакомится 28 декабря с полученной из Брест-Литовска информацией, из которой явствует, что в Германии берут верх представители военных кругов, сторонники войны против Советской России⁴. В этот же день Ленин участвует в совещании большевиков — депутатов Учредительного собрания, на котором обсуждаются вопросы его открытия, а также ход мирных переговоров в Брест-Литовске⁵.

Работа мирной конференции находит в этот день отражение на страницах печати, на различных заседаниях большевиков. Начинается поляризация точек зрения по проблемам мира, войны и революции. Отказ немцев пойти на мир без аннексий, пишет, например, «Правда», ребром ставит вопрос о возобновлении военных действий. И далее газета заявляет: «Вопрос о революционной войне ставится, таким образом, в порядок дня, и представляется необходимым рассмотреть, можем ли при настоящих условиях вести такую войну»⁶. Вместе с тем «Правда» обращает внимание и на выяснение другой проблемы — «может ли и в каких пределах может теперь Германия вести империалистическую войну на нашем фронте»⁷.

Об этом же 28 декабря говорилось на заседании Пе-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 48.

² См. там же.

³ См. там же. С. 48—49.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 157.

⁵ См. там же.

⁶ Правда. 1918. 10 января (1917. 28 декабря).

⁷ Там же.

тербургского комитета большевиков¹. Оно проходило под председательством М. Я. Лациса и обсуждало доклад Я. Г. Фенигштейна о мирной политике Советской власти².

Подчеркнув нелегкие условия, в которых существует страна и революция и приходится работать Советскому правительству, докладчик заявил, что «нет иного исхода, как борьба за тот мир, о котором мы говорим», что «не должно быть уступок германским империалистам»³. И может случиться при этом так, продолжал он далее, что мирная конференция не придет к каким-либо определенным решениям и переговоры будут прерваны, а мы встанем перед неизбежностью вести войну. «Война, которая может явиться следствием такой политики,— сказал оратор,— будет отличаться от всякой другой войны. Сознательные рабочие, крестьяне и солдатские массы поймут, что другого исхода нет»⁴. По мнению докладчика, была допущена большая ошибка, когда массам внушалась мысль о том, что достаточно только начать переговоры, и заключение мира будет обеспечено. «Теперь нам придется проделать огромную идейную работу в этих массах,— говорил оратор,— о невозможности идти на германские условия мира и о возможности революционной войны с нею»⁵.

Выступивший в прениях Ф. Н. Дингельштедт остановился, в частности, на вопросах революционной войны. «Ресурсы для ведения этой войны самые ничтожные,— говорил он.— Вопрос этот можно ставить только демонстративно. Если ведение революционной войны технически невозможно, то демонстративно она имеет значение поддержки нашей мирной политики»⁶. Что же касается действительного ведения такой войны, продолжал оратор, то достаточно «хоть сколько-нибудь знать дело на фронте», чтобы понять — «мы осуществить революционную войну не можем»⁷. Далее Дингельштедт говорил о том, что нынешняя ситуация должна прорабатываться и теоретически, и в этом смысле нужна «самая широкая

¹ См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. С. 380—385.

² См. там же. С. 380.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 381.

⁷ Там же.

дискуссия», был бы желателен партийный съезд с широким представительством от армии¹.

«Фронт хочет мира»,— сказал в своем выступлении Семков, необходимо «затянуть переговоры», развернуть агитацию, подготавливая людей к осознанию неизбежности столкновения². За дискуссию по этому вопросу высказался в свою очередь М. Я. Лацис.

Вопрос о мире стоит очень остро, подчеркивал в своем выступлении С. В. Косиор, и мы вместе с тем «имеем основания предполагать, что известные колебания на верхах нашей партии есть» по этим проблемам³. Он согласился с тем, что нужна «большая твердость» при проведении нашей линии, чтобы «развязать революцию на Западе», но в то же время указал, что «затягивание переговоров — это чепуха»⁴. Определяя свою точку зрения, Косиор заявлял: «Не мы должны вести теперь оборонительную политику, а мы должны наступать. Не должны мы начинать торг с империалистами»⁵. И далее он заключал: «Лучше мы удержим хоть что-нибудь, чем потерпеть поражение»,— говорят товарищи. Я же думаю, что лучше потерпеть поражение, чем идти на компромисс».

С высказываниями Косиора согласился А. А. Селицкий, который, в частности, говорил: «Что касается мирных переговоров, то мы должны крепко стоять на своей позиции. Иначе ставить вопрос мы не можем. Если бы мы до сих пор ставили вопрос в плоскости соглашательства и компромиссов, то что могло бы из этого получиться?»⁶

Вслед за Селицким выступал В. Володарский, который также упомянул «верхи» нашей партии, где «что-то творится, о чем нам не говорят»⁷. И далее он сказал, что в высшем эшелоне партии «замечается течение за похабный мир, с нашей точки зрения течение очень опасное для всей рабочей революции»⁸. Этим миром, указывал Володарский, мы «скомпрометируем себя перед лицом

¹ См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. С. 381.

² См. там же. С. 382.

³ См. там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 383.

мирового революционного движения», и если даже нам «предстоит гибель, то мы не должны оттягивать гибель, так как, оттягивая, мы можем сгнуть на корню»¹. Призывая твердо придерживаться наших принципов, не идти ни на какие уступки, готовиться к революционной войне, перспективы которой, по мнению оратора, не так уж безнадежны, как на это указывали некоторые выступавшие в прениях товарищи, Володарский приходил к выводу, что Петроградский комитет большевиков должен идти этим путем.

О том, что нам надо надеяться на пролетариат других стран, а не на свои внутренние силы, говорила в своем выступлении С. Н. Равич, подчеркивая, что наша твердая линия «может послужить и ускорению» революционного кризиса на Западе².

Несогласие с постановкой вопроса, что надо прервать переговоры, если немцы «упрутся», выразил М. С. Горелик, считая такую политику губительной для нашего рабочего класса и его борьбы. «Есть другой выход — не ставить все на банк,— говорил Горелик.— Тот, кто был вчера и сегодня на заводах, тот не скажет, что там все и всё готовы к революционной войне. Нам надо некоторое время, чтобы подготовиться. Ведь все рабочие уверены, что наша мирная делегация привезет мир, не придет без мира. Большие надежды питать на Красную гвардию не приходится. На наши верхи мы должны повлиять только в смысле оттяжки времени. Это укрепит наши силы как внутри нашей страны, так и вне ее... Единственный выход — оттяжка»³. Большевик Моисей Самуилович Горелик, известный под партийным псевдонимом Виктор, станет в последующем членом подпольного Крымского областного комитета РКП(б) и в мае 1920 года в Симферополе будет казнен белогвардейцами⁴.

Выступая на заседании с заключительным словом, Я. Г. Фенигштейн высказался против затяжки переговоров и заявил: «Мы войны не объявляем, мы принимаем определенную политическую платформу. Мы развиваем определенную агитацию»⁵.

Таковы были точки зрения по интересующим нас во-

¹ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. С. 383.

² См. там же. С. 384.

³ Там же. С. 385.

⁴ См. там же. С. 392.

⁵ Там же. С. 385.

просам в руководящих кругах одной из крупнейших организаций партии — Петроградской. Какова же была позиция в эти дни еще одной большой организации — Московской областной? 28 декабря состоялось пленарное собрание областного бюро РСДРП(б), которое рассмотрело тезисы А. Ломова (Г. И. Оппокова) о мире с критикой внешней политики СНК и приняло резолюцию в связи с проводимой нами в Брест-Литовске линией¹. Подчеркнув, что укрепление и развитие революции «в России и во всем мире требует прежде всего окончания» демократическим путем империалистической войны, что «заключение демократического мира возможно лишь при переговорах самих народов», свергнувших свои буржуазные правительства, резолюция указывала, что «мир же социалистической России с империалистической Германией может быть лишь миром грабительским и насильственным». В связи с этим пленарное собрание областного бюро нашло необходимым в первом же пункте принятой резолюции записать: «Прекращение мирных переговоров с империалистической Германией, а также и разрыв всяких дипломатических сношений со всеми дипломатизированными разбойниками всех стран»². Цель этого акта высказывалась в последнем, пятом пункте резолюции: «Немедленное создание добровольческой революционной армии и беспощадная война с буржуазией всего мира за идеи международного социализма»³.

Отметим также, что в Московское областное бюро ЦК РСДРП входил Бухарин и оно в то время руководило партийными организациями Московской, Ярославской, Тверской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Калужской, Орловской, Воронежской и Смоленской губерний⁴.

«Московская» резолюция была принята 28 декабря 1917 (10 января 1918 года). Но обнародована она будет лишь две недели спустя в газете «Социал-демократ» за 12 (25) января 1918 года, то есть тогда, когда в партии

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 285—286; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. М.; Л., 1928. С. 279.

² Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 286.

³ Там же.

⁴ См.: *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 200.

начнет разгораться дискуссия вокруг брест-литовских мирных переговоров¹.

Горячим было 28 декабря и в Брест-Литовске, где в этот день состоялось второе пленарное заседание мирной конференции. Оно открылось под председательством Кюльмана, предоставившего слово руководителю делегации Украинской Центральной рады Голубовичу. Последний, в частности, сказал, что представляемое им государство, народ которого всегда стремился к миру, первым откликнулось на призыв присоединиться к переговорам². Отдав должное представителям «демократии Великороссии», которые «смело перешли окопы враждей страны для того, чтобы не на поле брани, кровью и железом, а путем дружественного соглашения народов достигнуть всеобщего мира», Голубович говорил, что свое государственное положение они определили III Универсалом 7 (20) ноября 1917 года и что Украинская Народная Республика (УНР) «в настоящий момент возобновляет свое международное бытие, утерянное более 250 лет тому назад, и, со всей полнотой присущих ей в этой области прав, выступает сейчас в международных сношениях»³. Продолжая, он подчеркнул, что мы считаем «справедливым занять самостоятельное место на нынешних мирных переговорах» и по этому поводу вручаем всем воюющим и нейтральным державам соответствующую ноту Генерального Секретариата УНР⁴. И Голубович зачитал эту ноту, подписанную председателем Генерального Секретариата Винниченко и Генеральным секретарем по международным делам Шульгиным⁵. Ее содержание свидетельствовало о том, что от предварительной договоренности двух делегаций, русской и украинской, выступить общим фронтом мало что останется в свете тех инструкций, которые Голубович, как это можно было судить по зачитанной им ноте, привез из Киева.

Что же фиксировалось в этой ноте? В ней излагалась история самоопределения УНР, ее отношение к мирным переговорам в Брест-Литовске. Однако при этом давались такие оценки принципиальных вопросов текущих событий, которые сразу же говорили за то, что Рада не

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 286.

² См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 49.

³ Там же.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же. С. 49—51.

будет союзницей русской делегации, что ее мало интересует судьба России в целом, что она боится Советской власти и большевиков, усматривая в них гораздо больших врагов, чем в державах австро-германского блока. И на некоторых моментах в этом плане мы не можем не остановиться.

Например, в самом начале документа подчеркивалось, что УНР встает «на путь самостоятельных международных отношений до того времени, пока не будет создана общегосударственная федеративная власть в России и не будет разделено международное представительство между Правительством Украинской Республики и Федеративным Правительством будущей Федерации»¹. Иными словами, Рада не признавала в качестве центральной какую-то там власть, установленную в Петрограде. Этим тезисом, кстати, не раз будут в дальнейшем пользоваться на переговорах в Брест-Литовске представители делегаций Четверного союза.

В ноте говорилось об активной политике УНР в области мира: посылка своих представителей на Юго-Западный и Румынский фронты, которые сейчас представляют, как указывалось в документе, один фронт — Украинский; информирование по принимаемым действиям стран Антанты; направление своих представителей в Брест-Литовск для информации и наблюдения, когда СНК повел переговоры о перемирии на всех фронтах. Относительно последнего в ноте несправедливо, незаслуженно, с подтасовкой и искажением фактов содержались обвинения в адрес Советского правительства. Хотя о прибытии делегатов Украины для участия в переговорах, заявлялось в документе, представители СНК были извещены, они «самостоятельно подписали общее перемирие без всякого соглашения с Правительством Украинской Народной Республики»².

Заключительная часть ноты касалась переговоров о мире, ведущихся в Брест-Литовске между державами Четверного союза и, как Рада именovala правительство Советской России, Советом Народных Комиссаров. Изложенные здесь в первых шести пунктах общие положения о демократическом мире без аннексий и контрибуций соответствовали принципам мира, предложенным еще до перерыва в работе мирной конференции русской

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 49.

² Там же. С. 50.

делегацией. Но вот в последних трех пунктах за назойливо звучащим и выпячиваемым националистическим «я», что в общем-то можно было понять в условиях, когда царская «тюрьма народов» уже рухнула, а новых форм многонациональной государственности пока еще создано не было и они лишь едва нащупывались,— в этих пунктах отчетливо звучала линия на непризнание Советской власти. Так, в восьмом пункте подчеркивалось, что поскольку власть СНК не распространяется на всю Россию, то «поэтому мир, который может быть заключен в результате переговоров с воюющими с Россией державами, станет только тогда обязательным для Украины, когда условия этого мира будут приняты и подписаны Правительством Украинской Народной Республики»¹.

И, наконец, последний, девятый, пункт ноты, которым Рада предопределяла свои отношения с Советской властью. «Мир от имени целой России,— подчеркивалось в нем,— может быть заключен только тем правительством (правительством притом федеративным), которое будет признано всеми республиками всех областей России, а если такое правительство в ближайшее время не будет сконструировано,— то только объединенным представительством этих республик и областей»². Словом, подписать мир могло только такое правительство, по мысли Рады, которое будет признано Калединым, Дутовым, националистами Молдавии, Кавказа, Башкирии, самой УНР и другими.

Скажем прямо, именно такая абсолютная нереальность, нежизненность и нужна была Раде. Почему? Позволим себе здесь вернуться к умышленно пропущенному нами пока пункту седьмому ноты. Имея на своей территории Украинский фронт, говорилось в нем, и выступая самостоятельно в международных делах, УНР «должна принять участие, наравне с другими державами, во всех мирных переговорах, конференциях и конгрессах»³. Коротче говоря, австро-германский блок приглашался Радой к сепаратным переговорам. За правильными словами о самоопределении, самостоятельности и суверенности скрывалось жало раскола общего фронта борьбы против аннексионистских притязаний империалистов держав Четверного союза и, как следствие этого, будущее, самых ближайших дней, предательство интересов революции.

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 51.

² Там же.

³ Там же. С. 50—51.

И это сразу же поняли представители австро-германского блока. Чернин и Кюльман тут же проявили заинтересованность в получении точного текста ноты на немецком языке, поскольку, как сказал украинский представитель Любинский, оригиналы подписей имеются лишь на французском тексте ноты. Ноту украинской делегации, сказал Кюльман, предлагаю «как важный исторический документ приобщить к делам конференции»¹. Этот документ, продолжал Кюльман, может «при известных обстоятельствах существенно повлиять на весь ход мирных переговоров», поскольку, подчеркнул он, «до сих пор относительно всех вопросов, касающихся Российского государства, переговоры велись здесь с гг. Представителями Петроградского Правительства»². И Кюльман при этом обратился к Троцкому с вопросом, намерены ли «он и его делегация» впредь быть «единственными дипломатическими представителями всей России»³.

Троцкий высказался в том смысле, что наша делегация «не имеет никаких возражений против участия Украинской делегации в мирных переговорах»⁴. Однако Кюльман стал настаивать на том, чтобы мы более точно определили права, которыми будут пользоваться при участии в мирных переговорах украинские представители. В частности, немцев интересовал вопрос, связанный с областью Черного моря, — следует ли им при обсуждении этих вопросов иметь дело с нашей делегацией или же решать их с представителями Украины? Троцкому пришлось здесь отвечать таким образом, что относительно области Черного моря пока решать трудно, ибо Украинская Республика, как он сказал, «находится сейчас именно в процессе своего самоопределения»⁵.

В ходе уточнения точек зрения Кюльман поставил вопрос: «Должна ли Украинская делегация считаться частью Русской делегации, или же она в дипломатическом отношении является представительницей самостоятельного государства?»⁶ С нашей стороны последовал положительный ответ, который удовлетворил Кюльмана и Голубовича. Последний при этом просил иметь в виду, что русская и украинская стороны являются «двумя со-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 51.

² Там же. С. 52.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

вершенно отдельными самостоятельными делегациями одного и того же русского фронта бывшей Российской Империи»¹.

На этом вопрос о статусе делегации Украины был решен; нам предстояли тяжелые переговоры с империалистами австро-германского блока, которые заполучили в свой арсенал «украинскую карту».

Далее стороны стали выяснять обоснованность тех претензий, которые выявились на предыдущем заседании. Мы обвинили державы Четверного союза в том, что наши официальные заявления искажаются их печатью, не доводятся до сведения их народов. И, как мы подчеркивали, «в этой неполной осведомленности общественного мнения о ходе мирных переговоров мы усматриваем действительную опасность для успешного завершения наших работ»². Что же касается протеста Гофмана, поддержанного военными представителями Австро-Венгрии, Турции и Болгарии, усмотревшими в наших воззваниях и в нашей печати критику их государственных устройств, то Троцкий в связи с этим заявил: «Ни условия перемирия, ни характер мирных переговоров ни в каком смысле и ни с какой стороны не ограничивают свободы печати и свободы слова ни одной из договаривающихся сторон»³. И поэтому мы оставляем «за собой и за нашими согражданами полную свободу пропаганды республиканских и революционно-социалистических убеждений», равно как и не усматриваем повода для протеста, когда вы и ваши правительства, продолжал далее Троцкий, «распространяют среди русских пленных и среди наших солдат на фронте полуофициальные германские издания, проникнутые духом крайней тенденциозности и капиталистическими воззрениями, которые мы считаем глубоко враждебными интересам народных масс»⁴.

Троцкий высказался также и по поводу заявления держав Четверного союза относительно того, что ранее данное ими согласие о присоединении к принципам заключения мира, предложенным русской делегацией, теряет силу, поскольку никто из других воюющих стран не присоединился к переговорам. Подчеркнув, что мы будем вести переговоры о мире вне зависимости от того, примут ли в них участие страны Антанты или нет, он сказал:

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 54.

² Там же. С. 55.

³ Там же.

⁴ Там же.

«...Мы со своей стороны считаем нужным заявить, что провозглашенные нами принципы демократического мира, которые мы будем продолжать отстаивать, не погашаются ни десятидневным, ни иным сроком, так как они представляют собой единственно мыслимую основу сожительства и сотрудничества народов»¹.

Далее Троцкий вновь вернулся к вопросу о месте ведения переговоров, напомнив об известном нашем предложении и указав, что этим мы хотели бы поставить обе стороны «в однородные условия», что «благоприятствовало бы нормальному течению самих переговоров и облегчило бы скорейшее заключение мира»². Выразив согласие с точкой зрения австро-германского блока о влиянии атмосферы условий на переговоры, он сказал, что в Брест-Литовске в этом смысле мы находимся «в главной квартире неприятельских армий, под контролем немецких властей», что никакой прямой провод для сообщений с Петроградом не возмещает «невыгоды искусственной изоляции», которая, «сама по себе создавая неблагоприятную атмосферу для наших работ, поселяет в то же время тревогу и беспокойство в общественном мнении нашей страны», протестующем против ведения переговоров «в крепости, оккупированной германскими войсками»³.

Исходя из изложенного, наша делегация не могла согласиться решать в таких условиях судьбу поляков, литовцев, латышей, эстонцев, армян и других, то есть находить развязки по таким проблемам, по которым, как мы подчеркивали, «существуют глубокие разногласия между двумя сторонами»⁴. Советская делегация не могла и принять доводы технического и политического порядка держав Четверного союза, отказывавшихся перенести переговоры в нейтральную страну. Речь шла о трудностях якобы связи со своими правительствами, о попытках Антанты сорвать переговоры. Относительно последнего Троцкий заявлял, что «Революционная Российская власть в достаточной мере обнаружила свою независимость по отношению к дипломатическим махинациям» кого бы то ни было, что у нас есть все возможности ограждать себя от них, что мы решительно не видим никаких оснований полагать, будто «дипломатия Согласия могла

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 55.

² Там же. С. 56.

³ Там же.

⁴ Там же.

бы на почве нейтральной страны оперировать против мира с большим успехом, чем в Петрограде»¹.

Решительно отвергла наша делегация и обвинения противной стороны в неискренности и незаинтересованности якобы советских представителей в благоприятном исходе мирных переговоров. «Наше отношение к делу,— говорил по этому поводу Троцкий,— мы показали в вопросах о Финляндии, Армении и Украины. Противной стороне остается показать свое отношение, хотя бы только на оккупированных областях»². И далее он говорил, что действительные аргументы нежелания австро-германского блока перенести переговоры в нейтральную страну основываются на силе Германии, которая ставит нам, по сути дела, ультиматум: либо в Брест-Литовске, либо нигде. В своем стремлении удовлетворить свои аннексионистские притязания, подчеркивал Троцкий, вы хотите свалить вину за срыв переговоров на нас, и поэтому мы принимаем ваш ультиматум. Мы принимаем его и считаем своим долгом перед народами и армиями всех стран сделать новое усилие, чтобы здесь, в главной квартире Восточного фронта, узнать ясно и точно, возможен ли сейчас мир с четырьмя объединенными Державами без насилий над поляками, литовцами, латышами, эстонцами, армянами и др. народами, которым русская революция со своей стороны обеспечивает полное право на самоопределение...»³. Выразив надежду, что это наше заявление дойдет до народов, с которыми мы хотим жить в мире, Троцкий предложил перейти к дальнейшей работе конференции, поскольку русская делегация снимает свое предложение о переносе переговоров в нейтральную страну.

И когда Голубович попытался обусловить начало работы конференции получением ответа как на свое заявление, так и на заявление русской делегации об УНР, вмешался Кюльман, сказавший, что раз возражений против участия в конференции представителей Украины нет, то надо начинать ее работу. «Наши переговоры и так уже задерживаются неприятными инцидентами,— занервничал Кюльман.— Такая отсрочка непонятна народам и вряд ли может быть ими одобрена», и он предложил «приняться за продолжение работ мирной конференции в ускоренном темпе», а специальные вопросы ре-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 57.

² Там же.

³ Там же. С. 59.

шать «в спешном порядке» на специальных же совещаниях представителей стран Четверного союза, России и Украины¹.

Кюльман сказал также, что заявление русской делегации по вопросу об участии в переговорах представителей Украины необходимо изучить, но продолжение работы конференции он не хотел бы ставить в зависимость от ответа на это заявление и поэтому предлагает собраться сегодня же, решив вопрос, будет ли это пленарное заседание или предварительное совещание между нами и русской делегацией. Опыт показал, продолжал Кюльман, что предварительное рассмотрение вопроса полезно для последующей работы на пленарном заседании. В обмене мнениями участвовали Кюльман, Чернин, Троцкий, Иоффе, Голубович. Однако последний заявил, что его делегация до обсуждения создавшегося положения пока высказаться не может. В результате договорились собраться во второй половине дня в узком составе представителям Германии, Австро-Венгрии и России.

Вечером, на заседании политической комиссии, Кюльмана интересовало одно: готова ли русская делегация дать «исчерпывающие сведения» в случае обсуждения экономических вопросов². Отвечая, Троцкий говорил, что это зависит от урегулирования основного разногласия между нами, касающегося различного понимания права наций на самоопределение, что нецелесообразно говорить об экономических проблемах до решения вопроса о судьбе Польши, Литвы, Курляндии, Армении. Соглашаясь с этим, Кюльман подчеркивал, что он не хотел бы терять время, ибо дебаты по национальным проблемам могут занять несколько дней, где была бы занята только часть делегаций, а другая могла бы в это же время обсуждать экономические и правовые вопросы. После обмена мнениями договорились, что завтра политическая комиссия соберется в том же составе.

29 декабря она заседала дважды: утром и вечером³. «Тяжелым» был этот день в Брест-Литовске. Утром сразу же разгорелась полемика вокруг оккупированных Германией областей Литвы, Латвии, Польши, Эстонии, Белоруссии, судьбы народов этих территорий. Линия на свободное самоопределение наций столкнулась с курсом на территориальные притязания. В дискуссии в основ-

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 60.

² См. там же. С. 61.

³ См. там же. С. 65—66.

ном участвовали Троцкий, Кюльман, Чернин и Иоффе. Кюльман прямо заявил, что очищение занятых германскими войсками земель возможно лишь после заключения мира и демобилизации русской армии¹. На слова Троцкого о неприемлемости для нас такой постановки вопроса Кюльман высказался в том смысле, что она и не подлежит обсуждению². И далее он изложил «обоснование» австро-германским блоком этой точки зрения. Кюльман заявлял: «До тех пор, пока мир не заключен и русская армия не демобилизована, каждую минуту есть опасность, что русская армия снова предпримет наступательные действия. Это возможно, как вследствие перемены правительственной системы в государстве,— что не один раз имело место во время войны,— так и вследствие перемены курса у нынешнего Российского Правительства»³.

Русской делегации не всегда было легко опровергать доводы противной стороны, как, например, приведенное заявление Кюльмана, которое с точки зрения формальной логики строилось на фактах, действительно имевших место: за годы войны было покончено с царизмом, свергнута власть Временного правительства. И из слов Кюльмана естественно следовало: нет гарантий, что и нынешнее правительство России может удержаться у власти.

Наша делегация пыталась нащупать возможности компромисса. Так, Троцкий высказал мысль об осуществлении параллельного процесса: Германия очищает оккупированные территории, а мы в это же время проводим демобилизацию своей армии⁴. Мы согласны выводить из этих областей свои войска, заявил в ответ Кюльман, даже не дожидаясь заключения мира, но только после демобилизации вашей армии, и это, подчеркнул он, является уступкой с нашей стороны⁵. Вы после заключения мира, подал реплику Чернин, вступите в полосу развигия, а мы будем еще вести войну⁶.

После пятнадцатиминутного перерыва Кюльман начал новую согласованную атаку на русскую делегацию в обоснование аннексионистских притязаний держав Чет-

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 65.

² См. там же.

³ Там же. С. 68.

⁴ См. там же. С. 70.

⁵ См. там же. С. 71.

⁶ См. там же.

верного союза. Исходя из того, что под защитой германских военных властей на оккупированных территориях местные буржуазные круги уже «самоопределились», и выдавая это за самоопределение народа, Кюльман стал говорить о невозможности в таких случаях выводить с этих земель войска, поскольку, мол, такие территории «не могут рассматриваться, как часть Российского государства»¹. Отвечая на такую постановку вопроса, Троцкий подчеркивал, что «воля народа может проявляться свободно только при условии предварительного очищения соответствующих территорий от чужих войск», при этом, говорил он, мы «исключаем возможность введения русских войск после удаления войск Германии и Австро-Венгрии»². Неприемлемыми были для нашей делегации и доводы австро-германского блока, будто на оккупированных ими землях уже созданы и функционируют «органы самоуправления». Троцкий по этому поводу говорил, что эти органы «опираются на очень узкий круг населения», «волеизъявление которого происходило в период пребывания чужеземных войск на данной территории»³.

Уже шел четвертый час заседания, дискуссия заходила в тупик, ни одна из сторон своих позиций не сдавала. Кюльман объявил перерыв на обед. Вечером политическая комиссия возобновила свою работу. Она продолжалась чуть более часа, и полемика шла прежде всего между Троцким и Кюльманом вокруг права любого народа на свободное и беспрепятственное волеизъявление. Каждая из сторон придерживалась своей точки зрения. В дискуссии Троцкий, в частности, сказал, что завтра мы ожидаем прибытия на конференцию наших специалистов по национальным вопросам, что мы не возражаем против приглашения на конференцию и представителей тех «органов», которые «созданы» на оккупированных Германией территориях, что мы при этом «защищаем не владения России — мы отстаиваем права отдельных народностей на свободное историческое существование», а в заключение высказался за перерыв, который необходим русской делегации для разговора со своим правительством⁴. Следующее заседание было назначено на 30 декабря (12 января 1918 года).

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 71, 72.

² Там же.

³ Там же. С. 78.

⁴ См. там же. С. 82, 84, 85

Оно было пленарным и открылось под председательством Чернина, который начал заседание с того, что проинформировал присутствующих о ноте Рады от 11 (24) декабря за № 726 державам Четверного союза¹. В седьмом пункте ее сообщалось, что Рада будет самостоятельно выступать в международных делах, и теперь Чернин подчеркивал, что страны австро-германского блока признают ее делегацию полномочной представлять Украину, а наше формальное признание, сказал он, найдет выражение в мирном договоре². Троцкий вновь отвечал, что русская делегация не видит препятствий к самостоятельному выступлению Рады на данной конференции³.

Это пленарное заседание было коротким, всего 30-минутным, но в конце его стали намечаться линии будущих словесных схваток между Троцким и Гофманом. Последний уже здесь выступил с обвинением нас в том, что, как он заявил, русская пропаганда «добивается не длительного мира, а желает разжечь революцию и гражданскую войну» в Германии⁴. Обстановка продолжала накаляться и во второй половине этого дня, когда под председательством Кюльмана собралась на заседание политическая комиссия в составе русской, германской, австро-венгерской и украинской делегации⁵. Взявший слово Чернин поднял вопрос о комиссии по правовым и экономическим проблемам, на что последовало согласие Троцкого, который, однако, заметил, что наша делегация прибыла пока не в полном составе, так как мы полагали достичь договоренности о ведении переговоров в другом месте, и вот сейчас мы ожидаем приезда специалистов⁶.

Кюльман далее напомнил, что делегации Четверного союза высказались положительно за участие в работе мирной конференции «новых» государств, под которыми австро-германским блоком понимались прежде всего представители «органов», созданных на оккупированных ими территориях, и поинтересовался мнением нашей делегации на этот счет. От нас выступил Каменев со специальным заявлением, в котором предлагалось изменить

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 87.

² См. там же.

³ См. там же. С. 88.

⁴ См. там же. С. 89.

⁵ См. там же. С. 90.

⁶ См. там же. С. 90—91.

дальнейший ход работы в комиссиях¹. Напомнив об обнаружившихся в ходе дискуссий сторон разногласиях по вопросу об оккупированных территориях, Каменев предложил делегациям представить «в письменном виде резюме высказанных во время прений взглядов для того, чтобы правительства и общественные круги имели перед собой точную формулировку и могли дать себе ясный отчет как в принципиальных исходных позициях, так и в практических предложениях обеих сторон»². Все эти проблемы были названы Каменевым: общие политические предпосылки самоопределения нации, временный переходный режим, формы и способы выражения населением своей воли, голосование после вывода войск и возвращения беженцев и другие³. И, перечислив их, Каменев заявил: «В целях ускорения работ мирной конференции Русская делегация полагала бы чрезвычайно важным получить от Германской делегации вполне точный ответ по всем вопросам, поставленным в настоящем заявлении»⁴.

И тут взорвался генерал Гофман. «Я должен прежде всего,— начал он,— протестовать против тона этих заявлений. Русская делегация заговорила так, как будто бы она представляет собой победителя, вошедшего в нашу страну. Я хотел бы указать на то, что факты как раз противоречат этому: победоносные германские войска находятся на русской территории. Я хотел бы дальше указать, что Русская делегация требует признания права на самоопределение в такой форме и в таком объеме, в каких ее Правительство не признает этого права в собственной стране»⁵. И Гофман при этом в качестве примеров назвал Белоруссию и Украину. «Поэтому,— заключил генерал,— Германское Верховное Командование считает нужным отклонить вмешательство в дела оккупированных областей»⁶.

После Гофмана выступил Кюльман, сказавший, что на предложение русской делегации трудно дать сразу

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 92—94; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 76—79.

² Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 76; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 92.

³ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 93—94.

⁴ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 94; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 79.

⁵ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 94.

⁶ Там же. С. 95.

ответ, и он будет сделан позднее, но, продолжал он, ваш метод «обмена письменными текстами предложений не приведет к ускорению переговоров»¹. Далее он говорил, что «сегодняшнее заседание дает мало оснований надеяться на благополучный исход переговоров и смотреть оптимистически на их конечные результаты»². И, сославшись на то, что им необходимо обсудить со своими союзниками «создавшееся положение», Кюльман закрыл заседание³.

Что же происходило в этот день вне стен брест-литовской цитадели, где заседала мирная конференция?

30 декабря (12 января 1918 года) Ленин пишет проект постановления СНК об ответе Центральной Рады на предложение Советского правительства от 20 декабря об открытии с ней переговоров⁴. Вечером на заседании СНК вопрос о взаимоотношениях с Радой занимает большое место⁵. Подготовленный Лениным проект постановления всесторонне обсуждается, принимается и на следующий день публикуется в печати⁶. Постановление СНК свидетельствовало, что Рада по-прежнему следовала курсу поддержки враждебных Советской власти сил и сама занимала контрреволюционные позиции.

Много внимания в этот день Ленин уделяет мирным переговорам в Брест-Литовске. Он знакомится с рядом материалов конференции: с протестом генерала Гофмана по поводу распространения среди германских солдат революционных воззваний и нашим ответом на этот протест, меморандумом советской делегации, оглашенным на заседании конференции⁷. Ленин принимает руководителя американской миссии Красного Креста в России полковника Р. Робинса, представителя американского комитета общественной информации Э. Сиссона и журналиста А. Гомберга, передавших ему текст речи президен-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 96.

² Там же.

³ См. там же.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 160.

⁵ См. там же. С. 161—162.

⁶ См. там же; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 212; Декреты Октябрьской революции. С. 407—410.

⁷ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 161; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 78.

та США В. Вильсона с его «14 пунктами» условий мира¹. Получив материал, Ленин телеграфирует Троцкому в Брест-Литовск: «Только что доставлена полковником Раймондом Робинсом речь президента Вильсона в конгрессе 26 декабря. Посылаю ее вам. Надеюсь, что будет использована должным образом»².

Ленин, большевики все чаще начинают заниматься вопросами организации новой армии. В последние минуты уходящего, 1917 года Ленин вместе с Н. К. Крупской пришел на вечер встречи Нового года, устроенный партийными, советскими властями и штабом Красной гвардии Выборгского района для районного актива и рабочих красногвардейцев Выборгской стороны, отправлявшихся на Юго-Западный фронт³. А вечером первого дня нового, 1918 года Ленин вместе с М. И. Ульяновой, Ф. Платтенем и Н. И. Подвойским едет в Михайловский манеж, чтобы проводить на фронт первый отряд новой, социалистической армии⁴. По дороге Подвойский рассказывает Ленину о заседании 30 декабря 1917 года Петросовета, который принял резолюцию о необходимости создать «мощную, крепко спаянную социалистическую армию» для того, чтобы защитить русскую революцию от всяких нападков, откуда бы они ни исходили⁵. Но когда Подвойский предлагает выпустить от имени Совнаркома манифест о создании новой армии, Владимир Ильич отклоняет это предложение, как и ранее высказанное аналогичное, считая его преждевременным⁶. Возникает резонный вопрос: почему? Ведь уже известна резко аннексионистская позиция Германии, антисоветский курс стран Антанты, да и внутри страны гражданская война разгоралась все сильнее, и чаша весов в целом, с учетом внутренних и внешних факторов, находилась в постоянном колебании.

Надо полагать, что Владимир Ильич Ленин, как, впрочем, и большинство руководства нашей партии, в это

¹ См.: *Труш М. И.* Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 77; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 161.

² Там же; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 22.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 164.

⁴ См. там же. С. 170.

⁵ См. там же; *Правда*. 1918. 13 января (1917. 31 декабря).

⁶ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 170.

время пока еще питали надежду на революционную поддержку западноевропейского пролетариата, прежде всего германского. Не исключал, по-видимому, Ленин в эти дни и обострения военного противоборства между державами Антанты и странами Четверного союза. Словом, речь шла лишь о точном определении момента, когда надо было сделать этот шаг в официальном порядке и в общегосударственном масштабе. Тем более что росло число сторонников и ведения революционной войны против аннексионистских притязаний империализма. Наконец, строительство новой, социалистической армии уже шло. И об этом свидетельствовал митинг, посвященный проходам на Западный фронт отряда такой армии. На него и ехал Ленин¹. Выступая на нем, Владимир Ильич, в частности, говорил: «Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут сильную революционную армию. И эта армия призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть... Уже просыпаются народы, уже слышат горячий призыв нашей революции, и мы скоро не будем одиноки, в нашу армию вольются пролетарские силы других стран»². Обстановка заставляла Ленина думать о защите революции, об армии.

В Петроград прибыла делегация Советского правительства Украины, обосновавшегося в Харькове, в составе председателя ВУЦИК Е. Г. Медведева, народного секретаря по военным делам В. М. Шахрая и народного секретаря просвещения В. П. Затонского³. Они направлялись на мирную конференцию в Брест-Литовск. В беседе с ними 1 (14) января Ленин расспрашивает их о положении на Украине, о Центральной Раде, дает советы относительно позиции украинской советской делегации на переговорах в Брест-Литовске. И совсем глубокой ночью, когда уже начался новый день, 2 (15) января, Ленин беседует с видным деятелем норвежского рабочего движения А. Эгед-Ниссеном о положении Советского государства, ходе переговоров о заключении мирного договора⁴. К этому времени Ленин уже знал самые последние ново-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 170.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 216.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 168.

⁴ См. там же. С. 172.

сти из Брест-Литовска, где закончился очередной день переговоров¹.

О чем же там шел разговор 1 (14) января 1918 года? Снова собралась политическая комиссия в составе русской, германской и австро-венгерской делегаций. Заседание под председательством, как всегда, Кюльмана открылось вечером. 31 декабря (13 января) встречи не было: делегации стран Четверного союза обсуждали, как было сказано Кюльманом при закрытии предыдущего заседания, «создавшееся положение». Затыжка переговоров и позиция русской делегации по вопросу об оккупированных территориях явно не устраивали страны австро-германского блока. Не устраивало их и более широкое информирование мировой общественности о ходе мирных переговоров, позициях сторон. Во всяком случае, Кюльман отвел предложение Троцкого о допуске прессы как стран — участниц конференции, так и нейтральных государств на заседания; с этим предложением Троцкий обратился 28 декабря (10 января) к председателю германской делегации².

Открывая заседание, Кюльман сказал, что делегации держав Четверного союза решили ответить на русские предложения устно, поскольку письменная форма, по их мнению, длительная³. Он сказал также, что Чернин приболел, и с ответом выступит фон Визнер. Последний начал с заявления о неприемлемости наших предложений, которые, как он говорил, не носят характера компромисса, а содержат требования. Визнер подчеркивал, что делегации австро-германского блока сделают попытку выяснить, есть ли какая-нибудь надежда на достижение компромисса, и тут же добавлял, что на оккупированных территориях волеизъявление населения, мол, уже выявлено. Другими словами, компромисс предлагалось «находить» на условиях, не приемлемых для русской делегации. Так, говоря, что Германия и Австро-Венгрия не имеют намерения присоединить к себе занятые ими наши территории, то есть принуждать их к принятию той или иной государственной формы, Визнер в то же время подчеркивал, что «они должны оставить за собою и за народами занятых областей право на заключение всякого рода договоров»⁴. Аналогичны были его рассуждения и

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 171—172.

² См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 246.

³ См. там же. С. 97.

⁴ Там же. С. 99.

о присутствии на этих территориях оккупационных войск, вывод которых «до окончания войны невозможен», хотя, как тут же добавлял выступавший, «можно стремиться к сведению количества войск,— поскольку это будет допускаться военными обстоятельствами,— до минимума, необходимого для поддержания порядка и технического аппарата страны»¹. Словом, нас призывали «взглянуть на дело» с точки зрения держав Четверного союза, указывая, что это «единственный путь, ведущий к мирному соглашению»². Взявший после Визнера слово Троцкий начал с того, что выразил протест в связи с искажением немецкой печатью советской точки зрения, высказанной на пленарном заседании 28 декабря (10 января). Он заявил также, что в разговоре по прямому проводу с Петроградом 31 декабря предложил по этому поводу правительству «пригласить европейское общественное мнение считаться только со стенографическими отчетами, которые наша официальная печать публикует без каких-либо изменений и сокращений»³. Троцкий заключил это свое выступление заявлением о неприемлемости для нас предложений делегаций австро-германского блока⁴.

Отвечая Троцкому, Кюльман говорил, что они и так сделали уступку, пойдя на гласность в переговорах, но, продолжал он, должны «оставить за собой право публиковать у себя в стране только то, что нам кажется необходимым»⁵. Каждая из делегаций продолжала настаивать на своем, и Кюльман через два часа закрыл заседание, назначив следующее на утро 2 (15) января⁶.

На следующий день политическая комиссия в составе тех же делегаций заседала дважды — до обеда и после обеда. Оба заседания были сравнительно короткими — по полтора часа. Выступали и полемизировали только двое — Кюльман и Троцкий. Ни к какому решению не приходили, надежды на договоренность по вопросам, связанным с оккупацией, присутствием чужих войск, возможностями в этих условиях действительного волеизъявления народа, не было. Обе стороны стояли на своем. В ходе утреннего заседания Кюльман сказал, что они ведут обмен мнениями с делегацией Центральной Рады⁷.

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 99.

² Там же. С. 100.

³ Там же. С. 101.

⁴ См. там же. С. 104.

⁵ Там же.

⁶ См. там же. С. 107.

⁷ См. там же.

Кстати, в этот день Троцкий обратился к Голубовичу с письмом о недопустимости ведения переговоров с делегациями Четверного союза за спиной русской делегации, о неблагоприятной в этой связи политике делегации Рады¹. В письме говорилось, что русская делегация снимает с себя ответственность за переговоры Рады и будет обращаться к ВУЦИК в Харьков с просьбой принять меры для ограждения интересов украинского народа². «И если мы не протестовали против Вашего участия в переговорах,— подчеркивалось в нем,— то исключительно в надежде на то, что перед лицом общего врага поведение Ваше будет построено на элементарных демократических принципах и не создаст почвы для конфликтов между Вами — с одной стороны, Харьковским ЦИК и нами — с другой»³. Ответ В. Голубовича был весьма грубоватым, и становилось ясно, что, несмотря на многочисленные беседы членов русской делегации с представителями делегации Рады, для них важнее всего была их «самостоятельность и независимость», причем было неважно, от кого они ее получают, от стран австро-германского блока или Антанты, и какой ценой.

Троцкий утром сделал попытку поднять вопрос о привлечении к мирным переговорам представителей тех территорий, которые оккупированы германскими войсками, но Кюльман тут же заявил: «Либо представители эти придут сюда как выразители воли данных народов, и тогда мы должны сойтись хотя бы на подразумеваемом признании возникновения этих государственных единиц, либо они придут сюда как частные лица, и тогда им тут делать нечего»⁴. Троцкий ставил вопрос о невозможности выявить действительную волю народа в условиях оккупации, и Кюльман тут же в свою очередь заявлял о невозможности «смягчить военные гарантии в какой бы то ни было степени до прекращения мировой войны»⁵.

Не изменилось положение и после обеда, разве только что стал проявлять нетерпение генерал Гофман. Троцкий поинтересовался было, как быть с беженцами и выселенцами из оккупированных территорий, которые также имеют право голоса, но Кюльман, сославшись на не-

¹ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 280.

² См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 248.

³ Там же. С. 249.

⁴ Там же. С. 108.

⁵ Там же. С. 115.

знание этого вопроса, спросил Троцкого, не поможет ли тот. Последний обещал на следующий день представить данные об этих людях, которых, как сказал Троцкий, насчитывается сотни тысяч¹. И Кюльман тут же поспешил отложить обсуждение этого вопроса, напомнив, что боллен Чернин, который выразил желание присутствовать на следующем заседании, и, чтобы дать ему эту возможность, Кюльман обещал о времени следующей встречи сообщить позже. Заседания этого дня закрылись, но перерыв затянулся более чем на двое суток.

Ленин внимательно следил за ходом переговоров, неоднократно связывался по прямому проводу с Троцким². Особенно интенсивно проходили переговоры между Петроградом и Брест-Литовском 1 и в ночь с 1 на 2 января³. Это, думается, было вызвано прежде всего тем, что и наша делегация во главе с Троцким в Брест-Литовске, и руководство партии во главе с Лениным в Петрограде отдавали себе отчет в том, что работа мирной конференции заходит или уже зашла в тупик, что немцы вряд ли дадут нам возможность «тянуть» дальше переговоры. А то, что мы стараемся выиграть время, они, надо полагать, прекрасно понимали. Наверное, тогда-то и зарождается у Троцкого план действия, который известен в виде формулы «ни мира, ни войны». Таким путем Троцкий предполагал затянуть еще переговоры, и он послал Ленину, видимо по этому поводу, письмо с нарочным⁴.

3 (16) января после 16 часов 20 минут Ленин имеет первый разговор по прямому проводу с Брест-Литовском, с Троцким⁵. Начинает разговор Троцкий, который спрашивает Ленина, получил ли тот посланное ему письмо через латыша-солдата⁶. Троцкий говорит, что на него необходим немедленный ответ, который должен выражаться словами «согласны» или «не согласны». Ясно, что он не хотел «доверять» телеграфной ленте содержание письма. И Ленин это понял. Он отвечает, что только сейчас получил «особое письмо» Троцкого, что «Сталина

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 122.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 157, 158, 159, 161.

³ См. там же. С. 169, 171, 172.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 225.

⁵ См. там же; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 175; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 85; Сорин Вл. Ленин в дни Бреста. М., 1936. С. 11—12.

⁶ См. там же. С. 11.

нет, и ему не мог еще показать»¹. Далее Владимир Ильич говорит о своем отношении к содержанию послания и одновременно высказывает нечто вроде плана дальнейших действий в связи с предложением Троцкого, содержащимся в письме. «Ваш план мне представляется diskutabelным, — отвечает Ленин. — Нельзя ли только отложить несколько его окончательное проведение, приняв последнее решение после специального заседания ЦИК здесь?»² И в заключение этого сюжета Ленин вновь повторяет, что, как только вернется Сталин, он покажет письмо Троцкого и ему. Следует ответ Троцкого, который гласит, что делегация постарается провести решение «как можно позже, дожидаясь сообщений» из Петрограда³. Речь, очевидно, Троцкий ведет о проведении в жизнь плана действий, изложенного в посланном Ленину письме. Вместе с тем Троцкий просит поторопиться, видимо, с принятием решения относительно его предложения, так как Рада «ведет явно изменническую политику»⁴. Высказывает он свое мнение и относительно «специального заседания ЦИК», о котором упомянул Ленин. «Обсуждение плана в ЦИК представляется мне неудобным, — продолжает отвечать Троцкий, — так как может вызвать реакцию до проведения плана»⁵. Вероятно, в связи с последним, Ленин передает: «Мне бы хотелось посоветоваться сначала со Сталиным, прежде чем ответить на Ваш вопрос»⁶. И далее заключает свой ответ сообщением для Троцкого: «Сегодня выезжает к Вам делегация харьковского украинского ЦИК, которая уверила меня, что киевская Рада дышит на ладан»⁷.

Поздно вечером этого же дня (в 22 часа 50 минут) Ленин вновь связывается с Брест-Литовском по прямому проводу и передает, что приехал Сталин, что с ним он «обсудит запрос делегации» и они дадут «совместный ответ»⁸. Более получаса Ленин и Сталин «взвешивают» свой ответ, который за двумя их подписями в 23 часа 30 минут сообщается по прямому проводу в Брест-Ли-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 225.

² Там же.

³ См.: Сорин Вл. Ленин в дни Бреста. С. 11—12.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же.

⁶ Там же; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 225.

⁷ Там же.

⁸ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 176; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 225.

товск: «Передайте Троцкому. Просьба назначить перерыв и выехать в Питер»¹.

Только утром 5 (18) января Кюльман открыл заседание политической комиссии при участии делегаций России, Германии и Австро-Венгрии². Оно продолжалось немногим более часа³. По всему было видно: что-то назревает. Не случайно же стороны более двух суток не заседали. Кюльман, сославшись на то, что он простудился и ему будет трудно говорить, вел заседание, соблюдая лишь внешнюю формальность. Он довольно поспешно «пробежал» по различиям в оценках сторонами ряда серьезных проблем, словно торопился к какому-то определенному и заранее спланированному рубежу, с которого должен был последовать «решающий ход» австро-германского блока. Кюльман отвел доводы Троцкого о беженцах, говоря, что этим пусть займется комиссия по военным и гражданским пленным, он отказался обсуждать вопрос о референдуме, который, по мнению австро-германской стороны, является якобы «неподходящей формой для волеизъявления народа», заявил, что поскольку решение вопроса о референдуме зависит от Германии, то, как подчеркнул Кюльман, «мы не хотим, чтобы эти народы, пережившие ужасы войны, пережили бы еще и блага революции», а потому и нет никакого смысла возвращаться к этой проблеме⁴. И когда наконец Кюльман подошел к вопросу об оккупированных территориях, которым, по мнению русской делегации, необходимо было предоставить возможность самоопределиваться, создав для этого условия, он обратился к генералу Гофману и попросил его «с картой в руках» высказать «вкратце» точку зрения Германии и Австрии по этой проблеме⁵.

Гофман начал с объяснения того, что территории, обозначенные на карте синей линией и расположенные к северу от Бреста до Балтийского моря, «не должны быть очищены» от германских войск «до конца демобилизации Русской Армии». Что касается областей, расположенных к югу от Бреста, он сказал, что относительно их сейчас идут переговоры с представителями украинской деле-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 225.

² См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 123.

³ См. там же. С. 130.

⁴ См. там же. С. 124, 125.

⁵ См. там же. С. 126.

гации, которые еще не закончены¹. «Я оставляю карту на столе,— заключил Гофман,— и прошу гг. присутствующих с ней ознакомиться»². Выслушав Гофмана, Троцкий просил дать разъяснение, какими принципами руководствовалась другая сторона при проведении на карте линии севернее Бреста, и сказал одновременно, что относительно Украины в каждом отдельном случае необходимо иметь соглашение между русской и украинской делегациями. Присутствие германских войск, судя по ответу Гофмана, было решающим при определении территорий, отмеченных на карте синей линией. В таком случае нам необходим перерыв, заявил Троцкий, «для ознакомления Русской делегации с этой столь ярко обозначенной на карте линией»³.

Не возражая в принципе против перерыва, Кюльман стал выяснять некоторые территориальные и политические вопросы. Его интересовало, контролирует ли Петроград русскую армию на Кавказском фронте, на что Троцкий дал ему положительный ответ. Кюльман проявил повышенный интерес к Аландским островам, вопрошая, может ли Финляндия, независимость которой признана Россией, самостоятельно выступать по вопросам этих островов, согласна ли Россия подписать договор об их нейтрализации, или эту проблему следует рассматривать как международную? «Вопрос об Аландских островах получает новое освещение в связи с линией, обозначенной на карте,— отвечал Троцкий.— Так как высказаться по поводу этой линии придется не только нам, но и всему миру, то мы оставляем за собой право ответить на все эти вопросы в общей связи»⁴.

В свою очередь Чернин спрашивал, с украинской или русской делегацией должна вести переговоры делегация Австро-Венгрии по территориальным вопросам, и вновь с нашей стороны было сказано, что эти проблемы должны согласовываться между представителями России и Украины, равно как они будут зависеть и от процесса самоопределения, развивающегося на украинской земле.

Под конец этого заседания Кюльман стал настаивать на том, чтобы русская делегация хотя бы приблизительно сказала, когда она даст ответ на сообщение делегаций австро-германского блока по территориальным воп-

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 126.

² Там же.

³ Там же. С. 127.

⁴ Там же. С. 128.

росам, и Троцкий обещал это сделать 5 (18) или 6 (19) января. На этом Кюльман и закрыл заседание, указав, что следующее состоится тогда, когда русская делегация готова будет дать свой ответ.

Вечером того же дня Кюльман продолжил прерванное утром заседание политической комиссии в том же составе. Слово для ответа было предоставлено Троцкому, который заявил, что «предъявленные в сегодняшнем утреннем заседании территориальные притязания Германской и Австро-Венгерской делегаций завершают в известном смысле основные политические переговоры»¹. Он говорил о том, что от нас хотят «отрезать» более 150 тысяч квадратных верст, что в этих районах сохраняется режим военной оккупации, что Германия и Австрия не только не хотят вести какой-либо разговор о сроках вывода своей армии с этих территорий, «но и вообще отказываются связать себя какими бы то ни было обязательствами, в смысле очищения оккупированных областей от своих войск»². Равно не идет и речи о каком-либо волеизъявлении народа этих территорий.

В свете изложенного Троцкий предложил сделать перерыв в работе мирной конференции, «дабы дать возможность правительственным органам Российской Республики вынести свое окончательное решение по поводу предложенных нам условий мира»³. Говоря о перерыве, он сразу же указал и возможный срок очередного заседания — 29 января (16 января ст. ст.)⁴. Троцкий сказал также, что он в связи с лежащими на нем политическими обязанностями выезжает в Петроград и полномочия главы русской делегации на время его отсутствия переходят к Иоффе.

Взявший слово Кюльман не согласился с толкованием Троцким вопросов, связанных с оккупированными территориями, и заявил, что Германии и Австрии их «придется обсуждать уже с этими государствами», а не с Россией. «Мы намерены, в полном согласии с этими народами, способствовать быстрому развитию уже существующих у них органов самоуправления и внутреннему

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 130.

² Там же.

³ Там же. С. 131.

⁴ См. там же.

порядку, и, таким образом,— говорил далее Кюльман,— довести эти народы до полного расцвета их национальной и экономической мощи»¹. Соглашаясь с нашим предложением о перерыве в работе конференции и подчеркивая, что делегациям Четверного союза «было бы приятнее довести переговоры до конца в один прием», Кюльман выразил надежду, что Троцкий вернется в Брест-Литовск к указанному им сроку, что в его отсутствие удастся подготовить и разработать, дабы не терять время, нерешенные вопросы, и таким образом, говорил Кюльман, «вся работа будет подготовлена настолько, что нам останется только подписать договор»².

Назначив следующее заседание на 29 (16) января в 11 часов утра, как он сказал, «здесь же, в Казино № 3», Кюльман в 18 часов 30 минут закрыл очередную встречу; она продолжалась всего 41 минуту, хотя по своему значению была одной из решающих³. Заседания правовой и экономической комиссий решено было продолжать⁴. На следующий день, 6 (19) января, Троцкий выехал в Петроград⁵.

Вернемся в Петроград и мы. Ленин беседует в эти дни с Г. В. Чичериным в связи с предполагаемым выдвижением последнего на пост помощника Троцкого; декрет о назначении Г. В. Чичерина-Орнатского на эту должность был подписан чуть позднее (8 января), когда Троцкий уже вернулся из Брест-Литовска в Петроград⁶. 6 (19) января Ленин имел беседу с главковерхом Крыленко о положении на фронте, интересовался его мнением по поводу предъявленных нам германских условий мира⁷. Относительно последнего Крыленко сказал, что он категорически стоит «за принятие безусловно немецких условий и заключение мира»; на это Ленин ответил, что думает так же⁸. Приблизительно в это же время Ленин принимает болгарского социал-демократа Р. П. Ав-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 132.

² Там же. С. 133.

³ См. там же. С. 134.

⁴ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 280.

⁵ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 251.

⁶ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 178, 191; Правда. 1918. 24 января (11 января); Известия ЦИК. 1918. 14 января.

⁷ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 184.

⁸ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 261.

рамова и в ходе более чем двухчасового разговора спрашивает о положении в Германии, о его встречах и беседах с левыми немецкими социал-демократами Л. Иогихесом (Тышкой), Ф. Мерингом, Э. Фуксом¹. Ленин не случайно интересовался положением в Германии: в эти дни в Берлине и Вене, а также в Варшаве проходили политические стачки под лозунгами прекращения войны и демократического мира².

Советские органы печати, газеты других политических направлений начали широко комментировать германские условия мира, подчеркивая их грабительский и совершенно неприемлемый для нашей страны характер. Споры разворачивались вокруг вопросов: где выход из создавшегося положения, можем или не можем мы вести революционную войну, при каких условиях возможен мир? Немаловажное значение при аргументации той или иной точки зрения имела, конечно, обстановка на международной арене, прежде всего позиция рабочих масс в странах австро-германского блока, в которых как раз в это время начинало нарастать забастовочное движение.

7 (20) января 1918 года на заседании Совнаркома обсуждался доклад нашей делегации о мирных переговорах в Брест-Литовске, рассматривались политические и экономические вопросы этих переговоров, при этом СНК создал специальную комиссию, которой было поручено в спешном порядке «обсудить и наметить основные положения будущего экономического договора с Германией»³. Ленин в это время уже знал о заявлении Московского областного бюро в ЦК РСДРП с предложением созвать совещание для обсуждения вопросов, связанных с брест-литовскими мирными переговорами⁴.

Этот документ, который датирован январем и на котором значатся фамилии члена Московского областного бюро А. Ломова, Стукова, члена президиума Совета народного хозяйства В. Смирнова, Ольминского, Барышникова, члена исполкома Саратовского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов М. Васильева,

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 185; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 87.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 280.

³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 188; Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 129.

⁴ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 287.

В. Яковлевой, М. Савельева, Сапронова, Логачева, И. Фокина и А. Аросева, гласил: «Считая, что целый ряд новых фактов в области международных отношений, а также и весь ход мирных переговоров настоятельно требуют пересмотра направления нашей международной политики, мы от имени областного бюро Московского промышленного района РСДРП и от группы товарищей предлагаем ЦК РСДРП созвать на (20) 7-е января совместное заседание ЦК с работниками с мест для обсуждения вопроса о международном политическом положении в связи с тактикой пролетарской партии»¹.

В партии уже отчетливо выкристаллизовывались различные мнения по вопросу о внешнеполитической стратегии и тактики в связи с брест-литовскими переговорами. И предъявление нам австро-германским блоком грабительских условий мира поставило эти точки зрения в повестку дня.

Перед заседанием Совнаркома 7 января Ленин набрасывает пока только план тезисов о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира, а уже после заседания правительства пишет свои знаменитые «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира»². Эти «Тезисы» он приготовил к совещанию партийных работников, которое предлагалось созвать в заявлении Московского областного бюро в ЦК РСДРП.

О чем в них шла речь?

Ленин начинал их с подчеркивания того несомненно-го факта, что «почти все рабочие и громадное большинство крестьян» — на стороне Советской власти, и в этом смысле «успех социалистической революции в России обеспечен».

Одновременно он указывал, что гражданская война у нас «еще не достигла своего высшего пункта», что хотя наша победа в этой войне и обеспечена, но пройдет некоторое время, «пока сопротивление буржуазии будет подавлено».

И далее Ленин писал, что серьезную опасность для нас представляют и другие формы сопротивления, кото-

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918 г. С. 287.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 185, 188; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 489—491; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 243—252; Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 66.

рые хотя менее активные и носят невоенный характер (саботаж, подкуп, втирающиеся в наши ряды попутчики и т. д. и т. п.), но без победы над которыми, а это также требует известного времени, «успех социалистической революции невозможен».

«Довольно продолжительное время» требуется для решения великих и трудных организационных задач социалистического преобразования в России, подчеркивал также Ленин, принимая при этом во внимание массы «мелкобуржуазных попутчиков социалистического пролетариата», который сам имеет невысокий культурный уровень.

И здесь Ленин, подытоживая внутренние задачи нашего развития, делает вывод о том, что «из них совершенно определено вытекает необходимость, для успеха социализма в России, известного промежутка времени, не менее нескольких месяцев, в течение которого социалистическое правительство должно иметь вполне развязанные руки для победы над буржуазией сначала в своей собственной стране и для налаживания широкой и глубокой массовой организационной работы».

Переходя далее к определению международных задач Советской власти, которые должны основываться на положении дел внутри страны, Ленин указывает, что «было бы ошибкой» построить нашу тактику «на попытках определить, наступит ли европейская и особенно германская социалистическая революция в ближайшие полгода... или не наступит», что «вероятный момент взрыва революции... совершенно не поддается учету», что пытаться строить свою политику вокруг этого — значит свести дело «к слепой азартной игре».

Брест-литовские мирные переговоры, продолжает Ленин, подошли к такому рубежу, когда нам предъявили или вот-вот предъявят и формально ультиматум: «либо дальнейшая война, либо аннексионистский мир», то есть мир на предъявленных нам германских условиях.

И от нас поэтому требуется неотложно решить вопрос: «принять ли сейчас этот аннексионистский мир или вести тотчас революционную войну». Средние решения, писал Ленин, невозможны, как неосуществимы более «никакие дельнейшие отсрочки», поскольку «для искусственного затягивания переговоров мы уже сделали все возможное и невозможное».

Полемизируя с теми, кто выступает «за немедленную революционную войну», поскольку, дескать, сепаратный

мир является сделкой с немецкими империалистами, «полным разрывом с основными принципами пролетарского интернационализма». Ленин подчеркивает, что «если в данный момент нет сил для продолжения войны», то нет «ни малейшей измены социализму» в том, что мы заключаем невыгодный для себя и выгодный для германских империалистов мир.

Неверным, пишет Ленин, является и другой довод сторонников немедленной революционной войны, заявляющих, будто, «заклучая мир, мы объективно являемся агентами германского империализма», материально помогаем ему вести войну. Ленин указывает, что «революционная война в данный момент сделала бы нас, объективно, агентами англо-французского империализма, давая ему подсобные его целям силы». Вырваться из этого «противоречия» полностью нельзя, говорит Ленин, «не свергнув всемирного империализма», а отсюда следует вывод, что после победы революции в одной из стран «надо решать вопросы не с точки зрения предпочтительности того или другого империализма, а исключительно с точки зрения наилучших условий для развития и укрепления социалистической революции, которая уже началась». Вполне понятно, что и мы в своей тактике должны думать, как надежнее нашей революции «укрепиться или хотя бы продержаться в одной стране до тех пор, пока присоединятся другие страны».

Говорят, что «немецкие противники войны... просят нас не уступать германскому империализму», переходит Ленин к разбору следующего довода тех, кто выступает против сепаратного мира. Если бы, пишет Ленин, нам предлагали «оттянуть сепаратный мир на определенный срок, гарантируя революционное выступление в Германии в этот срок, тогда вопрос мог бы встать для нас иначе». А нам ведь предлагают держаться, но решать вопрос сообразно положению дел «в русской социалистической революции», не обещая «ничего позитивного... насчет немецкой».

Неверным считает Ленин и утверждение, будто мы в ряде партийных документов «обещали» вести революционную войну, и поэтому, мол, сепаратный мир — измена «нашему слову». Мы заявляли о необходимости «подготовлять и вести» революционную войну, мы и сейчас ее «должны готовить», но, подчеркивает Ленин, «мы не брали на себя обязательства начинать революционной войны без учета того, насколько возможно вести ее в тот

или иной момент», и поэтому вопрос о немедленном ведении сейчас такой войны «следует решить, учитывая исключительно материальные условия осуществимости этого и интересы социалистической революции, которая уже началась».

Давая итоговую оценку доводов за немедленную революционную войну, Ленин говорит, что такая политика, возможно, была бы красивой, эффектной и яркой, но она совершенно не считалась бы «с объективным соотношением классовых сил и материальных факторов в переживаемый момент начавшейся социалистической революции».

И он объясняет почему. Наша армия в данный момент по всем параметрам «абсолютно не в состоянии успешно отразить немецкое наступление».

Крестьянское большинство нашей армии «в данный момент безусловно высказалось бы за аннексионистский мир, а не за немедленную революционную войну», вести которую «при полной демократизации армии... было бы авантюрой». Что же касается новой, социалистической армии, то ее создание только начинается, и на это нужны «месяцы и месяцы».

Беднейшее крестьянство России «в состоянии подержать социалистическую революцию», но сейчас оно не пойдет «на серьезную революционную войну», и этот расклад классовых сил «было бы роковой ошибкой игнорировать».

И Ленин останавливается далее на двух возможных вариантах развития событий в случае ведения революционной войны. «Если бы германская революция вспыхнула» и в ближайшие 3—4 месяца победила, то, возможно, «тактика немедленной революционной войны не погубила бы нашей социалистической революции». Ну а если в ближайшие месяцы этой революции в Германии не будет, то за продолжением нами войны последуют поражения, и Россию заставят «заключить еще более невыгодный сепаратный мир», который может даже быть подписан не нами, а другим правительством, ибо истомленная войной крестьянская армия «после первых же поражений — вероятно, даже не через месяцы, а через недели — свергнет социалистическое рабочее правительство».

Поэтому, вновь решительно подчеркивает Ленин, недопустимо ставить на карту судьбу нашей революции из-за того, начнется или нет в ближайшие недели германская революция, и «такая тактика была бы авантюрой», так рисковать «мы не имеем права».

Здесь же Ленин выражает уверенность в том, что сепаратный мир не затормозит революции в Германии, ибо положение там остается тяжелым, война со странами Антанты затягивается, империализм с обеих сторон разоблачен, а пример нашей страны, добившейся мира, будет революционизировать трудящиеся массы.

Что же мог дать нам немедленный сепаратный мир даже на германских условиях? Ленин пишет, что мы освобождаемся в данный момент в наибольшей степени от обеих враждующих групп империалистов и, используя их вражду и войну, «затрудняющую им сделку против нас», получаем на известное время свободу рук «для продолжения и закрепления социалистической революции», что позволит нам создать прочную экономическую базу для новой, Красной Армии.

В заключительном, 21-м тезисе всего материала, подготовленного Лениным 7 января, он выясняет вопрос, что такое революционная война «в настоящий момент», выясняет четко, ясно, без каких-либо уверток и прикрас. Это, пишет Владимир Ильич, «война социалистической республики против буржуазных стран с ясно поставленной и вполне одобренной со стороны социалистической армии целью свержения буржуазии в других странах». Реально ли это? По мнению Ленина, сейчас нет. И он подчеркивает, что «этой цели в данный момент мы себе заведомо не можем еще поставить». Продолжая войну сейчас, мы «объективно» воевали бы из-за освобождения Польши, Литвы и Курляндии, «но ни один марксист, не разрывая с основами марксизма и социализма вообще, не сможет отрицать, что интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение». Мы уже сделали много для осуществления этого права Финляндией, Украиной и другими, мы продолжаем работу в этом направлении, «но если конкретное положение дел сложилось так, что существование социалистической республики подвергается опасности в данный момент из-за нарушения права на самоопределение нескольких наций (Польши, Литвы, Курляндии и пр.), то, разумеется, интересы сохранения социалистической республики стоят выше». Надо было обладать политическим и теоретическим авторитетом Ленина, чтобы в условиях безудержного распространения революционных лозунгов, накала революционной фразы так выпукло и реалистически ставить вопрос.

Через две недели Ленин допишет к этим тезисам еще один, 22-й, и мы тогда и будем говорить о нем¹.

8 (21) января состоялось совещание ЦК РСДРП (б) с видными партийными работниками Петрограда, Москвы, Урала, Поволжья, прибывшими в качестве делегатов на III съезд Советов, который открывался 10 (23) января². Обсуждался один вопрос: о международном положении нашей страны в связи с кризисом в брест-литовских переговорах. На этом совещании Ленин оглашает свои «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира», записывает основные положения из выступлений товарищей, делает заключительное слово. Протокол совещания не сохранился, но по записям Ленина на обороте его «Тезисов» видно, что с возражениями против них выступали Осинский (Оболенский), Троцкий, Ломов (Оппоков), Преображенский, Каменев, Яковлева³. На совещании четко обозначились три точки зрения. В результате голосования 15 человек высказалось за предложение Ленина о заключении сепаратного аннексионистского мира, 32 — за ведение революционной войны и 16 — за формулу Троцкого: объявить войну прекращенной, но мира не подписывать, армию демобилизовать⁴.

Вскоре после этого Ленин сделает концовку к 21-му своему тезису, которую он на совещании изложил устно, а также напишет послесловие ко всем «Тезисам»⁵. В это время еще не употреблялся термин «левые коммунисты», и сам Ленин пишет, что точку зрения сторонников за революционную войну, а их было большинство на этом совещании, «иногда называли «московской», ибо ее раньше других организаций приняло Московское областное бюро нашей партии»⁶. Объясняя объективную причину данного понимания развития событий многими

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 251—252.

² См. там же. С. 478; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 191; Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 201—202.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 478; Сорин Вл. Ленин в дни Бреста. С. 17.

⁴ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 281; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 255.

⁵ См. там же. С. 253—254, 478; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. С. 88.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 253; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 287—288.

видными товарищами, Ленин писал, что «большинство партийных работников, исходя из самых лучших революционных побуждений и лучших партийных традиций, дает увлечь себя «ярким» лозунгом, не схватывая новой общественно-экономической и политической ситуации, не учитывая изменения условий, требующего быстрого, крутого изменения тактики»¹. И как бы «угадывая», что именно с этим объективно неизбежным «большинством» в самые ближайшие дни и недели придется вести ожесточенные идеологические схватки вокруг, по сути дела, вопроса о том, быть или не быть социалистическому отечеству, Ленин в предельно сжатой, чеканной формулировке определяет суть необходимого для нового, социалистического государства курса на обозримую перспективу, раскрывая в то же время последствия тактики сторонников революционной войны. Он пишет, что «марксизм требует учета объективных условий и их изменения, что надо ставить вопрос конкретно, применительно к этим условиям, что коренная перемена состоит теперь в создании республики Советов России, что выше всего и для нас и с международно-социалистической точки зрения сохранение этой республики, уже начавшей социалистическую революцию, что в данный момент лозунг революционной войны со стороны России означал бы либо фразу и голую демонстрацию, либо равнялся бы объективно падению в ловушку, расставляемую нам империалистами, которые желают втянуть нас в продолжение империалистской войны, как слабую пока еще частичку, и разгромить возможно более дешевым путем молодую республику Советов»².

На совещании 8 января не решался вопрос о мире, ибо это собрание не могло выносить обязывающих постановлений. Оно было созвано с целью ориентировки, выявления настроений среди руководящих деятелей партии, их взглядов и оценок брест-литовских мирных переговоров, внешнеполитического курса Советской России. Надо сказать, что после уже упомянутой нами резолюции пленума Московского областного бюро РСДРП(б) от 28 декабря 1917 года по вопросу о мире и мирных переговорах в партийные и рабочие организации стали проникать настроения «шапкозакидательства». Это было неизбежным следствием того, что предложенные нам

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 253.

² Там же. С. 253—254.

германским империализмом и его военной кликой грабительские условия мира вызывали возмущение широких масс в партии, среди трудящихся. Это было естественным чувством ненависти к германскому империализму, который, пользуясь слабостью разоренной войной страны, усталостью ее измученного народа, развалом старой армии, стремился еще более ухудшить наше положение, по сути дела, глумился над нами.

8 января Ленин оказался в меньшинстве, он не преодолел необоснованный оптимизм тех, кто считал, что немцы не смогут наступать, что они смогут наступать только, как говорил, например, Троцкий, на 25 процентов, что следует отвергнуть «похабный» мир и объявить революционную войну германскому империализму¹. А ведь на совещании были представители крупнейших партийных организаций страны — Петрограда, Москвы, Украины, Урала, Сибири. Вспоминая об этом собрании, Н. К. Крупская писала: «Ильич кончал заключительное слово, на него устремлены были враждебные взгляды товарищей. Ильич излагал свою точку зрения, явно потеряв всякую надежду убедить присутствующих... Ничему не был бы так рад Ильич, как если бы оказалось, что наша армия может наступать, или если бы оказалось, что в Германии вспыхнула революция, которая положила бы конец войне; он был бы рад, если бы оказалось, что он неправ. Но чем оптимистичнее были товарищи, тем настороженнее был Ильич»².

8 (21) января в Брест-Литовск прибыли представители Украинской рабоче-крестьянской республики в составе председателя ВУЦИК Е. Г. Медведева и народного секретаря по военным вопросам В. М. Шахрая; Затонский остался в Петрограде³. В день их прибытия Иоффе довел до сведения председателя германской делегации, что Медведев и Шахрай включаются в состав русской делегации⁴. Последние же в момент прибытия поставили Иоффе в известность, что будут действовать в полном согласии с русской делегацией, а принятые Центральной Радой какие-либо обязательства признаваться властью

¹ См.: Никольников Г. Л. Победа ленинской стратегии и тактики по вопросам войны, мира и революции. С. 140; Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 67.

² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1957. С. 362.

³ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 281; Известия ЦИК. 1918. 11 января.

⁴ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 87—88.

Советской Украины, которую они здесь представляют, не будут¹.

На следующий день, 9 (22) января, Медведев и Шахрай сообщали из Брест-Литовска, что они прибыли во время перерыва в переговорах, что 7 (20) января заседали только экономическая и правовая комиссии². Особо Медведев и Шахрай останавливались на поведении делегации Центральной Рады, которая полностью порвала с русской делегацией. Немцы заигрывают с представителями Рады, и у последних вскружилась голова, подчеркивали Медведев и Шахрай. 8 января вечером делегация Рады выехала в Киев. Никаких протоколов ее переговоров с немцами и австрийцами нет, и узнать что-либо можно лишь по украинским газетам. Медведев и Шахрай излагали одну из таких корреспонденций, в которой сообщалось, что вследствие нездоровья графа Чернина переговоры австрийцев с украинской делегацией проходят на частной квартире, что в них принимает участие и германская делегация, что стороны в принципе договорились относительно будущих политических отношений между своими странами, что в ближайшее время они подвергнут обсуждению также и экономические вопросы³.

10 (23) января вечером начал свою работу III Всероссийский съезд Советов, на первом заседании которого Ленин не присутствовал. 11 (24) января Ленин подписывает удостоверение В. С. Теряну, члену коллегии Комиссариата по армянским делам, которого СНК уполномочил войти в качестве консультанта в состав советской мирной делегации, ведущей в Брест-Литовске мирные переговоры⁴. Из Вены сообщали, что там в парламенте выступил В. Адлер, выдвинувший требование об участии в брест-литовских переговорах подлинных представителей народов Австро-Венгрии⁵. Австрийские и немецкие телеграфные агентства трубили о предстоящем мире с Украиной, подчеркивая, что это даст державам австро-германского блока хлеб, а также вынудит «рабочее правительство России... заключить мир при всяких условиях»; об этом писал и Радек из Брест-Литовска⁶.

¹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 88—89.

² См.: Известия ЦИК. 1918. 11 января.

³ См. там же.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 196; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 89.

⁵ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 281.

⁶ См.: Известия ЦИК. 1918. 12 января.

Карахан 11 января передавал из Брест-Литовска, что там в этот день дважды заседала комиссия по правовым вопросам, выступая на которой Иоффе подчеркивал стремление другой стороны получить от нас контрибуцию в несколько миллиардов рублей под видом возмещения убытков¹. «Мы отказываемся понимать, почему купцу, у которого секвестрировано его предприятие, необходимо платить полностью за все понесенные им убытки,— говорил Иоффе,— а крестьянину, у которого уведена последняя его лошадка, не следует платить ничего»². И Иоффе пояснял справедливость именно такой постановки вопроса. «Хотя в германском проекте все предложения построены на принципе взаимности,— подчеркивал он,— но ввиду того, что германский капитал в России был гораздо более заинтересован, нежели русский в Германии, требование возмещения убытков капиталистам всю свою тяжесть ляжет только на Россию»³. Поэтому мы полагаем, указывал Иоффе, что возмещать убытки надо как богатым, так и бедным.

Иоффе в этот день обратился также с телеграммой к графу Чернину разрешить ему в качестве главы русской делегации поехать на несколько дней в Вену для информации венского пролетариата и его руководителей о ходе мирных переговоров, поскольку на последних объявлен перерыв и нет необходимости в присутствии всех членов делегации; через два дня, 13 (26) января, поступил отказ правительства Австро-Венгрии выдать разрешение Иоффе на въезд в Вену⁴.

Но главным событием этого дня стало, конечно, заседание ЦК партии. 11 (24) января на нем присутствовали: Ломов (Оппоков), Крестинский, Муранов, Урицкий, Дзержинский, Сергеев (Артем), Свердлов, Троцкий, Ленин, Сталин, Бухарин, Сокольников, Бубнов, Коллонтай, Зиновьев, Стасова — всего 16 человек⁵. Довольно быстро был решен вопрос о допуске на заседание представителя Петербургского комитета партии С. В. Косиора с совещательным голосом, чтобы изложить точку зрения ПК по вопросу о предъявленных нам в Брест-Литовске

¹ См.: Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1918. 13 (26) января.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. там же; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 281.

⁵ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 199.

условиях мира¹. Быстро был решен и «профсоюзный» вопрос. Третьим в повестке дня стоял вопрос о мире. Первым взял слово Ленин². Сообщив о трех точках зрения, которые наметились по этому вопросу на собрании 8 (21) января, Ленин предложил товарищам определить характер работы: обсуждать ли изложенные им тезисы или открыть общую дискуссию? Принимается последнее, и Ленину предоставляется слово.

Владимир Ильич обрисовал тяжелое положение страны и состояние армии, которые вынуждают нас идти на грабительский мир. «Продолжая в таких условиях войну,— подчеркивал Ленин,— мы необыкновенно усилим германский империализм, мир придется все равно заключать, но тогда мир будет худший, так как его будем заключать не мы. Несомненно, мир, который мы вынуждены заключать сейчас,— мир похабный, но если начнется другая война, то наше правительство будет сметено, и мир будет заключен другим правительством. Сейчас мы опираемся не только на пролетариат, но и на беднейшее крестьянство, которое отойдет от нас при продолжении войны». Возражая сторонникам революционной войны, считающим, что этим шагом «мы пробудим в Германии революцию», Ленин заявлял, что «Германия только еще беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок — социалистическая республика, которого мы можем убить, начиная войну». Ленин говорил и о том, что в рядах германской социал-демократии бытуют искаженные представления о политике большевиков в Брест-Литовске, которых обвиняют в том, что они подкуплены, затягивают войну, помогают немецким империалистам. Высказался Ленин и относительно предложения Троцкого, подчеркнув, что «прекращение войны, отказ от подписания мира и демобилизация армии — это интернациональная политическая демонстрация». Ленин говорил, что, «подписывая мир, мы, конечно, предаем самоопределившуюся Польшу, но мы сохраняем социалистическую Эстляндскую республику» и в целом «даем возможность окрепнуть нашим завоеваниям». И далее Ленин, смотря правде в глаза, подчеркивал: «Конечно, мы делаем поворот направо, который ведет через весьма грязный хлев, но мы должны его

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 199, 207.

² См. там же. С. 200—202, 207—208; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 255—258, 479.

сделать. Если немцы начнут наступать, то мы будем вынуждены подписать всякий мир, а тогда, конечно, он будет худшим. Для спасения социалистической республики три миллиарда контрибуции не слишком дорогая цена».

После Ленина выступил Бухарин¹. Он расценил позицию Троцкого как самую правильную, усмотрев одновременно противоречия в позиции Ленина. Бухарин говорил, что «нам необходимо рассматривать социалистическую республику с точки зрения интернационализма», что «напрасно» Ленин расценил позицию Троцкого как политическую демонстрацию. «Пусть немцы нас побьют, пусть продвинутся еще на сто верст, мы заинтересованы в том,— заявлял Бухарин,— как это отразится на международном движении. ...Сохраняя свою социалистическую республику, мы проигрываем шансы международного движения». И в заключение он высказался за то, что «необходимо по возможности дело затягивать и не подписывать похабного мира, так как этим мы будоражим западноевропейские массы».

По мнению Урицкого, ошибкой Ленина являлось то, что он «смотрит на дело с точки зрения России, а не с точки зрения международной»². Урицкий полностью поддержал позицию Троцкого и заявил: «Что касается политической демонстрации, то вся политика народного комиссариата иностранных дел была не чем иным, как политическая демонстрация. Совершенно так же будет понята и наша политика немецкими солдатами при отказе от подписания мира, прекращения войны и демобилизации армии».

Выступивший Троцкий обосновывал свою позицию. Он говорил, что «вопрос о революционной войне является нереальным», высказывался за то, что приемлемой может стать «новая оттяжка в переговорах», имея в виду соображение Стучки насчет того, чтобы предложить немцам третейский суд, и если немцы откажутся, то мы «прерываем переговоры, но заявляем, что воевать не будем»³.

Несогласие с Лениным высказал и Оппоков (Ломов), по мнению которого отсрочка ничего не дала бы нам «по

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917— февраль 1918. С. 202, 208.

² Там же. С. 203, 208.

³ Там же. С. 203—204.

части введения социализма»¹. Равно как не приходится говорить и о революционной войне, подчеркивал он, ибо «до сих пор мы ничего не делали для подготовки ее». Отказываясь от войны, мы не сохраним социалистическую республику. Оратор заявил: «Именно разложение германской армии, именно гражданская война с германским империализмом, именно наше задушение может поднять революцию на Западе. Мы не можем остановиться на полпути; а должны идти до конца, оставаясь на нашей позиции, а заключая мир, мы капитулируем перед германским империализмом». Оппокон высказался за принятие позиции Троцкого, имея в виду вместе с тем активную подготовку к революционной войне.

Неприемлемым лозунг революционной войны счел Сталин². Возражал он и против позиции Троцкого. Сталин говорил, что «революционного движения на Западе нет», что «наступать Германия сможет», что нам «нужно время» для проведения социалистических реформ, которые будоражили бы Запад, что, принимая позицию Троцкого, «мы создаем наихудшие условия для движения на Западе», а потому он высказывается за предложение Ленина.

«Миром мы усилим шовинизм в Германии и на некоторое время ослабляем движение везде на Западе»,— говорил Зиновьев, по мнению которого «дальше виднеется другая перспектива — это гибель социалистической республики»³. Расценив предложение Троцкого неприемлемым, он поставил вопрос: «Не следует ли оттянуть еще на некоторое время возобновление переговоров, а тем временем произвести всенародный референдум по отношению вопроса о мире?»

Выступавший Бубнов обратил внимание на то, что из трех точек зрения, которые были высказаны на собрании 8 (21) января, «точка зрения революционной войны не находит сторонников»⁴.

Взявший снова слово Ленин говорил о своем несогласии «в некоторых частях со своими единомышленниками Сталиным и Зиновьевым»⁵. Ленин уточнял, что «на Западе есть массовое движение, но революция там еще

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 204.

² См. там же.

³ Там же. С. 204—205.

⁴ Там же. С. 205.

⁵ Там же.

не началась», что «заключение мира» не ослабит движение на Западе, что «нам важно задержаться до появления общей социалистической революции, а этого мы можем достигнуть, только заключив мир».

С резкой критикой ленинской позиции выступил Дзержинский¹. Он говорил, что «подписание мира есть капитуляция всей нашей программы», что «Ленин делает в скрытом виде то, что в октябре делали Зиновьев и Каменев», что мы — партия пролетариата, а последний «не пойдет за нами, если мы подпишем мир».

От имени Петербургской партийной организации говорил Косиор, подчеркивавший, что она «протестует и будет протестовать, пока может, против точки зрения тов. Ленина и считает возможным только позицию революционной войны»².

Поскольку опять заговорили о революционной войне, Бухарин здесь выдвинул возможность лозунга окопного мира, то есть мира, заключаемого солдатами на фронте путем братания³.

Все согласны с тем, говорил Сергеев (Артем), что нашей республике грозит гибель при отсутствии социалистической революции на Западе⁴. Но для развития этой революции необходимо время, которое мы можем получить «только путем заключения мира; мир — это наше спасение».

Говоря об отсутствии у нас возможностей ведения революционной войны, Крестинский высказался за усиление Красной гвардии, за создание Красной Армии, с помощью которой мы и сможем вести эту войну⁵.

Не видел ничего вредного в том, чтобы «тянуть с мирными переговорами», Сокольников⁶. По его мнению, «не страшно» нам и заключение мира, ибо после этого шага мы и «начнем готовиться к революционной войне».

И вновь высказался Бухарин, предложивший определить, что считать революционной войной: «натиск или стояние на месте»?⁷

Тогда поставил вопрос Троцкий: «Собираемся ли мы

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 205.

² Там же. С. 206, 208.

³ См. там же.

⁴ См. там же. С. 206.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же.

⁷ Там же.

призывать к революционной войне?»¹ После постановки на голосование оказалось: 2 — за, 11 — против, 1 — воздержался².

По предложению Ленина поставили на голосование, что «мы всячески затягиваем подписание мира»; 12 — за, 1 — против³. (Против был Зиновьев⁴.)

В заключение Троцкий предложил поставить на голосование формулу: «мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем»; в результате 9 — за (среди них были Троцкий, Урицкий, Ломов, Бухарин, Коллонтай), 7 — против (Ленин, Сталин, Свердлов, Сергеев, Муранов и другие)⁵.

Так закончилось это первое столкновение мнений в центральном руководстве партии по вопросу о мире. Впереди еще была длительная и напряженная идейно-политическая борьба.

В день заседания ЦК РСДРП(б), 11 (24) января, по поводу мирных переговоров в Брест-Литовске высказался и Московский комитет партии, позиция которого была идентичной линии пленума Московского областного бюро РСДРП(б), выраженной, как известно, в резолюции от 28 декабря 1917 года (10 января 1918 года). В резолюции МК РСДРП(б)⁶ говорилось, что «демократический мир не может явиться результатом дипломатических переговоров с империалистическими правительствами», что принятие германских условий «могло бы привести к одному из худших видов оппортунизма» для нас, что развертывающееся революционное движение на Западе убеждает в неизбежности «в ближайшее же время социалистической революции в Европе». Исходя из изложенного, заявлялось в резолюции, «МК предлагает Совету Народных Комиссаров признать предложения немецкой делегации неприемлемыми и прервать мирные переговоры». Вместе с тем МК считал необходимым усилить работу по организации социалистической армии, способной защитить завоевания революции от любых внутренних и

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 206.

² См. там же. С. 207.

³ См. там же.

⁴ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918. С. 267.

⁵ См.: Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 202; Сорин Вл. Ленин в дни Бреста. С. 19—20.

⁶ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 286—287.

внешних врагов, а также оказывать «помощь социалистическим отрядам других стран в их борьбе за международный демократический мир и отнюдь не связывать своих действий с империалистической политикой держав согласия».

Эта единогласно принятая резолюция и не публиковавшаяся пока резолюция пленума Московского областного бюро РСДРП(б) от 28 декабря 1917 года были одновременно преданы гласности на следующий день после заседания ЦК партии, то есть 12 (25) января¹.

Решение ЦК партии от 11 (24) января было уже обязывающим документом, принятым большинством центрального партийного руководства: против революционной войны, за предложение Ленина о затягивании переговоров, за формулу Троцкого «ни войны, ни мира». Этот документ, пока не подлежащий огласке, означал, по сути дела, что дальнейший ход переговоров после перерыва должен был с нашей стороны «регулироваться» ленинским предложением, по исчерпанию «возможностей» которого вступала бы «в действие» формула Троцкого. Так решило большинство ЦК РСДРП(б) 11 (24) января. И Ленин был скован этим решением, он не мог открыто высказывать своего мнения по этому острейшему в те дни вопросу, по вопросу о мире.

С этим он и приехал вечером того же дня в Таврический дворец на второе заседание III Всероссийского съезда Советов². С отчетом ЦИК выступил Свердлов; затем для доклада о деятельности правительства за время, прошедшее после победы революции, слово было предоставлено Ленину³. В своем выступлении Ленин не затрагивал вопроса о мире, объяснив это тем, что данный вопрос и вопрос о продовольствии стоят в повестке дня и «они будут обсуждаться специально»⁴. Но одно положение из своих «Тезисов» он все же высказал, когда говорил о том, что в России делается сейчас «общее дело» всемирного «пролетариата, международной социалистической революции». И здесь Ленин в косвенной форме провел мысль, понятную, конечно, для его оппонентов, о

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 287. Социал-демократ. 1918. № 7. 12 (25) января.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 196.

³ См. там же; Известия ЦИК. 1918. 12 января; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1918. 13(26) января.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 277.

том, что нам надо во что бы то ни стало продержаться. Он говорил: «Больше, чем всякие прокламации и конференции, действует живой пример, приступ к делу где-либо в одной стране, вот чем зажигаются трудящиеся массы во всех странах»¹.

12 (25) января в вышедшем номере «Известий ЦИК» была помещена статья Каменева о германских условиях мира. Подчеркнув, что проведенная на карте Восточной Европы генералом Гофманом черта характеризует не соперничество государств за господство на определенной территории, а представляет из себя линию классовой борьбы, что германские условия мира несовместимы с принципами русской революции, что они выражают империалистические притязания с целью удушить эту революцию, Каменев заключал: «Подобный мир неприемлем для пролетарской коммунистической партии и не может оказаться приемлемым и для того правительства, которое держит власть именем и во имя интернационального социализма»². Оппоненты Ленина могли выступать с изложением своей точки зрения по вопросу о войне и мире, разумеется, в рамках принятого большинством ЦК РСДРП (б) решения от 11 (24) января. Позиция Ленина была другой, и он мог защищать ее только внутри ЦК, а не вне его, дабы не демонстрировать отсутствие единства по этому вопросу в центральном руководстве партии.

В вышедшей в тот день «Правде» заголовки гласили: «Красный флаг коммунистической революции поднят и в Европе», «В Вене и Будапеште — Советы Рабочих Депутатов», «В Варшаве начинается всеобщая стачка социалистического пролетариата», «В Берлине закрыт даже «Форвертс»³. О начинающемся якобы масштабном движении европейского пролетариата свидетельствовала «Правда» и в последующие два дня: «Революционное брожение в Австрии продолжается», «В Англии начинаются революционные стачки. Парижские рабочие идут навстречу новому интернационалу», «В Испании снова вспыхнули беспорядки», «В Финляндии рабочие идут на штурм капитала», «Международная рабочая революция шагает вперед», «Да здравствует мировое восстание пролетариев!». «Правда» писала, что сейчас нужны конкретные действия, конкретные лозунги и одним из основных

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 278.

² Известия ЦИК. 1918. 12 января.

³ Правда. 1918. 25(12) января.

таких лозунгов пролетарской революции должен стать призыв «Да здравствует Европейская Советская Республика!»¹. Все это наэлектризовывало массы, создавало определенный настрой в речах ораторов на собраниях, митингах, заседаниях различных съездов.

И надо полагать, что это отразилось и на проходившем 13 (26) января совместном совещании руководства партий большевиков и левых эсеров, где формула Троцкого «войны не вести, мира не подписывать» одобрялась подавляющим большинством присутствующих². Позиция Ленина не нашла поддержки и здесь, на заседании руководства двух партий, совместно находившихся у власти. Революционная фраза в силу внутренних и внешних объективных и субъективных обстоятельств продолжала довлеть над умами и настроениями, заглушая здравый смысл.

12 января и в ночь на 13-е Ленин участвует в работе третьего заседания III съезда Советов, слушает ораторов, выступает с заключительным словом по докладу о деятельности СНК³. И вновь Ленин не касается вопроса о мире. Только в одном месте своего выступления, видимо под впечатлением утренних газетных сообщений, он говорит, что «Советская власть добивается конца войны», что «война кончится в связи с международным революционным движением»⁴. Понятно поэтому, с каким вниманием Ленин слушает и анализирует полученную по различным каналам информацию о рабочем движении в Европе. 13 (26) января он беседует с приехавшим из Швейцарии товарищем об отношении западноевропейских рабочих к Советской власти в России, в тот же день знакомится с сообщением из Стокгольма от В. В. Воровского, где говорится, что хотя стачки в Австрии и приостановились, но подавить их совсем властям не удастся⁵.

Обо всех этих фактах он тогда же рассказывает в своем выступлении на Чрезвычайном Всероссийском железнодорожном съезде⁶. И снова Ленин «обходит» воп-

¹ Правда. 1918. 26(13) и 27(14) января.

² См.: Социал-демократ. 1918. 14 января; Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 135; Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 68.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 199.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 283.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 200.

⁶ См. там же. С. 201.

росы мира, мирных переговоров в Брест-Литовске, хотя вскользь у него и прорываются нотки тревожащих его мыслей, «обрывки» его аргументов в пользу немедленно-го заключения аннексионистского мира. Комментируя полученные им сообщения о положении дел с рабочим движением в странах Западной Европы, Ленин говорил, что русский народ не одинок в своей борьбе и с помощью товарищей и друзей завершит ее, хотя, как он заключал, «мы не знаем, сколько времени пройдет до того, чтобы распустилась социалистическая революция и в других странах»¹. Мысль о невозможности знать точно день пришествия революции в других странах повторяется им и далее, когда Ленин не сомневается в том, что «в ближайшем будущем, может быть отдаленном, социалистическая революция становится на очередь дня» в европейских государствах². И, наконец, в своих ответах на поступившие ему записки Ленин, говоря о тяжелейшем положении страны, призывает аудиторию самой подумать, «в состоянии ли те люди, которые три года просидели в окопах и измучены войной, бороться для того, чтобы наживались русские капиталисты, из-за того, что русским капиталистам нужен Константинополь»³.

В этот же день, 13 (26) января, произошло одно очень неприятное для Советской власти международное осложнение: в связи с вторжением румынских войск в Бессарабию Совнарком принял постановление о разрыве дипломатических отношений с Румынией со всеми вытекающими отсюда последствиями⁴. Завязывался еще один военный узел. Словом, империалисты спешили поживиться за счет истекающей кровью России, где к тому же одна внутренняя междоусобица следовала за другой: 12 (25) января Центральная Рада издала IV универсал, провозгласивший выход Украины из состава Российской Федерации и объявивший о государственной независимости Украины⁵.

13 января на III съезде Советов выступил Троцкий, подробно рассказавший о нашей борьбе за мир. Германские условия мира характеризовались им как тяже-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 301.

² См. там же. С. 303.

³ Там же. С. 309.

⁴ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 89—90; Известия ЦИК. 1918. 14 января.

⁵ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 281.

лейшие и рассчитанные на то, чтобы подавить нашу революцию. Говоря о революционном движении на Западе, Троцкий приводил в качестве примера назревающий сильный политический кризис в Австрии и Германии. Своими действиями, своей политикой мы будем стремиться к пробуждению западноевропейского пролетариата, но, подчеркивал он в то же время, на этот счет «мы не можем заниматься праздными пророчествами»¹. В этой своей политике, продолжал Троцкий, мы будем параллельно решать две важнейшие задачи: осуществлять демобилизацию армии и продолжать мирные переговоры, чтобы по крайней мере разоблачать те германские предложения, которые противоречат основам демократического мира². По существу, Троцкий здесь старался объединить несоединимое: тезис Ленина — о затягивании переговоров, положение сторонников революционной войны — об абсолютной неприемлемости условий мира и свое — о демобилизации армии.

13 января по предложению Ленина решение ЦК РСДРП(б) от 11 января, касающееся затягивания мирных переговоров, было сообщено большевистской фракции ЦИК, которая в свою очередь вынесла его на совместное обсуждение с фракцией левых эсеров, признавшей в создавшихся условиях правильность этого постановления³. Позиция левых эсеров в данном случае определялась отношением делегатов III съезда Советов, прежде всего крестьян, к вопросам мира. В многочисленных наказах съезду от рабочих, солдат и крестьян выражалась поддержка политики Совнаркома на скорейшее заключение мира. Интересны в этом смысле ответы крестьянских делегатов III Всероссийского съезда Советов на вопросы розданной им анкеты. Поступило 422 ответа; по вопросу об отношении к войне 378 делегатов ответили, что мир желателен, а 5 — желательно продолжение войны; по поводу мирных переговоров 325 человек отнеслись к ним одобрительно, 10 — отрицательно⁴.

14 (27) января Ленин беседует с членами советской мирной делегации перед их отъездом в Брест-Литовск, дает разъяснение по нашей тактике при продолжении переговоров; он разговаривает с председателем делегации

¹ Известия ЦИК. 1918. 16 января; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1918. 17 (30) января.

² См. там же.

³ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 68.

⁴ См.: Красный архив. 1937. Т. 6. С. 26.

Троцким, договариваясь с ним о том, что «мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем», то есть Ленин при предъявлении нам немцами ультиматума «предложил совершенно определенно мир подписать», что не вызывало возражений у Троцкого в ходе беседы¹. Тогда же Ленин передает делегации написанную на немецком языке записку для К. Б. Радека и просит детально изложить последнему его, Ленина, точку зрения по вопросу о заключении мира: Радек придерживался позиции непринятия германских условий мира, ведения революционной войны². В записке Ленин писал: «Дорогой Радек! Троцкий или Каменев сообщит Вам мою точку зрения. Я с Вами принципиально в корне не согласен: Вы попадаете в ловушку, которую империалисты обеих групп ставят Республике Советов»³. В качестве члена советской мирной делегации СНК уполномочивает участвовать в ее работе и левого эсера В. А. Карелина, удостоверение которого также подписывается Лениным⁴.

А в Петрограде продолжал свою работу III съезд Советов. 14 января на его заседании выступил Каменев, который дополнил доклад Троцкого о ходе мирных переговоров. В своем выступлении он констатировал, что «на Западе мы уже имеем великого могучего союзника в лице международного пролетариата»⁵.

От объединенных меньшевиков говорил Л. Мартов, подчеркивавший, что мы не можем принять немецкие условия мира, ибо этим «наносится не только тяжелый удар самому существованию русского народа, но ставится на карту судьба международного пролетариата»⁶. Что же нам делать? — вопрошал Мартов, не давая ответа на самим же поставленный вопрос, а лишь соглашаясь с Троцким и Каменевым в том, что «только восстание угнетенного международного пролетариата даст толчок для всеобщего демократического мира»⁷. Поставив судьбу

¹ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918. С. XXIX, 69, 116; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 203.

² См. там же.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 30.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 203.

⁵ Известия ЦИК. 1918. 16 января.

⁶ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1918. 17(30) января.

⁷ Там же.

международного пролетариата в зависимость от принятия или непринятия нами германских условий мира, а демократический мир обусловив восстанием международного пролетариата, Мартов этот крепко завязанный им узел «подбросил» большевикам, сетуя на то, что он не услышал на заседании ответа, как долго будет развиваться революционное движение на Западе и что делать, если немцы встанут на путь войны.

Выступавший от имени фракции интернационалистов Линдов одобрял внешнюю политику Совнаркома и резко критиковал «позорную роль» Рады на мирных переговорах¹. А Коган-Бернштейн, представлявший фракцию правых эсеров, наоборот, характеризовал нашу политику как не отвечающую требованиям интернационализма². Зиновьев, полемизируя с Мартовым, обвинившим большевиков в проведении в Брест-Литовске политики, якобы не способствующей пробуждению западноевропейского пролетариата, говорил о неизбежности нашей предстоящей борьбы с империализмом. Он заявлял: «Если Россия заключит мир, то этот мир будет только перемирием. Социалистическая революция в России победит тогда, когда она будет окружена кольцом социалистических республик-сестер»³.

С резкой отповедью правым эсерам выступил левый эсер Камков. Он подчеркивал, что русская революция в данный момент взвалила на свои плечи непомерно тяжелое бремя, что добиться за несколько дней мира без аннексий и контрибуций и права наций на самоопределение почти невозможно, ибо полное решение этих задач может дать лишь мировая революция. «Вы требуете от русской революции того,— говорил он, обращаясь к правым,— что может совершить только международное восстание пролетариата. Для вас необходимо одно: войой во что бы то ни стало, войой до последнего солдата, войой, хотя бы это вело к гибели революции и полному уничтожению целых народов»⁴. Нас никто не может упрекнуть, что мы не сделали всего необходимого в борьбе за мир, продолжал Камков, и «если на время нам придется сделать некоторые уступки, то это не наша вина, а послед-

¹ См.: Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1918. 17(30) января.

² См. там же.

³ Известия ЦИК. 1918, 16 января.

⁴ Там же; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1918. 17 января.

ствия того явления, что международная революция не успела в свое время поднять рабочих других стран одновременно с пролетариатом России»¹.

Выступивший Канторович (объединенный интернационалист) заявил, что говорит от имени армии, и убеждал всех в том, что «позорный похабный сепаратный мир не должен быть заключен»². И вновь наэлектризовался зал. «У России как государства армии нет,— сказал, взяв слово от имени флота, Баранов,— но у русской революции армия есть»³. И у нас нет оснований сомневаться в победе, ибо «из Венгрии и Австрии подходят к нам подкрепления и скоро к нам подойдут подкрепления и из Германии, Франции, Англии и всех других стран цивилизованного мира»⁴. Мы будем бороться за демократический мир, продолжал оратор, и немцы не смогут бросить на нас свои силы, а наша новая армия уже создается. «Но если бы даже было иначе, если бы нам пришлось продолжать борьбу в одиночестве, мы будем продолжать ее до тех пор,— заключил Баранов,— пока не упадем, ибо, как правильно выразился тов. Троцкий, нас поднимет международный пролетариат»⁵.

С заключительным словом по докладу о мире выступил Троцкий, которому пришлось, с одной стороны, несколько «осаживать» слишком революционных ораторов, а с другой — иметь, видимо, в виду и разговор с Лениным, когда они договорились о тактике нашей делегации после ее возвращения в Брест-Литовск. Троцкий подчеркивал, что «дать обязательство заключить только подлинный демократический мир — это значило бы дать обязательство в том, что социальная революция, о которой все здесь говорили, вспыхнет немедленно и что она будет в самом широком смысле этого слова победоносной»⁶. Троцкий считал неуместным выражение «похабный мир», говоря, что в создавшихся тяжелых и в высшей степени сложных условиях речь идет о несчастном мире. Мы, заявлял он, верим в победу мировой революции, «но мы не можем дать гарантии, что ни при каких условиях мы не найдем возможным дать передышку русскому отряду

¹ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1918. 17 (30) января.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Известия ЦИК. 1918. 16 января; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1918. 30 января.

международной революции»¹. Но одновременно в его словах звучала и полная уверенность в том, что забастовки в Вене и Будапеште, доживаемые, по сути дела, Радой последние дни, наши военные успехи на юге в эти дни в борьбе с контрреволюцией не позволят германскому милитаризму двинуть свои силы против нас.

14 (27) января III Всероссийский съезд Советов одобрил написанную Троцким резолюцию о внешней политике Советской власти; проект постановления этого решения вносился от имени двух фракций съезда — большевиков и левых эсеров². В постановлении подчеркивалось, что предъявленные австро-германским блоком условия мира попирают его демократические принципы, что, «провозглашая снова перед лицом всего мира стремление русского народа к немедленному прекращению войны, Всероссийский Съезд поручает своей делегации отстаивать принципы мира на основах программы Русской революции»³. Одобрение III съездом Советов внутренней и внешней политики Совнаркома проявилось и в утверждении такого важного документа, как «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Отметим также и то обстоятельство, что «вотум доверия», так сказать, курсу ВЦИК и СНК и предоставление им в вопросах мира широких полномочий были даны уже объединенным съездом Советов: 13 (26) января III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов слился с III Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов, после чего продолжал уже работу как объединенный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов⁴.

Поздно ночью этого же дня, когда съездом Советов была одобрена внешняя политика Советского правительства, наша делегация вновь выехала в Брест-Литовск⁵, где, как известно, 16 (29) января должна была продолжить свою работу мирная конференция.

¹ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1918. 17(30) января.

² См. там же; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 69; *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 205; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918. С. 268.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 90—91.

⁴ См.: *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 205; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 480.

⁵ См.: Известия ЦИК. 1918. 16 января.

Итак, делегация ехала в Брест-Литовск, а в руководящих органах партии и ее ведущих организациях назревал кризис. 15 (28) января группа членов ЦК и наркомов подала письменное заявление в ЦК РСДРП¹. Какова была его причина? В принятой III съездом Советов резолюции снова провозглашалась наша готовность прекратить войну на принципах демократического мира и ничего не говорилось о сепаратном мире. Казалось бы, все ясно, но противников аннексионистского мира встревожило то обстоятельство, что резолюция не содержала в себе прямого запрещения подписывать мир с немцами после возобновления работы мирной конференции в Брест-Литовске, а предоставляла правительству возможность свободного решения проблемы путем наделения СНК неограниченными полномочиями по вопросу о мире. В заявлении говорилось, что все это противоречит известным постановлению ЦК РСДРП(б) и точкам зрения Московского областного бюро РСДРП(б), Петербургского комитета и совещания ЦК с партийными работниками, в которых указывалось на невозможность пойти на подписание «похабного мира». Исходя из изложенного, предлагалось «немедленно (в течение недели) созвать партийную конференцию для окончательного и ясного разрешения данного вопроса исторической для международного пролетариата важности». В случае, если мирный договор будет подписан «без созыва такой конференции», подавшие заявление «сочтут необходимым оставить ответственные посты в партии и органах власти», которые они занимают. Заявление подписали: член ЦК РСДРП(б) Г. Оппоков (А. Ломов), нарком В. Оболенский (Н. Осинский), В. Яковлева, Швердин, Н. Крестинский, В. Смирнов, М. Васильев, М. Савельев, комиссар Государственного банка Георгий Пятаков, член ЦК РСДРП(б) и редактор «Правды» Н. Бухарин, член Уральского областного комитета и ЦИК Преображенский — всего 11 руководящих товарищей.

Резкое заявление направила в ЦК РСДРП(б) в этот же день и Исполнительная комиссия Петербургского комитета РСДРП(б)². «Политическая линия, которую сейчас ведет ЦК,— говорилось в нем,— и которая, как следует заключить из резолюции большевистской фракции

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 288.

² См. там же. С. 283—285.

съезда¹, направлена на заключение так называемого «похабного мира», что означает сейчас сдачу наших позиций перед лицом грядущей международной революции и несомненную гибель нашей партии, как авангарда этой революции». В заявлении выражался решительный протест против этого курса, а также «против политики замалчиваний и недомолвок, которая практикуется сейчас в деле нашей внешней политики даже по отношению к ответственным органам самых больших организаций партии». Подчеркивалось, что «подписание «похабного мира» явно противоречит мнению большинства партии», выраженному, в частности, в позиции самых влиятельных организаций нашей партии — Петербургской и Московской, и продолжение такой мирной политики грозит расколом РСДРП(б). В свете сказанного Исполнительная комиссия от имени Петербургской организации требовала немедленного, также в недельный срок, созыва экстренной партийной конференции, которая в создавшихся условиях «может решить вопрос о нашей мирной политике». В заявлении говорилось вместе с тем, что вопрос о войне и мире Исполнительная комиссия переносит на обсуждение высших инстанций Петербургской организации и партийных органов в районах. От имени Исполнительной комиссии заявление подписали 5 человек — С. Коснор, Г. Бокий, Я. Фенигштейн, А. Плужников, С. Равич.

Различные мнения по вопросу об отношении к войне выявились и среди военных работников на совещании 13 (26) января. В нем участвовали Крыленко, Подвойский, Мехоношин, Мясников, командующий Северным фронтом Позерн и многие другие военные работники центрального аппарата и фронтов². На заседании все фронтовые работники, кроме Позерна, проголосовали за абсолютную невозможность продолжать военные действия, а аппаратчики и Позерн считали возможным продолжать войну. Крыленко доложил в Совнарком об этих двух прямо противоположных точках зрения; Ленину они были известны³.

Вопрос о создании новой, социалистической армии встал в порядок дня. 15 (28) января Ленин, после обсуждения на Совнарком, подписывает декреты об органи-

¹ Имеется в виду III съезд Советов.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918. С. 261—262.

³ См. там же. С. 262.

зации Рабоче-Крестьянской Красной Армии, об учреждении Всероссийской коллегии по ее формированию; правительство принимает также декрет об ассигновании на организацию Красной Армии 20 миллионов рублей, и 16 января Ленин его подписывает¹.

А жизнь продолжалась, она шла во всем своем многообразии, события развивались противоречиво, одни были на руку Советской власти, другие — нет.

Член советской делегации Каменев дожидался восстановления прерванного снежными заносами движения по финляндским дорогам, чтобы в качестве уполномоченного СНК выехать в Стокгольм, а затем в Лондон и Париж с целью информирования правительств и народов стран Антанты о ходе мирных переговоров².

Совнарком рассмотрел вопрос о посылке делегации в Австро-Венгрию и Германию для обследования положения русских военнопленных³. Надо было использовать все шансы, все возможности для нейтрализации «горячих голов», готовых при первом же неприемлемом для них повороте в развитии событий пойти на разрыв переговоров в Брест-Литовске.

Французская печать, комментируя подготавливаемый Россией шаг к ликвидации государственных долгов, писала, что «большевистское правительство при помощи Четверного союза довершает свою измену и угрожает разорением тысячам французских семейств»⁴.

Газета «Правда» помещала телеграмму о том, что утром 16 (29) января в Берлине бастовало 40 тысяч человек 16 предприятий, а в полдень — уже 100 тысяч рабочих 40 заводов и фабрик, что демонстраций при этом не было, что «характерен бросающийся в глаза недостаток организационного единства»⁵. Карахан передавал из Брест-Литовска, что во время перерыва в переговорах нашим товарищам было отказано в поездке в Варшаву и Вильно, а представителю Киевской Рады немцы разрешили посетить Варшаву⁶.

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 207, 208, 209; Известия ЦИК. 1918. 19 января.

² См.: Известия ЦИК. 1918. 17 января; Правда. 1918. 29 (16) января.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 207.

⁴ Известия ЦИК. 1918. 18 января.

⁵ Правда. 1918. 30 (17) января.

⁶ См. там же. 1918. 31 (18) января

Из Парижа сообщалось, что в Версаль прибыли для участия в переговорах Ллойд Джордж, Клемансо, итальянский премьер Орландо, крупные военные чины Франции, Англии, Италии, США: союзники «планировали войну» против держав австро-германского блока¹.

Брест-Литовск готовился к продолжению работы мирной конференции. Мы ехали туда, имея в виду развитие международных событий, в надежде «потянуть» переговоры, дабы выиграть время с целью более точной оценки обстановки. Таков был наш план действий, одобренный ВЦИК, ЦК РСДРП(б), СНК. Наши же партнеры стремились к скорейшей реализации своих грабительских, аннексионистских замыслов. Кюльман во время перерыва в брест-литовских переговорах докладывал в Берлине: «В России хаос, мир с Украиной почти обеспечен, экономический обмен с новым государством может быть возобновлен: на Украине лежат большие запасы хлеба»².

Людендорф об обстановке этих дней пишет: «Разложение русской армии быстро подвигалось вперед. Она находилась в состоянии полной дезорганизации и жаждала мира. Таким образом, наше военное положение складывалось в высшей степени благоприятно»³. Отмечает Людендорф и то обстоятельство, что после прибытия в Брест-Литовск представителей Рады и занятия ими противоположной большевикам позиции «их взял под особое покровительство генерал Гофман; представителям Четверного союза представилась возможность завязать сепаратные переговоры с Украиной»⁴.

О том, что немцы начинали все острее воспринимать неуступчивость русской делегации, теряли терпение и кризис назревал, свидетельствует и Гинденбург: «Конечно, мы были бы очень довольны, если бы начало 1918 г. ознаменовалось миром на востоке. Вместо этого из Брест-Литовска раздавались дикие агитационные речи доктринеров разрушения. ...Русские парламентары, и прежде всего Троцкий, смотрели на переговоры, которые должны были примирить сильных противников, как на средство сильнейшей агитации. При таких условиях неудивительно, что переговоры о мире не подвигались вперед. По моему мнению, Ленин и Троцкий... хотели вне-

¹ См.: Правда. 1918. 1 февраля (19 января).

² Эрцбергер М. Германия и Антанга. С. 214.

³ Людендорф М. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. С. 126.

⁴ Там же. С. 128.

сти разложение в наш тыл и в ряды нашего войска»¹.

В день возобновления мирных переговоров в Брест-Литовске Радек писал оттуда, что у нас нет никаких иллюзий относительно состояния нашей армии, разложение которой слишком велико, чтобы она оставалась в окопах и сражалась². Вместе с тем он считал, что «новый поход немецкого империализма в глубь России» невозможен, что русскую революцию «никто не согнет и не сломит», если она «сама не преклонится», что мы не должны идти ни на какие уступки в переговорах о мире. И Радек заключал: «Поэтому мы твердо должны себе сказать: мы согласны на сепаратный мир, если другого заключить нельзя. Но только на мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов. Или такой мир, или никакого!»³. Радек и после прочтения записки Ленина оставался на позиции абсолютного неприятия германских условий мира.

17 (30) января в 12 часов дня брест-литовская мирная конференция возобновила свою работу⁴. В начале пленарного заседания Кюльман и Троцкий обменялись информацией о персональных изменениях в составах возглавляемых ими делегаций. В германской делегации появился баварский посланник граф Дюрпиц, в нашей — Медведев и Шахрай. Говоря об участии Медведева и Шахрая в работе конференции в составе нашей делегации, Троцкий подчеркнул, что «последнее обстоятельство имеет серьезнейшее значение для хода дальнейших переговоров и является отражением того внутреннего положения, которое сложилось на Украине»⁵. Троцкий разъяснял на пленарном заседании, что Украина в ходе революции прошла через ту же политическую эволюцию, что и Россия, но только с некоторым различием во времени, что власть Киевской Рады по своему характеру близка власти российского Керенского, что украинские Советы ведут борьбу с Киевской Радой, которая в момент отъезда русской делегации в Брест-Литовск подала к тому же в отставку. Подытоживая все это, Троцкий заявил: «В настоящий момент мы еще не знаем, чем кончится этот кризис Киевской власти и как он отразится на судьбе делегации г. Голубовича. Но из изложенного ясно, во

¹ Воспоминания Гинденбурга. С. 66.

² См.: Правда. 1918. 5 февраля (23 января).

³ Там же.

⁴ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 134.

⁵ Там же. С. 135.

всяком случае, что мир, заключенный с делегацией Киевского Генерального Секретариата, при настоящих условиях ни в коем случае не может еще считаться миром с Украинской Республикой»¹. Троцкий знал, что войска Харьковского ЦИК ведут наступление на Киев, что в самом Киеве 16 (29) января против Центральной Рады восстали киевский пролетариат и части гарнизона города².

Далее Троцкий напомнил, что государственное самоопределение Украины находится в стадии развития и с этим надо считаться. Он говорил о проходившем сейчас в Петрограде III съезде Советов, в работе которого принимали участие и представители Советов Украины, устанавливающие федеративные связи с Российской Республикой. В то же время он сказал, что в случае наличия у делегации Голубовича соответствующего мандата на представительство мы «по-прежнему не возражаем против ее дальнейшего участия в мирных переговорах», но какие-либо соглашения с ней относительно Украины могут быть действительны лишь при признании их делегацией Российской Федеративной Республики, в составе которой участвуют и представители Украины³.

Взявший слово представитель Рады Левицкий сказал, что этот вопрос остается открытым до приезда остальных членов нашей делегации. Его поддержал Кюльман, заявивший, что делегации стран Четверного союза лишь во время перерыва в работе конференции были уведомлены о прибытии других представителей от Украины. И далее он добавил, что поскольку власть в России основывается на силе, то какая из двух делегаций от Украины представляет ее — это серьезный вопрос. Троцкий здесь вновь сказал, что мы не возражаем против участия в переговорах и представителей Киевской Рады, хотя и держим сторону Харьковского ЦИК. Соглашаясь с мнением Левицкого и Кюльмана, Чернин одновременно, дабы не терять времени, предложил, чтобы «так называемая территориальная комиссия снова приступила к своим занятиям»⁴. Троцкий, поддержав это последнее предложение, предъявил претензии другой стороне за искажение в печати его выступлений и инсинуации в ад-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 135.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918. С. 282.

³ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 136.

⁴ Там же. С. 138.

рес Советского правительства, но Талаат-паша поспешил закрыть заседание, напомнив, что в дальнейшем работа продолжится уже в политической комиссии.

18 (31) января вечером Чернин открыл заседание политической комиссии, собравшейся, как и до перерыва в переговорах, в прежнем составе — русская, германская и австро-венгерская делегации¹. Кюльман сразу же повел разговор относительно протеста Троцкого по поводу искажения его выступления в печати. Дискуссия шла при участии Кюльмана, фон Геша, Троцкого и Чернина. Троцкий при этом обратил внимание на совсем «свежее» искажение печатью его слов — газеты писали, будто Троцкий в заключительной речи на III съезде Советов заявил, что мы не подпишем сепаратного мира². Протестуя, Троцкий говорил, что он не мог давать никаких обязательств относительно неподписания сепаратного мира, ибо это означало бы, заявлял он, что он дает обязательство за русский народ воевать за интересы союзных империалистов³. И в то же время Троцкий был не до конца последователен в этом своем «оправдании», ибо, продолжая разъяснять действительно сказанное им, заявлял: мы возвращаемся в Брест, чтобы подписать честный, демократический мир, и мы его подпишем, если он не противоречит нашим интересам⁴. Такая постановка вопроса отличалась от того, о чем он уславливался с Лениным перед отъездом в Брест-Литовск.

Поскольку дискуссия «грозила» затянуться, Чернин «повернул» ее в сторону обсуждения территориальных вопросов. Конкретно его интересовало наше отношение к областям, занятым австрийскими войсками. Он хотел знать, каковы полномочия русской и киевской делегаций на этот счет, так как, сказал Чернин, украинцы «считают себя вправе совершенно самостоятельно обсуждать и решать» территориальные вопросы⁵. Троцкий немедленно выразил категорический протест относительно таких притязаний Киевской Рады. Он напомнил, что ее представители не возражали, когда мы говорили в свое время о решении подобных вопросов лишь при обоюдном согласии двух наших делегаций. И поэтому Троцкий сказал, что ему «неизвестно, когда и на каких заседа-

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 139.

² См. там же. С. 140.

³ См. там же. С. 141.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же. С. 142.

ниях» представители Киевской Рады «заявляли о своем праве на самостоятельное разрешение территориальных вопросов»¹. Он подчеркнул также, что на заседании присутствуют два представителя ВУЦИК, а из полученной нами телеграммы явствует, что «вопрос об участии Киевской Рады, как самостоятельной делегации, относится скорее к прошлому, нежели к настоящему и будущему»².

В ответ Чернин предложил вопрос о полномочиях выяснять на пленарном заседании; здесь же, сказал он, мы хотели бы знать, могут ли представители Рады судить о землях, вклинившихся, например, в польские территории. Троцкий пояснил, что поскольку находящиеся в составе нашей делегации представители украинских Советов выступают за федеративное устройство России, то по вопросам территориальным тем более необходимо согласие русской делегации.

Кюльман заинтересовался содержанием упомянутой Троцким телеграммы и получил ответ о событиях в Киеве и о том, что «вопрос о дальнейшем существовании Рады — вопрос ближайшего будущего»³. После этого Чернин предложил закрыть заседание и выяснить правомочия делегации Украины на следующий день на пленарной встрече. Под занавес «задал» вопрос Троцкий: можно ли ожидать в ближайшее время участия в мирных переговорах представителей Польши, о которых ставила вопрос германская делегация? Кюльман ответил, что если у русской делегации изменилось понимание существа таких государственных образований, то этот вопрос можно обсудить. Наша точка зрения осталась без изменений, сказал Троцкий, и Чернин, также высказавшийся за приглашение поляков, закрыл заседание.

18 (31) января Свердлов, открывший заседание заключительного дня работы III съезда Советов, зачитал телеграммы о волнениях в Германии и, подытоживая события там, заявил: «Это движение все растет и растет, и скоро германские империалисты будут сметены, так же как и русские»⁴. Уже на следующий день заголовки «Правды» гласили: «Пожар мировой пролетарской революции разгорается», «Восстал германский пролетариат», «В Берлине — Совет Рабочих Депутатов», «Гибель капитализма неизбежна. Солнце социализма всходит»,

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 142.

² Там же.

³ Там же. С. 143.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1918. 20 января.

«Торжество честного мира обеспечено»¹. Бела Кун в этот день в «Правде» отмечал, что миллионы бастующих немецких рабочих помогают в борьбе русской делегации в Брест-Литовске². Комментируя события в Германии, газета подчеркивала: «В колоссальном значении этого факта для дела борьбы за мир и международную революцию может сомневаться лишь человек, злостно и во что бы то ни стало не желающий что-либо осмыслить. ...Мы несколько не сомневаемся, что германская революция будет развиваться чрезвычайно быстрым темпом...»³

18 января Петербургский комитет принял тезисы Бухарина «О моменте в связи с войной»⁴. В восьми тезисах говорилось следующее.

Революционная социал-демократия, ставя вопрос о войне на классовую почву, не исключала войны пролетариата «одной страны против буржуазного государства другой».

Октябрьская революция изменила «характер войны с русской стороны»: «из империалистической она превратилась в гражданскую войну против международного капитала».

Положение не меняется от того, что «в числе сил, направленных против Германии и Австрии, одновременно выступает англо-американо-французский империализм».

Таким образом, вопрос о демократическом мире «решается в зависимости от того, возможно или невозможно» продолжать войну.

«При решении вопроса о целесообразности заключения... аннексионистского мира» надо «исходить из интересов развития» международного революционного движения, считая Россию одним из его отрядов.

Сейчас это движение находится на переломном моменте, и заключать «похабный мир» — значит «на очень долгое время» срывать его развитие на Западе. «Похабный» договор можно было бы заключить раньше, до кризиса на Западе. Его нельзя заключать теперь, когда кризис налицо».

«Незаключение договора и юридическое состояние войны» не связаны «с каким бы то ни было наступлением», и такое состояние «будет опираться не столько на

¹ Правда. 1918. 1 февраля (19 января).

² См. там же.

³ Там же.

⁴ Протоколы Центрального Комитета РСДРП, Август 1917 — февраль 1918. С. 284—285.

вооруженную мощь русской революционной армии, сколько на разложение и бессилie австро-германского империализма, который должен будет гнать своих солдат непосредственно на социалистические отряды». При этих условиях «даже наше поражение» приведет к дальнейшему революционизированию германских солдат.

Является иллюзией, будто любой мир и наше существование «в тысячу раз важнее остального». Империализм нарушит любой договор, если «будет в состоянии повести атаку на советскую республику». «Никакой отсрочки, кроме отсрочки международной революции, мы не получим».

Тезисы Бухарина, принятые единогласно при одном воздержавшемся¹, были как бы возражением на тезисы Ленина. Вместе с прежними такого же рода материалами, решениями и резолюциями Петроградской и Московской партийных организаций они представляли уже сильную организованную оппозицию курсу на заключение мира и выход из войны. К этим документам относилось и заявление в ЦК РСДРП(б) ряда бывших и действительных членов Уральского областного комитета, считавших «абсолютно необходимым» немедленный созыв «чрезвычайной партийной конференции для выяснения мнения партии по вопросу о войне и мире»². Заявление подписали Е. Преображенский, А. Белобородов, Н. Крестинский и снова Е. Преображенский по поручению Спундэ и Сосновского. Для рассмотрения всех этих документов надо было созывать заседание ЦК партии.

Поздно ночью с 18 на 19 января (с 31 января на 1 февраля) Ленин участвует в заключительном заседании III съезда Советов, уже под утро выступает с речью перед закрытием съезда³. Он извещен о тезисах Бухарина, о событиях в Германии, знает, как складываются дела в Брест-Литовске. Завтра, а вернее, уже сегодня, 19 января, ему предстоит с товарищами по партии решать вопросы войны и мира на созываемом заседании ЦК. А пока Ленин снова не затрагивает в заключительном слове вопроса о мире и войне, но касается международного революционного движения, и, возможно, в этой связи у него появляются какие-то надежды на более суще-

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 212.

² Там же. С. 289.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 216.

ственную поддержку со стороны западноевропейского пролетариата. Он говорит: «Мы уже не одиноки. За последние дни произошли знаменательные события не только на Украине и Дону, не только в царстве наших Калединых и Керенских, но и в Западной Европе. Вы уже знакомы с телеграммами о положении революции в Германии. Огненные языки революционной стихии вспыхивают все сильнее и сильнее над всем прогнившим мировым старым строем... И мы закрываем исторический съезд Советов под знаком все растущей мировой революции, и недалеко то время, когда трудящиеся всех стран сольются в одно всечеловеческое государство, чтобы взаимными усилиями строить новое социалистическое здание»¹.

19 января (1 февраля) во второй половине дня проходило заседание ЦК РСДРП(б)². В нем приняли участие Сокольников, Свердлов, Оппоков (Ломов), Урицкий, Сталин, Крестинский, Сергеев (Артем), Бубнов, Зиновьев, Бухарин, Муранов, Ленин, Стасова. Предложение о немедленном созыве конференции для решения вопроса, заключать или нет мир с Германией на предложенных ею условиях, было главной темой дебатов этого заседания ЦК партии. Началось оно выступлением Оппокова, сказавшего, что из речей Троцкого и особенно Зиновьева на III съезде Советов создается впечатление, что «сепаратный мир с немцами предрешен», а поэтому, говорил оратор, необходимо, как это предлагают москвичи, созвать партийную конференцию по этому вопросу, и сделать это срочно путем делегирования на нее представителей верхов «отдельных областей»³. Оппоков, упоминая III съезд Советов, имел в виду его резолюцию, которая, одобряя деятельность нашей делегации в Брест-Литовске по затягиванию мирных переговоров, не содержала в себе точных директив по дальнейшей тактике, но вместе с тем предоставляла СНК неограниченные полномочия по вопросу о заключении мира⁴.

Взявший слово Зиновьев говорил, что его речь на III съезде Советов не противоречит принятому ЦК партии решению по вопросу о мирных переговорах, а сейчас

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 289—290.

² См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 209—217.

³ Там же. С. 210.

⁴ См. там же. С. 218.

в связи с нарастанием движения в Австрии и Германии многие обстоятельства уже изменились, что он не видит смысла в созыве конференции, поскольку ведь на съезде «была наша фракция, были представители всей России, и фракция обсуждала вопрос и приняла определенное решение»¹.

На той же точке зрения стоял и Ленин, по мнению которого резолюция III съезда Советов о мире принята на основе демократического волеизъявления широких партийных и советских масс: III съезд Советов — ВЦИК — большевистская фракция ВЦИК — ЦК РСДРП(б)². Положение на фронте свидетельствует о «полной невозможности ведения войны» с нашей стороны, говорил Ленин к сведению ее сторонников, не видел он смысла и в созыве конференции, считая, что для получения ЦК «точных директив от партии необходимо созвать партийный съезд»³. Ленин говорил также, что затягивание переговоров даст нам «возможность продолжать братание», имея в виду революционизирование армии другой стороны, а заключение мира позволит сразу же «обменяться военнопленными» и тем самым перебросить в Германию «громадную массу людей, видевших нашу революцию на практике»⁴.

За созыв съезда высказался и Урицкий, по мнению которого на III съезде Советов «прошла точка зрения Троцкого, т. е. та же, что принята ЦК»⁵.

«Положение партии по отношению к вопросу о мире крайне неопределенно», — говорил в своем выступлении Бухарин, но «раскол, которым грозит» Петербургский комитет, «недопустим»⁶. Отсутствие «определенной руководящей линии» по вопросу о заключении мира, подчеркивал Бухарин, ведет к появлению различных точек зрения на этот счет, а поэтому необходимо созвать конференцию для выработки четкой позиции⁷.

О необходимости созвать съезд, а не конференцию говорил Свердлов. Ленин здесь предложил Бухарину дать справку о положении дел в Петербургском комитете, и

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 210.

² См. там же.

³ Там же. С. 211.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См. там же. С. 211.

⁷ Там же.

тот сообщил о состоявшемся накануне собрании комитета, принявшего его тезисы, «расходящиеся по смыслу с содержанием обращения» Петербургского комитета в ЦК, имевшего место ранее¹.

За созыв съезда, который только и может быть выразителем мнения партии, высказался в свою очередь Сокольников; он считал, что в основу доклада о мире на нем можно было бы положить «тезисы о войне, являющиеся мнением ЦК»². Заявлению Петербургского комитета в ЦК, заявил оратор, «он лично не придает серьезного значения», так как «на раскол товарищи не пойдут», и этот их шаг «не является движением низов»³.

Взявший вторично слово Оппоков вновь высказался за созыв конференции, поскольку, по его мнению, это можно будет сделать в более короткие сроки, при этом он подчеркивал необходимость «серьезно считаться» с поступившими на этот счет в ЦК материалами, «так как это мнение самых крупных организаций: Питерской и Московской»⁴.

Дискуссия разгоралась. Тогда Ленин, отдавая предпочтение съезду при решении вопроса о мире, поскольку, как он сказал, «конференция является только ловлей мнения партии, которое необходимо зафиксировать», предложил созвать совещание и высказать на нем все точки зрения, каждая из которых должна представляться 3 товарищами, и на этом совещании достичь соглашения⁵.

В поддержку созыва съезда, являющегося «достаточно компетентным и законным органом, чтобы высказать решительное мнение, обязательное для ЦК», выступил Бубнов, указавший в то же время, что Оппоков не выражает «мнения москвичей», имеющих «представителей в лице Оболенского (Осинского) и Стукова»⁶. За созыв предлагаемого Лениным совещания, как за наиболее быстрое организованное решение, высказалась Стасова.

Против созыва конференции, которая «мнения низов не будет выражать», выступил Сергеев (Артем)⁷. Он

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август — февраль 1918. С. 212.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 213.

⁵ См. там же.

⁶ Там же.

⁷ См. там же.

подчеркивал, что если мы хотим иметь мнение партии по вопросу о мире, то «следует объявить дискуссию»¹.

Различные течения по вопросу о мире, говорил Сталин, не позволяют нам иметь здесь ясной и определенной линии. По его мнению, «выход из тяжелого положения дала нам средняя точка — позиция Троцкого»². Сталин высказался за проработку вопроса на совещании, на котором можно было бы предоставить представителям различных точек зрения больше возможностей их обосновать.

Конференция из представителей областей не даст нам мнения низов, указывал и Свердлов в своем вторичном выступлении. Он поддержал идею совещания и одновременно говорил о необходимости созыва съезда. Об этом же сказал и Крестинский, подчеркнув, что до съезда надо «тянуть мирные переговоры» и мира не подписывать³. По его мнению, необходимо также «опубликовать и тезисы о войне и мире», а что касается конференции, говорил он, то вместо нее следует «созвать совещание по типу, предлагаемому Лениным»⁴.

Владимир Ильич высказался за созыв совещания через 2—3 дня, но сказал, что тезисов никаких публиковать не надо, чтобы не делать их «достоинством Германии», а также «не решать» до совещания вопроса о конференции⁵. Однако Оппоков, соглашаясь со сроками совещания и предлагая собраться 20 января, настаивал и на скорейшем созыве конференции: через несколько дней — неделю, а уже затем, 15 февраля, съезда.

С предложением Ленина о созыве совещания согласился и Бухарин, считая, что там «столкуются фракции», однако, говорил он далее, «конференция нужна сама по себе, и необходимо договориться о том, чтобы ее решения носили обязательный характер», подводили «фундамент под разногласицу» и устанавливали ясность⁶. По мнению Бухарина, можно «дать на страницах «Правды» ряд статей с тезисами, но в скрытом виде»⁷. Относительно созыва съезда он считал необходимым «поработать над его

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август — февраль 1918. С. 214.

² Там же.

³ См. там же.

⁴ Там же.

⁵ См. там же. С. 215.

⁶ См. там же.

⁷ Там же.

порядком дня, чтобы не было таких скороспелых докладов, написанных на колене, как в июле месяце»¹.

Крестинский предложил «тезисы отгектографировать» и раздать их разъезжающимся делегатам III съезда Советов, но Ленин считал важным «в письменном виде ничего не давать», а устроить для отъезжающих совещание². Зиновьев, подытоживая свое отношение к конференции, сказал, что надо оставить вопрос о ней открытым до совещания, о котором говорил Ленин.

К этому времени по обсуждаемому вопросу высказались уже все присутствовавшие, кроме Муранова. Некоторые брали слово неоднократно: по три раза говорили Оппоков и Бухарин, по два — Зиновьев, Свердлов и Крестинский. И, как бы суммируя все высказанное, Ленин взял слово в шестой раз. Подчеркнув, что «с партийной программой нельзя поспеть к 15 февраля», он предложил созвать совещание 20 января в составе ЦК партии, представителей ясно выраженных точек зрения, Петербургского комитета, москвичей, дав возможность каждой группе представить свои тезисы. Это предложение принимается единогласно, но договорились назначить совещание на воскресенье 21 января (3 февраля)³. Решение вопроса о конференции большинством в 8 голосов перенесли на это совещание⁴. Постановили также созвать съезд партии 20 февраля (5 марта), отложив до следующего собрания определение его повестки дня⁵. Все другие вопросы этого заседания ЦК были решены быстро.

В этот же день, 19 января (1 февраля), но в часы уже после того, как заседание ЦК РСДРП(б) в Петрограде закончилось, в Брест-Литовске состоялось пленарное заседание мирной конференции. Оно было открыто вечером болгарским представителем полковником Ганчевым, проинформировавшим, что их делегацию вместо министра юстиции Попова возглавляет теперь министр-президент Радославов, и предоставившим затем слово представителю Рады Севрюку⁶. Последний сказал, что вместо неприбывшего главы делегации Голубовича его обязанности будет выполнять он, и сделал заявление относи-

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август — февраль 1918. С. 215.

² Там же.

³ См. там же.

⁴ См. там же. С. 216.

⁵ См. там же.

⁶ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 144.

тельно двух заседаний, имевших место после возобновления работы мирной конференции. Севрюк изложил историю образования Рады до IV Универсала, объявившего Украину самостоятельным и независимым государством. Он не согласился с оценкой Троцким положения на Украине и его отношением к делегации Рады и заявил, что они вручают ноту своего правительства с предложением формально признать их как самостоятельное государство, имеющее здесь, на мирных переговорах в Брест-Литовске, свою полномочную делегацию.

Вслед за Севрюком выступил Медведев, также изложивший историю борьбы Советов за власть на Украине. Заклучая, он заявил: «Мы считаем своим долгом предупредить народы Австро-Венгрии и Германии, что всякие попытки противопоставить Украину России и на этом противопоставлении построить дело мира покоятся на ложном основании и поэтому обречены с самого начала на неудачу»¹. Реальную картину происходящего на Украине процесса подробно изложил и Троцкий, особо подчеркнувший, что не следует переоценивать сепаратистские стремления в революционной России, что в них «нельзя видеть длительной исторической тенденции», что это только «временное орудие самообороны определенных слоев населения, опасаящихся революционной власти»². И Троцкий в этом плане предупредил представителей держав Четверного союза об опасности брать на себя роль третейских судей в вопросах взаимоотношений между Россией и Украиной, повторив одновременно, что мы не возражаем против участия Киевской Рады в мирных переговорах, но войдут в силу только те ваши соглашения с ней, «которые получают и наше признание»³.

Следующим выступил представитель Рады Любинский. Решительно возразив Троцкому и сказав, что до IV Универсала они якобы не хотели доводить до сведения общественности всех внутренних дел, относящихся к взаимоотношениям между Украиной и Россией, он далее обрушился с грязными клеветническими измышлениями на СНК и большевиков, характеризуя их как «правительство, опирающееся на штыки наемных красноармейцев», прибегающее для осуществления своих целей «к помощи наемных банд красноармейцев»⁴.

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 148.

² Там же. С. 151.

³ Там же.

⁴ См. там же. С. 152, 153.

На вопрос Гантчева, что обо всем этом думает русская делегация, Троцкий в ответ поблагодарил его как председательствующего, давшего возможность до конца высказаться предыдущему оратору, и переводчика за точный перевод, хотя и с кое-каким смягчением выражений.

В ходе дискуссии выступивший Чернин заявил, что у делегаций стран Четверного союза нет оснований отказать УНР в признании ее свободным и суверенным государством, правомочным вступать в международные сношения, что, собственно говоря, и нужно было австро-германскому блоку. Наша делегация подтвердила свою позицию. Почти после двухчасового изложения точек зрения по этому вопросу пленарное заседание было закрыто¹. Впоследствии Троцкий, которому представители Киевской Рады немало попортили крови, так отозвался об их поведении: «Трудно передать тот букет вороватого плутовства, провинциального самодовольства, мелкобуржуазного подхалимства и напыщенной глупости, который излучался во все стороны от господина Голубовича. Перед верховным трибуналом фон Кюльмана и генерала Гофмана киевские дипломаты многословно и плаксиво жаловались на антидемократический образ действия советской власти и на нарушение ею высших принципов социализма»².

20 января (2 февраля) в полдень Ленин беседует с командующим войсками Московского военного округа Н. И. Мураловым и его помощником А. В. Мандельштамом (Одисеем) относительно заключения мирного договора с Германией³. В ходе разговора он критикует лозунг о «революционной войне», выдвигаемый руководством московской партийной организации, знакомит своих собеседников с фронтовыми сводками, свидетельствующими о разложении русской армии⁴. Ленин говорит, что надо не воевать с немцами, а прекращать войну, быстро вооружать рабочих, сберегать и приводить в порядок военное имущество, набираться сил и средств, укреплять власть на местах⁵.

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 156.

² Там же. С. IV—V.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 222.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же.

21 января (3 февраля) опять «совпали» два заседания: политическая комиссия в составе русской, германской и австро-венгерской делегаций в Брест-Литовске и совещание в Петрограде в ЦК РСДРП(б) с представителями «разных течений» по вопросам войны и мира. К этому моменту обе стороны придерживались тактики определенного затягивания переговоров, дожидаясь развития «своих» событий: мы — в рабочем революционном движении в Европе, немцы — в закулисных переговорах с представителями Киевской Рады. Поэтому каждая сторона ждала «своей» информации. Для нас конечно же и получать и передавать ее было гораздо затруднительнее. Телеграфная связь с Брест-Литовском часто либо портилась, либо отключалась немцами¹. Вот и в этот день, 21 января, Ленин пишет радиogramму: «Всем. Мирной делегации в Брест-Литовске особенно»². В ней говорилось о положении в стране, о событиях в Финляндии, в Германии. Надо полагать, что мы хотели довести ее прежде всего до наших представителей на мирных переговорах до начала там очередного заседания. «Мы тоже крайне взволнованы отсутствием провода,— пишет в тексте радиogramмы Ленин,— в чем, кажется, виноваты немцы»³.

Заседание этого дня в Брест-Литовске открыл Кюльман. Между ним, Троцким и Черниным началась дискуссия по вопросу о приглашении на мирные переговоры представителей пограничных западных областей России, в ходе которой каждая сторона снова и снова давала свое понимание независимости этих территорий. Троцкий довольно искусно втягивал Кюльмана и Чернина в обмен мнениями, но и его партнеры тоже были начеку и не давали возможности «водить себя за нос», равно как и не стеснялись в выражениях относительно нашей тактики на переговорах. А когда Троцкий попросил дать слово представителю нашего комиссариата по национальным делам Бобинскому, который был в делегации консультантом по польским вопросам, Чернин и Кюльман отказали нам в этом за поздним якобы временем и предложили закрыть заседание. При этом Кюльман сказал, что по независящим от него обстоятельствам он не может назначить следующее заседание на 4, 5 или 6 февраля (на 22, 23 или 24 января) и предлагает собраться с утра 7 февраля (25

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 185.

² Там же. С. 321.

³ Там же.

января), а время, образовавшееся между заседаниями, использовать для работы в правовой и экономической комиссиях¹. Возражений не последовало и после полудня заседание было закрыто².

В этот день во второй половине в Брест-Литовске проходило еще одно заседание — русской и турецкой делегаций. Мы упоминаем об этом заседании только потому, что при обмене мнениями между Ибрагимом Хакки-пашой и Троцким по интересующим обе стороны вопросам вновь зашел разговор о правах представителей Киевской Рады. Разъясняя, Троцкий задавал вопрос: с кем ведут переговоры турецкие представители? с Киевской Радой? И далее он заявлял: «Политические отношения в России, несомненно, достаточно сложны для иностранных правительств, и мы охотно предоставляем каждому иностранному правительству на опыте убеждаться, с кем именно нужно вести переговоры»³.

А в Петрограде 21 января (3 февраля) во второй половине дня состоялось совещание ЦК с представителями разных мнений в партии по вопросу о заключении мира с Германией⁴. Из всего того, что мы знаем на сегодняшний день об этом собрании, протоколов которого не сохранилось, вырисовывается следующая картина. На нем присутствовали 17 человек: Ленин, Сталин, Муранов, Артем (Сергеев), Сокольников, Зиновьев, Ломов, Крестинский, Бубнов, Косиор, Бухарин, Урицкий, Оболенский (Осинский), Стуков, Преображенский, Спундэ и Фенигштейн.

Косиор и Фенигштейн представляли Петербургский комитет, Оболенский (Осинский) и Стуков — Московское областное бюро партии; не ясно, кого представлял Спундэ; все другие, 12 человек, присутствовали на совещании как члены и кандидаты в члены ЦК РСДРП(б)⁵.

На этом заседании шло выявление мнений путем голосования по острейшим вопросам, которые были связаны не только с подписанием мира на предложенных нам Германней условиях, но и касались существа наших взаимо-

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 165.

² См. там же.

³ Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот (так после 17 января стала называться газета «Армия и Флот рабочей и крестьянской России»). 1918. 30 января (12 февраля).

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 225—226; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 220—222.

⁵ См. там же. С. 220.

отношений вообще с капиталистическими странами, то есть характера внешнеполитического курса Советского государства на будущее. Вот почему представляют интерес результаты этого обмена мнениями. В голосовании каждый раз принимало участие 14 человек, ибо Зиновьев, Бухарин и Урицкий ушли с заседания до выявления этих результатов¹.

Согласно «вопроснику», который фигурировал на заседании, результаты были следующие². На вопрос, допустим ли вообще мир между социалистическим и империалистическими государствами, только Оболенский (Осинский) и Стуков ответили отрицательно.

Но вот на вопрос, допустимо ли сейчас подписать аннексионистский мир, предложенный Германией, результаты были другого характера: Ленин, Сталин, Муранов, Артем (Сергеев) и Сокольников ответили положительно, а Ломов, Крестинский, Бубнов, Косиор, Оболенский (Осинский), Стуков, Преображенский, Спундэ и Фенигштейн — отрицательно.

Большинство проголосовало и за затягивание переговоров. Только Стуков и Спундэ ответили отрицательно, а Оболенский (Осинский) воздержался.

Дотягивать ли нам переговоры до разрыва их немцами, был следующий вопрос. На сей раз Оболенский (Осинский) и Стуков проголосовали против, а воздержался Спундэ.

В одиночестве остался Стуков, высказавшись за немедленный разрыв переговоров.

Задавался вопрос: допустимо ли подписать германский аннексионистский мир в случае, если немцы разорвут переговоры и предъявят нам ультиматум? Только Оболенский (Осинский) и Стуков проголосовали снова против.

А вот на вопрос, нужно ли в таком случае подписать этот мир, Ленин, Сталин, Муранов, Артем (Сергеев) и Сокольников ответили положительно, отрицательно высказались опять Оболенский (Осинский) и Стуков, а Ломов, Крестинский, Бубнов, Косиор, Преображенский, Спундэ и Фенигштейн — воздержались.

Интересные результаты в свете борьбы мнений тех дней были получены на вопрос: нужно ли подписать мир, если Кюльман под давлением революционного движения

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 220—221.

² См. там же.

внутри Германии согласится на первоначальные условия нашей делегации? Большинство ответило отрицательно; воздержались Ломов, Крестинский, Бубнов, Косиор и Спундэ.

Все присутствующие проголосовали за создание Красной Армии.

И наконец, большинство ответило положительно на вопрос, допустимы ли экономические договоры социалистического государства с империалистическими. Против высказались лишь Оболенский (Осинский) и Стуков.

О чем же в целом свидетельствовали эти результаты? Прежде всего в числе принимавших участие в голосовании была группа из пяти человек — Ленин, Сталин, Муранов, Артем (Сергеев) и Сокольников, которая твердо выступала за подписание мира. Далее, четыре человека — Ломов, Крестинский, Бубнов и Косиор — в принципе допускали заключение мира с империалистами, хотя не считали возможным пойти на его немедленное подписание и воздерживались по вопросу о необходимости его подписания при ряде других условий. При этом здесь отметим еще одну деталь: эти товарищи в принципе считали допустимым подписание мира в случае предъявления немецкого ультиматума, но при голосовании вопроса, **нужно** ли его подписать, воздерживались. Приблизительно таких же взглядов придерживались Преображенский, Спундэ и Фенигштейн. И только Оболенский (Осинский) и Стуков стояли на крайне экстремистских позициях: они считали принципиально недопустимыми любые переговоры и договоры с империалистами.

Словом, все это, вместе взятое, было на будущее тем не менее обнадеживающим при выработке тактики партии по вопросам войны и мира. И последнее относительно этого совещания в ЦК РСДРП(б) 21 января (3 февраля). Вероятно, после этого собрания Ленин и добавляет к своим «Тезисам по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира» еще один пункт, 22-й по счету. В нем говорится: «Массовые стачки в Австрии и в Германии, затем образование Советов рабочих депутатов в Берлине и в Вене, наконец, начало 18—20 января вооруженных столкновений и уличных столкновений в Берлине, все это заставляет признать, как факт, что революция в Германии началась».

Из этого факта вытекает возможность для нас еще в течение известного периода оттягивать и затягивать мир-

ные переговоры»¹. В силе, разумеется, оставалась и договоренность между Лениным и Троцким о том, что мы «держимся» до ультиматума, а затем «сдаем».

В переговорах в Брест-Литовске австро-германская сторона взяла, как известно, трехдневный перерыв. Кюльман и Гофман выехали в Берлин, Чернин — в Вену: предстояли консультации со своими правительствами по вопросам, связанным с заключением мира с Россией в свете революционных событий в Германии и Австро-Венгрии, а также сепаратистской позиции Центральной Рады. Последнее особо принималось в расчет, чему способствовали самые «свежие» события на Украине. 22 января (4 февраля) войскам Петлюры удалось временно подавить выступление пролетариата Киева, и Центральная Рада в тот же день 220 голосами против 1 и при 16 воздержавшихся постановила подписать с австро-германским блоком прелиминарные условия мира, разработанные обеими сторонами в Брест-Литовске за спиной русской делегации². За хлеб и продовольствие Рада должна была получить военную помощь.

На следующий день, 23 января (5 февраля), в Берлине у императора Вильгельма проходило совещание высших военных руководителей Германии, где, как вспоминает Людендорф, Гинденбург настаивал на выяснении положения с миром на Востоке с целью планирования операций на Западе и заявлял: «Если русские будут дальше затягивать переговоры, то их надо прервать и возобновить военные действия. Это привело бы к свержению большевистской власти, а всякое другое правительство будет вынуждено заключить мир»³. Пишет Людендорф и о своей встрече с Кюльманом в Берлине 4 и 5 февраля (22 и 23 января). «Я добился того, — подчеркивает он, — что статс-секретарь фон Кюльман дал обещание в течение 24-х часов после подписания мирного договора с Украинной прервать переговоры с Троцким»⁴. Тем более, вспоминает Людендорф, что большевики вообще не стремились к миру, не шли ни на какие уступки и возлагали свои надежды на революцию в Германии.

Печать стран Четверного союза в эти дни как бы зара-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 251—252.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 282.

³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. С. 127—128.

⁴ Там же. С. 129.

нее подготавливает разрыв переговоров, выступая с клеветой на Советскую Россию. Газеты публикуют сообщения об арестах якобы Мартова, Рязанова, расстрелах рабочих, разгуле банд насильников, пишут, что поездка, мол, Каменева в Париж и Лондон рассматривается державами австро-германского блока как возобновление связей России с Англией, что Ленин и Троцкий спрятали, дескать, от других народных комиссаров письмо к ним от английского посла Бьюкенена и т. д. и т. п.¹ Ленин даже был вынужден 22 января (4 февраля) подготовить радиограмму под грифом «Всем, всем, всем», в которой сообщалось о действительном положении в Петрограде и Москве, в других районах страны². В ней говорилось также и о мирных переговорах с Германией. «Сведения из Германии скудны,— подчеркивалось в радиограмме.— Явно, что германцы скрывают правду о революционном движении в Германии. Троцкий телеграфирует в Петроград из Брест-Литовска, что немцы затягивают переговоры. Немецкая буржуазная пресса, явно подученная, распространяет ложные сведения о России, запугивая публику»³.

24 января (6 февраля) состоялось заседание ЦК РСДРП(б), на котором присутствовали Свердлов, Ленин, Сталин, Урицкий, Зиновьев, Бухарин, Сокольников, Ломов (Оппоков), Бубнов, Стасова⁴. Рассматривался вопрос о повестке экстренного съезда партии, созываемого на 20 февраля (5 марта) 1918 года. Ленин говорил, что на съезде необходимо рассмотреть вопросы партийной программы, мира и тактики⁵. На важность вынести на съезд вопрос о партийной программе указывали в своих выступлениях Бухарин, Свердлов, Сталин⁶. Предлагалось также при постановке текущего момента вычленять отдельно вопросы внутреннего, внешнего и экономического положения. Об этом говорили Свердлов, Ломов (Оппоков)⁷. Заседание приняло порядок работы съезда, первым и вторым пунктами которого утвердили пересмотр партийной программы и текущий момент; для выработки

¹ См.: Правда. 1918. 6 февраля (24 января).

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 322.

³ Там же.

⁴ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 223—225.

⁵ См. там же. С. 223.

⁶ См. там же. С. 223—224.

⁷ См. там же. С. 224.

программы образовали комиссию в составе Бухарина, Сокольникова и Ленина¹.

Наступило 25 января (7 февраля) 1918 года. В этот день утром в Брест-Литовске Кюльман открыл после трехдневного перерыва очередное заседание политической комиссии в составе русской, германской и австро-венгерской делегаций². Заседание началось с того, что Кюльман, Троцкий и Чернин начали выяснять, чьи органы печати искажают в отчетах ход мирных переговоров и какая из сторон виновата в их затягивании. Поскольку каждый из выступавших придерживался своей точки зрения, то Кюльман и Чернин стали говорить, что в этих дискуссиях идет напрасная трата времени, что обе стороны тормозят переговоры, ибо споры ни к чему нас не приближают. И тогда Троцкий вновь попросил дать слово Бобинскому, нашему специалисту по польскому вопросу.

С. Бобинский от своего имени и от имени К. Радека зачитал декларацию, в которой говорилось о положении потерпевшего от войны польского народа и содержались требования об очищении Польши от чужих войск, предоставлении польскому народу права на свободное волеизъявление, возвращении беженцев, восстановлении разрушенного во время войны за счет средств международного фонда, решении вопроса о границах путем голосования и договоренности с соседними государствами. В декларации подчеркивалось, что важнейшим из этих требований является, конечно, вопрос об очищении от всех чужих войск оккупированных польских территорий, без чего «нельзя себе представить прочного и демократического мира, основанного не на явном насилии завоевателя»³.

Кюльман поинтересовался, является ли это заявление официальным, и когда Троцкий разъяснил ему, что материал наших специалистов не выходит за рамки темы конференции, и в этом смысле он — официальный, но в то же время это и информационный документ, облегчающий ведение мирных переговоров, глава германской делегации несколько взвинулся. Охарактеризовав «длинные заявления», которые им предлагают здесь выслушивать как агитационные, Кюльман выразил сомнение, что «подобные бесцельные митинговые речи могут послужить делу наших переговоров», и заявил, что он решительно

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 224—225.

² См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 165.

³ Там же. С. 173.

отказывается в дальнейшем принимать от русской делегации какие-либо заявления, если они «не будут делаться официально, от имени всей делегации»¹. У нас, заключил Кюльман, возникает «весьма серьезное сомнение в действительном намерении Русской делегации довести мирные переговоры до благополучного конца»². С протестом против декларации, подписанной Бобинским и Радеком, выступил также и генерал Гофман.

Взявший слово Троцкий заявил, что, когда здесь выступал представитель Рады и резко критиковал Советскую Россию и ее политику, это не встретило отповеди со стороны делегаций стран австро-германского блока, которые не расценивали тогда такие речи как агитационные. Явно не желая вступать в дискуссию по этому вопросу, Кюльман закрыл заседание, оговорив следующую встречу только через день вечером³. Надо полагать, что это время было нужно австро-германскому блоку для того, чтобы окончательно «решить» свои отношения с Радой, которая дышала на ладан. Уже на следующий день, 26 января (8 февраля), в Киеве была установлена Советская власть⁴.

В этот день газеты поместили информацию, которая имела отношение ко всему комплексу вопросов, рассматриваемых на мирной конференции в Брест-Литовске. Из Франции сообщали, что заседавший там в Версале в течение нескольких дней Верховный военный совет стран Антанты решил «усилить боеспособность союзных войск и теснее сплотить союзные державы в их борьбе против германского милитаризма» с целью достижения мира, основанного «на принципах свободы и справедливости»⁵. Это, конечно, было еще одной из причин, заставлявшей державы Четверного союза торопиться с решением вопроса о мире на Востоке.

И они спешили. В ночь на 27 января (9 февраля), в 2 часа утра, в Брест-Литовске был подписан сепаратный мир между Радой и державами Четверного союза, от которых свои подписи поставили Кюльман, Чернин, Радославов и Талаат-паша, а также некоторые другие члены делегаций стран австро-германского блока⁶. От Рады

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 175—176.

² Там же.

³ Там же. С. 176—177.

⁴ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 283.

⁵ См.: Известия ЦИК. 1918. 26 января.

⁶ См.: Известия ЦИК. 1918. 31 января.

его подписали Севрюк и Любинский, при этом в момент процедуры подписания договора власти Рады в Киеве уже не было и, как остроумно потом заметил Троицкий, «единственной территорией, где еще держалась Рада, был Брест-Литовск»¹. И даже те, кто подписал этот договор от имени Рады, приехали обманном путем, заявив при проверке документов, что они входят в состав делегации рабоче-крестьянского правительства Украины, о чем сами же и похвалялись в Брест-Литовске². Так завершилось предательство Радой интересов украинского, русского и других народов России, интересов революции. Согласно договору, она признавалась единственной законной властью на Украине, ей была обещана военная защита, а взамен Рада, как писал Гинденбург, должна была в дальнейшем «обеспечить Австро-Венгрию и Германию сырьем и продовольствием», равно как и согласиться с тем, что Восточная Галиция и Буковина оставались в границах Австро-Венгерской монархии³.

В такой обстановке русская, германская и австро-венгерская делегации и собрались на очередное заседание политической комиссии вечером 27 января (9 февраля)⁴. Открывая его, председательствующий Кюльман сразу же начал подводить некоторые итоги работы мирной конференции, подчеркнув, что главной темой переговоров были политические вопросы⁵. Выразив сожаление, что сторонам не удалось достичь «большого сближения» своих точек зрения, что если каждая из делегаций будет стоять на своем, то и в дальнейшем «прения не дадут более благоприятных результатов», Кюльман заявил, что «нельзя бесконечно затягивать мирные переговоры, не обеспечивающие успешного исхода»⁶. Все это вынуждает нас, заключил Кюльман, «принять как можно скорее определенное решение»⁷. Выступление Кюльмана было поддержано Черниным, сказавшим, что уже в течение недели мы ведем на конференции бесплодные споры.

Троицкий в ответ также сделал обзор работы конференции. Говоря о новой границе, проводимой Германией

¹ Известия ЦИК. 1918. 31 января; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 248.

² См. там же. С. 253.

³ См.: Никольников Г. Л. Брестский мир и Украина. С. 47—50; Гинденбург П. Воспоминания. Пг., 1920. С. 16.

⁴ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 177.

⁵ См. там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

и Австро-Венгрией по оккупированным территориям, он высказал пожелание, чтобы по этому вопросу было предоставлено слово нашим военным консультантам. Коснулся Троцкий и вопроса, связанного с Киевской Радой, напомнив, что мы предупреждали о ее падении другую сторону и подчеркивали отсутствие «какого бы то ни было практического значения переговоров с ее делегацией»¹. Говоря о том, что нам стало известно о спешном подписании державами Четверного союза договора «с правительством, которое, как мы категорически заявляли противной стороне, больше не существует», Троцкий заявил: «Такой оборот действий не может не вызвать сомнений в наличии у противной стороны желания достигнуть мирных отношений с Российской Федеративной Республикой, к осуществлению которых мы в настоящее время стремимся не менее, чем в начале переговоров. Более того, весь образ действий противной стороны в этом вопросе производит то впечатление, что Центральные Правительства как бы хотели создать для себя в признании Рады искусственную точку отправления для вмешательства во внутренние дела Украины и всей России»². И если у вас есть договор с Радой, заключил Троцкий, то он не будет иметь никакой силы ни для украинского народа, ни для Совнаркома, делегация которого является здесь единственно законной и полномочной представлять Российскую Республику.

По всему чувствовалось, что переговоры шли к концу, конфликт назревал, он, как говорится, «вital в воздухе».

Но прежде чем прекращать дебаты по принципиальным вопросам, надо было до конца еще раз выяснить весь объем территориальных притязаний австро-германского блока с учетом к тому же только что подписанного им сепаратного мира с Радой. И поэтому Троцкий попросил противную сторону «провести полностью на наших картах пограничную линию, предъявленную нам генералом Гофманом»³.

Опасаясь, видимо, дальнейшей затяжки переговоров, Кюльман предложил вопрос о новых границах передать в подкомиссию, выделив в нее от каждой делегации по одному дипломату, а также военному и морскому специалисту. А затем, отвечая Троцкому относительно соглашения с Радой, Кюльман заявил, что такой договор державы

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 180.

² Там же. С. 181.

³ Там же.

Четверного союза действительно заключили и «он помечен сегодняшним числом»¹. Вступивший в обмен мнениями Чернин в свою очередь подчеркнул, что поскольку правительство Рады признано странами австро-германского блока, то оно для них существует, а ваши отношения с ней, продолжал Чернин, нас не касаются. В итоге стороны договорились, что новые границы будут рассмотрены в подкомиссии, и Кюльман закрыл заседание, не без удовольствия сказав, что их делегаты сейчас будут «заняты в другом месте»².

Дело в том, что мирный договор с Радой был подписан в день рождения Леопольда Баварского, и Гофман в ознаменование этих двух событий организовал вечером праздничный салют, проинформировав всех, что делает он это с разрешения представителей Рады, поскольку Брест-Литовск по соглашению должен был отойти к Украине³. Иоффе, говоря вскоре о брест-литовских переговорах и в связи с этим о представителях Рады, вспоминал: «Бережно, как к малым ребятам, относилась к ним сначала русская делегация. Целые вечера тратились на то, чтобы разъяснять этим политическим младенцам весь смысл исторической трагедии, разыгрывавшейся на территории Брест-Литовской цитадели»⁴. Но все было напрасно, и в день подписания мирного договора с Радой нам «с вежливой насмешкой», писал Иоффе об этом эпизоде, было сказано немцами, чтобы «русские делегаты, отныне пользующиеся гостеприимством Украины, ибо теперь все находятся на ее территории, не пугались пушечной пальбы, так как это будут только салюты в честь подписания мира, первые со времени завоевания Бреста салюты, производимые с разрешения украинской делегации»⁵. Для Рады, подчеркивал также Иоффе, было совершенно безразлично, кто признает ее независимость — «Англия и Франция, которые были союзниками России, или же Германия и ее союзники, бывшие врагами ее»⁶.

И в этом плане отметим, что страны Антанты были весьма шокированы «изменой» Рады, на которую они «положили» немало сил и средств, вовлекая ее в свой антисоветский фронт, но отнюдь не желая, чтобы ресурсы

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 182.

² Там же. С. 187.

³ См.: Правда. 1918. 15 февраля (2 февраля).

⁴ Иоффе А. (Крымский В.) Внешняя политика Советской России. М., 1918. С. 10.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Там же. С. 10.

Украины использовались против них самих же. Например, Англия, делая реверанс в сторону русской общечеловечности, напомнила, что она никогда не рассматривала ни одну из местностей, входивших в состав Российской империи, как независимое государство, в том числе и Украину, и поэтому, заявлял Лондон, «притязания делегатов Рады в Брест-Литовске на обладание достаточными полномочиями для заключения сепаратного мира с центральными державами, с точки зрения Великобританского правительства, совершенно недопустимы»¹.

День 27 января (9 февраля) был, думается, переломным. Мир с Радой страны австро-германского блока подписали в 2 часа 14 минут ночи² и в тот же день на заседании политической комиссии вновь очертили круг своих территориальных притязаний к Российской Республике. Германская печать нагнетала обстановку, обвиняя русскую делегацию в дерзком поведении в Брест-Литовске, в безудержном ведении из главной квартиры немецкого командования на восточном фронте революционной агитации. Руководство русской делегацией, лично Троцкий имели за своей спиной вотум доверия ЦК партии и Совнаркома на затягивание переговоров и подписание германских условий мира в случае предъявления ультиматума. Полагаем, что при всей напряженности обстановки день «икс», так сказать, 27 января (9 февраля) еще не наступил. Во всяком случае, германская и австро-венгерская делегации выразили согласие рассмотреть линию новой границы на заседании подкомиссии. Троцкий имел регулярную связь с Петроградом, в последние дни он использовал ее очень интенсивно. И вечером 27 января (9 февраля), уже после заседания политической комиссии, он сообщал в Смольный: «Сегодня Кюльман и Чернин подвели итоги всем происходившим до сего времени прениям и предложили завтра окончательно решить основной вопрос... Таким образом, повторяю, окончательное решение будет вынесено завтра вечером»³.

Итак, Троцкий вечером 27 января (9 февраля) уверенно откладывает «окончательное решение» на сутки, до вечера 28 января (10 февраля). Каким должно было быть это решение? Разумеется, в духе директив ЦК партии и

¹ Правда. 1918. 16 (3) февраля.

² См. там же. 1918. 6 марта (21 февраля).

³ Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 210; Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 141.

СНК; другого, по крайней мере в эти дни, решения у Троцкого вроде бы не просматривалось. Например, за неделю до этого, 22 января (4 февраля), Троцкий в телеграмме на имя Ленина решительно опровергал проникшее в немецкую печать «нелепое сообщение о том, будто бы мы собираемся демонстративно не подписать мирного договора», назвав это сообщение «чудовищным вздором»¹. Здесь он не расходился с данными ему директивами и с той договоренностью, которую имел с Лениным.

Через два дня, 24 января (6 февраля), в штаб Западного фронта поступила телеграмма от военного консультанта нашей делегации генерала А. А. Самойло, выполнявшего распоряжение Троцкого². В телеграмме предлагалось доложить главкому Западного фронта и срочно сообщить начштабу главковерха о полной возможности, «даже в ближайшие дни, решения Германского главнокомандования прервать перемирие и возобновить враждебные действия». В связи с этим, говорилось в депеше, «Троцкий высказывается за необходимость провести самым ускоренным образом меры по вывозу в тыл и обеспечению материальной части наших армий». 26 января (8 февраля) из штаба Западного фронта докладывали, что «приняты все меры к ускорению вывоза в тыл артиллерии и материальной части»³. И здесь действия Троцкого не выходили за рамки необходимости принятия мер по сохранению материальных средств армии на случай опасного для нас поворота событий.

Словом, каких-либо оснований, свидетельствующих о том, что руководитель нашей делегации и вся делегация в целом собирались злоупотребить предоставленными им правами и доверием, 27 января (9 февраля) не было. Впереди были сутки.

28 января (10 февраля) в 10 часов утра под председательством члена австро-венгерской делегации доктора Граца открылось заседание подкомиссии по территориальным вопросам⁴. Кюльмана, Троцкого и Чернина на совещании, как это и было накануне решено, не было. Задачей подкомиссии, говорил председательствующий, является «определение границ той области, на которую в будущем должны распространяться верхов-

¹ Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 213.

² См. там же.

³ См. там же.

⁴ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 187.

ные права Российского Государства»¹. Попросив присутствующих в целях ускорения работы подкомиссии избежать политических споров, Грац предоставил слово Гофману для разъяснения вопроса о границах России. Генерал дал короткое пояснение. Тогда Покровский предложил изложить нашу точку зрения Альтфатеру.

Контр-адмирал рассмотрел вопрос о новых границах, предложенных немцами, между Германией и Россией с военно-морских позиций. Он заявил, что речь «фактически сводится к присоединению к Германии Моонзундских островов — Эзеля, Даго и Моона»². Указав на огромное военно-морское значение Моонзундских островов на Балтийском море, Альтфатер сказал: «Это значение Моонзундских островов имеет, однако, совершенно различную стратегическую ценность для Германии и для России. Для первой острова имеют значение в целях агрессивных, направленных исключительно против России, для последней же — в целях оборонительных»³. Резюмируя эту мысль, Альтфатер подчеркивал, что отторжением Моонзундских островов преследуется главная задача: создание для Германии «в будущем наиболее благоприятных в военном отношении условий для развития успешных наступательных операций против России вообще и Петрограда в частности»⁴. Что же касается России, продолжал контр-адмирал, то оставление за ней этих островов «не имеет и ни при каких условиях не может иметь иных целей, помимо цели самообороны»⁵. Альтфатер показал также истинное значение отторжения от России ее портов на Балтийском море и в Рижском заливе — Риги, Либавы и Виндавы, через которые проходит 20 процентов общего экспорта и импорта нашего государства⁶.

Покровский предложил подкомиссии обсудить высказанные Альтфатером положения, однако Грац сказал, что им необходимо знать точку зрения нашей делегации о границах в целом, и в этой связи слово было предоставлено капитану Липскому. Последний начал с того, что указал прежде всего на несовместимость предложенного Германией нового начертания границ «с прин-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 187.

² Там же. С. 188.

³ Там же. С. 189.

⁴ Там же. С. 190.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ципом неделимости территории, населенной одной народностью»¹. Далее Липский подчеркнул чрезвычайно выгодное для Германии стратегическое значение новой границы, которая дает «возможность наступательных действий на широком фронте от Риги до Брест-Литовска и, одновременно, благоприятствует быстрым высадкам на прибрежной полосе от Риги до Финского залива»². В целом все это вело к крайне невыгодному для нас положению: создавало опасность северу страны, угрожало оккупацией Лифляндии и Эстляндии, подвергало смертельному риску Петроград. Москва хотя и находилась в меньшей опасности, однако и на этом оперативном направлении приходилось считаться с возможностью быстрой оккупации значительной части Белоруссии. Резюмируя, Липский подчеркивал, что «в стратегическом отношении проектируемая Германией граница обрекает Россию, в случае войны с Германией, на потерю новых территорий в самом начале войны и вместе с тем указывает на агрессивные намерения противной стороны»³.

После выступлений наших военных консультантов говорил Покровский, подчеркнувший, что все сказанное относится только к той части границы, которая была указана Гофманом на заседании политической комиссии еще 5 (18) января. Что же касается новой границы южнее Брест-Литовска, то мы, заявил Покровский, оставляем за собой право высказаться после подробного ознакомления с ней.

Вероятно, такой ход данного заседания не предусматривался «сценарием» германской и австро-венгерской делегаций, так как Грац «взял» короткий перерыв, предложив даже нашим представителям остаться на месте, поскольку, мол, он и его коллеги скоро вернутся. И представители противной стороны пошли «посоветоваться». После возобновления работы подкомиссии слово предоставили фон Розенбергу, который начал уговаривать нас согласиться с предложениями стран австро-германского блока. Он утверждал, что это совсем не граница между Россией и Германией, а лишь линия отделения тех областей, которые выйдут из-под верховной власти России, что права этих территорий, дескать, признаются и уважаются державами Четверного союза. Что

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 191.

² Там же. С. 192.

³ Там же. С. 193.

же касается экономических невыгод, связанных с отторжением от России трех ее важных портов, продолжал фон Розенберг, то эти потери будут в значительной мере смягчены дружественными отношениями, которые отныне установятся между Германией и Россией. Из его слов выходило, что русской делегации и беспокоиться-то не о чем¹. А что это так, подтвердил даже сам генерал Гофман, «ответственно» заявивший, что в стратегическом и военном отношениях у России теперь больше выгод, чем у Германии².

Взял слово Грац. Коснувшись вопроса о границе южнее Бреста, относительно которой Покровский на этом заседании оговорил право нашей делегации высказаться несколько позднее, Грац заявил: «Я, однако, уже сейчас хотел бы указать, что в намеченной нами границе нельзя будет ничего изменить»³. И далее он сказал, что поскольку сегодня необходимо дать отчет о проделанной здесь работе на заседании уже политической комиссии, то предлагается собраться еще раз после обеда, чтобы обсудить и зафиксировать наши результаты. В полдень, после почти двух с половиной часов работы, заседание закрылось; повторные краткие возражения наших военных консультантов Альфатера и Липского, поддержанные Покровским, во внимание приняты не были.

28 января (10 февраля) в первой половине дня Ленин беседует с Радеком относительно полученных известий о нарастании революционного движения в Германии и Австро-Венгрии⁴. Он знакомится с двумя докладными записками от главковерха Крыленко о положении армии и вытекающих из этого политических выводах и о постановке в Наркомвоене дела организации Красной Армии⁵. В связи с продовольственными затруднениями в Питере и опасностью здесь контрреволюционных выступлений Ленин предписывает наркомвоену Подвойскому и комиссару по делам о военнопленных А. Л. Менциковскому немедленно принять самые решительные меры для удаления из Петрограда всех военнопленных, в первую очередь офицеров⁶. Не в последнюю очередь

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 194.

² См. там же. С. 195.

³ Там же.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 238.

⁵ См. там же. С. 238—239.

⁶ См. там же. С. 239.

этот шаг диктовался, конечно, и положением дел на мирной конференции в Брест-Литовске. А до начала там повторного заседания подкомиссии по территориальным вопросам Ленин выступает с речью на заседании Всероссийского съезда земельных комитетов и крестьянской секции III съезда Советов, в которой, в частности, говорит, что «война уже прекращена, и объявлена демобилизация на всех фронтах»¹. Надо полагать, что, когда Ленин говорил об этом, он имел в виду продолжавшееся перемирие и начавшуюся по распоряжению СНК демобилизацию в армии ряда призывных возрастов, так как известная формула Троцкого «ни мира, ни войны» будет сказана в этот же день, но позже.

Приблизительно в эти часы Троцкий в посланной в Петроград телеграмме указывает, что «сегодня около 6 часов нами будет дан окончательный ответ. Необходимо, чтобы он в существе своем стал известен всему миру. Примите необходимые к тому меры»². И вновь Троцкий уверенно, теперь даже с указанием времени, говорит об окончательном нашем ответе на германские условия мира, не ставя под сомнение имеющиеся у делегации и у него как руководителя директивы партии и правительства.

В 16 часов 7 минут Грац продолжил работу подкомиссии по территориальным вопросам, предоставив слово Розенбергу³. Тот говорил о том, что последствия отторжения русских портов можно смягчить заключением экономического соглашения, проект которого австро-германская сторона составила⁴. Это соглашение могло бы быть включено в договор, продолжал Розенберг, огласив пункт о свободном русском транзите при определенных условиях через эти порты⁵. Касаясь вопроса о Лифляндии и Эстляндии, он вновь заявил, что русские обязаны очистить их от своих войск⁶.

Вероятно, высказанные Розенбергом предложения, связанные с транзитом через отторгаемые русские порты, давали определенный резерв времени для их обсуждения. Но видимо, Покровский также не имел полномо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 330; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 239.

² Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 141.

³ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 200.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же. С. 201.

чий для «затягивания» данного заседания и, думается, знал о дальнейшем развитии событий на мирной конференции. Он ограничился тем, что сказал о многих неясных местах в предложении другой стороны, о которых русская делегация, заявил Покровский, скажет на заседании политической комиссии¹. Далее начался обмен репликами, порою колкими, по территориальным вопросам между Розенбергом, Покровским, Гофманом и Альтфатером, который в итоге завершил Грац, сказавший, что задачей данной подкомиссии являлось сближение позиций двух сторон относительно границ. «Полагаю,— заявил он,— можно констатировать, что подобного соглашения мы пока еще не добились»². Поэтому Грац предложил ограничиться тем, чтобы сообщить об этом на заседании политической комиссии, и в 16 часов 50 минут он завершил работу подкомиссии по территориальным вопросам³. Заседание продолжалось чуть более 40 минут.

В тот же день, 28 января (10 февраля), приблизительно через час после заседания подкомиссии по территориальным вопросам, Кюльман в 17 часов 58 минут открыл заседание политической комиссии в уже обычном составе — русской, германской и австро-венгерской делегаций⁴. Он начал с информации о том, что председатель русской делегации просит приобщить к материалам о переговорах три меморандума по национальным вопросам, которые державам Четверного союза пока неизвестны и по которым они оставляют за собой право высказаться в будущем. Сдается, что это был еще один момент в переговорах, позволявший продолжать их с целью выигрыша времени.

Далее Кюльман выразил пожелание выяснить некоторые недоразумения между сторонами и в этой связи предоставил слово Гофману. Тот заявил нам протест по поводу невывода из Финляндии русских войск, численность которых там якобы возрастает, что противоречиво, по мнению Гофмана, «духу заключенного... договора о перемирии»⁵. Возражая, Троцкий говорил, что, наоборот, количество наших войск в Финляндии сокращается после заключения договора о перемирии и что к тому же

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 201.

² Там же. С. 204.

³ См. там же. С. 205.

⁴ См. там же.

⁵ Там же. С. 206.

эта территория не является германо-русским фронтом.

Предъявил нам претензии и Кюльман, заявивший, что, как стало им известно, русское командование издало приказ, возбуждающий германских солдат к действиям против своих командиров. Я ничего не знаю о таком приказе, давал ответ Троцкий, но могу в свою очередь сказать, что ваши газеты, выходящие на русском языке и распространяемые среди наших пленных, а также русских солдат на фронте, содержат грубую клевету против Советского правительства и его политики¹.

Обратив внимание на серьезность сегодняшнего заседания, Кюльман призвал не вступать в полемику, а обсуждать те пункты соглашения, по которым можно договориться, и здесь он предоставил слово Грацу для отчета о работе подкомиссии по территориальным вопросам. Грац был краток и, резюмируя ее заседания, сказал: «Не придя ни к какому соглашению относительно спорного вопроса о границе, подкомиссия сегодня закончила свою работу»². Тогда Кюльман предложил по этому поводу высказаться председателю русской делегации.

Это как раз было то время, когда из Петрограда в Брест-Литовск на имя русской делегации, Троцкого «шла» телеграмма за подписью Ленина и Сталина: «Наша точка зрения Вам известна; она только укрепилась за последнее время и особенно после письма Иоффе. Повторяем еще раз, что от Киевской Рады ничего не осталось и что немцы вынуждены будут признать факт, если они еще не признали его. Информируйте нас почаще»³. Упоминание о Иоффе касалось письма последнего, в котором говорилось, что «в Германии нет и начала революции»⁴. Дата и время на телеграмме (28 января, 6 часов 30 минут вечера) и последняя фраза в ней были написаны Сталиным⁵.

Итак, на вопрос Кюльмана, что думает председатель русской делегации относительно результатов работы подкомиссии по территориальным вопросам, слово взял Троцкий. Был седьмой час вечера. Пришло время реше-

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 206.

² Там же. С. 207.

³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 239. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 332, 485.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 336; Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 75.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 485.

ний, начал Троцкий, «народы ждут с нетерпением результатов мирных переговоров в Брест-Литовске», они хотят знать, когда закончится военная бойня, в которой идет борьба за раздел мира¹. Подчеркивая нежелание нашего народа участвовать далее в этой «чисто империалистической войне», его одинаково непримиримое отношение к империализму обоих лагерей, Троцкий заявлял, что «мы более несогласны проливать кровь наших солдат в защиту интересов одного лагеря империалистов против другого» и выводим страну из войны, извещая об этом «все народы и их правительства»². «Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий, противостоящих ныне войскам Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии», продолжал Троцкий, и «отказываемся санкционировать» предложенные нам условия мира, написанные «мечом на теле живых народов», поскольку не можем поставить свои подписи под документом, который несет «гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ»³. Вы хотите, говорил Троцкий, «владеть землями и народами по праву военного захвата», так творите свое дело открыто, ибо «мы не можем освящать насилие»⁴.

И Троцкий передал представителям другой стороны следующее письменное заявление: «Именем Совета Народных Комиссаров, Правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения Правительств и народов, воюющих с нами, Союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту»⁵.

Этот документ подписали: Л. Троцкий, А. Иоффе, М. Покровский, А. Биценко, В. Карелин⁶. Первые трое — большевики, двое других — левые эсеры.

Выступление Троцкого, зачитанное им от имени СНК заявление, которое было подписано всеми ведущими членами нашей делегации, включая ее председателя, про-

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 207.

² Там же.

³ Там же. С. 207—208.

⁴ Там же. С. 208.

⁵ Там же.

⁶ См. там же.

извело, конечно, впечатление на германскую и австро-венгерскую сторону. И не только впечатление, но и вызвало удивление, если судить по дальнейшему ходу этого заседания политической комиссии. Указав на важность сделанного Троцким заявления, Кюльман сказал, что они сейчас не могут высказаться по его существу, которое следовало бы совместно обсудить. Но перед этим, как подчеркнул Кюльман, он хотел бы задать несколько вопросов председателю русской делегации. Кюльман начал с того, что обрисовал положение сторон на данный момент в целом: между ними существует перемирие, и если не будет заключен мир, то оно теряет свою силу, то есть по истечении оговоренного в соглашении о перемирии срока возобновляются военные действия. В связи с этим, сказал Кюльман, возникают такие вопросы, как, например, намерена ли русская делегация заявить о прекращении войны между нами или где проходит внешняя граница России. Ответы на них необходимы в качестве условий возобновления консульских, экономических и правовых отношений, говорил Кюльман, и вообще, согласны ли вы возобновить торговые и правовые отношения в тех пределах, которые соответствуют прекращению состояния войны и наступлению состояния мира¹.

Иными словами, Кюльман хотел прояснить существо того абсурдного, если так можно сказать, положения, которое создавалось между нашими государствами после зачитанного Троцким заявления. Таким образом, и здесь существовала возможность для продолжения переговоров. Однако Троцкий «гнул» свою линию. Мы всё сказали в заявлении, подчеркивал он, а что касается юридической формулы, которая могла бы характеризовать состояние между нами, то ввиду глубоких расхождений ее невозможно подыскать для наших взаимоотношений. Троцкий снова шел напролом, отказываясь от поисков каких-то шансов на сближение в позициях сторон, отвергая продолжение переговоров, априори исходя из того, что час принятия решения настал, хотя, думается, и в тот момент резерв времени исчерпан еще не был. С чисто агитационной и пропагандистской точек зрения он отнесся и к возможности в создававшейся обстановке нападения германского империализма на Советскую республику, заявляя, что никто не поверит, будто «продолжение военных действий со стороны Германии

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 209.

и Австро-Венгрии явится при данных условиях защитой отечества»¹.

И снова не закрывается возможность продолжить переговоры. Кюльман говорит, что для принятия определенного решения делегациям Четверного союза необходимо посоветоваться, и в связи с этим вносит предложение созвать на следующий день пленарное заседание, то есть встретиться при участии всех делегаций государств австро-германского блока, дабы они могли высказаться относительно создавшегося положения².

И опять Троцкий отказывается от предоставляемой ему возможности «потянуть» переговоры. «Что касается нас,— заявил он в ответ на предложение Кюльмана собрать на следующий день пленарное заседание,— то мы исчерпали все те полномочия, какие мы имеем и какие до сих пор могли получить из Петрограда. Мы считаем необходимым вернуться в Петроград, где мы и обсудим совместно с Правительством Российской Федеративной Республики все сделанные нам Союзническими делегациями сообщения и дадим на них соответствующий ответ»³. Здесь, как представляется, Троцкий несколько смягчает свою позицию открытого отказа от продолжения переговоров, переносит решение этого вопроса как бы в Петроград. Однако есть маленькое, но принципиальное «но». Зачитанное Троцким заявление от имени СНК, подписанное председателем и ведущими членами нашей делегации. Хода назад от этого официального документа уже не было.

А Кюльман по-прежнему выясняет «детали», интересуясь, каким образом стороны могли бы теперь «снести друг с другом»⁴. И Троцкий поясняет, что технических трудностей здесь не будет, так как в Петрограде находится делегация стран Четверного союза, ведущая переговоры по вопросу о положении пленных — военных и гражданских, и она имеет канал связи со своими правительствами. Приняв сказанное нами к сведению, Кюльман заявил, что они оставляют за собой право на дальнейшие решения с последующей информацией нас об этом, и в 18 часов 50 минут закрыл заседание, которое прекращало работу брест-литовской мирной конференции.

Советская власть существовала уже 95 дней.

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 210.

² См. там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Глава VI

СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ШЕЛ 129-й ДЕНЬ

Почему Троцкий нарушил договоренность с Лениным на заключительном этапе работы мирной конференции в Брест-Литовске относительно затягивания мирных переговоров? Вряд ли можно ответить на это однозначно. Но одно, как представляется, не подлежит сомнению, что этот его шаг не в последнюю очередь, если не сказать — напрямую, связан с личностью самого Троцкого как человека и как крупнейшего политического деятеля того времени. В те дни, недели и месяцы он был второй фигурой по своему политическому весу и авторитету в партии и в массах, его имя не сходило со страниц газет, стояло всегда рядом с именем Ленина, а по ряду вопросов, например международным, было часто и первым. Словом, имя Троцкого тогда не отделялось от имени Ленина. А широкий кругозор Троцкого, большие ораторские данные, помноженные на стремление быть в центре событий и огромное честолюбие, которое практически никто и не сдерживал в нем, делали очень часто «свое дело».

Вероятно также, что при оценке поступков политических лиц начального периода нашей, советской истории следует учитывать и обстановку, в которой они действовали. О чем здесь идет речь? Тогда крупные политические личности, руководствуясь принимаемым коллективно стратегическим решением по тому или иному вопросу, тактику проведения в жизнь этого решения брали на себя, не боясь ответственности. Никто не имел привычки «смотреть» снизу вверх, равно как и дожидаться «оттуда» указаний. И если приложить все это к отсутствию общей точки зрения в партии и в государстве по вопросу о заключении мира на предъявленных Германией условиях, то, видимо, это тоже в значительной мере «влияло» на поведение Троцкого, позиция которого к

тому же пока еще разделялась большинством партийцев, а его сверхреволюционность импонировала настроениям масс, поднимавшихся к новой жизни на лозунгах и призывах. Троцкий это не только хорошо знал, но и великолепно чувствовал. И он, надо полагать, будучи второй фигурой в стране, взял на себя ответственность за сделанный шаг, который к тому же разделялся и всеми другими ведущими членами нашей делегации.

Поэтому, думается, нет надобности искать в этом шаге предательства революции и социализма. Наоборот, именно революция и социализм, их идеалы не позволяли пойти на принятие германских грабительских условий мира. Даже Ленин, говоря о необходимости пойти на заключение аннексионистского мира, обнародовал эту линию первоначально только среди узкого круга партийного руководства, а не перед всей партией, страной, народом, понимая, что не будет понят ими. И Ленин пока молчал, находясь в явном меньшинстве и связанный решением ЦК РСДРП(б).

Так что шаг Троцкого предпринимался им, вероятно, в убеждении, что это единственный выход в условиях, когда «час решения настал», а вот настал ли он, здесь Троцкий, как кажется, действовал, исходя из своего субъективного мнения, помноженного на свой высокий авторитет и предоставленные ему полномочия и власть. Во всяком случае, его действия не вызвали сомнений у коллег Троцкого по делегации. А сам он на VII съезде партии при обсуждении вопроса о заключении мира с Германией скажет: «Если бы меня заставили повторить переговоры с немцами, я 10 февраля (28 января.— *И. К.*) повторил бы то же, что я сделал»¹.

Если сопоставить время отсылки из Петрограда в Брест-Литовск последней телеграммы за подписью Ленина и Сталина (18 часов 30 минут) и временем окончания там последнего заседания политической комиссии (18 часов 50 минут), то, имея в виду даже разницу со среднеевропейским временем, Троцкий вряд ли мог получить ее до начала заседания. Каких-либо свидетельств обратного нет.

Но есть другая телеграмма, которую Троцкий в тот же вечер, после окончания заседания политической комиссии, послал в Петроград. Ее содержание следующее:

¹ Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 70, 267.

«Петроград. Председателю Совнаркома Ленину. Переговоры закончились. Сегодня после окончательного выяснения неприемлемости австро-германских условий наша делегация заявила, что выходим из империалистической войны, демобилизуем свою армию и отказываемся подписать аннексионистский договор. Согласно сделанному заявлению издайте немедленно приказ о прекращении состояния войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией и о демобилизации на всех фронтах. Нарком Троцкий»¹.

Из этого текста также не ясно, знал ли уже Троцкий в час отправления телеграммы послание в его адрес из Петрограда, подтверждающее прежнюю точку зрения по вопросу о мире и его подписании. Решительный же тон телеграммы самого Троцкого говорит о том, как представляется, что он еще более в это время уверовал в правильность предпринятого нашей делегацией демарша, который, конечно, был неожиданным для держав австро-германского блока. Генерал Гофман впоследствии напишет, что «смущение было всеобщее», что, по его мнению, «декларация Троцкого была не чем иным, как прекращением перемирия»².

Это подтверждает и Иоффе. «Когда Л. Д. Троцким оглашена была последняя декларация,— писал он,— она грянула как гром из ясного неба. Ничего подобного немцы не ждали. Все молчали. Кюльман бормотал что-то маловразумительное. Искали выхода, но не находили. Наконец предложили созвать пленум. От этого Российская делегация отказалась»³. Иоффе рассказывает, что после отъезда Троцкого с частью делегации в Петроград он остался в Брест-Литовске и к нему на следующий день пришел директор правового департамента Криге, чтобы завершить технические дела конференции. Криге искал прецедент создававшемуся положению и нашел его в далекой истории, в войне греков с персами. Разумеется, Криге пришел искать не прецедент, а выяснить, как Совнарком представляет себе «дальнейший ход событий»⁴. Обратим здесь внимание на то обстоятельство, что и немцы восприняли заявление Троцкого как доку-

¹ Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 214—215.

² Гофман М. Война упущенных возможностей. М.—Л., 1935. С. 186, 187.

³ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 262.

⁴ Там же.

мент Советского правительства. «Было бы безумием, если бы мы теперь опять воевали с Вами,— приводит далее Иоффе слова Криге.— ...Об этом никто и не думает. Необходимо найти выход. Мы можем не иметь мирного договора, но вести переговоры по конкретным вопросам. Нам необходимо будет съехаться с Вами в Стокгольме для того, чтобы переговорить хотя бы о военнопленных»¹. Иоффе в ответ сказал Криге, что от таких переговоров, как он полагает, Советское правительство, наверное, не откажется².

Наконец, здесь будет уместным изложить и оценку самого Троцкого: в чем он видел смысл предпринятого нашей делегацией действия на этом последнем заседании политической комиссии 28 января (10 февраля)? Он писал: «Мы все были солидарны в том, что переговоры нужно тянуть как можно долее, чтобы извлечь из них весь агитационный «капитал» и в то же время выгадать как можно более времени, дав истории возможность приблизить нас к германской и общеевропейской революции»³. Это была общая точка зрения. И Троцкий продолжает: «Разногласия начинались с вопроса: как быть в случае ультиматума? Тов. Ленин ставил вопрос ребром: ни в коем случае не доводить переговоров до разрыва. Раз мы не можем вести войну, то непозволительно играть с войной. Меньшинство партии, наоборот, считало обязательным довести переговоры до разрыва, чтобы ответить на наступление партизанской войной. Наконец, было течение, которое считало невозможным военное сопротивление, но в то же время находило необходимым довести переговоры до открытого разрыва, до нового наступления Германии, так, чтобы капитулировать пришлось уже перед очевидным применением империалистской силы и вырвать тем самым почву изпод ног инсинуаций и подозрений, будто переговоры являются только прикрытием уже состоявшейся сделки»⁴. Дав характеристику этим трем течениям, Троцкий подчеркивал по поводу последней точки зрения: «Этот агитационный довод представлялся решающим автору настоящих строк»⁵.

Почти одновременно с отправкой телеграммы в Совнарком Ленину Троцкий отправил еще две депеши. Од-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 262.

² Там же.

³ Там же. С. III.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ну — главковерху Крыленко, которая гласила: «Согласно сделанному делегацией заявлению издайте немедленно этой ночью приказ о прекращении состояния войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией и о демобилизации на всех фронтах»¹. Она была послана около 22 часов 28 января². Тогда же была отправлена телеграмма аналогичного содержания и в Наркомвоен³. Третья, уже упомянутая нами, — в Совнарком Ленину пошла через каналы НКВД⁴.

Поспешивший с отправкой всех этих трех телеграмм Троцкий вызвал неразбериху. Распоряжение о демобилизации армии, исходившее от него, воспринималось адресатами как правительственное решение, хотя такового и не существовало. Так, Крыленко, получивший эту телеграмму от Троцкого, в ту же ночь отдал соответствующее распоряжение по армии⁵. И потянулась цепочка: от Крыленко в Ставку, в Верховную коллегия при штабе главковерха, где, полученное в 8 часов утра 29 января (11 февраля), это распоряжение было тут же радиогаммой с грифом «Всем, всем, всем» передано на фронты⁶. Приблизительно тогда же, утром 29 января, Ленин получает сообщение о приказе относительно демобилизации армии на всех фронтах и отдает указание передать в Ставку об отмене всеми возможными способами этого приказа⁷. Но было уже поздно, на фронтах о демобилизации знали. И поэтому, вероятно, указание Ленина о его отмене дальше Ставки никуда не пошло: в жизнь пока начал проводиться приказ о демобилизации.

В тот же опять-таки день, 29 января (11 февраля), но уже в 17 часов вечера в штабы всех фронтов за подписью Крыленко был направлен приказ, в котором сооб-

¹ *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 214; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 76; *Чубарьян А. О.* Брестский мир. С. 142.

² См.: *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 214; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 76.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

⁵ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 77; *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 214.

⁶ См. там же.

⁷ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 240; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 77; *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 215—216.

шалось о прекращении мирных переговоров, воспроизводилось сделанное Троцким заявление в Брест-Литовске от 28 января (10 февраля) и объявлялось: «В связи с этим предписываю немедленно принять все меры к объявлению войскам, что война с Германией, Австрией, Турцией и Болгарией с этого момента считается прекращенной. Никакие военные действия иметь места не могут. Настоящим объявляется одновременно начало общей демобилизации на всем фронте»¹. Штабам фронтов и армий предписывалось принять меры к уходу войск с передовой линии². В своих воспоминаниях этот шаг Советской власти начальник штаба главком-верха М. Д. Бонч-Бруевич характеризует следующим образом: «Получилась явная неразбериха: мирные переговоры прерваны, соглашение не достигнуто, а приказ говорит об окончании войны и демобилизации всех армий... Я не мог не почувствовать огромной угрозы, нависшей над страной. Поведение большевиков в этом вопросе, несмотря на все мое стремление остаться лояльным, показалось мне глубоко ошибочным и лишенным здравого смысла»³.

В свою очередь В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал относительно шага нашей делегации в целом, который она сделала в Брест-Литовске: «Когда получено было известие, что наша комиссия по переговорам с немцами о мире пришла к нелепому предложению, которое можно было формулировать «не мир и не война», Владимир Ильич выразил глубокое изумление этому решению и сказал, что «эта неопределенность обойдется нам дорого». Многие находили весьма остроумным, в сущности, крайне нелепый выход, который будто бы нашел Л. Д. Троцкий, придумав такую штуку, вместо определенных условий мира...»⁴. Словом, положение складывалось сложнейшее.

Поскольку вся советская печать ничего не писала о серьезных разногласиях в руководящих кругах партии по вопросу о мире, то занятая нашей делегацией в Брест-Литовске позиция воспринималась как линия Советской

¹ Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 30 января (12 февраля); *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 216.

² См. там же.

³ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1958. С. 239.

⁴ *Бонч-Бруевич Влад.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1931. С. 254.

власти, большевиков. Поэтому и поддержка массаами этого курса, его одобрение широкими партийными кругами были повсеместными. Так, 29 января (11 февраля) проходило заседание Петросовета¹. Выступивший на нем Зиновьев огласил заявление нашей делегации, которое было сделано Троцким в Брест-Литовске 28 января (10 февраля). Подчеркнув своеобразие момента, Зиновьев предложил Петросовету высказаться, «правилен, по его мнению, или неправилен выход из создавшегося положения, найденный нашей делегацией»². Я лично убежден, говорил он, что «это был единственно правильный выход», и полагаю, что большинство «сознательных рабочих скажет то же самое»³. Несмотря на злорадные пророчества правых эсеров и меньшевиков, продолжал Зиновьев, мы убеждены, что «наступления со стороны немецких империалистов быть в данный момент не может»⁴.

В прениях участвовали правые и левые эсеры, меньшевики, большевики. Приветствовал отказ нашей делегации подписать аннексионистский мир М. Л. Коган-Бернштейн, выступавший от имени правых эсеров⁵. Вместе с тем он подверг критике политику Советской власти за то, что наш выход из войны ослабит, дескать, пролетариат стран Антанты. Не согласился с такой постановкой вопроса левый эсер Фишман, заявивший в то же время, что коль скоро мы не можем ответить на натиск международного империализма, то заявление нашей делегации в Брест-Литовске представляется единственно приемлемым для нас решением в нынешней обстановке⁶. Если придется, сказал он, мы готовы «вести войну против мирового капитала»⁷. В свою очередь меньшевик А. Ерманский призывал к организации международной социалистической рабочей конференции для обсуждения главных условий мира, что, по его мнению, может способствовать развитию революционных действий. Выступивший от имени фракции большевиков Лашевич заявил, что выход, найденный делегацией в Брест-Литовске, правилен.

¹ См.: Правда. 1918. 13 февраля (31 января); Известия ЦИК. 1918. 30 и 31 января; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 31 января (13 февраля).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Известия ЦИК. 1918. 31 января.

⁶ См. там же.

⁷ Там же.

Предложенный Зиновьевым проект резолюции, одобрявший действия нашей делегации, был принят большинством голосов при 1 против, но все же при 23 воздержавшихся¹. В резолюции, в частности, говорилось: «Петроградский Совет выражает уверенность, что рабочие и солдаты Германии, Австрии, Болгарии и Турции в нынешний ответственный исторический момент выполняют свой долг и не позволят империалистским правительствам совершить задуманное ими насилие над народами Польши, Литвы и Курляндии»². Главной задачей дня, указывалось в ней, является создание новой армии.

На следующий день, 30 января (12 февраля), «Известия ЦИК», комментируя формулу «ни мира, ни войны», напишут: «Поступая таким образом, русская делегация лишь выполняла волю последнего Советского съезда, который, в свою очередь, выражал волю трудящихся масс России. Другого пути для русской революции в данный момент не было»³.

В аналогичном комментарии «Правды» за тот же день говорилось, что немцы обвиняли нас в искусственном затягивании переговоров и готовились прервать их, чтобы свалить вину на нас, но мы предупредили этот их маневр⁴. «Этот шаг,— указывала газета,— равного которому мы не найдем во всей мировой истории, не может не поставить в тупик империалистическую свору»⁵. Конечно, немцы попытаются напасть на нас, подчеркивала далее «Правда», и «такая возможность не исключена, хотя и маловероятна»⁶. Газета выражала надежду, что международный пролетариат скажет свое слово.

И за всеми этими газетными комментариями как-то осталось малозаметным очередное заседание Совнаркома 29 января (11 февраля) вечером, которое продолжалось и в ночь на 30 января (12 февраля). В ходе его работы обсуждается, в частности, и создавшееся положение после заявления Троцкого о неподписании мира и о выходе России из войны, а также принимается решение отменить приказ Крыленко о всеобщей демобилизации, который был отдан на основании телеграммы Троц-

¹ См.: Правда. 1918. 13 февраля (31 января).

² Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 31 января (13 февраля).

³ Известия ЦИК. 1918. 30 января.

⁴ См.: Правда. 1918. 12 февраля (30 января).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

кого¹. После заседания Совнаркома, в 2 часа ночи 30 января (12 февраля), Ленин направляет телеграмму в Ставку с предписанием всем комиссарам армий и начальнику штаба М. Д. Бонч-Бруевичу задерживать все телеграммы за подписями Троцкого и Крыленко о демобилизации армии, «так как мир еще фактически не заключен»². Уже поздно вечером этого дня Ленин принимает полковника Р. Робинса и беседует с ним о положении, сложившемся в результате разрыва мирных переговоров с Германией³.

А утром 31 января (13 февраля) Ленин встречается с возвратившейся глубокой ночью из Брест-Литовска советской мирной делегацией и обсуждает с ней создавшуюся обстановку⁴. Поздно ночью этот же вопрос рассматривается и на заседании Совнаркома; на нем Ленин дает разъяснения об отмене им приказа главковерха Крыленко о демобилизации армии⁵. Любопытно, что на следующий день Троцкий был назначен председателем Чрезвычайной Комиссии по продовольствию и транспорту⁶.

Положение в целом продолжало оставаться неясным и запутанным. «Мы считаем войну прекращенной,— писала 31 января газета «Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот», комментируя завершившиеся в Брест-Литовске мирные переговоры,— но германские империалисты могут двинуть свои войска против революционной России»⁷. Но если теперь державы Четверного союза, заявляли в свою очередь «Известия ЦИК», будут вести против нас войну, то это увидит весь международный пролетариат, и он скажет свое слово⁸. Газета резко критиковала также позицию Рады, которая предпочла отдать хлеб не пролетариату России, а его врагам, заключить соглашение с румынами, воюющими с нами, ид-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 241, 242.

² Там же. С. 243; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 364.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 246.

⁴ См. там же. С. 247; Известия ЦИК. 1918. 14 (1) февраля.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 249.

⁶ См.: Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 79; Известия ЦИК. 1918. 17 (4) февраля.

⁷ Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот, 1918. 31 января (13 февраля).

⁸ См.: Известия ЦИК. 1918. 31 января.

ти войной против советских войск. Подлым предательством называла курс Рады и газета «Правда», подчеркивая, что это часть общего плана международного империализма, стремящегося удушить русскую революцию¹. Газета выражала уверенность, что наши друзья на Западе в лице пролетариата «придут на помощь нам»².

В целом все это было пока весьма слабым утешением, и звонкая фраза продолжала господствовать над здравым смыслом в оценке обстановки. Поворота в сознании широких партийных кругов, народных масс пока не происходило, господствовало настроение «шапкозакладательства». «То, что будут делать немцы,— вспоминал впоследствии В. Д. Бонч-Бруевич,— как они на все это будут реагировать, как они отнесутся к такому «выходу из войны», без подписания условий мира,— об этом никто почти не думал, добродушно рассуждая: немец не пойдет! Зачем ему идти, раз он увидит, что мы, действительно, вышли из войны? Это русское «авось» и здесь, конечно, должно было нам обязательно помочь, но... не помогло»³.

Как же действительно реагировали на все это немцы? Уже 31 января (13 февраля) в Гамбурге проходило совещание при участии кайзера, главы правительства, руководителей вооруженных сил Германии⁴. Гинденбург потом напишет по поводу отказа Троцкого подписать мирный договор, объявив в то же время, что война закончена: «В этом презрительном отношении Троцкого к основам международного права я мог видеть только попытку продлить неопределенное положение на востоке. Было ли это результатом влияния Антанты, я не знаю. Во всяком случае, положение создалось невозможное»⁵.

На совещании в Гамбурге докладывал Людендорф. Решался вопрос: как быть? Отмечалось, что русская армия не представляет из себя боевого фактора. Много внимания было уделено сепаратному сговору с Радой, но указывалось, что этот «мир являлся весьма шатким», учитывая распространение большевизма, и если держа-

¹ См.: Правда. 1918. 13 февраля (31 января).

² Там же.

³ *Бонч-Бруевич Влад.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. С. 255.

⁴ См.: *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. С. 130—134.

⁵ Воспоминания Гинденбурга. С. 66—67.

вы Четверного союза не хотят, чтобы он «превратился в мировой фарс и надувательство», если они хотят получить с Украины хлеб, то «должны оказать ей военную помощь»¹. Говоря о плане действий против России, Людендорф писал: «Чтобы воспрепятствовать самим большевикам образовать новый Восточный фронт, мы должны были нанести короткий, но сильный удар расположенным против нас русским войскам, который позволил бы нам при этом захватить большое количество военного снаряжения. ...На Украине надо было подавлять большевизм и создать там такие условия, чтобы иметь возможность извлекать из нее военные выгоды и вывозить хлеб и сырье. Для этого мы должны были сильно углубиться в страну; другого выхода для нас не оставалось»². Для нас было ясно, подчеркивает Людендорф, что с государственно-правовой точки зрения «неподписание Троцким мирного договора автоматически влечет за собой прекращение перемирия»³. И кайзером было принято решение о возобновлении на Восточном фронте военных действий с 18 февраля⁴.

С 1 февраля 1918 года в стране вступил в действие декрет о введении в Российской Республике западноевропейского календаря, о чем население страны было заранее информировано⁵. Декрет гласил: «В целях установления в России одинакового почти со всеми культурными народами исчисления времени, Совет Народных Комиссаров постановляет ввести, по истечении января месяца сего года, в гражданский обиход новый календарь. В силу этого:

1. Первый день после 31 января сего года считать не 1 февраля, а 14 февраля, второй день — считать 15, и т. д.

10. До 1 июля с. г. писать, после числа каждого дня по новому календарю, в скобках число по до сих пор действовавшему календарю»⁶.

14 (1) февраля вечером под председательством Свердлова открылось заседание ЦИК, на котором с докладом об итогах брест-литовских мирных переговоров высту-

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. С. 131.

² Там же. С. 132.

³ Там же. С. 132, 134.

⁴ См.: Воспоминания Гинденбурга. С. 67.

⁵ См.: Правда. 1918. 7 февраля (25 января).

⁶ Вестник Комиссариата Внутренних Дел. М., 1918. № 5. 14 февраля. С. 3, 4.

пил Троцкий¹. Его дополнил член нашей делегации Карелин, который, в частности, затронул вопрос и о позиции Рады, подчеркнув, что «окончательное обособление Украины является, по-видимому, одним из пунктов политической программы германского империализма»². Резко критиковал советскую политику мира правый эсер Пумпянский, по мнению которого проводимый большевиками курс на разъединение сил демократии оставил Россию в нынешней обстановке без союзников. «И вот теперь фронт открыт,— заявлял оратор,— и нет никакой уверенности, что благородная поза русской делегации окажется в состоянии остановить германские войска»³. С возражениями Пумпянскому и с одобрением доклада Троцкого выступил левый эсер И. З. Штейнберг, говоривший, что действия делегации в Брест-Литовске усиливают нашу связь с мировым пролетариатом⁴. Жесткая линия Германии, сказал взявший слово Мартов, объясняется изменой Рады, заключившей сепаратный мир с австро-германским блоком. Одобря действия нашей делегации в Брест-Литовске, Мартов одновременно высказывался в том смысле, что в нынешней обстановке «должна быть в корне изменена вся политика революционной власти», которая не может, по его мнению, замыкаться на одном классе, а обязана защищать интересы всех классов⁵. Эту же мысль о единении классов и партий проводил в своем выступлении и Блюм, одобрявший отказ нашей делегации подписать мирный договор на германских условиях⁶. Поддержали ее действия в Брест-Литовске также анархист-коммунист А. Ю. Ге и эсер-максималист Селиванов. Первый заявлял, что мы будем защищаться до конца и нам помогут «трудовые массы Европы»⁷. Второй, указав, что в словах Троцкого есть «какое-то непротивление злу», призывал в то же время к определенной сдержанности и осторожности в оценках. «Шаг, сделанный русской делегацией,— говорил Селиванов,— безусловно правилен, точно так же правильны и расчеты на германскую революцию, но не следует

¹ См.: Известия ЦИК. 1918. 15 (2) февраля; Правда. 1918. 15 (2) февраля.

² Правда. 1918. 15 (2) февраля; Правда. 1918. 16 (3) февраля.

³ Известия ЦИК. 1918. 15 (2) февраля.

⁴ См. там же.

⁵ См.: Правда. 1918. 16 (3) февраля.

⁶ См. там же.

⁷ Известия ЦИК. 1918. 15 (2) февраля.

базироваться только на этих расчетах. У Кюльмана и у тех, кого он представляет, могут оказаться более или менее крупные силы, и при помощи этих сил они могут попытаться раздавить Советскую Россию. Следует, конечно, демобилизовать армию, но нужно создать новую. Нужно вооружить весь народ для того, чтобы русская революция не оказалась беззащитной»¹.

Выступивший с заключительным словом Троцкий сказал, что «мы не можем гарантировать русскую революцию» от возможного наступления германского империализма, но «можем создать наилучшие условия для обороны» и тем самым «раскрыть глаза германскому пролетариату»². В принятой по докладу резолюции ЦИК одобрял «образ действий своих представителей в Бресте», расценивал позицию Рады как измену и объявлял «недействительным тот договор, который заключили с германским правительством агенты украинской буржуазии»³. ЦИК выражал также уверенность в том, что «рабочие-социалисты всех стран, вместе с трудящимся классом России признают полную правильность той политики, которую в течение всего времени переговоров вела в Бресте делегация российской социалистической революции»⁴. Говоря о возрастающем международном значении русской революции, ЦИК указывал, что для защиты ее завоеваний нужна новая армия, и это самая важная задача момента. Деятельность советской делегации в Брест-Литовске была одобрена прежде всего фракциями большевиков и левых эсеров.

На другой день, 15 (2) февраля, Троцкий выступил с отчетом мирной делегации на заседании Петросовета⁵. Он опять уверенно заявил по поводу возможных действий Германии. «Я считаю в высшей степени невероятным передвижение какой-либо части германских войск против нас,— говорил Троцкий,— и если возможность наступления перевести на проценты, то 90 процентов против, а 10 процентов за»⁶. Относительно заявления нашей делегации в Брест-Литовске Троцкий сказал, что этот «шаг по отношению к охране нашей страны является са-

¹ Известия ЦИК. 1918. 15 (2) февраля.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 17 февраля.

⁶ Известия ЦИК. 1918. 17 февраля.

мым возможным и наилучшим»¹. Вместе с заявлением о выходе из войны, говорил он, мы обратились к рабочим Германии и Австрии, где заявляли, что «если германским милитаристам удастся двинуть отряды против нас и германские аннексионисты попытаются нанести удар нашей революции, то мы возлагаем всю ответственность на... германскую социал-демократию, которая должна приложить все усилия, все свое влияние, чтобы не дать империалистам нас задушить»².

Характер оценок, которые давала советская печать заявлению нашей делегации в Брест-Литовске, был весьма далек от реальной действительности, революционность была через край. И это можно было понять: возможность капитуляции перед германским империализмом не воспринималась в народном сознании, ибо она олицетворялась с ликвидацией нашей государственности. Поэтому и дело зачастую трактовалось таким образом, будто мир уже наступил и стране не грозит никакая опасность. «Русский народ может смело перековать мечи на орала и вернуться к свободной мирной жизни,— заявляла, например, газета «Революционная ставка».— Ему ничто не угрожает, его покой будет охранять преданная свободе социалистическая гвардия и немецкий рабочий, приставивший винтовку к виску Вильгельма. Страшный уничтожающий выстрел раздастся скоро... Империализм в тупике, война кончена — мир пришел...»³

Подчеркивая, что заявление нашей делегации в Брест-Литовске, по мнению широких кругов общественности революционной России, является единственно возможным решением в данных условиях, «Известия ЦИК» писали, что этот шаг «ставит русскую революцию в более тесную связь с нарастающей европейской революцией где бы то ни было», что именно «в этом главная сила нашей позиции»⁴.

16 февраля в «Правде» с комментарием по поводу прекращения брест-литовских переговоров выступил К. Радек. Он писал, что теперь наступило решающее время, когда пролетариат Германии и Австрии «должен будет доказать, способен ли он еще подняться до роли пе-

¹ Известия ЦИК. 1918. 17 февраля.

² Там же; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 17 февраля.

³ Известия ЦИК. 1918. 14 (1) февраля.

⁴ Там же. 1918. 15 (2) февраля.

редового борца за социализм»¹. Радек указывал, что нам предстоят тяжелые дни, поскольку германский империализм обладает достаточными силами, которые он сможет бросить против нашей революции. И далее автор ставил вопрос: какую позицию мы должны занять относительно немецких условий мира? Радек сам же и отвечал на этот вопрос. Он писал: «И мы заявляем коротко и ясно: ни при каких условиях русская революция не может капитулировать перед немецким империализмом. ...Капитулируя перед немецким капитализмом, мы перестаем быть застрельщиками международной революции. Потому русская революция не должна отступить перед немецким империализмом ни на шаг, какие бы бедствия нам это ни сулило»².

А бедствия эти уже начинались. Вечером 16 (3) февраля военный консультант нашей делегации генерал Самойло, остававшийся в Брест-Литовске после прекращения переговоров, по прямому проводу передал в Наркоминдел Троцкому телеграмму: «Сегодня, 16-го февраля, в 19 часов 30 минут, от генерала Гофмана мне официально объявлено, что 18-го февраля в 12 часов оканчивается заключенное с Российской Республикой перемирие и начинается снова состояние войны. 17-го февраля утром с вверенной мне комиссией я выезжаю на Барановичи и Минск»³. Оправдывался прогноз Ленина: худшее начало получать подтверждение.

Телеграмма генерала Самойло, прежде чем попасть по назначению, прошла через ставку главковерха, откуда была передана в Наркоминдел только 17 февраля, когда и попала к Троцкому⁴. Последний в тот же день за своей подписью направил в Берлин на имя германского правительства депешу, в которой сообщал о получении советской стороной из Брест-Литовска от генерала Самойло известия о том, будто с 12 часов дня 18 февраля между Германией и Россией, по словам генерала Гофмана, возобновляется состояние войны⁵. Исходя из изложенного, Троцкий срочно обращался к германскому правительству по следующему вопросу: «Правительство

¹ Правда. 1918. 16 (3) февраля.

² Там же.

³ Известия ЦИК. 1918. 19 (6) февраля; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 19 февраля; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 105.

⁴ См. там же.

⁵ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 105.

Российской Республики предполагает, что полученная нами телеграмма не исходит от тех лиц, которыми подписана, а имеет провокационный характер, так как если даже допустить прекращение перемирия со стороны Германии, то предупреждение об этом, согласно условиям перемирия, должно быть сделано за 7 дней, а не за два дня. Просим разъяснения недоразумения по радио»¹.

Для Троцкого заявление немцев о прекращении перемирия было, безусловно, неожиданным. Рассыпалась его «концепция» по вопросам войны и мира: немцы возобновляли военные действия, каких-либо оснований надеяться на пролетариат стран австро-германского блока не было, состояние армии было ниже всякой критики. Совнарком тогда же запросил Ставку о возможностях нашей армии отразить в случае чего наступление немцев и получил через Крыленко мнение военных специалистов: положение в войсках катастрофическое, армия неспособна даже просто находиться на позициях, фронта практически нет, в окопах и в тылу воспринимается любой мир в качестве избавления от всех лишений и страданий². Кстати, и сам главноверх запрашивал, как реагировать на возможное немецкое наступление, слухи о котором уже, как говорится, витали в воздухе³.

В такой обстановке вечером 17 (4) февраля и состоялось заседание ЦК РСДРП(б), обсуждавшее заявление германского военного командования о прекращении перемирия и возобновлении военных действий между австро-германским блоком и Россией⁴. На заседании присутствовали Бухарин, Ломов, Троцкий, Урицкий, Иоффе, Крестинский, Ленин, Сталин, Свердлов, Сокольников, Смилга — 11 человек. В ходе обсуждения Ленин предложил высказаться «за немедленное предложение Германии вступить в новые переговоры для подписания мира»⁵. Против выступили 6 человек — Бухарин, Ломов,

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 105.

² См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 80—81.

³ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 226—227; *Самойло А.* Две жизни. М., 1958. С. 196—197.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 260—261; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 226—229.

⁵ *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 81; *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 218.

Троцкий, Урицкий, Иоффе, Крестинский. За — 5 человек: Ленин, Сталин, Свердлов, Сокольников, Смилга.

Никто не высказался «за революционную войну»; Бухарин, Ломов и Иоффе от участия в голосовании по этому вопросу в такой его постановке отказались.

Все без исключения¹ высказались за то, чтобы «оказывать всяческое сопротивление в случае начала наступления со стороны Германии».

Видимо, Троцким² было внесено предложение «выждать с возобновлением переговоров о мире до тех пор, пока в достаточной мере не проявится германское наступление и пока не обнаружится его влияние на рабочее движение» в Германии и Австрии. За него голосовали Бухарин, Ломов, Троцкий, Урицкий, Иоффе, Крестинский. Против — Ленин, Сталин, Свердлов, Сокольников, Смилга.

Весьма симптоматичным было голосование по вопросу: «Если после наступления мы не предлагаем мира, объявляем ли состояние войны возобновленным?» Все на этот вопрос ответили отрицательно, кроме воздержавшихся Бухарина, Ломова, Ленина.

Все единогласно высказались за допустимость в принципе подписать мир «с империалистической Германией при известных условиях».

Многозначительным было голосование и по вопросу об ответе главковерху. На поставленный вопрос — «За сопротивление и уничтожение всего имущества и военных материалов, полезных для Германии и в случае нашего отступления» — положительно высказались Бухарин, Ломов, Троцкий, Урицкий и Иоффе, воздержались — Крестинский, Ленин, Свердлов, Сокольников и Смилга, не участвовал в голосовании Сталин.

Думается, что об определенном переломе настроений свидетельствовали и ответы на вопрос: «Если мы будем иметь как факт немецкое наступление, а революционного подъема в Германии и Австрии не наступит, заключаем ли мы мир?» В положительном смысле высказались Троцкий, Ленин, Сталин, Свердлов, Сокольников и Смилга, воздержались Бухарин, Ломов, Урицкий и Крестинский, и только один Иоффе голосовал против³.

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 228—229; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 194.

² См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 81.

³ См. там же. С. 81—82.

Итоги голосования являлись, конечно, партийной и государственной тайной. Для всеобщего сведения они не предназначались, в печати не публиковались. Известно, что запись голосования вел и Ломов, но он ее отослал тогда же в исполнительную комиссию Московского комитета РСДРП с припиской, что эти сведения секретные, что он сообщает их «под ответственность» узкого состава бюро партии с «требованием строжайшей тайны», что «особенно строго персонально кто как голосовал, ибо большинство голосовавших — члены правительства, и узнать результаты для Германии очень важно»¹.

Между тем события стремительно нарастали, и на следующий день, 18 (5) февраля, германское наступление стало фактом.

Уже с утра положение на фронте стало обостряться; Берлин не отвечал на телеграмму Троцкого. Поэтому еще до начала срока немецкого наступления ЦК РСДРП(б) вновь собрался на заседание². В нем участвовали Ленин, Троцкий, Свердлов, Смилга, Иоффе, Дзержинский, Зиновьев, Бухарин, Урицкий, Стасова, Ломов, Сокольников, Крестинский — всего 13 человек; с совещательным голосом присутствовал Равич.

Заседание началось с сообщения Троцкого о том, что над Двинском появились немецкие аэропланы, ожидается наступление германцев на Ревель, отмечено появление четырех немецких дивизий, переброшенных с Западного фронта, что немцы по радио мотивируют свое наступление необходимостью оградить народы Европы «от заразы с Востока». В его сообщении хотелось бы обратить внимание на то, что немцы нарушили перемирие, перебрасывая войска с Западного фронта на наш, а военное командование стран Антанты молчаливо поощряло немцев на бросок против России, прекрасно понимая, что их руками на Востоке будет делаться общее дело всех империалистов — поведется борьба против русской революции. И не случайно, конечно, в распространенных перед наступлением немецких прокламациях говорилось о том, что Германия идет спасать нашу страну, а в переданном

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 226.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 334—335, 486; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 195—196, 284; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 230—232.

по радио воззвании принца Леопольда Баварского к солдатам и народу подчеркивалось: «Исторической задачей Германии издавна было: установить плотину против сил, угрожавших с Востока... Теперь с Востока угрожает новая опасность: моральная инфекция. Теперешняя больная Россия старается заразить своей болезнью все страны мира. Против этого мы должны бороться»¹.

После выступления Троцкого Свердлов поставил вопрос: отложить или обсуждать сейчас создавшееся положение? Ломов высказался за то, чтобы отложить, Ленин, наоборот, за обсуждение, но ограничить число ораторов и время их выступления. При голосовании все согласились с тем, чтобы обсудить положение. Договорились также, что фракционными ораторами будут Троцкий и Бухарин, с одной стороны, Ленин и Зиновьев — с другой. Бухарин поднял вопрос о предоставлении возможности большему числу ораторов выступить, но Ленин был против этого, предлагая свести обсуждение к одному: посылать или нет телеграмму с предложением мира, и именно по этому вопросу высказаться «за» или «против». Это предложение Ленина было принято.

Троцкий выступил против посылки немцам телеграммы с предложением мира. Он мотивировал это тем, что массы только начинают «переваривать» происходящее, и «подписание мира теперь же внесет... сумбур в наши ряды». Троцкий говорил, что прекращение войны в Германии «было встречено с радостью», и поэтому «не исключена возможность, что германское наступление вызовет серьезный кризис» там. Он призывал « подождать эффекта», считая, что мир «еще можно» будет предложить, «если его не последует».

После Троцкого говорил Ленин, высказавшийся за предложение мира. Напомнив, что на предыдущем заседании ЦК партии «все признали необходимость мира, если движения в Германии не произойдет, а наступление будет», Ленин подчеркнул необходимость действовать. Он говорил, что «мы все будем за оборону», если империализм выступит против нас, и такую позицию сумеем объяснить народу, но если сейчас начнется наступление немцев, а «мы после этого будем разъяснять массам, то мы внесем больше путаницы», чем при ведении переговоров «о продлении перемирия». Нельзя терять «ни одного часа», заявлял Ленин.

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 232.

Против немедленного предложения мира выступил Бухарин. Его аргументы были следующие. Сославшись на то, что «неопределенность положения существует» не для нас, а для другой стороны, Бухарин говорил, что нам пока неизвестно, заключили ли немцы «союз с англичанами» и не шантажируют ли они нас. «Все это должно выясниться,— подчеркивал он,— в ближайшее время». И если это подтвердится, то у нас не будет другого выхода, и его поймут все, а «мы можем впоследствии начать переговоры», но сейчас «нужно развить оборону», заключал Бухарин.

За предложение Ленина высказался Зиновьев, заявивший, что «нужна политическая ясность, времени не отпущено, чтобы тянуть». Немцы сами не знают, «что будет завтра», говорил он, и поэтому рабочие Германии «не смогут нас упрекнуть», если мы возобновим переговоры. В случае наступления империализма, продолжал Зиновьев, мы все — за войну, а сейчас такая позиция только на руку германскому милитаризму. И поэтому, подытоживал он, может быть только одно решение — «возобновить переговоры».

После того как ораторы разных точек зрения по принятому на обсуждение вопросу высказались, на голосование было поставлено — «немедленно обратиться с предложением о возобновлении мирных переговоров». Большинством в один голос — 7 против 6 — оно было отклонено. Тогда же решили назначить следующее заседание на 14 часов 19 февраля.

В 12 часов дня 18 февраля немцы начали наступать. В 14 часов был занят Двинск (ныне город Даугавпилс); началось вторжение австрийцев на Украину¹. Поздно вечером на заседании Совнаркома обсуждается и создавшееся положение в связи с начавшимся днем наступлением германских войск². Уже в ночь с 18 на 19 февраля Ленин едет в Таврический дворец, где по этому же вопросу совещается с членами Президиума ВЦИК, а еще позднее заслушивает доклад командующего войсками Московского военного округа Н. И. Муралова о положении в округе³. Обстановка создавалась очень тревожной, времени на раскачку не было. И пришлось, не

¹ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 284; Правда. 1918. 19(6) февраля.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 262—263.

³ Там же. С. 263.

откладывая до 14 часов 19 февраля, как это было условлено, снова экстренно созывать заседание ЦК РСДРП(б)¹. На нем присутствовали Троцкий, Ленин, Урицкий, Стасова, Сокольников, Иоффе, Сталин, Крестинский, Зиновьев, Свердлов, Ломов, Бухарин, Смилга — всего 13 человек. Не было Дзержинского, который присутствовал на утреннем заседании, но был Сталин, не принимавший участия в совещании утром. С совещательным голосом присутствовал Стучка. Заседание проходило в острой полемике.

Доложив о взятии немцами Двинска и слухах о наступлении на Украину, Троцкий сказал, что если это подтвердится, то надо «обратиться в Вену и Берлин с запросом, чего они требуют». Все это опять было связано с потерей времени.

О необходимости действовать и принять сегодня же решение говорил Урицкий, но метод принятия этого решения был несколько странным: либо присоединить голоса двух отсутствовавших на утреннем заседании Муранова и Артема — сторонников подписания мира, либо утреннее «меньшинство» должно подчиниться «большинству».

Свердлов в принципе согласился с таким решением вопроса, делая упор на то, что «можно причислить голоса тех, кто отсутствует, ибо их отношение известно». Предложение Троцкого вызвало у него сомнение, поскольку до утра, по мнению Свердлова, «ждать невозможно», и «если принимать решение, то нужно его принять немедленно».

За возобновление переговоров высказался Сталин.

Взявший слово Ленин прежде всего подчеркнул, что решается коренной вопрос, и «предложение Урицкого удивительно». Напоминая, что ЦК партии уже проголосовал 17 февраля против революционной войны, Ленин заметил, что мы на деле «не имеем ни войны, ни мира и втягиваемся в революционную войну», с которой нельзя шутить. «Теперь невозможно ждать,— говорил Ленин,— ибо положение определено вполне». Теперь средние решения невозможны, равно как и «никакие оттяжки», «прощупывать» немцев поздно, а запрашивать их — значит терять время, и это не политика. Или революционная война, на которую у нас нет ни сил, ни средств, ни

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 263; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 233—240; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 336—338, 486—487.

чего, или возобновление переговоров. В заключение Ленин сказал: «Теперь на карту поставлено то, что мы, играя с войной, отдаем революцию немцам. ...спорить против сторонников революционной войны невозможно, но против сторонников выжидания можно и должно. Нужно предложить немцам мир».

За то, чтобы обороняться, если немцы наступают, высказался Урицкий.

Выступивший Иоффе говорил, что делать ставку на «германскую революцию еще не поздно». Он сказал, что не верил в наступление немцев, но, когда это стало фактом, полагает, что «теперь они не согласятся на прежний мир». По мнению Иоффе, обязательно подписывать мир надо тогда, когда войска бегут в панике, а народ требует мира, но раз этого, как он считал, нет, то «мы по-прежнему должны бить на мировую революцию», ибо «ясно, что, раз у них революции не будет, они заберут больше, а если будет, то нам все вернется». Эта позиция оратора, мыслившего «мировыми категориями», была очень далека от конкретной обстановки в стране, от положения дел на фронте и в тылу.

Вновь взявший слово Троцкий, не соглашаясь с доводами Ленина, назвал «игрой с войной» то, что мы в течение двух месяцев, «не имея военной силы, тянули переговоры, вызвали движение в Берлине и Вене и восстановили против себя немцев». Троцкий предложил «затребовать формулированные немецкие требования с обязательством дать ответ в определенный срок». Надо сказать, что это был уже определенный шаг к конкретному предложению.

Несогласие с несколько теоретизированными поисками Троцким выхода из положения выразил Сталин, подчеркнувший одновременно необходимость «все взвесить и сказать, что мы за возобновление мирных переговоров».

Бухарин начал свое выступление с заявления о том, что «события развиваются так, как... мы предвидели» и наше прощупывание империализма «уже имеет свои результаты». Он говорил, что немцам сейчас «нет смысла принимать мир», что если они и «возьмут Питер», то у нас еще «не исчерпаны» все социальные возможности — «мы можем и мужиков натравить» на них. Подчеркивая, что мы должны проводить нашу старую тактику «мировой революции», Бухарин указывал также, что «немцы теперь потребуют сдачи всех наших социально-революционных позиций».

Возражая против тезиса Бухарина о крестьянской войне, Ленин сказал, что тот и не заметил, как «перешел на позицию революционной войны», на которую крестьянин не пойдет и «сбросит всякого, кто открыто это скажет». Если мы хотели такой войны, говорил Ленин, тогда незачем было демобилизовывать армию. Но мы не готовы к революционной войне и «должны подписать мир». «Революция не потеряна», подчеркивал он, даже если немцы «возьмут Лифляндию и Эстляндию» и «потребуют вывода войск из Финляндии». И в этой связи Ленин сказал: «Я предлагаю заявить, что мы подписываем мир, который вчера нам предлагали немцы; если они к этому присоединят невмешательство в дела Украины, Финляндии, Лифляндии и Эстляндии,— то и это надо безусловно принять». Ленин продолжает настойчиво вести линию на то, чтобы, не теряя ни одного часа, поскольку германские силы уже начали продвижение в глубь нашей территории, немедленно, во избежание худшего, о котором он предупреждал и которое начало подтверждаться, принять немецкие условия мира.

Но убедить в своей правоте противников немедленного заключения мира с немцами Ленину было нелегко. Необходимо «отдать приказ с призывом всех под революционные знамена», вторил Бухарину Ломов. Даже если «у нас возьмут ряд городов», заявлял он, мы должны продолжать «с максимальной энергией развивать нашу тактику развязывания революции».

Резкая постановка вопроса о необходимости заключить мир любой ценой, то есть, по сути дела, принять решение о судьбе революции, нелегко давалась каждому оратору. Зиновьев, например, выражая опасение относительно того, что немцы пойдут на подписание мира, который они предлагали раньше, говорил о важности сегодня же послать им по этому поводу телеграмму. И в то же время он подчеркивал, что согласен на мир, если немцы потребуют «только Лифляндию», но будет трудно решать вопрос, если они станут настаивать на «выдаче украинских рабочих».

На этом прения прекратились. И здесь Троцкий несколько иначе сформулировал свое первоначальное предложение: «не требовать перемирия, но запросить, чего они требуют». Был поставлен вопрос: «Следует ли немедленно обратиться к немецкому правительству с предложением немедленного заключения мира?» 7 человек высказались положительно: Ленин, Смилга, Сталин,

Свердлов, Сокольников, Троцкий, Зиновьев. 5 были против: Урицкий, Иоффе, Ломов, Бухарин, Крестинский; к ним присоединяется Дзержинский, Стасова воздержалась.

Поступает предложение дать точную формулировку принятого решения, а также «немедленно выработать текст обращения к немецкому правительству». При согласовании принципиальных положений радиотелеграммы немцам свои предложения высказывали Крестинский, Сталин, Ленин, Урицкий, Бухарин, Стучка, Зиновьев, Сокольников, а по процедуре голосования выступали Ленин и Троцкий. Договорились, что телеграмма будет включать в себя три момента, за каждый из которых голосовали. Всеми, кроме двух воздержавшихся, было принято, чтобы обращение содержало в себе протест против действий Германии. Аналогичные результаты были и при голосовании за включение в текст телеграммы положения о том, что мы вынуждены подписать такой мир. И, наконец, при голосовании положения «подписать старые условия мира с указанием, что нет отказа от принятия худших предложений» за него высказалось 7 человек, 4 против и 2 воздержались.

Текст радиотелеграммы было поручено составить Ленину и Троцкому; предложение подключить к ним Иоффе было отклонено. Решили, что обращение к немцам будет сейчас же послано по радио. Договорились также, что о принятом решении будет сообщено руководству левых эсеров, направив с этой целью к ним Свердлова. Было внесено и предложение, чтобы решение по этому вопросу ЦК двух входящих в правительство партий — большевиков и левых эсеров — принять за решение Совнаркома, то есть посылать телеграмму от имени правительства.

Была уже глубокая ночь 19 февраля, когда радиотелеграмма СНК в Берлин правительству Германской империи была составлена, но ее, как это решили, надо было согласовать с руководством левых эсеров, а счет уже шел на часы. Сразу же после заседания ЦК РСДРП(б) состоялось совместное заседание двух ЦК партий — большевиков и левых эсеров. Вот что писал об этом заседании орган МК РСДРП(б) «Социал-демократ» 20 февраля: «Вначале заседания происходили отдельно, потом было устроено совместное заседание. Выяснилось два течения: одно за то, что Россия воевать не может и что необходимо подписать мир на тех условиях, которые нам диктуют, но это течение оказалось в меньшинстве.

Большинство стояло на той точке зрения, что революция русская выдержит новое испытание; решено сопротивляться до последней возможности».

На этом заседании, как видно из сообщения газеты, вопрос о посылке телеграммы не обсуждался и речь шла об отношении вообще к проблеме мира и войны, о чем, кстати, свидетельствовало и первое же предложение этой информации — «Война или мир». Очевидно, поэтому пришлось тут же поставить вопрос о посылке телеграммы немцам на обсуждение объединенного заседания фракций большевиков и левых эсеров ВЦИК, где Ленин в течение двух часов доказывал, что «для России выхода нет, что необходимо немедленно заключить сепаратный мир», что надо какой бы то ни было ценой освободить русскую революцию от империалистической войны¹. Но и это совещание не решило вопроса относительно посылки телеграммы, равно как и сразу же созванные затем отдельные заседания фракций².

Было уже около 4 часов утра 19 февраля, когда созвали экстренное заседание Совнаркома³. Ленин говорил на нем, в частности, и о том, что германским войскам необходимо оказывать сопротивление, каким бы слабым оно ни было⁴. После острых прений незначительным большинством было принято решение послать сообщение германскому правительству о нашем согласии подписать мир⁵. Шел 7-й час утра, когда заседание Совнаркома закрылось, и в 8 часов утра радиотелеграмма через Царскосельскую радиостанцию ушла в эфир⁶.

В ней СНК выражал протест по поводу того, что германское правительство двинуло свои войска против нашей республики, «объявившей состояние войны прекращенным и начавшей демобилизацию армии на всех фронтах»⁷. В радиোগрамме указывалось, что наше правитель-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 340; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 84—85.

² См. там же. С. 85.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 263—264.

⁴ См. там же. С. 264.

⁵ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 86.

⁶ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 264; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 86.

⁷ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 240; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 106; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 339; Правда. 1918. 20 (7) февраля; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 20 февраля; Известия ЦИК. 1918. 20 (7) февраля.

ство «не могло ожидать такого шага уже по тому одному, что ни прямо, ни косвенно ни одна из находившихся в состоянии перемирия сторон не предупредила» о его прекращении за 7 дней, «как это обязались сделать обе стороны» по соответствующему соглашению. Наконец, в ней говорилось, что Совнарком «видит себя вынужденным при создавшемся положении заявить о своем соглашении подписать мир на тех условиях, которые были предложены» нам в Брест-Литовске, и подчеркивалось также, что «ответ на точные условия мира, предлагаемого германским правительством, будет дан безотлагательно». Радиотелеграмма была подписана председателем СНК Ульяновым-Лениным и наркомом по иностранным делам Троцким.

19 февраля нашим войскам, находящимся на фронте, отдается распоряжение «оказывать сопротивление разбойничьему набегу и в случае необходимости очистить ту или иную позицию, уничтожать все имущество»¹. Утром Ленин в ответ на запрос председателя Совета города Дрисса, как поступать в случае приближения немцев, направляет телеграмму следующего содержания: «Оказывайте сопротивление, где это возможно. Вывозите все ценное и продукты. Остальное все уничтожайте. Не оставляйте врагу ничего. Разбирайте пути — две версты на каждые десять. Взрывайте мосты»². В 10 часов утра Ленин созывает экстренное совещание, на котором обсуждается сообщение, полученное председателем Комитета по борьбе с погромами В. Д. Бонч-Бруевичем о готовящемся выступлении германских военнопленных против Советской власти³. Подвойский обратился ко всем районным Советам Петрограда зарегистрировать живущих в столице военнопленных, одновременно предупредив, чтобы это не привело к каким-либо эксцессам «против несчастных жертв войны», среди которых «тысячи наших братьев — сознательных рабочих»⁴.

Органы советской массовой информации начинают с этого дня комментировать начавшееся германское наступление. Все газеты единодушно квалифицировали на-

¹ Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 19 февраля; Известия ЦИК. 1918. 19 (6) февраля; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март. 1918 г. С. 284.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 45; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 264.

³ См. там же.

⁴ Известия ЦИК. 1918. 19 (6) февраля.

ступление немцев без предупреждения о прекращении перемирия за 7 дней как разбойничью акцию против Советской власти, против революции. В печати подчеркивалось, что во все предшествующие дни германские представители в Брест-Литовске и в Петрограде делали заявления в смысле продолжения состояния перемирия¹.

Вместе с тем газеты на своих страницах отражали и различные точки зрения на создавшуюся обстановку. Открывая военные действия против нас, писала «Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот», милитаризм восстанавливает против себя «рабочий класс Германии, который знает, что единственное спасение для него заключается в перенесении русской революции на германскую почву»². Германские империалисты на равнинах России «хотят заблаговременно нанести решительный удар революционным стремлениям австрийских, венгерских и германских крестьян и рабочих», подчеркивали в свою очередь «Известия ЦИК» и вопрошали, поймут ли это последние и протянут ли «руку своим братьям в России»?³ Нам нужно для успеха той же немецкой революции, заявляла «Правда», чтобы «социалистическая власть утвердилась в России, чтобы здесь были сооружены неприступные окопы международной социалистической революции», но «если господам Гофманам угодно будет в ответ на наше заявление о мире объявить нам открытую войну во имя восстановления царей, дворян и банкиров — мы будем драться до последней пули и до последнего человека!»⁴.

Вечером 19 февраля, около 20 часов, был получен ответ Германии на запрос Троцкого от 16 февраля по поводу прекращения перемирия⁵. В нем говорилось, что «Германия считает перемирие прерванным и возобновляет военные действия против Российской Республики»⁶. Это официальное уведомление в условиях уже начавшего наступления немцев было пустой формальностью. Тогда же наркоминдел Троцкий направил телеграмму министру иностранных дел Австро-Венгрии графу Чер-

¹ См.: Известия ЦИК. 1918. 19 (6) февраля; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 19 февраля.

² Там же.

³ Известия ЦИК. 1918. 19 февраля.

⁴ Правда. 1918. 20 (7 февраля).

⁵ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 106; Известия ЦИК. 1918. 20 (7) февраля.

⁶ Там же.

нину¹. Считает ли себя Австро-Венгрия также в состоянии войны с Россией, говорилось в ней, и «если нет, то считает ли Австро-Венгерское Правительство возможным приступить к практическому осуществлению выработанных в Петрограде соглашений»²? Представляется, что эта наша телеграмма в Вену была вызвана позицией Австро-Венгрии, которая в эти недели и дни не во всем была согласна с Германией при проведении последней политики в отношении России³. Это было своего рода «прощупывание» настроений в правящих кругах Австро-Венгерской монархии, переживавшей серьезные политические и экономические трудности.

Вечером же 19 февраля Ленин лично принимает и записывает текст радиотелеграммы генерала Гофмана, которая была передана Владимиру Ильичу по телефону из Царского Села; это был ответ германского верховного главнокомандования на телеграмму СНК о согласии подписать мир, которая утром отсылалась нами в Берлин⁴. В германском ответе говорилось что радиотелеграмма от СНК была получена 19 февраля и в 8 часов 12 минут передана правительству в Берлин⁵. Вместе с тем немцы заявляли, что радиотелеграмма не может рассматриваться в качестве официального документа, что таковым он может быть только в письменной форме и соответствующим образом подтвержденный⁶. В этой связи Гофман предлагал нам направить специального курьера с документом в Двинск, к немецкому коменданту⁷. В качестве такого посыльного поздно вечером выбирают В. М. Турчана, которого рекомендует главноверх Крыленко, и в его присутствии Ленин поручает Турчану поехать в Двинск с таким документом, а также с целью выяснения возможности возобновления прерванных переговоров о мире⁸. Уже наступило 20 февраля, когда курь-

¹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 107; Известия ЦИК. 1918. 19 февраля.

² Там же.

³ См.: Правда. 1918. 22 (9) февраля.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 265; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 87.

⁵ См. там же.

⁶ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 87; *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 221.

⁷ См. там же.

⁸ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 265.

ер с официальным посланием СНК выехал из Петрограда¹.

А немцы продолжали расширять военные действия. Как сообщала иностранная печать, одностороннее заявление Троцкого в Брест-Литовске о выходе из войны и демобилизации армии ничем не связывало страны австро-германского блока². 19 февраля австро-германские войска заняли Минск, Луцк, Ровно³. Председатель армейского комитета 12-й армии Нахимсон сообщал в этот день, что предложение «отступить только с боем сочувствием не пользуется»⁴. Войска противника вторглись на Украину, делая это по «просьбе» уже несуществующей, но продолжающей активно «действовать» Рады, представители которой обратились в эти дни из Брест-Литовска с декларацией к Германии⁵. В ней заявлялось: «Русские большевики... предпринимают священную войну против украинских социалистов. Разнузданные банды красногвардейцев напирают с севера на нашу страну. ...Мы глубоко убеждены в том, что любовь германского народа к миру и порядку поможет нам против наступления наших северных соседей. Мы говорим это в тяжелые часы, и мы знаем, что наш голос будет услышан»⁶.

И этот голос Рады был действительно услышан. Большая часть из двинувшихся в глубь нашей территории 50 немецких дивизий общей численностью в 600 тысяч штыков⁷ шла по украинской земле в сопровождении контрреволюционных сил буржуазных националистов. Выступая 19 февраля в рейхстаге с докладом о мирном договоре с Радой и об итогах мирных переговоров в Брест-Литовске, Кюльман заявлял, что Германия не может, дескать, доверять миролюбию России и что возобновление военных действий против нее усилит расположение Петрограда к миру⁸. Утром 20 февраля Совнарком обсуждает положение на фронте — докладывают Крыленко и Альтфатер — и правительство принимает

¹ См.: Правда. 1918. 21 (8) февраля.

² См. там же.

³ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 284.

⁴ Известия ЦИК. 1918. 21 (8) февраля.

⁵ См. там же. 1918. 19 февраля.

⁶ Там же.

⁷ См.: Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 21 февраля.

⁸ См.: Правда. 1918. 22 (9) февраля.

ряд мер по организации обороны страны, Петрограда¹. Был создан Временный Исполнительный Комитет Совнаркома для обеспечения непрерывности работы правительства, в который вошел и Ленин. СНК решил обратиться к стране с воззванием. Документ «К трудящемуся населению всей России» был принят созданным Временным Исполнительным Комитетом СНК в 2 часа ночи 21 февраля и утром опубликован в печати². Его смысл — у России нет иного выхода в создавшихся условиях, кроме как согласиться на подписание сепаратного аннексионистского мира. В нем, в частности, подчеркивалось: «Мы ждем предъявления германских условий и готовы на величайшие жертвы, чтобы обеспечить нашему истощенному народу возможность справиться с ужасающими последствиями войны и выйти на дорогу социалистического развития. ...Мы хотим мира, мы готовы принять и тяжкий мир, но мы должны быть готовы к отпору, если германская контрреволюция попытается окончательно затянуть петлю на нашей шее. ...Пусть знают наши враги — извне и внутри, — что завоевания революции мы готовы отстаивать до последней капли крови»³.

Во исполнение решений СНК оперативно создаются соответствующие органы по организации обороны страны и Петрограда. В столице 20 февраля за подписями Подвойского, Склянского и Крыленко организуется Чрезвычайный штаб Петроградского военного округа в составе Влад. Бонч-Бруевича, В. Василевского, К. Еремеева, М. Лашевича, К. Юренева; в качестве представителя Наркомвоена в него вошел К. Мехоношин⁴. 21 февраля создается Комитет революционной обороны, который возглавил Свердлов; в него вошли Володарский, Урицкий, Подвойский, Еремеев и Гусев⁵. В тот же день Петроград объявляется на осадном положении⁶. Проис-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 267; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 107—109; Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 167; Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 222; Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 87; Известия ЦИК. 1918. 21 (8) февраля; Правда. 1918. 21 (8) февраля; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 21 февраля.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 268.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 108, 109.

⁴ См.: Правда. 1918. 21 февраля; Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 222.

⁵ См.: Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 167.

⁶ См.: Правда. 1918. 21 февраля.

ходит формирование рабочих и красногвардейских отрядов, спешно направляемых навстречу германским силам. Перед одним из таких отрядов, который состоял из латышских стрелков и по просьбе Ленина собрался днем 20 февраля в актовом зале Смольного, выступает на немецком языке Владимир Ильич Ленин, разъяснивший бойцам создавшуюся обстановку¹.

Принятие мер по организации обороны происходило в обстановке резкого обострения разногласий в руководстве партии относительно оценки момента. Утром 20 февраля состоялось экстренное заседание Московского комитета РСДРП(б), обсудившее согласие Совнаркома подписать мир на предъявленных Германией условиях². В принятой резолюции решение СНК было названо «вредным для дела мировой революции», и Московский комитет настаивал на пересмотре Совнаркомом «принятого решения и на отказе от него»³.

А немцы продолжали наступать. 20 февраля был занят Полоцк, германские отряды нацеливались на Оршу, Режицу, Вольмар, Верден, Гапсаль, Ревель, Нарву, Псков, Петроград⁴. Наши части почти повсеместно отходили без боя, во многих местах царила паника, враг захватывал немало складов с вооружением, обмундированием, продовольствием, другими материальными средствами. Газеты писали, что немцы наступают небольшими и часто сводными отрядами с выдвинутыми вперед разведчиками, что все это подкрепляется ударными группами, что на Северном фронте отступающие силы стягиваются к Пскову, а железнодорожные пути между Двинском и ближайшими станциями взорвать не удалось, что в целом немцы продвигаются весьма осторожно и имеются случаи отказа их солдат идти в наступление⁵.

Немцы двигались в глубь страны, а ответа на наше согласие подписать мир на предъявленных условиях все не было. Враг использовал время для продвижения вперед. Были получены сведения, что петроградский курьер, отправившийся с наступлением 20 февраля в путь,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 342.

² См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 293.

³ Там же.

⁴ См.: Правда. 1918. 22 (9) февраля; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март. 1918 г. С. 284—285.

⁵ См.: Правда. 1918. 21 (8) и 22 (9) февраля.

только вечером того же дня сумел выехать на автомобиле из Режицы в Двинск¹.

Согласие Совнаркома на подписание мира в соответствии с предъявленными Германией условиями в Брест-Литовске после того, как наша делегация там во главе с Троцким сделала совершенно другое заявление, вызвало огромный резонанс во всех политических партиях и группах, включая большевиков. Таврический дворец, где разгорались дискуссии во фракциях ЦИК, бурлил весь день 20 февраля. В 19 часов открылось заседание большевистской фракции, на котором с длинной речью выступил К. Радек, призывавший объявить «священную войну» немцам². Выступавший на заседании Крыленко, который говорил о полном развале фронта и неспособности армии остановить продвижение немцев, подчеркивал, что единственный для нас спасительный выход заключается в немедленном подписании мира³. Страсти подогревались отсутствием ответа от немцев и каких-либо сообщений от посланного к ним нашего курьера. К 23 часам 20 февраля расстановка сил в большевистской фракции ЦИК была такова, что большинство ее склонялось к отказу пойти на заключение аннексионистского мира⁴. Поддерживая позицию Совнаркома, «Известия ЦИК» писали на следующий день, что мало захватить власть, ее нужно еще сохранить, и, «спасая свою русскую революцию, сохраняя этот оазис социализма в капиталистическом мире, трудящиеся массы нашей страны спасают очаг мировой революции»⁵. И далее газета подчеркивала, что «мы должны принять сражение тогда, когда это будет выгодно нам, а не нашим классовым врагам», что, используя противоречия империалистов, мы с заключением мира получим «временную отсрочку, чтобы продолжать борьбу с голодом и разрухой, чтобы довести до конца дело социалистического преобразования России». Но если нас попытаются сейчас задушить, резюмировали «Известия ЦИК», мы будем сражаться до конца⁶.

Параллельно с собранием большевистской фракции

¹ См.: Правда. 1918. 21 (8) и 22 (9) февраля.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 284; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 88.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

⁵ Известия ЦИК. 1918. 21 (8) февраля.

⁶ См. там же.

проходило в этот день заседание фракции левых эсеров ЦИК, их ЦК. С. Д. Мстиславский, П. П. Прошьян, А. Л. Колегаев и другие левые эсеры выступили против заключения грабительского мира¹. С резкими нападками на позицию Совнаркома, на политику большевиков обрушивались другие политические партии — правые эсеры, меньшевики, анархисты, их органы печати.

21 февраля «Правда» за подписью Карпова публикует статью под заголовком «О революционной фразе»; после почти полуторамесячного «молчания» Ленин начинает открытую борьбу в печати за заключение мира². Внутрипартийная дискуссия по вопросу о мире выносилась на страницы газет, в массы. Разъясняя ошибочность позиции сторонников революционной войны, выступающих против заключения аннексионистского мира, Ленин подчеркивал, что они толкают партию на опасную авантюру, поскольку наша страна не имеет главного — армии, и все призывы к революционной войне «есть пустейшая фраза, за которой ничего реального, объективного нет»³. «Чувство, пожелание, негодование, возмущение — вот единственное содержание этого лозунга в данный момент»⁴, — подчеркивал Ленин. Говоря о пагубности такой политики для нашей революции, Ленин указывал и на то, что сторонники революционной войны сами лезут в западню англо-французской буржуазии, стремящейся задушить руками германских империалистов Советскую власть. Он писал: «Англо-французская буржуазия ставит нам западню: идите-ка, любезные, воевать теперь, мы от этого великолепно выиграем. Германцы вас ограбят, «заработают» на Востоке, дешевле уступят на Западе, а кстати Советская власть полетит... Воюйте, любезные, «союзные» большевики, мы вам поможем!»⁵

Утром 21 февраля никаких известий от советского курьера и от немцев, продолжавших продвигаться вперед, не поступало. В 12 часов 20 минут Ленин посылает телефонограмму в Исполнительную Комиссию ЦК РСДРП(б) и во все райкомы партии столицы, которая гласит: «Советуем, не теряя ни часа, поднять на ноги всех рабочих, чтобы, согласно решениям Петроград-

¹ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 88.

² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 345—353; *Правда*. 1918. 21 февраля.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 345.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 352—353.

ского Совета, имеющим быть принятыми сегодня вечером, организовать десятки тысяч рабочих и двинуть поголовно всю буржуазию до одного, под контролем этих рабочих, на рытье окопов под Питером. Только в этом спасение революции. Революция в опасности. Линию окопов дадут военные. Готовьте орудия, а главное организуйтесь и мобилизуйтесь поголовно»¹.

Днем поступает сообщение из района Ревеля о продвижении германских войск, и туда немедленно за подписью Ленина и Сталина направляется телеграмма, в которой говорится о важности «опрокинуть» противника, а «если это трудно сделать, испортить все дороги, произвести ряд партизанских набегов с тем, чтобы не дать врагу укрепиться на материке»². Готовя Петроград, страну к обороне против немцев, Ленин принимает участие в составлении правительственного декрета-воззвания «Социалистическое отечество в опасности!»³. В нем всем Советам и революционным организациям вменялось «в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови»⁴. В ночь с 21 на 22 февраля Совнарком утверждает это воззвание и оно передается в ПТА для немедленного распространения по всей стране; утром 22 февраля декрет публикуется в «Правде» и «Известиях ЦИК», а затем выпускается и отдельным листком; газета «Правда» выходит в этот день с призывом «К оружию!» и помещает воззвание главковерха Крыленко «Все к оружию! Все на защиту революции!»⁵.

21 февраля немцы заняли Оршу и Режицу. Режицу в 16 часов 30 минут взял немецкий разезд на четырех грузовых автомобилях и отряд мотоциклистов⁶. Поступали также сообщения, что сторонники Рады сеют панику на фронте 7-й и 11-й наших армий в районах Ровно — Луцк — Сарны⁷. Во второй половине дня Ленин принимает руководителя американской миссии Красного Креста полковника Р. Робинса, который в беседе сообщает о решении дипломатического корпуса выехать из Петро-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 354.

² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 269.

³ См. там же.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 357.

⁵ См. там же. С. 488; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 270; Правда. 1918. 22 (9) февраля.

⁶ См. там же. 1918. 23 (10) февраля.

⁷ См. там же.

града¹. В субботу 23 февраля «Правда» сообщит, что сегодня в 14 часов экстренным поездом из Петрограда в глубь России выедут посольства Японии и США, миссии Китая, Сиам и Бразилии — всего 150 человек; они едут в Вятку или в Вологду, а если потребуется, то в Сибирь и даже во Владивосток; каких-либо документов на выезд из России дипломаты не испрашивали, кроме удостоверений, обеспечивающих им безопасность проезда². Однако из Петрограда захотели выехать не все дипломаты. Так, спустя несколько дней представители Персии, Сербии и некоторых других стран заявили, что покинут Петроград только в том случае, если Совнарком изберет местом своего пребывания новую резиденцию³.

21 февраля в 22 часа Свердлов открыл экстренное заседание ЦИК⁴. Доложив о развитии событий после перехода немцев в наступление, он сказал, что обращение Совнаркома по радио к Германии с предложением о мире не расходилось с решениями III съезда Советов. Свердлов предупредил, что если немцы и дадут ответ, то он, вероятно, будет тяжелым для нас, но иного пути спасти Советскую республику нет, кроме как заключить мир. Свердлов предложил принять резолюцию доверия правительству, одобряющую «все мероприятия Совнаркома, направленные к заключению мира» и выражающую уверенность, что для защиты отечества будут сплочены все силы⁵. 150 членов ВЦИК присутствовало на этом заседании, и предложенная Свердловым резолюция была принята подавляющим большинством голосов при 6 против и отказе части представителей правых сил от участия в голосовании⁶.

В этот же день вечером проходило заседание Петросовета⁷. Его открыл Лашевич. С докладом о текущем моменте выступил Зиновьев. Он говорил, что при отъезде в последний раз нашей делегации в Брест-Литовск мы были склонны принимать события в Австрии и Германии «за последний, решающий бой», что такого же мнения была и наша делегация, которая благодаря этому

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 270.

² См.: Правда. 1918. 23 (10) февраля.

³ См.: Известия ЦИК. 1918. 5 марта.

⁴ См.: Правда. 1918. 22 (9) февраля.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же; *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 223.

⁷ См.: Правда. 1918. 22 и 23 (9 и 10) февраля.

и «избрала последний путь». Однако мы ошиблись в оценке событий в Австрии и Германии, говорил Зиновьев, и это, по словам Троцкого, был «не девятый вал, а только первый». Мы ошиблись и в том, продолжал Зиновьев, что «немцы не пойдут в наступление после нашего последнего шага». Телеграмма Совнаркома Германии с предложением мира, подчеркивал докладчик, продиктована заботами о русской и международной революции, стремлением получить передышку. Оценив действия СНК как неизбежные и правильные при создавшейся обстановке, Зиновьев призвал одобрить курс правительства. Выступавший Крыленко говорил о полном развале армии и ее неспособности остановить немцев¹. После бурных прений, в ходе которых правые эсеры, меньшевики и левые эсеры резко критиковали политику правительства, Петросовет большинством голосов принял резолюцию, одобрявшую линию Совнаркома на заключение мира².

Поздно вечером 21 февраля Ленин участвует в совещании членов правительства с военными специалистами относительно обороны Петрограда; тогда же впервые обсуждалась возможность принятия помощи от стран Антанты, против чего выступили левые эсеры, и вопрос был отложен до его проработки сначала руководствами двух входящих в правительство партий³.

22 (9) февраля «Правда» писала: или немцы согласятся возобновить переговоры, или они отклонят наше предложение, и тогда война неизбежна. В тот момент еще не было известно, что 21 февраля германское правительство в ответ на обращение СНК утвердило условия, на которых оно было готово вступить с нами в мирные переговоры⁴. Они были разработаны в Берлине и подписаны Кюльманом⁵. Но это станет известно нам позже, в конце дня. А пока немцы продолжали наступать и в этот день взяли Вольмар, Верден, Гапсаль. Положение становилось все более тревожным. В ответ на запрос комиссара почт и телеграфов Москвы В. Н. Подбельского относительно поступивших к ним сообщений,

¹ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 89.

² См. там же. С. 89—90; *Правда*. 1918. 22 (9) февраля.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 270; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 91.

⁴ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. С. 285; *Чубарьян А. О.* Брестский мир. С. 170.

⁵ См.: *Правда*. 1918. 24 (11) февраля.

будто бы Австро-Венгрия отказалась воевать с Советской Россией, Ленин по прямому проводу передает: «Проверенных новых сведений не имею, кроме того, что немцы, вообще говоря, продвигаются вперед неуклонно, ибо не встречают сопротивления. Я считаю положение чрезвычайно серьезным и малейшее промедление недопустимо с нашей стороны. Что касается сообщения о неучастии Австро-Венгрии в войне, то я лично, в отличие от Троцкого, не считаю это сообщение проверенным, говорят, перехватили радио и были телеграммы об этом из Стокгольма, но я таких документов не видал»¹.

В этот день руководство партии большевиков обсудило возможность приобретения оружия и продовольствия у держав Антанты для организации отпора германской агрессии². Вопрос был принципиальным: речь шла о том, возможно ли вообще социалистическому государству вступать в какие-либо соглашения с империалистами. Другими словами, дело касалось и будущего нашей страны, ее «нахождения», так сказать, не в вакууме, а в окружении капиталистических стран.

На заседании ЦК РСДРП(б) 22 февраля по этому вопросу присутствовали Троцкий, Ломов, Крестинский, Дзержинский, Смилга, Иоффе, Сокольников, Бубнов, Бухарин, Свердлов, затем подошел и Урицкий — всего 11 человек; Ленин знал о заседании, но присутствовать на нем не смог; с совещательным голосом был Пятаков³.

Троцкий, доложив о предложениях французов и англичан содействовать нам в войне с немцами, зачитал на этот счет ноту французской военной миссии. Надо сказать, что переговоры с союзниками о снабжении ими русской армии оружием, снаряжением и транспортными средствами, об оказании помощи инструкторами начались сразу же после победы социалистической революции; в своих воспоминаниях об этом пишут Садуль и Робинс, представлявшие в эти годы в нашей стране французские и американские интересы соответственно⁴.

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 270—271; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 365, 489.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 271; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 243—246.

³ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 243—246; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 415.

⁴ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 246.

Свердлов предложил отклонить французскую ноту без прений, и это было принято. Бухарин доказывал, что вообще «недопустимо пользоваться поддержкой какого бы то ни было империализма»¹. В свою очередь Иоффе, оставаясь на позициях революционной войны, считал, что в интересах «борьбы за мир» важно противодействовать немцам и «незачем чрезмерно перегибать палку», что «надо принять все» необходимое для нашей борьбы с врагом². Ломов считал недопустимым использовать поддержку империалистов, ибо все равно «фактической помощи не получится», а Крестинский, предложив в принципе отклонить предлагаемую помощь, выступил за то, чтобы решать этот вопрос в каждом конкретном случае; предложение Бубнова о прекращении прений не принимается³.

Троцкий, не соглашаясь с доводами Бухарина, говорил, что «государство принуждено делать то, чего не сделала бы партия», и «если мы ведем революционную войну, то мы должны пользоваться поддержкой Франции и Англии»⁴. Заявив, что он противник подписания мира, Дзержинский сказал, что он в то же время и «самый решительный противник точки зрения Бухарина»⁵.

Вновь выступивший Свердлов сказал, что в принципе нет возражений против помощи империалистов, но «нецелесообразно принимать поддержку англичан и французов», которые дискредитировали себя в глазах России; с этой точкой зрения согласился и Смилга⁶. Вторично взял слово для защиты своего мнения «о недопустимости использования поддержки империалистов» Бухарин⁷. Последнему возразил Сокольников, сказав, что «получение помощи от империалистов ни к чему нас не обязывает», что вообще такие вопросы надо решать конкретно; за неприемлемость использовать помощь империалистов высказался Урицкий, подчеркивая, что «мы забыли о мировой революции»⁸. Империалисты хотят использовать нас «в своих интересах», говорил Бубнов, поддер-

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 243.

² См. там же. С. 243—244.

³ См. там же.

⁴ Там же. С. 244.

⁵ Там же.

⁶ См. там же.

⁷ См. там же.

⁸ Там же. С. 244—245.

живая эту точку зрения, и «это вовлекает нас в такое положение, когда наш интернационализм идет на-смарку»¹.

В третий раз взявший слово Троцкий сказал, что «право защищать отечество для социалиста является тогда, когда он становится у власти», что если мы сражаемся, то должны делать это хорошо, и «грош цена нашей диктатуре», если мы боимся «инструкторов»; в заключение Троцкий сделал заявление, что «снимает с себя звание Народного комиссара по иностранным делам»². Надо полагать, что в какой-то мере Троцкий признавал тем самым свою ответственность за допущенный им в Брест-Литовске, как главой советской мирной делегации, просчет в оценке возможности немецкого наступления после нашего заявления от 28 января (10 февраля).

Тогда Бухарин внес конкретное предложение: «ни в какие соглашения относительно покупки оружия, использования услуг офицеров и инженеров с французской, английской и американской миссиями не входить»³. В ответ вносит предложение Троцкий: «Как партия социалистического пролетариата, стоящего у власти и ведущего войну с Германией, мы через государственные учреждения принимаем все средства к тому, чтобы наилучшим образом вооружить и снабдить нашу революционную армию всеми необходимыми средствами, а для этого добыть их там, где возможно, следовательно и у капиталистических правительств»⁴. И заканчивалось его предложение тем, что наша «партия сохраняет полную независимость своей внешней политики, не дает капиталистическим правительствам никаких политических обязательств и в каждом отдельном случае рассматривает их предложения под углом зрения целесообразности»⁵.

При голосовании было принято предложение Троцкого: за — 6 голосов, против — 5. После голосования «эмоциональный» Бухарин тут же подал заявление в ЦК РСДРП: «Уважаемые товарищи, сим заявляю, что выхожу из состава ЦК и слагаю с себя звание редактора «Правды»⁶.

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 245.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 245—246.

⁶ Там же. С. 246.

Ленин, как мы уже говорили, на этом заседании не присутствовал, но свое отношение к вопросу он высказал, прислав в тот же день в ЦК записку: «Прошу присоединить мой голос за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма»¹. А вечерний выпуск «Правды» за этот же день помещает его статью «О чесотке», в которой Ленин, вновь выступая против революционной фразы, не подкрепляемой никакими материальными условиями ее осуществимости, подчеркивает, в частности: «Всякий здоровый человек скажет: добыть куплей оружие у разбойника в целях разбойных есть гнусность и мерзость, а купить оружие у такого же разбойника в целях справедливой борьбы с насильником есть вещь вполне законная. В такой вещи видеть что-либо «нечистое» могут только кисейные барышни да жеманные юноши, которые «читали в книжке» и вычитали одни жеманности»². Во второй же половине дня Совнарком, обсуждая вопрос о приобретении оружия, припасов и разных товаров у Англии, Франции и других стран, выносит положительное решение³.

В течение всего дня Ленин заходит в комнату № 73 Смольного, где военные разрабатывали план обороны Петрограда, знакомится, как идут дела; Петроград же пребывает на осадном положении⁴. 22 февраля ВЧК общала, что до сих пор она «была великодушна в борьбе с врагами народа», но сейчас, когда контрреволюция «наглет с каждым днем, вдохновляемая предательским нападением» германских империалистов, ВЧК на основании постановления Совнаркома объявляет, что все контрреволюционеры, шпионы, спекулянты, громилы, хулиганы, саботажники и прочие паразиты «будут беспощадно расстреливаться отрядами Комиссии на месте преступления»⁵. Главковерх Крыленко обратился к гражданам с воззванием о революционной мобилизации всего населения, в случае отказа немцев заключить мир⁶.

Поступают сведения об остром положении, сложив-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 45.

² Там же. Т. 35. С. 363.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 271; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 92—93.

⁴ См.: *Труш М. И.* Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 108; *Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б).* Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 285.

⁵ Правда. 1918. 23 (10) февраля.

⁶ См.: *Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б).* Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 285.

шемся в руководстве партийными организациями Москвы и Московской области, где большинством голосов были приняты решения потребовать от Совнаркома пересмотреть свою позицию по вопросу о согласии подписать аннексионистский мир¹. А вот Моссовет после бурных дебатов уже в 3 часа ночи 23 февраля утвердил предложение Ногина одобрить курс Советского правительства на немедленное заключение мира². Здравое оценивали обстановку и в Петросовете, где Володарский, например, в своем выступлении подчеркивал, что паника, имевшая место в начале немецкого наступления, проходит, а Зиновьев призывал быстрее кончать с нашей неорганизованностью³. Особо следует остановиться на заявлении в ЦК РСДРП(б) четырех его членов и группы народных комиссаров, которое было приурочено к заседанию 22 февраля, когда обсуждался вопрос о возможности принятия нами помощи от одной из групп империалистов в войне против Германии⁴. В своем заявлении они расценивали согласие ЦК «заключить мир на тех условиях, которые за несколько дней перед этим были отвергнуты русской делегацией в Бресте» как капитуляцию «передового отряда международного пролетариата перед международной буржуазией»⁵. Подчеркивая, что «обязанностью партии является призыв к защите пролетарской диктатуры с оружием в руках», они обвиняли ответственных партийных руководителей в принятии «ничтожным большинством» решений, идущих якобы «вразрез с интересами пролетариата и не соответствующих настроению партии»⁶. Не нарушая организационного единства, указывали эти товарищи, «мы считаем своей основной задачей развитие широкой агитации в партийных кругах против обозначившейся в последнее время политики партийного центра и подготовку партийного съезда, на котором вопрос о мире должен быть поставлен во всей его широте»⁷.

Это заявление было подписано Оппоковым (Ломо-

¹ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 285; Известия ЦИК. 1918. 23 (10) февраля.

² См. там же.

³ См. там же.

⁴ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 293—295.

⁵ Там же. С. 294.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 294—295.

вым), Урицким, Бухариным, Бубновым, М. Бронским, В. Яковлевой, Спундэ, М. Покровским, Георгием Пятаковым. В печати оно будет опубликовано только 26 февраля¹, то есть в самый разгар борьбы по вопросу о мире как в партии, так и в обществе в целом.

Был и другой документ, адресованный в этот же день в ЦК РСДРП (б). Подписавшие его А. Иоффе, Крестинский и Дзержинский указывали, что, хотя они и считают неправильным решение большинства ЦК о немедленном предложении мира, тем не менее не могут присоединиться к заявлению товарищей. «Широкая агитация в партийных кругах против политики большинства ЦК,— подчеркивали они,— может в настоящее время повести к расколу, который мы считаем недопустимым»².

Заканчивался 120-й день Советской власти, и заканчивался он тревожно. В 12 часов ночи 22 февраля в Петроград на имя Совнаркома поступила наконец телеграмма от генерала Гофмана. «Ответ германского правительства сегодня, в 6 часов утра,— сообщал Гофман,— вручен в Уцянах русскому курьеру, который немедленно отправился в обратный путь»³. Почти тогда же, когда пришла телеграмма от Гофмана, ответил на запрос Троцкого и граф Чернин. «Имею честь сообщить Вам,— передавал Чернин,— что Австро-Венгрия готова, совместно со своими союзниками, привести к окончательному завершению мирные переговоры»⁴. Из ответов держав австро-германского блока пока было ясно одно: войне они все же предпочитают мир. Но какой? Это должно было вскоре проясниться.

Итак, получив в Уцянах, что недалеко от Двинска, запечатанный пакет с германскими условиями мира, советский курьер В. М. Турчан двинулся в сторону Петрограда; наступило уже 23 февраля⁵. В ночь на 23 февраля Ленин дает указание М. Д. Бонч-Бруевичу и его сотрудникам из штаба главковерха начать формировать отряды петроградских рабочих и беседует с генералом Д. П. Парским, назначенным начальником обороны Нарвского района и отъезжающим в район назначения⁶. С утра Владимир Ильич пишет телеграмму Курскому и

¹ См.: Социал-демократ. 1918. № 35. 28 февраля.

² Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 295.

³ Правда. 1918. 23 (10) февраля.

⁴ Там же.

⁵ См.: Правда. 1918. 26 (13) февраля.

⁶ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 272.

Орловскому Советам подготовиться к возможной эвакуации управления путей сообщения фронта, а также подписывает декрет Совнаркома о назначении Чрезвычайной комиссии по разгрузке Петрограда — подготавливается перенесение столицы в Москву¹.

«Правда» публикует статью Троцкого о текущем моменте². Троцкий заявлял, что «наш отказ от подписания явился фактом неизмеримого агитационного воздействия, и последствия его еще скажутся в возможно близком будущем»³. Вместе с тем он подчеркивал, что германский пролетариат «оказался еще недостаточно сильным и решительным», чтобы немедленно поддержать нас, когда мы отказались от подписания договора.

Утром, когда уже вышла эта статья, Ленин в 10 часов 30 минут в присутствии Крыленко заслушивает Турчана, привезшего ответ Германии на наше предложение о заключении мира⁴. Германский ответ был, по сути дела, ультиматумом, содержащим гораздо худшие условия мира, нежели те, что первоначально предлагались немцами в Брест-Литовске⁵.

Германия соглашалась возобновить переговоры и заключить с нами мир на десяти условиях⁶.

Германия и Россия «объявляют о прекращении состояния войны», и их народы готовы «жить в мире и дружбе»⁷.

Области, которые лежат западнее сообщенной нам в Брест-Литовске линии, «не подлежат более территориальному суверенитету России», перед которой они не будут иметь «никаких обязательств», а сама Россия «отказывается от всякого вмешательства» в их внутреннюю жизнь; Германия и Австро-Венгрия определяют «будущую судьбу этих областей в согласии с их населением»; области, лежащие к востоку от указанной в Брест-Литовске линии будут немедленно очищены Германией «по заключению всеобщего мира и полном окончании русской демобилизации»⁸.

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 273; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 46.

² См.: Правда. 1918. 23 (10) февраля.

³ Там же.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 273.

⁵ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 112—113, 714; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 264—265.

⁶ См.: Приложение.

⁷ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 264.

⁸ Там же.

Лифляндия и Эстляндия подлежат немедленному очищению «от русских войск и красной гвардии и занимаются немецкими полицейскими войсками» до тех пор, пока местные власти будут в состоянии сами гарантировать спокойствие и порядок¹.

Россия тотчас же заключит мир с УНР, а последняя с Финляндией немедленно «очищаются от русских войск и красной гвардии»².

Россия будет способствовать возвращению Турции ее анатолийских провинций.

Россия должна незамедлительно провести полную демобилизацию своих армий, «включая и вновь образованные нынешним Правительством части»; военные суда России в Черном и Балтийском морях, а также в Ледовитом океане либо переводятся в русские порты, где «должны быть интернированы до заключения всеобщего мира», либо немедленно разоружаются; военные суда Антанты, находящиеся в сфере влияния России, рассматриваются как русские; немедленно восстанавливается торговое мореплавание в Черном и Балтийском морях, а в Ледовитом океане блокада «остается до заключения всеобщего мира»³.

«Германо-русский торговый договор от 1904 года снова вступает в силу», при этом добавляются к нему «гарантии свободного вывоза и право беспошлинного вывоза руды»⁴.

При возмещении за убытки частных лиц принимаются во внимание предложение германской стороны, а в отношении возмещения за содержание военнопленных — русское предложение.

«Россия обязуется прекратить всякую официальную или поддерживаемую официальными органами агитацию или пропаганду против Союзных Правительств и их государственных и военных учреждений, также и в оккупированных Центральными державами областях»⁵.

И наконец, последний, 10-й пункт германских условий требовал в ультимативной форме их принятия: «Вышеуказанные условия должны быть приняты в течение 48 часов. Российские уполномоченные должны немедленно отправиться в Брест-Литовск и там подписать в

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 264.

² Там же.

³ Там же. С. 264—265.

⁴ Там же. С. 265.

⁵ Там же.

течение трех дней мирный договор, который подлежит ратификации не позже, чем по истечении двух недель»¹.

Так оборачивалось для нас звонкое и внешне эффективное заявление нашей делегации в Брест-Литовске от 28 января (10 февраля) 1918 года. Территориальные требования держав Четверного союза увеличивались, нам навязывались тяжелые экономические условия, нас принуждали идти на формальное признание Рады, выдвигался вопрос о притязаниях Турции на Кавказе.

Германский ультиматум встал в повестку дня срочно созванного заседания ЦК РСДРП(б), который собрался в составе Бубнова, Крестинского, Дзержинского, Иоффе, Стасовой, Урицкого, Зиновьева, Свердлова, Бухарина, Сталина, Троцкого, Ломова, Ленина, Сокольников, Смилги — всего в составе 15 человек; Фенигштейн, Смирнов, Шотман и Пятаков присутствовали в качестве гостей². Заседание носило бурный характер.

Оно началось оглашением Свердловым германских условий, после чего Троцкий стал разъяснять, что срок в 48 часов, очевидно, заканчивается к 7 часам утра 24 февраля³. Тогда Ленин заявил, что «политика революционной фразы окончена», и если она теперь будет продолжаться, то он (Ленин.—И. К.) «выходит и из Правительства и из ЦК», что у нас нет армии для революционной войны и поэтому необходимо принять германские условия⁴.

«Вести революционную войну при расколе в партии мы не можем», говорил Троцкий, тем более что часть сторонников такой войны не приемлет принятия помощи от империалистов⁵. По мнению Троцкого, мы смогли бы справиться с положением, «если бы имели бы единодушие»⁶. Он допускал при этом даже сдачу Петрограда и Москвы, ибо, как выразился Троцкий, «мы бы держали весь мир в напряжении»⁷. Троцкий считал, что германский ответ содержит в себе «возможность дальнейших

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 265.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 273—274; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 369—371; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 247—258.

³ См. там же. С. 247.

⁴ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 247.

⁵ См. там же. С. 248.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ультиматумов», что подписанием мира мы потеряли опору «в передовых элементах пролетариата», что он не согласен с оценкой Лениным нашего внутреннего состояния, а «с точки зрения международной можно было бы многое выиграть»¹. Заключая, Троцкий сказал, что поскольку мы не имеем «максимального единодушия», он не берет на себя «ответственность голосовать за войну»².

По мнению Зиновьева, «мы теперь подведены» к принятию германских условий мира, которые надо было «подписывать раньше», а сейчас каждый обязан «сделать все, чтобы не было раскола в партии»³. Критикуя германские условия, Бухарин говорил, что они «нисколько не оправдывают того прогноза, который был дан Лениным», что у нас «выхода в смысле отсрочки нет», что, по его мнению, главное сейчас заключается в том, принимаем ли мы «требования о разоружении советских войск»⁴. Сталин считал, что «можно не подписывать, но начать мирные переговоры», что требованием разоружения немцы провоцируют нас на отказ от подписания мира⁵. Он заявлял: «Вопрос стоит так: либо поражение нашей революции и связывание революции на Западе, либо же мы получаем передышку и укрепляемся»⁶. Подписанием мира, подчеркивал Сталин, революция на Западе не задерживается. Ему возражал Дзержинский, говоривший, что «передышки не будет», а произойдет усиление германского империализма, «от новых ультиматумов» которого мы не гарантированы⁷. Дзержинский согласился с Троцким в том, что, «если бы партия была достаточно сильна», чтобы вынести раскол и «отставку Ленина, тогда можно было бы принять решение, теперь — нет»⁸.

Ленин возражал против тезиса, будто своей борьбой мы будем будоражить мир, он не согласился и со Сталиным относительно того, что можно не подписывать договор. «Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти через 3 недели,— подчеркивал Ленин.— Эти ус-

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 248.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См. там же.

⁶ Там же. С. 248—249.

⁷ См. там же. С. 249.

⁸ Там же.

ловия Советской власти не трогают»¹. И далее Ленин решительно заключал: «У меня нет ни малейшей тени колебания. Я ставлю ультиматум не для того, чтобы его снимать. Я не хочу революционной фразы. Немецкая революция еще не созрела. Это требует месяцев. Нужно принимать условия. Если потом будет новый ультиматум, то он будет в новой ситуации»².

Урицкий считал, что вести переговоры нельзя, что «наша капитуляция перед германским империализмом задержит зарождающуюся революцию на Западе», что подписыванием мира «Советская власть не спасется»³. За принятие условий мира высказался Свердлов, с защитой своих позиций выступали вновь бравшие слово Бухарин и Сталин. Резко выступил Ломов. «Если Ленин грозит отставкой,— заявлял он,— то напрасно пугаются. Надо брать власть без Владимира Ильича. Надо идти на фронт и делать все возможное»⁴.

Подчеркнув, что условия мира, предъявленные нам, «теперь хуже, чем были в Бресте», и что было бы лучше, конечно, подписать мир «во время первой» поездки Каменева и Иоффе, Троцкий говорил о субъективизме в позиции Ленина⁵. «У меня нет уверенности в том, что позиция его правильна,— заключал Троцкий,— но я ничем не могу мешать единству партии, напротив, буду помогать, чем могу, но я не могу оставаться и нести персональную ответственность за иностранные дела»⁶. О последнем Троцкий ставил вопрос второе заседание ЦК партии подряд.

В пользу передышки, которая даст нам возможность двигаться дальше, говорил Сокольников, считая, что это позволяет иметь «определенную отсрочку для подготовки революционной войны», и тогда, как он сказал, «я подаю голос за подписание мира»⁷. «Договор можно толковать, и мы будем его толковать»,— говорил здесь Ленин, имея в виду положение о демобилизации армии. Он подчеркивал, что также выступает за революционную войну, но к ней «нужно серьезно готовиться», а сейчас

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 249.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 250.

⁵ См. там же. С. 250—251.

⁶ Там же. С. 251.

⁷ Там же.

«массы за мир»¹. По мнению Зиновьева, рассматривавшего пункты о демобилизации, гораздо серьезнее пункт об Украине в предъявленных условиях, но «тем не менее ультиматум должен быть принят безусловно», поскольку «выбора никакого нет» и мы можем опоздать².

После острых дебатов Ленин внес на голосование следующие вопросы:

1. Принять ли немедленно германские предложения?

2. Готовить ли немедленно революционную войну?

3. Производить ли немедленно опрос среди советских избирателей Петрограда и Москвы?

По второму вопросу, относительно революционной войны, все 15 человек высказались однозначно: да, немедленно готовить революционную войну.

За немедленное принятие германских условий мира высказались Ленин, Стасова, Зиновьев, Свердлов, Сталин, Сокольников, Смилга — 7 человек; против были Бубнов, Урицкий, Бухарин, Ломов — 4 человека; воздержались Троцкий, Крестинский, Дзержинский, Иоффе — 4 человека.

По третьему пункту 11 человек высказались «за» и воздержалось 4.

Далее на заседании развернулись еще более драматические события. Сразу же после голосования Крестинский огласил подписанное Иоффе, Дзержинским и им заявление в ЦК РСДРП (б). Все трое воздержались при голосовании пункта о немедленном принятии германских условий мира. Напоминая, что они ранее считали «невозможным» подписывать сейчас мир с Германией, товарищи подчеркивали, что с теми огромными задачами, которые встали перед страной после начала германского наступления и особенно встанут после отклонения германского ультиматума, может справиться только единая партия³. И далее шло объяснение мотивов их голосования: «Если же произойдет раскол, ультимативно заявленный Лениным, и нам придется вести революционную войну против германского империализма, русской буржуазии и части пролетариата во главе с Лениным, то положение для русской революции создастся еще более опасное, чем при подписании мира. Поэтому, не желая своим голосованием против подписания мира способст-

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 251.

² См. там же. С. 252.

³ См. там же. С. 253.

воват созданию такого положения и не будучи в состоянии голосовать за мир, мы воздерживаемся от голосования по этому вопросу»¹.

Вслед за этим заявлением тут же последовало другое, зачитанное Урицким от своего имени, а также от имени членов ЦК Бухарина, Ломова и Бубнова, кандидата в члены ЦК Яковлевой и присутствовавших на заседании Пятакова и Смирнова. Их документ гласил: «...Мы, не желая нести ответственность за принятое решение, которое мы считаем глубоко ошибочным и гибельным для русской и международной революции, тем более что решение это принято меньшинством ЦК, так как 4 воздержавшихся, как это явствует из их мотивировки, стоят на нашей позиции, мы заявляем, что мы уходим из всех ответственных партийных и советских постов, оставляя за собой полную свободу агитации как внутри партии, так и вне ее за положения, которые мы считаем единственно правильными»². Но и это заявление было не последним. Из 8 человек, голосовавших против или воздержавшихся, 7 — высказали мотивы, которыми они при этом руководствовались. Оставался один Троцкий, и он «свое воздержание» мотивировал тем, что «необходимо было найти выход из создавшегося положения», что таковым «было не препятствовать созданию большинства для получения единой линии»³.

Таким образом, внутрипартийная борьба по вопросу о мире вступала в новый фазис своего развития. А заседание, шедшее уже несколько часов, продолжалось⁴. И положение неожиданно обострилось в связи с заявлением большой группы товарищей об уходе с ответственных партийных и советских постов. Надо было решать вопрос, как поступать в создавшейся обстановке, и обмен мнениями продолжался.

На вопрос Ломова, допускает ли Ленин в какой-либо форме агитацию против подписания мира, последний ответил утвердительно. Свердлов предложил, чтобы подавшие заявление товарищи остались «на своих постах до съезда» партии и вели «в партийных кругах свою агита-

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 253.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 273—274.

цию»¹. В связи с последним предложением Ленин высказался в том смысле, что есть небольшой срок до подписания мира и определенное время для ратификации, за которое «можно получить мнение партии, и если она выскажется против подписания, то ратификации не последует»².

Как поступить в этом случае? Ленин из-за недостатка у всех времени предлагает отложить решение до 24 февраля, и Свердлов ставит этот вопрос, если товарищи свой уход с постов откладывают до завтра. «Мы лояльны и не считаем возможным агитировать, оставаясь членами учреждения»³, — возразил Урицкий. Такую возможность, по его мнению, дает только уход с постов. Сталин заостряет вопрос: не есть ли уход с постов фактический уход из партии и не означает ли это, что товарищи «не обязаны» подчиняться решениям партии? Он напомнил также, что «брестское решение тоже было принято большинством одного голоса», имея в виду обращение к Германии с предложением о мире после начала немецкого наступления⁴. Ленин сказал, что уход из ЦК не есть уход из партии, а Урицкий по поводу реплики Сталина о «брестском решении» заявил, что тогда о мотивах голосования не говорили, а сегодня «большинство ЦК не стоит на точке зрения Ленина», и, «кто является выразителем мнения партии», решит съезд⁵. «Ленин считает, что, подписывая мир, мы укрепляем Советскую власть, — высказался здесь Ломов, — а мы считаем, что мы ее подрываем»⁶. По мнению Троцкого, «воздерживаясь от голосования, мы поддерживаем постановление», и, продолжая, добавил, что, «может быть, он голосовал бы иначе, если бы знал, что его воздержание поведет к уходу товарищей»⁷. С просьбой отложить заявление об уходе «до завтра или до съезда» обратился к подавшим его Сталин, добавив: «если они хотят ясности, а не раскола»⁸.

Когда Троцкий предложил прервать заседание, Урицкий сказал, что заявление они считают поданным и от

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 254.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же. С. 254—255.

⁶ Там же. С. 255.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

постов отказались, но «на обсуждение завтра придут», а Ломов добавил, что они не могут откладывать свое заявление, ибо «ответ немцам не откладывается, а посылается тотчас же»¹. Крестинский предложил предоставить свободу агитации и «разрешить не голосовать» этим товарищам в Совнарком, но Ломов не согласился с этим, сказав, что через две недели «сегодняшнее решение может быть аннулировано и признано ошибкой», и они не могут «участвовать в ней»².

Мы не уходим из партии, говорил Урицкий, и если нам предоставляют «свободу агитации и свободу голосования в ЦИК, то мы,— заявил он,— отсрочиваем наше решение» об уходе с постов³. И когда Свердлов спросил, как они думают поступать во время голосования (против или воздерживаться), Урицкий ответил, что «раз ему не запрещена свобода действия, то он уходит из зала»; взявший слово Смирнов сказал, что он не может нести ответственность за то, с чем не согласен, а потому «не откладывает своего решения», на что Ленин предложил товарищам выходить из зала заседаний во время голосования и не подписывать документов, чтобы не нести ответственности, «но не бросать дела в Совете»⁴.

Таким образом, товарищи не выходят из состава ЦК и комиссариатов, сказал, подытоживая, Свердлов и предложил наметить дальнейшую работу на 23 февраля. Она была определена следующим образом: объединенное заседание ЦК большевиков и ЦК левых эсеров; заседания фракций этих партий в ЦИК; заседание ЦИК с Петросоветом, но с отдельным голосованием. На этом заседании ЦК РСДРП(б) было прервано до 24 февраля.

После длительного вынужденного «молчания» Ленин решительно вступал в борьбу в открытой печати с противниками немедленного заключения мира. Сразу же после заседания ЦК РСДРП(б) он пишет небольшую статью «Мир или война?», которая публикуется в вечернем выпуске «Правды»⁵. В ней Ленин впервые за полтора месяца доводит свою позицию по вопросу о мире до

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917— февраль 1918. С. 255.

² Там же.

³ См. там же. С. 256.

⁴ Там же.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 274.

сведения всей партии под своей фамилией; он пишет, что статьи «О революционной фразе» и «О чесотке» за подписью «Карпов» были его, а завтра, то есть 24 февраля, будут опубликованы и его «тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира»¹. Теперь Ленин выступал уже перед всеми как руководитель Советского правительства и общепризнанный авторитет в нашей партии и в ее руководстве. Подчеркивая, что он объявляет «беспощадную борьбу» революционной фразе, Ленин пишет, что лично он «ни секунды не остался бы ни в правительстве ни в ЦК нашей партии, если бы политика фразы взяла верх»². И, заключая, Ленин заявлял: «Пусть знает всякий: кто против немедленного, хотя и архитяжкого мира, тот губит Советскую власть»³.

Ленин готовится к напряженной вечерней «работе» по отстаиванию позиций немедленного подписания мира на германских условиях на предстоящем вечером заседании ЦИК. Днем он отдает письменное распоряжение для радиостанции Царского Села обеспечить в ночь с 23 на 24 февраля до 7 часов утра, то есть до окончания срока германского ультиматума, безотлагательную и с полной гарантией передачу радиотелеграммы Совнаркома правительству Германии⁴. Во второй половине дня он беседует с Председателем ВЦИК Свердловым и председателем Петросовета Зиновьевым в связи с предстоящим обсуждением на заседании ВЦИК германских условий⁵. Вечером он вместе с другими членами СНК едет в Таврический дворец — борьба за мир вступала в решающую фазу⁶.

Коридоры Смольного и Таврического дворца весь день и вечером 23 февраля, а также в ночь на 24 февраля были заполнены людьми, бурлили. Здесь находились члены руководства партий большевиков и левых эсеров, ВЦИК и Петросовета, фракций этих двух партий в ЦИК и Петросовете. Надо сказать, что наступление немцев

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 274; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 366—368; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 96—97.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 367.

³ Там же.

⁴ См. там же. Т. 54. С. 391—392, 695; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 274.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 274—275.

⁶ См. там же. С. 275.

вносило определенное отрезвление среди тех, кто полагал, что германский империализм будет не в состоянии выступить против нас, что в противном случае это вызовет движение в самой Германии. Но немцы наступали, а в Германии ничего не происходило, и сторонники «ни мира, ни войны» несколько подрастерялись. Зато возросла активность тех, кто требовал ведения революционной войны. Это проявилось уже днем 23 февраля на заседании Петросовета, когда Зиновьев объявил о согласии Совнаркома подписать мир на германских условиях¹. Сообщение Зиновьева было встречено сдержанно теми, кто придерживался линии Троцкого, и бурными протестами сторонников революционной войны. Так, Радек и Рязанов выступили с позиций «никаких уступок империалистам» и призывали потребовать от СНК и ЦИК отказаться от каких-либо переговоров с немцами².

Вечером Ленин участвует в объединенном заседании ЦК РСДРП(б) и ЦК партии левых эсеров, на котором выступает с резкой критикой тех, кто требует отклонить германские условия мира и вести революционную войну³. Затем Свердлов открывает объединенное заседание фракций большевиков и левых эсеров во ВЦИКе⁴. Он сказал, что ЦК большевиков высказался за подписание мира, но полного единства в ЦК РСДРП(б) нет; не было, кстати, этого единства и у левых эсеров⁵. Подчеркнув, что от решения вопроса о мире зависит судьба Советской власти, Свердлов предложил сначала заслушать доклад главковерха Крыленко о положении на фронте⁶.

Это заседание проходило в напряженнейшей обстановке. Крыленко доложил о стихийной демобилизации армии, которую невозможно уже остановить, и сказал, что только немедленное подписание мира может спасти Советскую власть. Из-за недостатка времени решили ограничить число ораторов — по два от каждой фракции. Радек от большевиков и левый эсер И. З. Штейнберг выступили против подписания мира⁷. Затем Свердлов предоставил слово Ленину, который говорил в защиту

¹ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 104.

² См. там же. С. 104—105.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, Т. 5 С. 275.

⁴ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 106.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 490.

⁷ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 106—107.

подписания мира. Он подчеркнул «полную невозможность сопротивления германцам», а также «сорганизовать армию» в короткий срок и указывал, что «для нас самым лучшим исходом является выигрыш времени»¹. Левые эсеры не выставили второго докладчика, но приветствовали взявшего слово большевика Рязанова, который снова, как и на заседании в Петросовете, выступил против подписания мира². Никаких решений на этом заседании не принималось.

После выступления Рязанова большевики перешли в другой зал на заседание своей фракции³. Перед его началом Ленин выяснял отношение к вопросу о войне и мире рабочих — членов фракции, попросил Крупскую поговорить по этому вопросу с М. И. Лацисом и другими руководителями петроградских большевиков, беседовал с Бухариным о предстоящем голосовании во ВЦИК вопроса о заключении мира⁴.

Заседание большевистской фракции ВЦИК, которое проходило совместно с активом Петроградской партийной организации, началось поздно вечером и длилось несколько часов, закончившись уже далеко за полночь 24 февраля⁵. Ленин вновь обосновывает необходимость немедленного подписания мира с державами австро-германского блока, отвечает на вопросы⁶. При определении позиций против подписания мира выступили А. В. Луначарский, Ю. М. Стеклов, воздержался Володарский. Противники заключения мира, в частности Стеклов, настаивали на «свободе» голосования во ВЦИК, то есть фактически ставили вопрос о неподчинении партийной дисциплине⁷. Большинство голосов это требование было отвергнуто и принято решение всем голосовать на заседании ВЦИК за подписание мира⁸.

После многочасовых заседаний фракций и партийных руководств в 3 часа ночи 24 февраля Свердлов открыл заседание ВЦИК, посвященное одному вопросу — отве-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 372.

² См. там же. С. 490; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 107.

³ См. там же.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 276.

⁵ См. там же.

⁶ См.: *Труш М. И.* Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 111; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 107.

⁷ См. там же. С. 108.

⁸ См. там же; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 490.

ту на условия мира, предложенные германским правительством¹. Поскольку вопрос этот во фракциях был уже освещен, то договорились, что докладчик от СНК будет иметь 15 минут времени, а ораторы от фракций — 10 минут².

Огласив немецкие условия мира, Свердлов предоставил слово Ленину. Последний страстно защищал необходимость принятия условий мира. Он говорил: «Германские империалисты, пользуясь слабостью России, наступают нам коленом на грудь. И при таком положении мне приходится, чтобы не скрывать от вас горькой правды, которая является моим глубоким убеждением, сказать вам, что иного выхода, как подписать эти условия, у нас нет»³.

Ленин говорил, что после трех лет войны наша армия воевать «ни в коем случае не может и не хочет», и это главная причина, почему мы вынуждены принять германские условия мира⁴. При этом Ленин подчеркивал, что понимает всю ответственность, какую он берет на себя этим заявлением. «Мы сделали все, что возможно, для того, чтобы затянуть переговоры, мы сделали даже больше, чем возможно, мы сделали то,— говорил Ленин,— что после брестских переговоров объявили состояние войны прекращенным, уверенные, как были уверены многие из нас, что состояние Германии не позволит ей зверского и дикого наступления на Россию. На этот раз нам пришлось пережить тяжелое поражение, и поражению надо уметь смотреть прямо в лицо»⁵. И на нападение хищника, продолжал Ленин, мы не можем ответить, ибо у нас нет сил, ибо «воевать можно только с народом», а массы не хотят войны, и они «поймут нас и оправдают, когда мы подпишем этот вынужденный и неслыханно тягостный мир»⁶.

После Ленина слово от фракции меньшевиков-интернационалистов взял Мартов⁷. Соглашаясь во многом с

¹ См.: Известия ЦИК. 1918. 24 февраля; Правда. 1918. 26 (13) февраля; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 276.

² См.: Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 26 февраля.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 376.

⁴ См. там же. С. 377.

⁵ Там же. С. 378.

⁶ Там же. С. 379.

⁷ См.: Известия ЦИК. 1918, 24 февраля; Правда. 1918, 26 (13) февраля.

Лениным, он тем не менее считал, что принятие условий мира «послужит препятствием для международной революции». Он назвал «самообманом» надежду на то, что, подписав мир, мы получим передышку и, собравшись с силами, сможем «продолжать начатое дело». Это не только несчастный мир, говорил Мартов, но он «явится финалом русской революции», ибо «лишает нас политической самостоятельности, и, раз оступившись, мы уже не удержимся»; и оратор снял ответственность своей фракции за его подписание. По мнению Мартова, есть только два выхода из положения: «или сражаться с надеждой на успех, или погибнуть, как Парижская коммуна». Кстати, многие из тех, кто выступал против подписания мира и требовал ведения революционной войны, через несколько дней окажутся в Москве, подалее от немцев: туда переберутся ЦК партии правых эсеров, редакция их газеты «Дело народа», почти 80 членов Учредительного собрания от его правого крыла и другие¹.

От фракции правых эсеров выступали М. А. Лихач и З. Г. Гринберг, и оба против подписания мира. Точку зрения Ленина защищал Зиновьев, подчеркивавший, что призывы к «священной войне» — это только фразы. Говоривший от фракции анархистов-коммунистов А. Ю. Ге назвал подписание мира соглашательством с буржуазией и с пафосом заявил: «Анархисты-коммунисты провозглашают террор и партизанскую войну на два фронта. Лучше умереть за всемирную социальную революцию, чем жить за счет соглашения с германским империализмом».

С большой и несколько противоречивой речью, которая свидетельствовала об отсутствии в партии единства по вопросу о мире, выступил от левых эсеров Камков. Те, кто отклоняет германские условия мира, говорил он, берут на себя большую ответственность, ибо если мы его не заключим, то нас ждут тяжелые испытания и, может быть, разорение. «Но тем не менее,— продолжал Камков,— мы говорим: другого выхода нет, как немедленно отклонить эти условия, ибо мы находим, что факт подписания мира окажет роковое влияние на развитие революции». Камков подчеркивал, что мы боремся «не за сохранение той или иной территории», а за сохранение «социалистической России, являющейся очагом социальной революции» и вызывающей ответное движение в

¹ См.: Известия ЦИК. 1918. 3 марта.

других странах; в то же время он заявлял: «Мы считаем невозможным подписать условия, хотя мы и не скрываем того, что вооруженного сильного сопротивления в том смысле, как это понимают милитаристы, мы оказать не сможем. Наш взгляд таков, что, не подписывая мира, мы должны немедленно объявить право всех народов на восстание, а задачи Советов и здесь и на местах — оказание всемерной поддержки международному восстанию рабочих». Думается, что в речи Камкова отразилась и некоторая растерянность в рядах партии левых эсеров перед лицом создавшейся обстановки.

После выступления Камкова Свердлов сказал, что список ораторов исчерпан и необходимо переходить к голосованию по вопросу о мире. Предложение большевиков заключалось в том, чтобы принять германские условия и подписать мир. Левые эсеры потребовали проводить поименное голосование, то есть каждый член ЦИК должен был подняться и лично сказать — «за» или «против». Эта последняя процедура должна была, естественно, занять продолжительное время, и собрание решило, что сначала надо выяснить результаты голосования карточками, а затем провести поименное голосование. В 4 часа 30 минут утра 24 февраля ЦИК принял германские условия мира: 112 — за, 84 — против, 24 — воздержавшихся¹. Понадобился еще час, чтобы выяснить результаты поименного голосования: 116 — за, 85 — против, 26 — воздержавшихся². Противники заключения мира среди большевиков во время голосования, как это было оговорено ранее на заседании большевистской фракции, покинули зал заседания, но Бухарин и Рязанов все же остались и голосовали против³. Большевики Володарский, Луначарский и Стеклов, подчиняясь партийной дисциплине, голосовали за принятие германских условий мира⁴. Не голосовали 2 анархиста-коммуниста, воздержавшимися были левые эсеры, выступавшие за подписание мира⁵.

¹ См.: Известия ЦИК. 1918. 26 февраля.

² См.: Правда. 1918. 26 (13) февраля.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 491; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 258; Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 230; Ступоченко Л. В Брестские дни. М., 1926. С. 28—29.

⁴ См.: Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 108.

⁵ См.: Правда. 1918. 26 (13) февраля.

Заседание ЦИК закончилось около 6 часов утра, и тут же состоялось совместное заседание СНК и Президиума ЦИК, рассмотревшего и одобжившего ответ державам Четверного союза относительно германских условий мира¹. В 7 часов утра 24 февраля радиограмма СНК ушла в Берлин, Вену, Софию и Константинополь². «Согласно решению, принятому Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 24 февраля в 4^{1/2} часа ночи,— говорилось в ней,— Совет Народных Комиссаров постановил условия мира, предложенные германским правительством, принять и выслать делегацию в Брест-Литовск» для подписания мирного договора³. Под текстом стояли подписи Председателя СНК В. Ульянова (Ленина) и народного комиссара по иностранным делам Л. Троцкого⁴. В 7 часов 32 минуты утра 24 февраля советская правительственная телеграмма была принята в Берлине⁵.

После того как СНК дал согласие на принятие условий мира, главковерх Крыленко запросил германское командование, будут ли теперь прекращены военные действия со стороны немцев, но последние, хотя телеграмма Крыленко и была принята ими в 13 часов 35 минут, молчали и продолжали наступать⁶. Только поздно ночью 24 февраля Гофман ответил, что они будут наступать до тех пор, пока не будет подписан мир⁷.

Утром 24 февраля «Правда» печатает, как мы уже говорили, ленинские тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира в виде его статьи «К истории вопроса о несчастном мире», а также заметку «Несчастный мир»⁸. «Троцкий был прав, когда сказал: мир может быть трижды несчастным ми-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 277; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 109.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 286.

³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 381; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 265—266.

⁴ См. там же. С. 266; Известия ЦИК. 1918. 26 февраля; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 112.

⁵ См.: Правда. 1918. 26 (13) февраля.

⁶ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 286; Правда. 1918. 26 (13) февраля; *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 231.

⁷ См. там же.

⁸ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 274, 275, 277.

ром,— писал Ленин в заметке,— но не может быть похабным, позорным, нечистым миром мир, заканчивающий эту стократ похабную войну»¹. Подчеркивая, что «нас придавил и унизил хищник», Ленин тем не менее выражал уверенность в том, что «мы сумеем вынести все эти тяготы»².

В газетах появились и первые статьи, комментирующие ночное заседание ЦИК, принявшего германские условия мира. Могут ли русские рабочие и крестьяне сейчас собственными силами дать бой немцам, ставила, например, вопрос «Правда»³. Если могут, то наша обязанность воевать, а если нет, то мы обязаны подписать мир, «как бы тяжел он ни был». Было бы ошибкой, если бы при возможности выбрать между войной и миром мы выбрали бы продолжение войны. «Раз история,— подчеркивала «Правда»,— предоставила нам эту возможность выбора — он должен быть в пользу мира».

Со злорадством комментировала правая и буржуазная печать России переход немцев в наступление, их продвижение в глубь страны. Вот один из образчиков этих «комментариев» тех дней. «Наступил последний акт трагедии,— писала «Амурское эхо».— Окровавленная и обессиленная Россия лежит у ног кайзера Вильгельма. Теперь уже не остается никакого сомнения, что «пломбированные» диктаторы из Смольного являются сознательными изменниками и предателями»⁴. И на следующий день газета «точно» сообщает читателям цену этого «предательства»: Троцкий получил от немцев 400 тысяч в кронах, Камков — 82 тысячи во франках, Ленин — 662 тысячи в марках, получали также Зиновьев, Луначарский, Каменев, Коллонтай и другие лидеры большевиков. Эти данные, подчеркивала газета, «помогут протереть глаза одураченным гражданам и увидеть, что вместо социал-реформаторов ими правят просто-напросто немецкие наемники и агенты...»⁵.

После того как радиотелеграмма Совнаркома о принятии германских условий мира была отправлена, Ленин, во избежание каких-либо «проволочек» со стороны немцев, подписывает удостоверение советскому курьеру В. А. Баландину, которого СНК уполномочил передать

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 382.

² Там же. С. 383.

³ См.: Правда. 1918. 24 (11) февраля.

⁴ Амурское эхо. 1918. 23 (10) февраля.

⁵ Там же. 1918. 24 (11) февраля.

германскому верховному командованию текст нашего официального ответа, а также принять пакет, если таковой будет, для Советского правительства¹.

В отправленной нами радиотелеграмме говорилось о посылке делегации в Брест-Литовск. Этот вопрос обсуждался на заседании ЦК РСДРП(б) 24 февраля². На заседании присутствовали Свердлов, Троцкий, Крестинский, Дзержинский, Урицкий, Смилга, Зиновьев, Иоффе, Сталин, Ленин, Сокольников, Стасова — всего 12 человек; в сравнении с заседанием предыдущего дня отсутствовали Ломов, Бубнов и Бухарин. В качестве гостей были А. Смирнов, Лацис и Петровский.

Первым обсуждался вопрос о делегации, направляемой в Брест-Литовск для подписания мирного договора. Ленин, высказываясь за сохранение преемственности в составе делегации, сказал, что одного Карахана для этого недостаточно и желательно, чтобы поехали также Иоффе и Зиновьев. Но кандидатуру последнего отводил Свердлов, имея в виду предполагавшуюся поездку Зиновьева в Москву для отстаивания там в партийных кругах позиции принятия германских условий и подписания мира³. Свердлов предложил кандидатуры Сокольника, Карахана и Чичерина. В отношении Иоффе Свердлов сказал, что это было бы желательно, но тот «считает насилием такое требование»⁴. Дело в том, что Иоффе выступал против подписания мира на германских условиях. По этому поводу выступали Иоффе, Ленин, Свердлов, Троцкий, Зиновьев, Сокольников. Иоффе спросил, будет ли в случае его поездки опубликовано заявление, которое он подписал вместе с Дзержинским и Крестинским относительно воздержания при голосовании вопроса о мире и которое было оглашено на предыдущем заседании ЦК РСДРП(б)⁵. Это будет сделано независимо от поездки, ответил Свердлов, и Иоффе даже в этой связи может написать свое мотивированное заявление; в тот же день Иоффе подал в ЦК партии такое заявление, в котором объяснял, что «в интересах сохранения

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 277.

² См. там же; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 385—388; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 259—270.

³ См. там же. С. 259, 270.

⁴ Там же. С. 259.

⁵ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 262—263, 252—253.

возможного единства партии» он подчиняется решению и едет в Брест-Литовск в качестве консультанта, не несущего «никакой политической ответственности», и оно 7 марта 1918 года будет опубликовано в «Правде»¹.

Свердлов предложил также во главе делегации поставить Сокольников, по кандидатуре которого вспыхнула дискуссия при участии Свердлова, Зиновьева, Ленина, Троцкого и самого Сокольника, который заявил, что «ввиду неодобрения его поведения в первую поездку он не поедет и в случае настаивания выходит из ЦК»; в ходе прений обсуждалась и кандидатура Зиновьева в качестве главы делегации². Договорились, что делегацию возглавит Сокольников, вторым в ней будет Петровский, поедут также Карахан и Чичерин. Проголосовали также желательность и необходимость поездки Иоффе, но без обязательности для него этого решения, и большинство высказались утвердительно.

После решения вопроса о составе делегации перешли к обсуждению заявления в СНК А. Ломова, В. М. Смирнова, М. С. Урицкого, Г. Л. Пятакова, Д. П. Боголепова и А. П. Спундэ об их уходе с занимаемых постов в Совнарком, поскольку они не считают возможным «взять на себя ответственность за принятие германского ультиматума»³. Обстоятельства этого заявления в СНК, передаваемого через ЦК партии, было изложено Урицким, подчеркнувшим, что «решение это не единоличное, а коллегиальное»⁴. Тут же напомнил «о заявлении, поданном им дней 5 тому назад», относительно сложения с себя полномочий наркома по иностранным делам и Троцкий; об этом он заявил также, как мы уже говорили, на заседании ЦК партии 22 февраля⁵.

По поводу этих заявлений Крестинский предложил обсудить вопрос о том, что товарищи пока остаются на своих постах, «не неся политической ответственности при полной свободе отстаивания своей точки зрения в пар-

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 295—296; Протоколы съездов и конференций Все-союзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 224.

² См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 264, 263.

³ Там же. С. 264; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 277.

⁴ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 264.

⁵ См. там же. С. 265, 270, 245.

тии, в печати и на собраниях», а Свердлов предложил пока и «не обсуждать вопроса о Троцком», с чем последний не согласился, заявив, что он «не мешал работе», но в дальнейшем «не считает более возможным говорить от имени ЦК, так как он не может защищать позиции»¹.

Положение создавалось очень тревожное и опасное, грозило нестабильностью. Зиновьев убеждал Троцкого «остаться до подписания мирного договора, ибо кризис еще не разрешился» и «в такой самый тяжелый момент кризиса нельзя уходить», а Сталин высказывал недоумение по поводу той быстроты и натиска, с которыми действуют товарищи, хотя «прекрасно знают, что их нечем заменить», и ставил вопрос, «зачем они это делают?»². Но Троцкий не соглашался с их доводами, выдвигал свои, говоря, что не может оставаться на посту наркома по иностранным делам, так как «вынужден отстаивать позицию, с которой он не согласен» и за которую «не хочет больше нести ответственности»; о том, что они «снимают с себя политическую ответственность и ведут свою агитацию, которую считают своей первой работой», заявил и Урицкий³.

Обосновывая свою позицию, Сталин говорил, что действия товарищей «провинция поймет... как фактический раскол», что «своим поведением они ставят и аппарат и партию в такое положение, что надо всем партийным товарищам уйти»⁴. Троцкий, касаясь затронутой Сталиным темы раскола партии, заявил, что статьи Ленина в печати «первые внесли раскол», что сейчас в партии имеется «два очень резко отмежеванных друг от друга крыла», что он, Троцкий, «не желая раскалывать партию», хотел бы сложить с себя полномочия «в самой недемонстративной форме», но для этого он должен знать, к кому отсылать обращающихся к нему с вопросами; сам Троцкий считал, что текущую работу мог бы вести Чичерин, «а политическое руководство должен взять Ленин»⁵. Однако Ленин счел это неприемлемым, заявив, что «смена политики — это кризис», что сейчас путем опроса провинции, проводимого на основании решения ЦК партии от 23 февраля⁶, выяснится отношение к подписанию ми-

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 265.

² Там же.

³ См. там же. С. 265—266.

⁴ Там же. С. 266.

⁵ Там же. С. 266—267.

⁶ См. там же. С. 252; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 387, 491.

ра на германских условиях, что «полемизировать немного отнюдь не вредно», что он вносит предложение — ЦК просит Троцкого «отложить свое заявление до следующего заседания», даже «до возвращения делегации из Бреста»¹.

Троцкий продолжал настаивать на своем, говоря вместе с тем, что заявление о сложении своих полномочий он не публикует, но и «не участвует в официальных учреждениях», в СНК и в ЦИК². И тогда Ленин ставит на голосование предложение: ЦК, «не считая возможным в настоящий момент принять отставку» Троцкого, просит его отсрочить свое решение до возвращения делегации из Бреста или «до изменения фактического положения дел»³. Это предложение принимается всеми при 3 воздержавшихся. Но и после этого Троцкий заявил, что «он внес свое заявление, что оно не принято», и поэтому он «вынужден устраниться от появления в официальных учреждениях»⁴. И снова Ленин ставит на голосование предложение: ЦК, выслушав заявление Троцкого, «вполне мирясь» с его отсутствием в СНК «по иностранным делам», просит Троцкого «не устраняться от других решений»⁵. Это предложение также принимается.

Заседание продолжалось, и Ленин прилагает усилия к тому, чтобы не допустить раскола в руководстве партии. Вроде бы «договорились» с Троцким, но вот Урицкий выразил надежду, что заявление его, Ломова, В. Смирнова, Г. Пятакова, Д. Боголепова и Спундэ «о выходе из ЦК и с ответственных постов будет опубликовано»⁶. В ответ Ленин предлагает решить этот вопрос приблизительно аналогично предыдущему: ЦК просит подавших заявление отсрочить его выполнение «до возвращения делегации из Бреста» и обсудить это в самой группе товарищей⁷. Урицкий тут же заявил, что «они уже считают себя ушедшими из ЦК и с ответственных постов»⁸. Тогда в поддержку предложения Ленина выступил Дзержинский, заявив, что «мы просим товари-

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 267.

² См. там же.

³ Там же. С. 267—268.

⁴ Там же. С. 268.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ См. там же.

⁸ Там же.

щей не быть саботажниками и не портить работы»¹. В свою очередь Крестинский вновь просит поставить на голосование его предложение: товарищи остаются на постах, не несут политической ответственности и полностью свободны в отстаивании своей точки зрения².

Сформулировал два своих предложения Ленин: ЦК признает «законным требование четверки» (речь шла о заявлении на заседании ЦК партии 23 февраля товарищей, среди которых были 4 члена ЦК — Бухарин, Ломов, Бубнов и Урицкий³), но просит их обсудить предложение об отсрочке своего решения как «ввиду близости съезда, так и ввиду сложности политической обстановки»⁴; гарантируя публикацию заявлений товарищей в «Правде» (здесь речь уже шла о всех подавших заявление в отставку), ЦК просит их пересмотреть свое решение и обсудить возможность остаться на ответственных советских и партийных постах.

Внес также предложение и Троцкий: считая, что после сложения четверкой своих «политических функций» их выход из партийного руководства «грозит стать точкой отправления раскола в партии», ЦК предлагает им остаться в руководстве партии, сохраняя за товарищами «право свободной агитации против принятого ЦК решения» по вопросу о мире⁵. Троцкий всегда оставался Троцким, и в часы «икс» свой несомненно талантливый ум и бесспорный авторитет использовал прежде всего в своих интересах.

Голосовали все 4 предложения. За предложения Крестинского и Троцкого высказались все, за первое и второе предложения Ленина было подано одинаково: 5 — за, 1 — против, 3 — воздержались.

Так закончилось это очень «тяжелое» заседание ЦК партии, где дебаты часто шли «на грани» раскола. В этот же день Ленин вместе со Свердловым подготавливает от имени Оргбюро ЦК РСДРП (б) важное обращение к членам партии — «Позиция ЦК РСДРП (большевиков) в вопросе о сепаратном и аннексионистском мире», в котором подробно излагались мотивы, побудившие ЦК выс-

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 268.

² См. там же. С. 265.

³ См. там же. С. 253.

⁴ Там же. С. 269.

⁵ См. там же.

казаться за принятие германских условий мира¹. Одновременно в нем откровенно говорилось о положении в партии по вопросу о мире и содержался призыв к долгу каждого коммуниста. «Организационное бюро ЦК считает необходимым указать,— заявлялось в обращении,— что единогласия в ЦК по вопросу о подписании условий мира не было. Но раз принятое решение должно быть поддержано всей партией. В ближайшие дни предстоит партийный съезд и на нем лишь можно будет разрешить вопрос, насколько правильно ЦК выражал действительную позицию всей партии. До съезда все члены партии во имя партийного долга, во имя сохранения единства в наших собственных рядах, проводят в жизнь решения своего центрального руководящего органа, ЦК партии»². Защита революционной войны в настоящий момент, когда мы не имеем армии, указывалось в обращении, неминуемо сбивается на революционную фразу. Но если немцы не прекращают наступления, заключалось в документе, то «все члены партии должны организовать дружный отпор», если мы не можем даже путем «крайне тяжелого» мира получить «хотя бы и короткую передышку», то «партия должна призывать массы к борьбе, к самой энергичной самозащите»³.

Это обращение к партии, опубликованное в «Правде» 26 февраля, было как нельзя более кстати. Революционная фраза захлестывала Московскую партийную организацию. 24 февраля Московское областное бюро РСДРП по предложению Стукова единогласно приняло резолюцию о недоверии ЦК. «Обсудив деятельность ЦК,— говорилось в ней,— Московское областное бюро РСДРП выражает свое недоверие ЦК ввиду его политической линии и состава и будет при первой возможности настаивать на его перевыборах. Сверх того Московское областное бюро не считает себя обязанным подчиняться во что бы то ни стало тем постановлениям ЦК, которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора с Австро-Германией»⁴. В объяснительном тексте к резолюции Московское областное бюро зая-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 277; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 389—392.

² Там же. С. 389.

³ Там же. С. 392.

⁴ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 296; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 237.

вляло, что «находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время», оно как бы выдвигало себя в качестве объединительного центра «всех последовательных революционно-коммунистических элементов, борющихся одинаково как против сторонников заключения сепаратного мира, так и против всех умеренных оппортунистических элементов партии»¹. Там же, наконец, содержалось и такое сверхреволюционное «разъяснение» к принятой резолюции, которое навсегда осталось в нашей истории как образец политической глупости: «В интересах международной революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной»².

В тот же день, 24 февраля, собрание Московского комитета РСДРП совместно с представителями от городских районов в принятой резолюции подчеркивало, что «считает абсолютно неприемлемым мир на условиях, предложенных австро-германской коалицией»; 26 февраля эта резолюция была опубликована в газете «Социал-демократ»³. К этой резолюции присоединилась и проходившая общегородская Московская конференция РСДРП(б)⁴.

24 февраля в 19 часов Володарский открыл заседание Петросовета и предоставил слово Зиновьеву по вопросу о мире⁵. Зиновьев рассказал о причинах, побудивших ЦИК принять решение подписать тяжкий мир, он говорил, что все нами делалось не за спиной народа, а открыто «и если нас, быть может, в чем-нибудь смогут упрекнуть, так только в том, что мы не заключили мира в Бресте на менее тяжелых условиях». Зиновьев сказал, что перед голосованием в ЦИК стоял один вопрос: есть ли другой приемлемый выход, кроме подписания мира на германских условиях? И большинство ответило «нет». Меньшинство не согласилось, но не давало и другого ответа, ибо «то, что они предлагали, т. е. продолжение войны, в сущности является вспарыванием собственного живота». Нам дали две недели на утверждение мира, продолжал Зиновьев, и, конечно, за это время многое

¹ Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 237.

² Там же.

³ См. там же. С. 238.

⁴ См. там же.

⁵ См.: Правда. 1918. 26 (13) февраля; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 28 февраля и 1 марта.

может произойти в международной обстановке, но в данный момент было бы, подчеркнул он, «непростительным легкомыслием открыть военные действия».

Выступавший от левых эсеров Фишман напомнил, что против подписания мира голосовали в ЦИК не только левые эсеры, правые фракции, но и некоторые члены ЦК партии большевиков. Он говорил, что подписание такого мира губительно для международной революции, Советской власти. Фишман заявлял, что выход — в ведении революционной войны и «если международная революция не придет на помощь, то мы погибнем, но погибнем с честью». Он утверждал также, что крестьяне осудят это решение ЦИК.

С резкой критикой левых эсеров выступил Володарский, говоривший, что он сам еще недавно был противником мира, но сейчас считает, что иного выхода у нас нет. Ерманский, выступавший от объединенных меньшевиков, призывал к организации немедленного вооруженного отпора немцам, а представитель эсеров центра Лившиц ратовал за продолжение войны.

После прений огромным большинством голосов была принята предложенная большевиками резолюция, одобряющая решение ЦИК по вопросу о заключении мира на германских условиях¹. Резолюции, предложенные меньшевиками и правыми эсерами, собрали всего 27 и 30 голосов соответственно². Заседание Петросовета уже заканчивалось, когда с внеочередным заявлением выступил Лашевич, сообщивший присутствующим о взятии немцами Пскова³. Настал момент, заявил он, когда от слов надо уже переходить к делу. Было решено объявить заседания Петросовета постоянными и немедленно принять меры к организации эшелонов для отправки на фронт.

24 февраля немцы помимо Пскова заняли Юрьев, Остров⁴ и продвигались, не встречая особенного сопротивления, дальше. Граф Чернин в одном из своих документов этого времени писал: «Политика Троцкого, выраженная словами «ни мира, ни войны» и приведшая к разрыву брест-литовских переговоров, оказалась пышным жестом и ничем больше. Германские армии спокой-

¹ См.: Правда. 1918. 26 (13) февраля.

² См. там же. 27 (14) февраля.

³ См. там же. 26 (13) февраля.

⁴ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 286.

но продвигались на восток...»¹ В свою очередь Гинденбург вспоминал, что «проведение операций почти нигде не встретило серьезного сопротивления»². «Наступавшие германские войска, состоявшие большей частью из ландвера, в удивительно короткий срок заняли Нарву, Псков, Полоцк, Оршу и Могилев,— подчеркивал также Э. Людендорф.— Русские не оказали никакого сопротивления. Военная добыча была огромна. ...Одновременно с вступлением в большевистскую Великороссию началось и германское наступление на Украине. ...Большевистские войска оказывали лишь незначительное сопротивление...»³

Падение Пскова, находившегося в восьми часах пути от Питера, поставило революцию в тяжелейшее положение. Петроград всколыхнулся. Прошло чуть более двух суток после публикации декрета СНК «Социалистическое отечество в опасности!», и никто, конечно, не ожидал, что немцы так быстро окажутся у ворот столицы. Все на что-то надеялись, что-то ждали, и работа по организации действительного отпора врагу в общем-то шла не теми темпами и не в тех масштабах, как того требовала обстановка. Настроение благодушия еще пока преобладало. Сыграло свою роль, и это очевидно, положение в руководстве партии.

И когда пришло известие о взятии Пскова, а это произошло в 19 часов⁴, в Смольный сразу же стали прибывать члены ЦИК. Всех словно встряхнуло. И хотя день был воскресным, но гудки заводов и фабрик гудели всю ночь. Комитет обороны Петрограда немедленно обратился к трудящимся с воззванием о мобилизации для рытья окопов и защиты города⁵. Прибывавшие члены ЦИК распределялись по специальностям и вместе с военными приступали к формированию отрядов, к организации снабжения и транспорта⁶. В рабочих районах началась запись в боевые дружины, раздавалось оружие. Уже поздним вечером по направлению к Пскову было отправлено 10 добровольческих отрядов во главе с членами

¹ Архив полковника Хауза. М., 1939. Т. 3. С. 268.

² Воспоминания Гинденбурга. С. 67.

³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. С. 136—137.

⁴ См.: Правда. 1918. 26 (13) февраля.

⁵ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 286.

⁶ См.: Известия ЦИК. 1918. 26 февраля.

ЦИК¹. Совнарком заседал всю ночь непрерывно, Ленин до 4 часов утра следил за формированием рабочих отрядов на защиту Петрограда².

Псков был занят германским отрядом в несколько сот человек, который усиленным пешим маршем прибыл из Острова; из Пскова немцы двинулись на Нарву и Дно, постоянно получая подкрепления³. На складах Пскова находилось на 400 миллионов рублей запасов и снарядов; при отходе из города были взорваны железнодорожный мост в 15 километрах от Пскова, прилегающие пути и шоссе, многое удалось вывезти со складов, увезти вагоны, но немало досталось и немцам⁴.

Вечером 24 февраля Ленин удостоверяет полномочия членов советской мирной делегации Сокольников, Петровского, Чичерина и Карахана на право подписания от имени нашей страны мирного договора, подписывает два свободных таких же бланка с полномочиями членам ВЦИК, а также удостоверение Иоффе как консультанта делегации⁵. В 22 часа делегация выехала в Брест⁶. В этот же день за подписью Сталина была отправлена телеграмма В. П. Затонскому и Аусему о необходимости посылки в Брест-Литовск делегации Украинской Советской Республики⁷.

25 февраля немцы заняли Ревель и Борисов⁸. Весь день Ленин озабочен делами, связанными с обороной Петрограда, формированием частей на фронт, германскими условиями мира, поездкой нашей делегации в Брест-Литовск. Под утро 25 февраля он выступает перед отрядами петроградских рабочих, отправляющимися на защиту города от немцев, а затем беседует относительно обороны города с начальником штаба главкомверха М. Д. Бонч-Бруевичем и руководящими работ-

¹ См.: Известия ЦИК. 1918. 26 февраля.

² См. там же; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 278.

³ См.: Известия ЦИК. 1918. 5 марта.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1918. 26 февраля; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 27 февраля.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 278.

⁶ См.: Правда. 1918. 26 (13) февраля.

⁷ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (6). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 286.

⁸ См. там же; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 26 февраля.

никами штаба С. Г. Лукирским, А. С. Гришинским, Н. А. Сулейманом, Р. Ф. Зейцем¹.

Со станции Новоселье, расположенной в 43 верстах от Пскова, Ленин получил телеграмму от нашей мирной делегации, которая извещала, что проезд к Пскову затруднен, так как впереди взорван мост, и ввиду невозможности снестись с германским правительством просила известить его о своем прибытии². Нервы у Ленина напряжены до предела, телеграмма вызывает у него недоумение, он опасается, что, может быть, Сокольников и Иоффе опять заколебались относительно своей поездки в Брест-Литовск, куда они отправились, как известно, только после решения ЦК о включении их в состав делегации, и Ленин в 21 час направляет делегации радиограмму: «Не вполне понимаем вашей телеграммы. Если вы колеблетесь, это недопустимо. Пошлите парламентариев и старайтесь выехать скорее к немцам»³. Одновременно Ленин выполняет просьбу делегации, направляя в Берлин и Брест-Литовск соответствующие радиограммы⁴.

25 февраля Совнарком обратился ко всем Советам и земельным комитетам с просьбой срочно сообщить по телеграфу о своем отношении к подписанию условий мира, предложенных германским правительством; в запросе СНК, с которым Ленин ознакомился и который был подписан Н. П. Горбуновым, излагались германские условия, точки зрения на этот вопрос ЦК РСДРП(б) и ЦК партии левых эсеров и детали принятия ЦИК решения о подписании мира⁵.

Вечером того же дня Ленин подписывает «Сообщение о положении дел в связи с немецким предложением об условиях мира», которое предназначалось для печати; это же сообщение радиограммой было направлено «Всем. Берлин, Двинск, Вена, София, Константино-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 279.

² См. там же; Известия ЦИК. 1918. 26 февраля; *Труш М. И.* Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 116.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 46, 415; *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 236.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 279.

⁵ См. там же; *Труш М. И.* Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 116—117.

поль»¹. В нем по дням и часам излагалось все, связанное с получением нами германских условий мира и ответом на них. Поскольку немцы не давали пока ответа и продолжали наступать, то в конце этого сообщения, подписанного Лениным и Троцким, подчеркивалось: «Остается поставить вопрос правительству Германии и верховному командованию германскими армиями, намерены ли они ответить на согласие Совета Народных Комиссаров подписать предложенные условия мира и на предложение главнокомандующего Крыленко прекратить военные действия»².

В вечернем выпуске «Правды» за 25 февраля публикуется статья Ленина «Тяжелый, но необходимый урок»³. Дав анализ обстановки в России с февраля 1917 года, Ленин подчеркивал, что «неделя с 18 по 24 февраля войдет как один из величайших исторических переломов в историю русской — и международной — революции»⁴. Он писал, что сравнительно легкие победы, достигнутые нами на внутреннем фронте, вскружили головы многим нашим руководителям, привели к «шапкозакидательским» настроениям, к перенесению этих настроений «на борьбу против всемирного империализма»⁵. И Ленин заявлял: «Неделя 18—24 февраля 1918 года, от взятия Двинска до взятия (отбитого потом назад) Пскова, неделя военного наступления империалистской Германии на Советскую социалистическую республику, явилась горьким, обидным, тяжелым, но необходимым, полезным, благодетельным уроком»⁶. Мы теперь «оборонцы», указывал Ленин, с 25 октября 1917 года мы выступаем «за защиту отечества», но «мы требуем серьезного отношения к обороноспособности и боевой подготовке страны. Мы объявляем беспощадную войну революционной фразе о революционной войне. К ней надо готовиться длительно, серьезно, начиная с экономического подъема страны...»⁷.

Вечером, в 21 час, 25 февраля советская делегация

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 280; *Труш М. И.* Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 115—116; Правда. 1918. 26 (13) февраля.

² Там же; *Труш М. И.* Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 116.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 393—397.

⁴ Там же. С. 393.

⁵ Там же. С. 394.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 395.

добралась до Пскова, приблизительно тогда же в Берлин прибыл и советский дипломатический курьер, доставивший наш ответ на германские условия¹. Утром следующего дня, 26 февраля, наша делегация за подписями своего руководителя Сокольников и секретаря делегации Карахана подала письменный протест германскому командованию. В нем заявлялось: «Полагая, что, если даже военные действия против России не были прекращены с момента вручения Германскому Правительству ноты Российского Правительства от 24-го февраля, во всяком случае, они должны быть приостановлены с момента прибытия Российской мирной делегации на территорию, занятую германскими войсками,— делегация считает необходимым установить, что ее прибытие должно исчисляться с момента приезда Председателя в Псков, т. е. с 9 часов вечера 25-го февраля 1918 года»².

Протест этот ни к чему не привел: немцы на него не ответили и продолжали наступать. Однако паника, которая имела место в первые дни немецкого наступления, уже прошла. Трудящиеся по призыву партии поднимались на защиту социалистического отечества. «Если немецкие империалисты не хотят идти на мир с Советской революцией,— писала «Правда»,— то они убедятся, что Советская революция умеет оборонять себя»³. За несколько дней в Петрограде в Красную Армию записалось более 100 тысяч человек⁴.

Наплыв добровольцев в Красную Армию был так велик, что не хватало оружия для их немедленного вооружения, недоставало транспортных средств для их незамедлительной отправки навстречу наступающим германским частям. 26 февраля за подписью членов Комитета революционной обороны Петрограда К. Еремеева, М. Урицкого и секретаря Гусева сообщалось: «Ввиду угрозы Петрограду со стороны германских войск и нужды в оружии для организации отпора, Комитет обороны приказывает: всем солдатам, отправляющимся домой, перед отъездом сдать оружие. Всякий увозящий с собой оружие объявляется контрреволюционером и мародером»⁵.

¹ См.: Правда. 1918. 27 (14) февраля; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 286.

² Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 267.

³ Правда. 1918. 27 (14) февраля.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1918. 28 (15) февраля.

⁵ Правда. 1918. 28 (15) февраля.

Тяжелые условия мира, предъявленные Германией России, многих в странах Четверного союза заставляли сомневаться в его длительности и прочности. Левые силы в этих странах выступали с критикой этого мира. Так, нелестными словами встретили депутаты австрийского парламента прибывшего туда представителя Рады Северюка, заставив его покинуть зал заседания¹. Виктор Адлер после начала немецкого наступления относительно позиции Австро-Венгрии заявил: «Мы не можем быть жандармами для поддержания порядка»². Немцы, например, в эти дни, опасаясь революционной «заразы», не принимали по обмену своих пленных, рекомендуя им до конца войны оставаться в России³. Когда рейхстаг обсуждал подписанный с Радой мир, левые депутаты голосовали против его принятия⁴.

26 февраля Совнарком сообщил во все нейтральные страны о принятии нами германских условий мира⁵. Ленин в этот день посылает советскому полпреду в Стокгольме В. В. Воровскому телеграмму: «Получаете ли все наши телеграммы, знаете ли немецкие условия и то, что мы их приняли. Сообщайте ежедневно телеграфом, какие вести у Вас и из заграничной печати»⁶. Несмотря на то что канцлер Гертлинг, выступая в рейхстаге, говорил об отъезде 26 февраля германской делегации в Брест-Литовск, несмотря на то что тогда же туда выехали и представители Австрии, обстановка оставалась чрезвычайно напряженной, и, как подчеркивал Ленин в телеграмме в Иркутск, переданной в ночь на 27 февраля, немцы продолжают наступать на Петроград, «большинство наших войск бежит» и «социалистическое отечество в опасности»⁷. Продолжалась и дальнейшая поляризация мнений по вопросу о войне и мире. «Когда России приставили к горлу нож,— писали «Известия ЦИК»,— она должна была выбрать что-нибудь из двух:

¹ См.: Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 27 февраля.

² Там же.

³ См. там же. 1 марта.

⁴ См.: Правда. 1918. 27 (14) февраля.

⁵ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 286.

⁶ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 281; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 47.

⁷ Правда. 1918. 27 (14) февраля; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 282—283; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 47.

или красиво умереть, или остаться живой, но униженной и замученной. Она выбрала второй путь. Она сохранила свою жизнь, чтобы сохранить жизнь социализму»¹.

Но выбор этого «второго» пути проходил тяжело. Газеты сообщали, что президиум Московского губернского Совета высказался за подписание мира, а на заседании исполкома Моссовета против заключения мира голосовал 41 человек, а за — только 10². 26 февраля Зиновьев на заседании Петросовета проинформировал товарищей, что ответа до сих пор нет, что надо срочно укреплять подступы к Питеру, где хотя подвоз и не прекращается, но хлеба осталось на 2—3 дня³. «Надо помнить, что события меняются с головокружительной быстротой,— подчеркивал, выступая, Володарский.— Еще на днях мы говорили, что мир не подписываем и войну прекращаем, теперь возможен случай, когда мы скажем — мир подписываем, но войну продолжаем»⁴. «Известия ЦИК» начали публиковать данные об отношении местных Советов к вопросу о заключении аннексионистского мира. В подборке за 27 февраля 49 Советов выступали против подписания мира и за революционную войну, 33 — за мир и 2 заняли колеблющуюся позицию⁵.

27 февраля Ленин принимает французских офицеров — члена военной миссии капитана Ж. Садуля и лейтенанта Ж. де Люберсака; последний был в сопровождении инженера⁶. Ленин беседует с Люберсаком в связи с предложением французских офицеров-подрывников разрушить железнодорожные пути, чтобы помешать продвижению немцев⁷. Поступает сообщение, что 27 февраля в 15 часов советская мирная делегация выехала из Пскова в Брест-Литовск⁸. Приближение немцев вызвало активизацию контрреволюционных элементов, правых сил. В типографии ЦК партии правых эсеров 27 февраля был обнаружен заранее заготовленный текст листовки, который гласил: «Совет Народных Комиссаров

¹ Известия ЦИК. 1918. 26 февраля.

² См.: Правда. 1918. 27 (14) февраля.

³ См. там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Известия ЦИК. 1918. 27 февраля.

⁶ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 283; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 120—121.

⁷ См. там же.

⁸ См.: Правда. 1918. 28 (15) февраля.

подписал безумный мир с Германией. Он предал Россию, народ, революцию, социализм. Его призывы к оружию — ложь и лицемерие. Он борется только за свою власть. Совет Народных Комиссаров может вести только братоубийственную войну среди народов России. Не им, предателям, защищать Россию. Пусть у власти станет Петроградская городская дума. Все вооруженные силы граждан должны быть отданы в ее распоряжение»¹.

В эти дни Ленин принимает делегацию Советской Украины в составе ее руководителя большевика В. П. Затонского, украинского левого эсера Е. Нероновича, левого эсера Е. П. Терлецкого и беспартийного крестьянина Руденко². Еще 24 февраля, когда в Киеве в 15 часов были получены германские условия мира, правительство Советской Украины, не признававшее подписанный без ведома народа Радой сепаратный мир, в тот же день 24 февраля на совместном заседании с ВУЦИК решило отправить свою мирную делегацию, в которую и вошли народные секретари Затонский и Терлецкий, член ВУЦИК Руденко и член Киевского Совета Неронович³. Делегация сразу же выехала через Москву в Петроград, чтобы договориться с русской делегацией о единой линии поведения, но последняя уже выехала в Брест⁴. Украинские товарищи перед отъездом из Петрограда были приняты Лениным, который одобрил решение властей Советской Украины подписать мир на германских условиях, чтобы получить передышку для укрепления завоеваний революции⁵.

28 февраля в 15 часов русская мирная делегация прибыла в Брест-Литовск и сразу же сделала повторный решительный протест председателю германской делегации против продолжающегося наступления немцев; в этот день австро-германские войска заняли Бердичев⁶. В протесте, в частности, подчеркивалось, что военные дейст-

¹ Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 2 марта.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 278—279.

³ См.: Правда. 1918. 5 марта (20 февраля).

⁴ См. там же; Известия ЦИК. 1918. 3 марта.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 278—279.

⁶ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 287; Правда. 1918. 2 марта (17 февраля); Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 267.

вия «во всяком случае должны быть приостановлены к моменту возобновления мирных переговоров, вѣдущихся на основе уже принятого ультиматума»¹; протест был подписан Сокольниковым и Караханом.

Карахан телеграфировал в Петроград Ленину, что в день прибытия нашей делегации в Брест-Литовск состоялось совещание о порядке дня завтрашнего, то есть 1 марта, заседания, что на наши требования прекратить военные действия ввиду согласия на германский ультиматум немцы ответили отказом, заявив, что наступление прекратится лишь с момента подписания мирного договора и что трехдневный срок ультиматума исчисляется с первого заседания — с 11 часов дня 1 марта².

В этот же день, 28 февраля, делегация Советской Украины прибыла в Псков³. Потом в печати делегация изложит свою «одиссею»⁴. По дороге до Пскова они не встретили ни одного немца, а в самом городе их было много. По прибытии в Псков делегация обратилась к коменданту станции с просьбой обеспечить ее проезд в Брест-Литовск для подписания мирного договора. Немцы, разместив украинских товарищей на вокзале и дав им для охраны двух солдат, запросили свое командование. Время шло. Членов делегации накормили консервами и предоставили одну комнату для сна, где они и улеглись прямо на полу. Наступило 1 марта, и делегация сделала заявление начальнику станции о своем желании встретиться с представителями держав Четверного союза. К ночи поступил ответ от генерала Гофмана: находящиеся в Брест-Литовске представители стран Четверного союза признают законным правительство УНР, а обращающихся к ним данных четырех господ не знают, и им предоставляется возможность возвратиться в Петроград. Таким образом, немцы задержали делегацию Советской Украины в Пскове. Ей было отказано также проехать в Харьков через Брест-Литовск⁵. Немецкий комендант предоставил членам делегации два автомобиля и двух солдат, в сопровождении которых они и были доставлены до первого русского поста.

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 267; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 115—116.

² См.: Правда. 1918. 2 марта (17 февраля).

³ Там же. 5 марта (20 февраля); Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 287.

⁴ См. там же.

⁵ См.: Известия ЦИК. 1918. 5 марта.

По-прежнему тяжело складывалась обстановка среди руководящих партийных и советских работников в Москве и в области. 28 февраля Московский окружной комитет РСДРП(б) принял резолюцию о его присоединении к содержанию заявления, «поданному в ЦК частью его членов и группой товарищей 23 февраля»¹. Комитет высказывался «за настоятельную необходимость созыва партийного съезда в назначенный срок», несмотря на всю сложность обстановки, и «за безусловную недопустимость его отсрочки»². И резолюция резюмировала: «Ответственность партии перед революцией настолько велика, что партия должна сказать по вопросу о мире свое слово, а период, в который вступает социалистическая революция, настолько решителен и грозен, что во главе партии должен стоять ЦК с линией политически более решительной и твердой и более способный руководить ею, чем настоящий его состав»³.

В тот день, 28 февраля, проходило и экстренное заседание Московского Совета⁴. И там обстановка сложилась тяжелая. Выступавший большевик Игнатов говорил, что мир ничего нам не дает. Признавая, что принятие мира дает нам выигрыш во времени, левый эсер Черепанов тем не менее считал, что мир на данных условиях для нас неприемлем. Поставленная на голосование резолюция содержала два момента: предложенный мир неприемлем, продолжать мобилизацию сил для защиты страны. За первый тезис были все, кроме одного; за второй — все против одного при воздержавшихся меньшевиках⁵.

28 февраля и 1 марта газета «Правда» в двух номерах публикует статью Ленина «Странное и чудовищное» по поводу резолюции Московского областного бюро партии от 24 февраля, в которой выражалось недоверие ЦК и содержался отказ подчиняться его решениям, и «объяснительного текста» к этой резолюции⁶. В этой статье Ленин разбирал доводы «москвичей» и тех, кто выступал против заключения мира на германских условиях и призывал к революционной войне, к которой страна и на-

¹ Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 238.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1918. 3 марта.

⁵ См. там же.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 399—407.

род не были готовы, не имея ни средств, ни армии для ее ведения. Ленин доказывал правильность курса на завоевание мирной передышки, хотя бы и ценой тяжелейшего мира. «Отказ от подписи похабнейшего мира, раз не имеешь армии,— подчеркивал Ленин,— есть авантюра, за которую народ вправе будет винить власть, пошедшую на такой отказ»¹. И он заключал: «И потому позорнее всякого тяжкого и архитяжкого мира, предписываемого неимением армии, позорнее какого угодно позорного мира — позорное отчаяние. Мы не погибнем даже от десятка архитяжких мирных договоров, если будем относиться к восстанию и к войне серьезно. Мы не погибнем от завоевателей, если не дадим погубить себя отчаянию и фразе»².

Обратим также внимание на два момента этой ленинской статьи, которые имели принципиальное значение для будущего Советской власти, для «проживания» нашего государства «вместе и совместно» с другими странами на планете. Из рассуждений противников заключения мира следовало, будто интересы международной революции запрещают любой мир с империализмом. «Социалистическая республика среди империалистских держав,— указывал Ленин,— не могла бы, с точки зрения подобных взглядов, заключать никаких экономических договоров, не могла бы существовать, не улетая на луну»³. Взгляды тех, кто отвергал германские условия мира, подводили к тому, будто в интересах международной революции ее выгодно «подталкивать»... войной. «Подобная «теория»,— подчеркивал Ленин,— шла бы в полный разрез с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции»⁴.

Днем 28 февраля Ленин знакомится с телеграммой Р. Робинса из Вологды, куда наконец-то добралось с помощью Владимира Ильича американское посольство; Робинс, а значит, и посольство интересовались положением дел с заключением мира, получив ответ Ленина, что он еще не подписан⁵. Было уже известно, что на сле-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 406.

² Там же. С. 407.

³ Там же. С. 402.

⁴ Там же. С. 403.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 282, 284—285.

дующий день в Брест-Литовске на этот счет откроются переговоры.

Утром 1 марта (16 февраля) газета «Правда» выходит со статьей Ленина «На деловую почву». В ней Ленин, призывая народ стать на защиту Советской власти, если германские войска будут наступать, одновременно подчеркивает, что одного энтузиазма для ведения войны недостаточно. «Войну надо вести по-настоящему, или ее совсем не вести. Середины тут быть не может,— писал Ленин.— Раз нам германские империалисты ее навязывают, наша священная обязанность трезво оценить наше положение, учесть силы, проверить хозяйственный механизм. Все это должно делаться со скоростью военного времени...»¹ Только тогда можно будет говорить серьезно о войне, заключал Ленин, а иначе это все — революционная фраза, которая «в данный критический момент... может сыграть роковую роль»².

Утром же выходят и «Известия ЦИК» со статьей Карла Радека, который продолжает защищать свою позицию революционной войны. «Или мы примем открытый вызов Германии на войну,— пишет Радек,— начнем ее и будем ее вести открыто, или мы подпишем сегодня мир, который даст нам войну не в лучших, а в тысячу раз худших условиях»³. И далее Радек подчеркивает: «Война или капитуляция: так поставила история вопрос. Третьего выхода нет»⁴.

Однако данные, поступающие с мест, говорили за то, что в общественном сознании шел медленный, но поворот в пользу заключения мира. «Правда» публиковала позиции местных Советов по вопросу о войне и мире⁵. Газета сообщала, что Совнаркомом уже получено 163 ответа от местных Советов и различных организаций с изложением их позиции по вопросу о войне и мире. За подписание мира высказывались 92 Совета и организации, против — 63, остальные четко своей позиции не определили. Газета давала также и характеристику мест, откуда поступили ответы на запрос Совнаркома, и эти данные уже более «наглядно» говорили о том, с каким трудом шел поворот в общественном мнении в пользу подписания аннексионистского мира. За мир ответы пришли из 1 губернского го-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 408.

² Там же. С. 409.

³ Известия ЦИК. 1918. 1 марта (16 февраля).

⁴ Там же.

⁵ См.: Правда. 1918. 1 марта (16 февраля).

рода, 15 уездных, 3 фабрично-заводских местностей и от 72 волостных Советов. Против подписания мира данные были получены из 15 губернских городов, 17 уездных, 3 фабрично-заводских местностей и от 25 волостных Советов. Другими словами, во втором случае фигурировали более крупные центры, зато в первом было большое преимущество сельских районов.

Заметим, кстати, что указанный в первом случае один губернский город был Петроградом. Здесь 1 марта под председательством Володарского проходило пленарное заседание Петросовета¹. С докладом выступал Зиновьев, обративший внимание на то, что, несмотря на наступление немцев и подтягивание ими подкреплений, в петроградском гарнизоне пока еще нет твердого революционного порядка. Советская власть сделала для честного мира все возможное, говорил оратор, но этот тяжкий мир нам нужен, за него выступает большинство Советов, а также подавляющая часть крестьян и рабочего класса, и мы должны иметь мужество сказать, что «неподписание мира влечет за собой обыкновенную кровопролитную бойню». Петросовет должен остаться при своем прежнем мнении — мир, но если нас заставят вести войну, подчеркивал Зиновьев, то мы будем ее вести.

Положение продолжало оставаться сложным. Немцы наступали, и 1 марта они заняли Гомель, а их передовые части вместе с австрийскими и кавалерией Центральной Рады вошли в Киев². По Петрограду снова поползли слухи: большевики готовятся бежать из города. Эти слухи имели под собой и действительное основание: в правительственных кругах уже не раз затрагивался вопрос о переезде центральных партийных и советских учреждений в Москву, на этот счет уже давались различные распоряжения, в том числе и Лениным.

1 марта Ленин проводит напряженнейший день; его встречи, беседы и дела во многом связаны и «привязаны» к Брест-Литовску. Он говорит по этому вопросу с корреспондентом «Известий» Москвы и Московской области, с делегатами, приезжающими на VII съезд РСДРП(б)³. По вопросу о мире между Россией и Германией, о воз-

¹ См.: Правда. 1918. 2 марта (17 февраля); Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 6 марта.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 287.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 288.

можной агрессии Японии в Сибири и позиции в связи с этим США Ленин в этот день разговаривает с капитаном французской военной миссии Ж. Садулем, с дипломатическим представителем Великобритании Р. Локкартом¹.

Таков был этот насыщенный событиями день, когда в Брест-Литовске начались переговоры о заключении мира. Утреннее пленарное заседание мирной конференции открылось под председательством посланника фон Розенберга². Прибывшие в Брест-Литовск делегации были в таком составе.

Русская делегация: председатель Г. Я. Сокольников, Г. И. Петровский, Г. В. Чичерин, секретарь делегации Л. М. Карахан, политический консультант А. А. Иоффе, военные консультанты контр-адмирал В. М. Альтфатер, капитан В. В. Липский, генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов, профессор А. И. Андогский³.

Германская делегация прибыла в составе: посланник фон Розенберг, генерал-майор Гофман, действительный статский советник фон Кернер, капитан 1-го ранга Горн и директор правового департамента Криге⁴.

Австро-венгерскую делегацию представляли директор департамента доктор Грац, посол фон Мерей, фельдмаршал-лейтенант фон Чичерич⁵.

Посланник Тотчев, полковник Гантчев и легационный секретарь Анастасов входили в состав болгарской делегации⁶.

И наконец, турецкую делегацию представляли Ибрагим Хакки-паша и генерал от кавалерии Цеки-паша⁷.

Открывший заседание Розенберг призвал не отвлекаться на бесполезные споры, памятуя, что возобновившиеся военные действия могут быть прекращены лишь после подписания мирного договора, для чего, собственно говоря, все и собрались, сказал он, в Брест-Литовске. Говоря о представленных документах договора, Розенберг предложил их рассматривать в трех комиссиях — политической, экономической и правовой⁸. Далее он предложил, если нет возражений со стороны русской делегации, за-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 289.

² См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 213.

³ См. там же. С. 211.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же. С. 212.

⁶ См. там же.

⁷ См. там же.

⁸ См. там же. С. 213.

крыть пленарное заседание и работать уже в качестве политической комиссии, определив ее состав и план работы.

Отвечая, Сокольников подчеркивал наше желание закончить всю процедуру в «наикратчайший срок» и «принять условия, которые с оружием в руках продиктованы Германией Российскому Правительству»¹. И в этой связи Сокольников отклонил предложение об образовании комиссий, сказав, что все вопросы, связанные с заключением мирного договора, «целесообразнее» рассматривать на общих заседаниях².

Розенберг, возражая против обвинения держав Четверного союза в навязывании России условий мира «с оружием в руках», сказал, что дело России принять их или «решиться на продолжение войны»³. Он сожалел об отклонении нашей делегацией предложения об образовании комиссий, но не настаивал на их создании при соблюдении условия о трехдневном сроке для подписания мира, оговоренном в немецком ультиматуме. И Розенберг, предложив приступить к обсуждению вопросов, подлежащих рассмотрению политической комиссией, стал зачитывать германский ультиматум от 21 февраля, комментируя его отдельные положения. В заключение он предложил Кернеру изложить вопросы экономического соглашения, которые касаются Германии.

Последний заявил, что в основу экономического соглашения положен торговый договор между двумя странами от 1894 года, который был пересмотрен и дополнен в 1904 году. Кернер говорил, что, согласно договору, Германии гарантируется свободный и беспошлинный вывоз руды и режим наибольшего благоприятствования до конца 1925 года, что предоставляются преимущества третьим странам, с кем Австро-Венгрия и Германия находятся в таможенном союзе. Он сказал также, что текст у них имеется пока только на немецком языке и необходимо, чтобы уполномоченные русской делегации приступили к совместной работе с немецкими переводчиками.

И еще относительно прежнего торгового договора и нового экономического соглашения: в предлагаемом новом экономическом соглашении, хотя оно во многом и совпадало со старым договором, красной нитью проходила одна мысль — все то, что соответствовало в той или иной мере экономическим интересам Германии по старо-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 214.

² См. там же. С. 213—214.

³ Там же. С. 214.

му договору, сохранялось, и наоборот, все то, что ее интересам противоречило и ограждало интересы России, отбрасывалось.

После Кернера Розенберг с согласия Сокольников предоставил слово Криге, изложившему правовые вопросы мирного договора. Они были уже известны нашей делегации, но в выступлении Криге подчеркивался опять-таки один важный момент: «Поскольку немецкие и русские предложения расходятся, урегулирование должно производиться в соответствии с немецкими предложениями»¹.

В дальнейшем выступили представители австро-венгерской делегации. Мерей передал нам изложенный Вильденом пункт об экономических вопросах и сам говорил о правовых, которые в основном совпадали с германскими и которые он обещал передать на вечернем заседании. В свою очередь болгарский представитель Гантчев сказал, что завтра они вручат нам свой коммерческий договор, а Хакки-паша говорил, что проекты турецко-русских договоров они уже давали Иоффе, а затем более полные тексты — Троцкому. Поскольку материалы были на французском языке, Хакки-паша предложил их подписать в таком виде, если русская делегация не возражает, на что Сокольников дал согласие. Одновременно он сказал, что стремление представителей стран Четверного союза, выраженное Розенбергом, быстрее закончить работу совпадает и с нашим желанием и поэтому мы предлагаем назначить на сегодня встречу глав делегаций.

В 13 часов 15 минут Розенберг закрыл заседание, и он же в 17 часов 17 минут открыл пленарное собрание. При начале его работы Сокольников поинтересовался у австро-венгерской делегации, как обстоят дела с обещанными нам на утреннем заседании материалами, и Мерей заявил, что через полчаса они будут в нашем распоряжении. Создавалось впечатление, что делегации стран австро-германского блока не знали, что делать дальше, и Розенберг попросил Сокольникова изложить высказанное им утром предложение о встрече председателей всех участвующих в конференции делегаций. Глава русской делегации считал, что она должна состояться после этого пленарного заседания.

Мы хотели как можно быстрее подписать мирный договор, ради чего, собственно говоря, и отказались от

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 217.

обсуждения его вопросов в различных комиссиях, которые предлагали образовать немцы, стараясь создать видимость «делового» обсуждения грабительского мира. Видимо, педантичные немцы этого не предусматривали, и образовался своего рода «вакуум», который надо было чем-то заполнить. Нас же «трехдневный срок» не устраивал: противник наступал, захватывал новые города, продвигался в глубь страны, приближаясь к ее жизненно важным центрам.

Поэтому Сокольников и торопил с назначением встречи председателей делегаций, обращая внимание в то же время и на наше желание быть ознакомленными с еще не известными нам деталями договора между Россией и державами Четверного союза. Розенберг предложил «пяти Председателям делегаций немедленно собраться» в соседней комнате, прервав на некоторое время проходящее сейчас заседание, на что Сокольников дал согласие¹. И Розенберг, закрыв в 17 часов 33 минуты текущую встречу, через 7 минут, в 17 часов 40 минут, открыл в другом помещении в качестве главы германской делегации совещание председателей делегаций, попросив нас изложить свои предложения.

Получив слово, глава советской делегации Сокольников сделал заявление. «Мир, подлежащий заключению, не является плодом соглашения обеих сторон,— начал Сокольников.— Этот мир... диктуется нам с оружием в руках»². Он говорил о том, что трехдневный срок не дает никакой возможности всесторонне обсудить предъявленные нам условия, что при этом Германия продолжает вести наступательные действия против нас и заключение самого мира происходит, таким образом, «в неслыханной атмосфере насилия»³. В такой обстановке, продолжал Сокольников, и «в соответствии с произведенной Россией демобилизацией и провозглашением с ее стороны прекращения войны, Русская делегация считает единственным достойным выходом из этого положения — принятие условий в той форме, в которой они предлагаются»⁴. Мы имеем полномочия и не намерены откладывать момент подписания договора, заявил Сокольников, готовы сделать это «уже завтра» и считаем необходимым обсудить фор-

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 223.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

му подписания мирного договора, условиться о времени совершения этого акта¹.

В ответ Розенберг вновь повторил, что приостановка военных действий возможна только с момента подписания мира, что со стороны государств Четверного союза нет никакого насилия и изменившаяся обстановка вызвала и изменение требований, которые, по мнению Розенберга, и теперь «еще далеки от того, чтобы их можно было рассматривать, как бесцеремонную эксплуатацию соотношения сил»². Розенберг заявил, что русская делегация сама во многом виновата, что она имела не три дня для обсуждения условий мира, а полтора месяца, «когда переговоры были прерваны», что у нее было, таким образом, достаточно времени, чтобы «иметь возможность принять или отвергнуть наши требования»³. Он сказал также, что относительно условий мира сейчас «речь идет не столько об изучении, сколько о решении этих вопросов» и делегации стран Четверного союза приветствуют шаги русской делегации в этом направлении и приложат усилия к тому, чтобы к утру завтрашнему или следующего дня подготовить текст договора⁴.

Австро-венгерский представитель Мерей и болгарский — Тотчев присоединились к сказанному Розенбергом, при этом болгарский представитель подчеркнул, что «настоящее положение вещей является результатом близирующей политики России»⁵.

Снова взявший слово Сокольников повторил наши прежние оценки условий мира и предложил на этом закончить обсуждение, так как точки зрения сторон ясны. Он сказал, что необходимо наметить практический путь, «который дал бы нам возможность завтра же подписать мирный договор»⁶. Повторил доводы австро-германского блока в свою очередь и Розенберг, заявив также, что для решения всех вопросов, связанных с мирным договором, специалисты обеих сторон должны объединить свои усилия и что от них по правовым проблемам будет участвовать Криге, по экономическим — Кернер и политическим — он, и в этой связи Розенберг поинтересовался, ко-го будет делегировать русская делегация.

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 223—224.

² Там же. С. 224.

³ Там же.

⁴ См. там же. С. 224—225.

⁵ Там же. С. 225.

⁶ Там же. С. 226.

Сокольников ответил, что для него не ясна цель таких совещаний специалистов, что, как он представляет, работа сведется, по сути дела, к переводческой, а потому, подчеркнул он, мы готовы считать подлинным текстом немецкий, оговаривая лишь, что турецко-русский текст должен быть составлен на французском языке. Что касается русского текста, говорил Сокольников, то мы представим его ко дню ратификации или в отрезке времени между подписанием договора и днем его ратификации.

Розенберг выразил желание посоветоваться по вопросу о текстах на языках с председателями делегаций стран Четверного союза, и с этой целью был объявлен небольшой перерыв, после которого он заявил, что предложение русской делегации подписать сначала «только немецкий текст главного договора, приложений и правовых дополнительных договоров» в принципе принимается, но с оговоркой, что «договоры должны быть заключены на пяти языках и что те тексты, которые, за недостатком времени, не могут быть изготовлены, будут представлены впоследствии»¹.

В 19 часов 5 минут заседание было закрыто. Оно было нелегким. Ведь приходилось решать и свои «внутренние» проблемы. Мы отказались, например, вести переговоры совместно с представителями Центральной Рады². Надо было утрясать вопросы и со своими консультантами, прежде всего военными, — Альтфатером, Даниловым, Липским и Андогским, которые еще по пути к Брест-Литовску заявили, что они не разделяют решение о заключении мира на германских условиях, а затем, прибыв к месту переговоров, составили записку на имя Сокольникова, где опять подтвердили свое отрицательное отношение к данному сепаратному миру, считая его заключение нецелесообразным и едва ли необходимым³. Военные консультанты заявляли также, что требования немцев, выходящие за пределы их ультиматума от 21 февраля, являются таким новым обстоятельством, которое позволяет отказаться от подписания договора⁴. Естественно, что наша делегация не могла согласиться с доводами своих военных консультантов, ибо имела полномочия подписать мирный договор на условиях, не затрагивающих ос-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 227.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (6). Седьмой съезд. Март 1918. С. 287.

³ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 161.

⁴ См. там же.

нов Советской власти. Германские условия мира, при всей их тягостности и болезненности для нас, на Советскую власть не посягали.

Сразу же после закрытия в Брест-Литовске вечернего заседания 1 марта секретарь нашей делегации Карахан отправил из Брест-Литовска телеграмму: «Петроград, Смольный. Совнаркому. Вышлите нам поезд к Торошино (около Пскова) с достаточной охраной. Снесите о последнем с Крыленко»¹. В 20 часов она была получена в Петрограде, ее читает Ленин, в ней ничего не говорится о подписании мира. Ленин чрезвычайно взволнован, и он имел все основания в создавшейся внутренней и внешней обстановке допустить, что переговоры прерваны. Ленин тут же от имени Совнаркома посылает всем Совдепам радиотелеграмму, извещая страну об опасности². В ней он приводит только что полученное от Карахана из Брест-Литовска сообщение и далее указывает: «Эта телеграмма, по всей вероятности, означает, что мирные переговоры прерваны германцами. Надо быть готовым к немедленному наступлению германцев на Питер и на всех фронтах вообще. Обязательно всех поднять на ноги и усилить меры охраны и обороны»³.

Одновременно с этой радиотелеграммой всем Совдепам Троцкий в свою очередь обратился в Брест-Литовск с запросом о причинах такого экстренного затребования поезда⁴. Ответ из Брест-Литовска еще не пришел, когда в полночь на имя Троцкого доставили расшифрованную телеграмму от Сокольников и Альтфатера, отправленную ими еще 28 февраля⁵. В ней они сообщали, что «завтра», то есть, значит, 1 марта, будет, вероятно, подписан мир.

Получение этой телеграммы в какой-то мере «проясняло» ситуацию. Надо полагать, что это сообщение, поскольку оно было зашифровано, задержали немцы, и оно поступило в Петроград после телеграммы Карахана с затребованием поезда, а последний, полагая, что депеша

¹ Правда. 1918. 2 марта (17 февраля); Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 48, 416—417.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 289.

³ Правда. 1918. 2 марта (17 февраля); Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 48, 416—417.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1918. 3 марта; Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 162.

⁵ См.: Известия ЦИК. 1918. 3 марта.

от Сокольникова и Альтфатера получена в Совнарком, ничего, естественно, о подписании мира и не сообщал¹.

Телеграмма-ответ от Карахана на запрос Троцкого была принята в Петрограде только в 3 часа 11 минут ночи 2 марта². В ней говорилось, что предъявленные немцами требования еще более тяжелые, нежели их ультиматум от 21 февраля, что самым серьезным из их новых требований является отделение от России под видом «самоопределения» Карса и Батума, что в создавшихся условиях нет смысла вести какие-либо переговоры, и поэтому мы, сообщалось в этой телеграмме Карахана, не входя в обсуждение мирного договора, подписываем его и выезжаем «завтра», в связи с чем и затребовали поезд.

Все эти «детали» происшедшего после 19 часов 1 марта и до четвертого часа ночи 2 марта в газеты попали только 3 марта. А 2 марта газеты вышли с тревожными заголовками и статьями. «Правда» оповещала всех: «Наша мирная делегация возвращается в Петроград. Вопрос о войне и мире решен: война!»; «Рабочие, солдаты, крестьяне! Только через наши трупы враг войдет в Петроград! Только взяв с бою каждый город, каждую деревню, буржуазия сможет воцариться в стране!»; «Наш лозунг отныне: «Победа или смерть!»³ В одной из статей газета писала: «Ясно, что немцы врали нам, они не хотят мира. Надо сражаться. К оружию!»⁴ Немцы еще не сказали своего последнего слова, писали в свою очередь «Известия ЦИК», и есть основания полагать, что «слово это будет ужасно»⁵.

Газеты этого дня продолжали публиковать развернутые статьи против заключения мира на германских условиях. В «Известиях ЦИК» с очередным материалом в защиту революционной войны выступал К. Радек, подчеркивавший, что «партизанская борьба имеет шансы на успех», что «даже необходимость очистить некоторые важные центры не грозит нам гибелью»⁶. А «Правда» публиковала статью М. Бронского об экономических последствиях заключения мира на германских условиях⁷. В ней

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 416—417.

² См.: Известия ЦИК. 1918. 3 марта; Правда. 1918. 3 марта (18 февраля).

³ Правда. 1918. 2 марта (17 февраля).

⁴ Там же.

⁵ Известия ЦИК. 1918. 2 марта.

⁶ Там же.

⁷ См.: Правда. 1918. 2 марта (17 февраля).

подчеркивалось, что этот наш шаг есть «восстановление права капиталистической эксплуатации», что это «открытие двери для входа немецкого капиталиста, который потащит за собой своего русского собрата, буржуа и крепостника», что это, заключал автор, есть «конец социалистическому переустройству»¹.

Ленин, не зная, что немцы не пустили делегацию Советской Украины дальше Пскова и она уже возвращается обратно, до полудня 2 марта направляет нашей делегации в Брест-Литовск телеграмму-запрос: не прибыли ли к месту переговоров украинские товарищи?² Между тем пришло известие, что немцы заняли Нарву, турки взяли Трапезунд, а в Подолию по просьбе Центральной Рады вступили австрийские и германские войска³.

В 21 час 2 марта на имя Совнаркома из Брест-Литовска за подписями Сокольников, Петровского и Чичерина была получена радиотелеграмма следующего содержания: «Вчера русская делегация заявила, что она отказывается от обсуждения предложенных условий мира ввиду того, что военные действия против России продолжаются, несмотря на возобновление работ мирной конференции. Требование русской делегации о приостановке наступления было отклонено. В этих условиях весь мирный договор целиком является ультиматумом, поддерживаемым со стороны Германии путем непосредственного вооруженного насилия. Русская делегация, подписывая без обсуждения продиктованные ей условия, считает своим долгом открыто сказать об этом всю правду рабочим и крестьянам России и всего мира, отдавая на их суд все происходящее»⁴. В депеше, которая в самой сжатой, но точной по смыслу форме излагала существо заявлений нашей делегации на заседаниях брест-литовской конференции от 1 марта, сообщалось также, что подписание мирного договора состоится 3 марта.

Обстановка, таким образом, несколько прояснялась, но доверять германским империалистам было нельзя, и Ленин это понимал. Сразу же после получения радиотелеграммы он за своей подписью составляет проект приказа всем Совдепам, который гласил: «Мы полагаем, что

¹ Правда. 1918. 2 марта (17 февраля).

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 290.

³ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 287.

⁴ Известия ЦИК. 1918. 3 марта.

завтра, 3/III, будет подписан мир, но донесения наших агентов в связи со всеми обстоятельствами заставляют ожидать, что у немцев возьмет верх партия войны с Россией в ближайшие дни. Поэтому безусловный приказ: демобилизацию красноармейцев затягивать; подготовку подрыва железных дорог, мостов и шоссе усилить; отряды собирать и вооружать; эвакуацию продолжать ускоренно; оружие вывозить в глубь страны»¹.

В этом документе хотелось бы обратить внимание на один момент: на распоряжение затягивать демобилизацию красноармейцев. Было совершенно ясно, что и после подписания мира немцы будут стараться разделаться с Советской властью «через» Украину, откуда можно было вклиниться далеко в глубь России, отрезая Петроград и Москву от важнейших продовольственных и сырьевых источников. Характерно, что в этот же день, 2 марта, Наркомвоен отдал приказ о единовременной демобилизации всех призывных возрастов старой армии², которая уже ничему не служила, разлагала всех вокруг себя и вовлекала в водоворот своего панического бегства с позиций все окружающее. Достаточно сказать, что лишь в некоторых частях Западного фронта можно было рассчитывать не более чем на 500 бойцов на каждые 25 тысяч человек³. Естественно, что приказ о задержке по возможности демобилизации красноармейцев был в этих условиях как нельзя более кстати. Поэтому и ведет Ленин в ночь со 2 на 3 марта разговор с главверхом Крыленко по ряду военных вопросов, связанных с усилением боевой готовности революционных частей армии⁴. В эти же дни Ленин ни на минуту не выпускает из виду вопросы, связанные с эвакуацией важнейших учреждений из Петрограда в глубь страны, в частности в Москву⁵.

С 28 февраля по 2 марта ВЦИК и СНК получали от местных Советов и других организаций ответы на запрос относительно их позиции по вопросу о мире и войне. Газеты регулярно публиковали эту информацию. Ленин составляет общую сводку ответов с мест; при подсчете ока-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 410.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 287.

³ См.: Известия ЦИК. 1918. 3 марта.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 291.

⁵ См. там же. С. 291, 292.

зывается: за мир — 250, за войну — 224¹. 3 марта «Известия ЦИК» публикуют сообщение, в котором говорится, что в среде местных Советов имеются глубокие разногласия по вопросу о мире, и поэтому для определения общей позиции Советской власти по решению ВЦИК в Москве с этой целью 12 марта созывается Чрезвычайный съезд Советов².

Этими «глубокими разногласиями» пестрели и страницы газет. «Известия ЦИК» помещали беседу своего репортера с левым эсером наркомом А. Л. Колегаевым³. Опровергая слухи о кризисе в СНК, он подтвердил, что петроградская организация партии левых эсеров не признает мира на германских условиях, но ЦК их партии такого решения не выносил, и поэтому для левых эсеров постановление ВЦИК о мире обязательно. Вместе с тем Колегаев подчеркивал, что, по его мнению, если даже мир и будет подписан, то военные действия не прекратятся, ибо растет движение за революционную войну и последняя приобретает партизанский характер. Как писал в этот день орган московских анархистов, «мы разбили оковы Николая, мы не оденем оковы Вильгельма. Мы согнули нашу буржуазию, мы сокрушим и европейскую буржуазию и ее хищнические шайки, разрушим узел дипломатических затей»⁴.

И в одних и тех же номерах газет, на тех же страницах шла и другая информация. Для определения позиции партии по вопросу о мире, писала «Правда», съезд должен собраться во что бы то ни стало. При этом газета подчеркивала: «В нашей среде могут быть разногласия по тому или другому вопросу, но двух линий в нашей пролетарско-коммунистической партии быть не может. Един пролетариат, и партия его едина»⁵. В этот же день газета, обобщая опыт последних дней на основании поступившей с позиций информации, ставила вопрос, почему мы отступаем на Западном и других фронтах перед небольшими отрядами немцев, и отвечала, что причина заключается в отсутствии у нас боеспособной армии⁶.

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 292.

² См.: Известия ЦИК. 1918. 3 марта; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 205.

³ См.: Известия ЦИК. 1918. 3 марта.

⁴ Анархия. 1918. 3 марта.

⁵ Правда. 1918. 3 марта.

⁶ См. там же.

Об этом же писали и «Известия ЦИК». «Вести революционную войну можно,— подчеркивала газета,— опираясь лишь на новые вооруженные силы сознательного пролетариата и части боевой армии, но для этого необходима известная подготовка, передышка, перегруппировка. Всякая же иная попытка в этом направлении может быть весьма героической, решительной, но можно опасаться и бесплодной — вследствие полной неподготовленности»¹.

3 марта Ленин принимает вернувшегося в Петроград руководителя мирной делегации Советской Украины В. П. Затонского, которого вместе с другими членами делегации немцы не пропустили дальше Пскова, и в ходе беседы с ним просит передать украинским товарищам, что очень важно занять на предстоящем Всероссийском съезде Советов позицию одобрения мира².

А в этот день в Брест-Литовске в 11 часов 56 минут под председательством Граца открылось пленарное заседание мирной конференции³. Оно началось с предъявления всеми делегациями своих полномочий на право подписать мирный договор, которые были признаны правильными. Затем слово было предоставлено главе русской делегации Сокольникову. Подробно изложив нашу точку зрения на грабительский, аннексионистский мир, который всем предстояло подписать, показав расстановку сил на мировой арене, в том числе и в революционном движении, Сокольников заявил, что наше правительство «не в состоянии противостоять вооруженному наступлению германского империализма и, во имя спасения революционной России, вынуждено принять предъявленные ему условия», что на основании имеющихся полномочий мы «немедленно подписываем» ультимативный мирный договор, «отказываясь от всякого его обсуждения», ибо оно «совершенно бесполезно при создавшихся условиях»⁴. По поводу отказа от обсуждения Иоффе, придерживаясь своей позиции в отношении мирного договора, впоследствии напишет, что это было вызвано тем, дабы «ни в коем случае не создалось впечатление какого-либо

¹ Известия ЦИК. 1918. 3 марта.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 292—293.

³ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 228.

⁴ Там же. С. 231; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 117—119.

соглашения между Российской Революцией и империалистами Четверного союза»¹.

В связи с заявлением Сокольниковы выступили представители держав Четверного союза (Грац, Хакки-паша, Гофман и Розенберг, Тотчев). От имени Австро-Венгрии Грац говорил, что у русских представителей было достаточно времени, чтобы обдумать предъявленные условия мира, и поэтому их претензии относительно недостатка времени несостоятельны. Касаясь вопроса о Карсе, Ардагане и Батума, турецкий представитель заявил, что речь идет не об отделении этих территорий от России, а о возвращении их Турции, то есть о восстановлении якобы исторической справедливости. Относительно заявления Троцкого, вызвавшего неопределенность положения в отношениях между двумя сторонами, находившимися до того в состоянии перемирия, высказались Гофман и Розенберг. Первый, в частности, говорил, что, по мнению Германии, разрыв мирных переговоров автоматически повлек за собой разрыв и договора о перемирии, и мы, подчеркивал Гофман, начали наступление, «минута в минуту» соблюдая срок, предусмотренный этим соглашением². Что касается демобилизации русской армии, то она началась за несколько недель до заявления Троцкого и фактически уже была закончена, когда последовал демарш Троцкого, и русское правительство «было осведомлено об этих обстоятельствах так же хорошо, как и мы», заявил Гофман³.

В том же духе высказывался и Розенберг. Позиция представителей Австро-Венгрии и Германии была поддержана и представителем Болгарии. А взявший снова слово Сокольников сказал, что мы не будем вступать в прения по всем этим вопросам, но тем не менее заметил, что какого-либо предупреждения о прекращении перемирия не было сделано с обеих сторон. В последовавшем затем обмене репликами по этому вопросу между Розенбергом, Гофманом и Сокольниковым каждая из сторон осталась при своем мнении. И в 13 часов 55 минут Грац счел, как он выразился, эту часть пленарного заседания исчерпанной и на время прервал работу мирной конференции⁴.

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 268.

² См. там же. С. 234.

³ См. там же. С. 235.

⁴ См. там же. С. 238.

Она возобновила свою работу в 16 часов 30 минут под председательством посланника фон Мерей¹. Речь шла об акте подписания мирного договора, который длился с 16 часов 34 минут до 17 часов 50 минут². После того как договор был подписан, Мерей заявил, что это «влечет за собой немедленное прекращение военных действий против Российской Республики», и далее он объявил «переговоры между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией и Россией законченными и заседание закрытым»³.

По средневропейскому времени было 17 часов 52 минуты⁴. Шел 129-й день Советской власти.

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 238.

² См. там же.

³ Там же. С. 239.

⁴ См. там же.

Глава VII БОРЬБА ЗА ... ГРАБИТЕЛЬСКИЙ МИР

4 марта в 7 часов утра в Петрограде было получено известие о том, что в Брест-Литовске мы подписали мирный договор с Германией и ее союзниками¹. Радировавший об этом Карахан сообщал также, что генерал Гофман от имени германского командования заявлял о прекращении боевых действий с 1 часа дня по средневропейскому времени 3 марта, что аналогичный приказ нужно издать и с нашей стороны². В тот же день за подписью Крыленко появляется распоряжение, предписывающее по его получении немедленно «прекратить военные действия, оставаясь на занимаемых в настоящий момент позициях»³. Тогда же Ленин и Троцкий подписывают извещение СНК о том, что мирный договор заключен, что он «будет опубликован немедленно по возвращении делегации», что его ратификация зависит от созываемого 12 марта в Москве Всероссийского съезда Советов⁴. Республика Советов вышла из состояния внешней войны. Через два с половиной года, в разгар гражданской войны и иностранной интервенции, Троцкий об этом напишет так: «Нет никакого сомнения в том, что если мы не оказались вовлеченными в безнадежную войну, которая закончилась бы разгромом русской революции в течение 2—3 месяцев, то этим партия и революция обязана той решительности, с какой т. Ленин поставил вопрос о необходимости временной капитуляции,— «перехода на нелегальное положение по отношению к германскому им-

¹ См.: Известия ЦИК. 1918. 5 марта; Правда. 1918. 5 марта (20 февраля); Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 206.

² См.: Известия ЦИК. 1918. 5 марта.

³ Правда. 1918. 6 марта (21 февраля); Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 206.

⁴ См. там же.

периализму», как выразался он на партийных собраниях»¹.

Но до этого признания Троцкого еще было далеко. Пока же предстояла борьба за... грабительский, аннексионистский мир на съезде партии, на Всероссийском съезде Советов. И эта борьба развернулась сразу же после подписания мирного договора.

Но прежде всего еще раз коротко о самом мирном договоре, подписанном в Брест-Литовске 3 марта 1918 года². Договор имел 14 статей³, включал в себя 5 приложений (первое было картой границы Республики Советов с Германией) и прибавления ко 2-му и 3-му приложениям, 2 заключительных протокола, 4 дополнительных договора — с каждым из государств Четверного союза. Там, где это было необходимо, все документы с нашей стороны подписывались членами ЦИК Г. Я. Сокольниковым и Л. М. Караханом, помощником народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичериным и народным комиссаром по внутренним делам Г. И. Петровским.

Среди этого обилия документов главным был основной договор из 14 статей, подписанный всеми ведущими членами пяти участвовавших в брест-литовских переговорах делегаций. Условия предъявленного нам ультиматума содержались именно в нем. Согласно мирному договору, от нашей страны отторгались большие по размерам территории, на которых империалисты фактически устанавливали режим оккупации. «Большие территории страны и целые народности были оторваны от русского тела», — напишет потом Гинденбург⁴.

В зависимости от метода подсчета мы лишились 700 тыс. — 1 млн км² территории, где проживало 46—49 млн человек⁵. Это составляло 4—4,5 процента всей территории бывшей Российской империи, или более 20 процентов ее европейской части⁶. На этих землях про-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. IV.

² См.: Мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой. М., 1918. С. 3—150; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 119—204.

³ См.: Приложение.

⁴ См.: Воспоминания Гинденбурга. Пг., 1922. С. 67.

⁵ См.: Мих. Павлович (М. Вельтман). Брестский мир и условия экономического возрождения России. М., 1918. С. 24; Маслов С. Л. Наше народное хозяйство и грабительский мир. М., 1918. С. 1; Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 238.

⁶ См.: Маслов С. Л. Наше народное хозяйство и грабительский мир. С. 1; Мих. Павлович (М. Вельтман). С. 24; Стрелы. Сб. 2. 1918. Апрель. Пг. С. 8.

живало 26 процентов всего населения страны, или более $\frac{1}{3}$ жителей Европейской России¹. Мы теряли 26 процентов железнодорожных путей страны, 27—33 процента посевных площадей, 37—48 процентов собираемого хлеба, 84 процента производства сахара, более 50 процентов сбора картофеля². Мы лишались $\frac{1}{3}$ своего фабрично-заводского производства, $\frac{2}{3}$ добычи угля, $\frac{2}{3}$ добычи железной руды, 73 процентов производства чугуна и многого другого, что в совокупности составляло 32 процента наших государственных доходов³. Единое народное хозяйство страны расчленилось.

Хотя в документах мирного договора и говорилось, что русско-германский торговый договор 1904 года не вступает больше в действие, однако экономические приложения к договору фактически оставляли в силе все преимущества этого соглашения для Германии и предоставляли ей, а также другим странам Четверного союза дополнительные льготы, какими пользовались прежние союзники России. Мы должны были выплатить также огромную контрибуцию.

Все это было тяжелейшим бременем для молодой Республики Советов. На нее давил пресс политических, экономических, финансовых, правовых и военных условий, которые она должна была выполнять. Казалось невероятным, чтобы страна, ее народ смогли найти в себе силы выдержать этот страшный удар. Во всяком случае, в стане контрреволюции, среди противников Советской власти в это не верили. Орган московской крупной буржуазии газета «Утро России» так рисовала в эти дни картину биржи в Москве: «Биржа живет, кипит, волнуется. После многих недель полного затишья, когда в помещении биржи были запрещены даже частные сделки, биржевая площадка снова наполняется шумом голосов»⁴. Фондовые биржи Москвы и Петрограда реагировали на наступление немцев ростом курса ценных бумаг, и газета да-

¹ См.: *Маслов С. Л.* Наше народное хозяйство и грабительский мир. С. 24; *Стрелы*. Сб. 2. 1918. Апрель. С. 8.

² См.: *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 238; *Мих. Павлович (М. Вельтман)*. Брестский мир и условия экономического возрождения России. С. 24; *Стрелы*. Сб. 2. 1918. Апрель. С. 8.

³ См.: *Мих. Павлович (М. Вельтман)*. Брестский мир и условия экономического возрождения России. С. 24; *Маслов С. Л.* Наше народное хозяйство и грабительский мир. С. 6, 7; *Стрелы*. Сб. 2. 1918. Апрель. С. 9.

⁴ См.: *Правда*. 1918. 5 марта (20 февраля).

лее с радостью подчеркивала: «Снова движение, водоворот. С приходом германцев связываются надежды на восстановление прав на собственность, капитал и землю»¹.

Подписание брест-литовского мира вызвало резкие нападки на Советскую власть и большевиков со стороны почти всех оппозиционных течений. «Красное знамя революционного интернационала покорно склонили долу перед черно-желтым знаменем германского империализма,—говорилось в одном из изданий правых эсеров.—Ценой позорной капитуляции купили сохранение большевистской власти на обломке, оставшемся от растрепанной, со всех сторон обгрызанной, распятой на кресте «советской власти» революционной России»². Правые эсеры считали, что первый шаг выхода из кризиса — это «как можно скорее... стряхнуть с себя путы большевистской власти»³. Сразу же после подписания мирного договора в Брест-Литовске в ЦК РСДРП(б) поступило заявление от группы товарищей об уходе с ответственных постов⁴. «Ввиду того что мир подписан, мы берем свое заявление об отсрочке исполнения нашего решения обратно, уходим из ЦК и ответственных советских постов и настаиваем на оглашении в «Правде» всех наших заявлений»⁵. Документ этот по поручению товарищей подписали М. Урицкий, Г. Оппоков (А. Ломов), В. Смирнов.

И все же общий фон настроений начинал складываться в пользу более тесной консолидации всех революционных сил, осознания необходимости пойти на этот крайне трагический для страны и народа шаг — принять аннексионистские условия мира. «Никто не должен обманывать себя насчет характера подписанного мира,— писали 5 марта «Известия ЦИК». — ...Но клеветал бы на русскую революцию тот, кто усмотрел бы в подписании этого мира измену великим принципам революции»⁶. Мы расплачиваемся, продолжала газета, за наследие веков, за разруху, за сопротивление классового врага, ведущего гражданскую войну, за то, что в других странах еще нет революции, могущей прийти нам на помощь, и поэтому у нас не было выхода. Здесь невольно приходят на память строки из воспоминаний генерала П. Н. Крас-

¹ Правда. 1918. 5 и 6 марта (20 и 21 февраля).

² Социалист-революционер. Издание ЦК партии социалистов-революционеров. Сборник первый. М., 1918. С. 1.

³ Там же. С. 3.

⁴ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 225.

⁵ Там же.

⁶ Известия ЦИК. 1918. 5 марта.

нова, который, говоря о полном развале нашего фронта задолго до Октябрьской революции, впоследствии подчеркивал, что это было одной из причин Брестского мира, и, «если бы большевики не заключили его, его пришлось бы заключить Временному Правительству»¹.

3 и 4 марта происходит поворот в настроениях партийных и советских организаций Москвы и области в пользу одобрения действий СНК по вопросу о подписании мира, и в значительной степени это было связано с прибытием в город председателя ЦИК Свердлова и председателя Петросовета Зиновьева². Оба они приняли активное участие в собраниях партийных и советских органов, отстаивая позицию заключения мира на германских условиях. 3 марта на пленарном заседании Моссовета против подписания мира (он к этому времени еще не был заключен) выступил большевик Покровский³. 4 марта на собрании в МК РСДРП(б) за резолюцию Зиновьева, одобряющую заключение мира, было подано 10 голосов, против — 7⁴. Таким образом, МК РСДРП(б) под давлением рабочих масс отказался от своей прежней позиции неприятия мира на германских условиях.

В ночь с 4 на 5 марта проходила общегородская конференция Московской организации РСДРП(б)⁵. Докладчиком на ней по вопросу о мире выступал Зиновьев, содокладчиком — Покровский. На конференции присутствовало 116 человек. В прениях выступали нарком Оболенский, Свердлов, Ярославский, другие товарищи. Точка зрения Зиновьева в поддержку позиции ЦИК, принявшего германский ультиматум, собрала 65 голосов. Позиция Покровского, которая, в сущности, не отвергала курс большинства ЦИК на принятие германских условий, была поддержана 46 голосами. Что же касается выступления Оболенского, призывавшего не ратифицировать мирный договор и осуждавшего решение ЦИК о принятии германского ультиматума, то оно было поддержано только 5 голосами. В итоге большинством голосов была принята резолюция⁶, предложенная Зиновьевым. В ней одобрялось подписание мира, подчеркивалось, что в ус-

¹ Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М.; Л., 1926. С. 7.

² См.: Известия ЦИК. 1918. 6 марта.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 494.

⁶ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 239—240.

ловиях хозяйственной разрухи и развала старой армии мы были вынуждены принять германский ультиматум. Резолюция выражала доверие ЦК партии и поручала своим делегатам на предстоящем партийном съезде «отстаивать единство партии во что бы то ни стало», осуждая «попытки к расколу, имевшие место в последнее время». Характерно, что и резолюция, предложенная Покровским, также требовала сохранения единства партии. И последнее об этом собрании. По предложению Зиновьева из 4 избранных на партийный съезд делегатов одно место было предоставлено сторонникам точки зрения Покровского.

В этот же день, 4 марта, проходило и собрание Московского Совета при участии представителей многих демократических организаций города¹. Собрание открыл большевик Ногин. Первым рассматривалось тяжелое продовольственное положение Москвы. Затем по вопросу о войне и мире выступил Покровский. Сильно волнуясь, он изложил прежние и нынешние германские условия мира и подчеркнул: «Новые германские условия преследуют единственную цель — задушить русскую революцию, и только с этой точки зрения и можно рассматривать домогательства немцев». Высказываясь против подписания такого мира, он говорил, что мы вместо передышки получим деморализацию, что, «если сейчас пролетариат и крестьянство встанут на борьбу, немцы не смогут с ними справиться».

Прения по докладу Покровского были жаркими². Излагавший точку зрения ВЦИК Свердлов говорил, что первоначально думали отклонить предложенный немцами мир, и лишь после больших раздумий приняли решение принять его. Никто не может доказать, что, подписывая мир, мы не получим передышки, подчеркивал Свердлов, и для того, чтобы подготовиться к революционной войне, и для того, чтобы народ мог лучше понять и оценить обстановку в стране. «Члены Центрального Комитета, — заявлял также Свердлов, — учтя создавшееся положение в Европе, считали нецелесообразным растрачивать революционные силы русского пролетариата».

Выступавший от левых эсеров Д. А. Черепанов призывал всех встать на защиту Советской власти и про-

¹ См.: Правда. 1918. 5 марта (20 февраля); Известия ЦИК, 1918. 5 марта; Анархия. 1918. 5 марта.

² См. там же.

должать борьбу с Германией. Большую речь на собрании произнес Зиновьев. Ее лейтмотивом была мысль о том, что «если мы соглашаемся» на предъявленные нам немцами условия, «то только в целях тактических». Социальная революция, говорил он, распространится, несомненно, и на Запад, но никто не может сказать, что это произойдет уже через неделю. И поэтому у нас нет иного выхода, кроме принятия германского ультиматума. Оратор заявлял: «Если о чем приходится, однако, жалеть, так это то, что сепаратный мир не подписан ранее. Напрасно мы приняли те забастовки, которые были в Австрии и Германии, за девятый вал революции, когда это был только первый. Теперь нам наступили коленом на грудь. Нож приставлен. Немедленный ответ должен быть дан сейчас или никогда. И мы принимаем ультиматум».

Зиновьев напомнил, что против нас стоят «не кучки белогвардейцев», а германские корпуса, два из которых расположились в Двинске и Пскове. Он говорил, что наша революция совершается в стране с преобладающим крестьянским населением, которое сейчас не хочет и не может идти на войну, требующую серьезной подготовки. Зиновьев подчеркивал, что нам придется ввести воинскую повинность; пока же «мы должны спасти колыбель международной революции», иначе нас разгромят. «Уже сейчас ушел на фронт весь цвет рабочего класса,— заявлял оратор.— Мы выдвигаем на гибель членов нашей партии и тем ставим на карту ее существование. Конечно, преступно было бы говорить, что мы должны сложить оружие, но принять бой мы должны при более благоприятных обстоятельствах».

Критикуя Зиновьева, большевик Г. А. Усиевич высказывался против подписания мира. Мнение о том, что его заключение даст для революции в России передышку, неправильно, говорил он, ибо германская реакция просто задушит нас. Через несколько месяцев Усиевич погибнет в боях против белочехов. Выступавший в прениях Покровский говорил, что перед нашей мирной делегацией еще в январе стоял вопрос — порвать с войной или революцией, и выход из войны без подписания аннексионистского мира стал попыткой порвать с ней, не порывая с революцией. Большевик Н. И. Муралов в свою очередь сказал, что хотя и придется подчиниться решению ЦИК о подписании мира, однако нам все равно будет необходима армия для защиты завоеваний революции.

Итогом этого собрания не было принятие какой-либо резолюции, но сдвиг общественного мнения в пользу подписания мира был тем не менее налицо. И это хорошо показало заседание Петросовета, проходившее 5 марта¹.

Его открыл в 7 часов вечера Володарский. На повестке дня стоял вопрос о подписании мирного договора. С докладом выступил возвратившийся из Москвы Зиновьев. Нам надо сказать решающее слово «по вопросу о принятии неслыханно тяжелого мира», и первое движение души, говорил он, — лучше умереть, чем принять такой мир. «Но когда наступает момент трезвого учета обстоятельств, — продолжал Зиновьев, — мы приходим к тому заключению, что нет другого выхода, как подписание мирного договора». Оратор рассказал о положении дел в Московской партийной организации, где лозунг революционной войны собрал лишь 5 голосов, и в этой связи Зиновьев на примерах показал беспочвенность призывов сторонников такой войны. Он говорил, что запись, например, в Москве в Красную Армию происходит довольно слабо по сравнению с тем, что писалось об этом в газетах и говорилось в принимаемых резолюциях. Так, сообщалось, что в Красную Армию записалось 80 тысяч добровольцев, и на фронт, дескать, отправляются отряд за отрядом, а на поверку оказалось только 3 тысячи бойцов². Подчеркивая, что возможностей для ведения революционной войны таким образом нет, Зиновьев напомнил собравшимся сказанные Бухариным слова. Последний говорил, что будь он «германским империалистом, то он не довольствовался бы теми широкими возможностями и выходами, какие дает ему настоящий мир, что он пошел бы дальше, не постеснялся бы оккупировать Петроград и разгромить Смольный». И в этой связи Зиновьев говорил, что такая опасность существует, однако война на Западе, нехватка продовольствия у немцев, возможность восстания придушенного германского рабочего класса позволяют надеяться, что Германия, «по всей вероятности, ограничится ограблением земель, ибо своя шкура ближе к телу, и рисковать ею слишком опасно».

После доклада Зиновьева начались прения, и ораторам от фракций было предоставлено по 20 минут. От эсеров центра выступал Зейман, заявивший, что «единст-

¹ См.: Известия ЦИК. 1918. 6 марта; Правда. 1918. 6 и 7 марта (21 и 22 февраля).

² См.: Известия ЦИК. 1918. 6 марта.

венный выход из создавшегося положения — немедленно отвергнуть тяжелые условия мира и организовать все силы для оказания сопротивления». С изложением позиции левых эсеров выступил Камков. Говоря о том, что в печати пока не опубликован мирный договор, условия которого еще надо изучить, он одновременно призывал разжечь пламя международной революции. По мнению Камкова, «подписание несчастного мира ведет к полному разгрому революции», и поэтому, подчеркивал он, «к решению подписать мир мы не присоединяемся и ему ни в коем случае не подчинимся». В своем заключительном слове Зиновьев, касаясь речи Камкова, подчеркивал, что «трудовое крестьянство не замедлит соответствующим образом отозваться на этот шаг левых эсеров», идущих «на полный разрыв в этом вопросе с большевиками». Левые эсеры, заявлял Зиновьев, останутся в итоге «генералами без войска, праздничноболтающими интеллигентами».

После прений подавляющим большинством голосов Петросовет одобрил решение ЦИК о созыве экстренного съезда Советов по вопросу об утверждении мирного договора, сам высказался за это и поручил своим делегатам проводить этот курс на съезде. Мы считаем предъявленные нам условия мира грабительскими, говорилось в резолюции, но австро-германский пролетариат оказался «слишком слабым», чтобы свергнуть своих правителей и прийти нам на помощь, и поэтому в интересах русской и международной революции Советская власть была обязана воспользоваться той передышкой, которую дает ей заключение мира.

5 марта, то есть накануне открытия VII съезда РСДРП(б), произошел еще целый ряд событий, характеризующих остроту внутривнутрипартийной, внутривнутриполитической борьбы по вопросу о заключении аннексионистского мира. В этот день в Петрограде вышел первый номер газеты «Коммунист» под редакцией Бухарина, Радека и Урицкого¹. В заголовке подчеркивалось, что это «орган Петербургского комитета и Петербургского окружного комитета партии». Ленин ознакомился с этим номером газеты и вечером того же дня пишет статью «Серьезный

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 494; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 258—259, 288.

урок и серьезная ответственность»¹. В день открытия VII съезда РСДРП(б), 6 марта, статья публикуется в «Правде». Кстати, в этот же день был помещен в изложении ПТА² из Стокгольма и текст мирного договора с Германией.

В статье Ленин впервые употребляет применительно к Бухарину, Радеку, Урицкому, Ломову, Стукову, Покровскому и другим их сторонникам ведения революционной войны с немцами термин «левые». В самом ее начале он писал: «Наши горе-«левые», выступившие вчера с собственной газетой «Коммунист» (надо бы добавить: коммунист домарксовской эпохи), увертываются от урока и уроков истории, увертываются от своей ответственности»³. Опираясь на документы и материалы заседаний ЦК РСДРП(б), проходивших в январе и в феврале по вопросам войны и мира, Ленин еще и еще раз рассматривает их позицию революционной фразы, показывает, к чему такая линия сторонников войны с немцами приводит на деле, раскрывает их некорректные полемические приемы и стремление уйти от ответственности за сказанное и сделанное. «Н. Бухарин пытается теперь даже отрицать тот факт,— подчеркивал Ленин,— что он и его друзья утверждали, будто немец не сможет наступать. Однако очень и очень многие знают, что это — факт, что Бухарин и его друзья утверждали это, что, сея такую иллюзию, они помогли германскому империализму и помешали росту германской революции...»⁴ Говоря об аннексионистских условиях предъявленного нам мира, Ленин напрямую связывает их с позицией, занимаемой нашими «левыми». «А что новые условия хуже, тяжелее, унижительнее худых, тяжелых и унижительных брестских условий,— указывал Ленин, обращаясь к сторонникам революционной фразы,— в этом виноваты, по отношению к великороссийской Советской республике, наши горе-«левые» Бухарин, Ломов, Урицкий и К^о. Это исторический факт... От этого факта никакими увертками не скроешься. Вам давали брестские условия, а вы отвечали фанфаронством и бахвальством, доведя до худших

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 296; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 415—420.

² См.: Правда. 1918. 6 марта (21 февраля).

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 415.

⁴ Там же. С. 416.

условий. Это факт. И ответственность за это вы с себя не снимете»¹.

6 марта, когда была опубликована эта ленинская статья, газеты сообщали и о выходе первого номера «Коммуниста»², а день спустя, 7 марта, уже давали первую реакцию партийных организаций Петрограда на это событие³. Еще 5 марта большевистская фракция Петросовета всеми голосами против одного осудила позицию «левых», потребовала переизбрания Петроградского комитета большевиков и отказала в какой бы то ни было поддержке газете «Коммунист»⁴. А на следующий день, 6 марта, совещание парторганизаций Петроградского округа при Петроградском окружном комитете РСДРП(б) присоединилось к позиции ЦИК по вопросу о войне и мире и постановило снять подпись Окружкома с газеты «Коммунист»⁵. «Правда» писала, что позицию ЦИК на этом совещании поддержали представители от 9442 членов партии, а линию «Коммуниста» — от 1200 человек⁶.

5 марта в вечерние часы, когда Ленин писал свою статью с критикой позиции «левых», советская мирная делегация, выехав со станции Торошино, двигалась в направлении Петрограда. Сразу же по прибытии в столицу она на заседании членов правительства доложила о подписании в Брест-Литовске мирного договора с державами Четверного союза, при этом тактика делегации, подписавшей договор, демонстративно не обсуждая его, была Лениным одобрена⁷.

Надо сказать, что реакция в самой Германии на подписание мира с Россией была неоднозначной. Разумеется, трудящиеся массы приветствовали прекращение бойни на Востоке, и об этом свидетельствовали грандиозные демонстрации, прошедшие 4 марта в Австрии и Германии в связи с подписанием мирного договора⁸. Но правдой было и то, что глубокий националистический туман

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 418.

² См.: Известия ЦИК. 1918. 6 марта.

³ См.: Правда. 1918. 7 марта (22 февраля).

⁴ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 288.

⁵ См. там же.

⁶ См.: Правда. 1918. 7 марта (22 февраля).

⁷ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 297.

⁸ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 288.

застылал при этом многим глаза, и широкие мелкобуржуазные слои ликовали в предвкушении хорошей поживы.

Однако звучали и здравые голоса. Так, во время дебатов в рейхстаге представитель социалистов Ландсберг говорил: «Мы радуемся миру с Россией, но не радуемся условиям, предъявленным Германией. Ультиматум есть язык победителя, который известен для генерала, а не для государственного деятеля. Из хаоса родится новая Россия. Русский народ не простит, чтобы мы использовали его тяжелое положение. Мы стали на путь, полный опасностей в будущем»¹. 4 марта газета «Форвертс» писала: «На Востоке у Германии теперь нет друзей, и она имеет мало шансов завоевать дружбу на Западе. Нас ужасает мысль, что XX век обещает быть веком жестокой национальной борьбы. Ни один пророк не скажет, чем и когда она кончится»².

Не так все просто обстояло для Германии и после оккупации ею украинских территорий. Хотя немцы и получили огромное количество хлеба, различного вида продовольствия, а также сырье, но, чтобы удерживать в повиновении этот богатейший источник пополнения своих продовольственных и сырьевых ресурсов, Германии пришлось ввести на Украину не 50, а 300 тысяч своих солдат³. Гинденбург позже писал: «Несмотря на заключение мира, мы и теперь, конечно, не могли отвести все наши боеспособные силы с востока, не могли предоставить занятые области собственной судьбе. Уже одно желание установить барьер между большевистскими властями и освобожденными нами землями настоятельно требовало оставления на востоке сильных немецких частей. Наши операции на Украине также не были закончены»⁴.

Подписание нами мира с Германией и ее союзниками, предстоящее нелегкое обсуждение мирного договора сначала на съезде партии, а потом и на Всероссийском съезде Советов породили дополнительные надежды правящих кругов стран Антанты на возможность еще «переиграть дело», решить его в свою пользу. Разногласия в руководстве нашей партии и среди политических сил,

¹ Правда. 1918. 5 марта (20 февраля); Анархия. 1918. 6 марта.

² Правда. 1918. 6 марта (21 февраля); Анархия. 1918. 6 марта.

³ См.: Волковичер И. Брестский мир. М.; Л., 1928. С. 67—68.

⁴ Воспоминания Гинденбурга. С. 67.

участвующих в правительстве и во ВЦИК, по вопросу о мире подогревали эти надежды империалистов союзных стран, стремившихся к тому же урвать и свою часть добычи, используя разгоравшуюся в России гражданскую войну, в которой противные большевикам силы делали ставку на помощь со стороны бывших союзников России.

Уже с конца 1917 — начала 1918 года японские, американские, английские военные суда подтягиваются к берегам Дальнего Востока и Севера России, заходят в порты этих районов. С подписанием в Брест-Литовске мирного договора это стало приобретать уже характер прямого интервенционистского вмешательства в наши внутренние дела. «Наши враги грабят нас с Запада,— писали «Известия ЦИК» 5 марта,— наши «друзья» грабят нас с Востока. И для тех и для других Россия только лакомая добыча, ради которой они готовы перервать друг другу глотки». Так уж совпало, что в этот же день президент США Вильсон обратился с нотой к послам союзных стран относительно японской «экспедиции» на Востоке России. С изысканной дипломатической вежливостью Вильсон писал в ноте о грязных делах, готовящихся союзниками против нас. «Правительство США,— говорилось в американской ноте,— рассмотрело возможно более тщательно и внимательно условия, в настоящее время преобладающие в Сибири, и возможное их изменение к лучшему. Оно ясно понимает крайнюю опасность анархии, которой подвергаются сибирские области, а также неминуемый риск германского вторжения и установления германского господства»¹. И, «мотивировав» свой шаг анархией в Сибири и риском германского вторжения в Россию, от имени американского правительства в вильсоновской ноте заключается: «Оно разделяет вместе с правительствами Антанты взгляд, что если интервенция считается разумной, то японское правительство находится в наилучшем положении, чтобы предпринять ее, и может осуществить ее наиболее действенно. Правительство США имеет, кроме того, величайшее доверие к японскому правительству и было бы всецело готово, поскольку дело касается его собственных чувств по отношению к японскому правительству, поручить предприятие именно ему»².

Одновременно Антанта и США предпринимают по-

¹ Архив полковника Хауза. Т. 3. С. 294.

² Там же. С. 294—295.

пытку не допустить одобрения заключенного в Брест-Литовске мирного договора большевистским партийным съездом, его ратификации созываемым с этой целью Всероссийским съездом Советов. Речь шла о том, чтобы своими дипломатическими шагами как бы «подкрепить» позиции наших сторонников ведения революционной войны с немцами, еще раз попытаться удержать против Германии Восточный фронт. Например, газеты писали, что находившиеся в Москве представители союзных держав заявили советским официальным властям о готовности своих правительств оказать России самую широкую помощь для отражения германского нашествия¹.

В свете этих заявлений Троцкий после подписания в Брест-Литовске мирного договора 4 и 5 марта имел отдельные встречи с английским и французским представителями Локкартом и Садулем, в ходе которых зондировал почву на предмет, возможна ли и какая будет моральная и материальная помощь союзников нам для борьбы с Германией, если Брест-Литовский мирный договор не будет ратифицирован на предстоящем съезде Советов². Аналогичную встречу Троцкий имел 5 марта и с руководителем американской миссии Красного Креста в России полковником Р. Робинсом³. Во время беседы он интересовался, «смогут ли большевики рассчитывать на помощь союзников, если договор не будет ратифицирован или если Советы возобновят военные действия, а также и о том, какого рода будет эта помощь»⁴. Еще не зная об отправленной в этот же день ноте Вильсона послам союзных стран по вопросу об интервенции Японии на Дальнем Востоке, Троцкий одновременно «хотел также знать, какие шаги будут предприняты союзниками и США, чтобы предупредить высадку японцев, если Япония приступит к интервенции в Сибири»⁵.

Видимо, в итоге этой последней беседы 5 марта и была составлена нота СНК правительству США, которую Ленин в тот же день переводил и содержание которой разъяснял Р. Робинсу и сопровождавшему полковника сотруднику американской миссии Красного Креста в России А. Гомбергу, принимая их обоих у себя в 16 ча-

¹ См.: Известия ЦИК. 1918. 6 марта.

² См.: Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 199—200.

³ См. там же. С. 200—201.

⁴ Архив полковника Хауза. Т. 3. С. 280.

⁵ Там же.

сов¹. На содержании этой нашей ноты американскому правительству² представляется необходимым остановиться более подробно, ибо она проясняет некоторые важные, на наш взгляд, моменты начальной истории Советской власти.

Итак, о чем в ней говорилось? Если съезд Советов откажется ратифицировать мирный договор с Германией, если последняя в нарушение этого договора возобновит свое грабительское наступление против нас, если мы до или после ратификации в результате шагов Германии будем вынуждены сами отказаться от мирного договора и возобновить военные действия, заявлялось в начале нашей ноты, то «во всех этих случаях для военных и политических планов Советской власти в высшей степени важно» получить ответ на ряд интересующих нас вопросов³. И далее следовали эти вопросы.

Совнарком хотел знать: на какую помощь США, Великобритании и Франции мы можем рассчитывать в борьбе против Германии?

Какого рода и каким образом, запрашивало Советское правительство, эта «поддержка может быть оказана в ближайшем будущем»: «военным снаряжением, транспортными средствами, субсидиями и продовольствием»?⁴

«Какого рода поддержка может быть оказана самими США?»⁵

Что предпримут другие союзники, в том числе и США, запрашивалось далее в нашей ноте, «для предупреждения японской высадки на нашем Дальнем Востоке и для обеспечения непрерывных сношений с Россией по Сибирской дороге», если Япония «в силу открытого или тайного соглашения с Германией или без такого соглашения» осуществила бы против нас агрессию в этом районе?⁶

При названных вначале условиях, «в каких размерах», по мнению США, говорилось далее в ноте, «могла бы быть обеспечена помощь Великобритании через Мурманск и Архангельск» и какие при этом шаги «могло бы

¹ См.: Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 201; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 296.

² См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 208—209.

³ См. там же. С. 208.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

предпринять правительство Великобритании, чтобы обеспечить эту свою помощь и лишить основания слухи о якобы враждебных планах Великобритании против России в ближайшем будущем»¹.

Здесь хотелось бы обратить внимание на следующие моменты.

Многовариантность обстановок, при создании каждой из которых Советское правительство хотело знать, на какую помощь от союзных государств, включая США, оно могло бы рассчитывать, напоминала ленинский «стиль» выяснения всех сторон интересующего вопроса и говорила за то, что Ленин имел самое прямое отношение к составлению этого документа.

Далее. В нем перечисляются такие виды возможной помощи, как военное снаряжение, транспортные средства, субсидии и продовольствие, но не допуск вооруженных сил союзных стран в пределы нашей территории. И в этой связи в конце документа прямо заявлялось: «Все эти вопросы обусловлены само собой разумеющимся предположением, что внутренняя и внешняя политика Советского Правительства будет как и раньше направляться в соответствии с принципами интернационального социализма и что Советское Правительство сохранит свою полную независимость ото всех несоциалистических правительств»².

Нота Совнаркома правительству США была передана через Р. Робинса, который просил Ленина отсрочить ратификацию Брест-Литовского мирного договора до получения официального американского ответа³. Эта наша нота тогда не была опубликована в печати; на английском языке она впервые появилась в свет в 1919—1920 годах, а на русском — в 1957 году⁴.

В день открытия VII съезда РСДРП(б), 6 марта, газета «Правда» писала о позиции части левых эсеров, которые «сами очень убедительно доказывают, что Россия не может в данный момент продолжать войну, что необходимо возвращение страны к мирному труду», но в то же время делают отсюда неожиданный вывод, призывая к «революционному восстанию» против германских империалистов. Газета подчеркивала, что с восстанием

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 209.

² Там же.

³ См.: Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина.

⁴ См. там же; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 208—209.

нельзя «играть», а нужно относиться к нему серьезно.

В свою очередь, «Известия ЦИК» 6 марта писали, что открывающийся партийный съезд будет решать коренной вопрос русской революции — о войне и мире. Обращая внимание на позицию органа партии левых эсеров — газеты «Знамя Труда», призывавшей рабочих и крестьян преподнести «германским хищникам не пальмовую ветвь» мира, а «революционное восстание», «Известия ЦИК» подчеркивали, что «отвержение грабительского договора было бы отчаянным шагом, способным поставить на край гибели русскую революцию», что именно в интересах победоносной борьбы в дальнейшем мы должны сегодня принять этот мир. Трезвая оценка действительности прозвучала в эти дни и в органе федерации анархистских групп — газете «Буревестник», призывавшей «охранить мировой штаб революционного пролетариата»¹.

Но были еще внушительны и ряды сторонников ведения революционной войны с немцами. «Подписывая мир, — заявлял, например, эсеровский орган «Голос Трудового Крестьянства», — русская революция погибнет, подпишет себе смертный приговор, умрет запятнанная грязью, изменой, рабской трусостью»².

6 марта во втором номере газеты «Коммунист» было опубликовано обращение противников заключения аннексионистского мира ко всем членам партии³. Его подписали Н. Бухарин, Г. Оппоков (А. Ломов), М. Урицкий, А. Бубнов. Указывая, что крупные разногласия в партии по вопросу о мире заставляют их «выступить с определенной политической платформой в связи с партийным съездом», что они не хотят раскола в партии, который «был бы величайшим бедствием... для всей русской революции», товарищи говорили об иллюзорности якобы передышки для нас в связи с подписанием мира и подчеркивали, что «мирная политика официального ЦК сошла с рельс пролетарской революции», что «эта политика приводит к принятию неприемлемых условий и к капитуляции пролетариата в его классовой войне против иностранной и отечественной буржуазии»⁴. Товарищи заявляли, что не хотят «нести ответственность» за эту по-

¹ Известия ЦИК. 1918. 6 марта.

² Правда. 1918. 7 марта (22 февраля).

³ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 225—226.

⁴ Там же.

литику, и выражали надежду, что съезд партии обсудит и решит этот вопрос «так, как должен решить революционный пролетарий, а не деклассированный мешочник»¹.

Такова была обстановка накануне открытия VII съезда партии, обстановка сложная и неоднозначная, чреватая любым поворотом событий. Ленин 6 марта составляет общую итоговую сводку ответов на запрос центра от 25 февраля местным Советам и земельным комитетам по вопросу о войне и мире². Подсчеты показали, что в пользу мира получено с мест 262 ответа и за войну — 233³.

В этот день в 20 часов 45 минут в Таврическом дворце открылся VII Экстренный съезд РКП(б), на первом заседании которого, продолжавшемся 40 минут, был заслушан сделанный Свердловым организационный отчет ЦК⁴. К этому времени на съезд уже прибыли 36 делегатов с правом решающего голоса и 23 — с совещательным⁵. Часть делегатов была еще в пути. Ленин был избран в состав президиума съезда, в который вошли также Бухарин, Свердлов, Крестинский, К. И. Шелавин, В. И. Соловьев. После утверждения регламента работы съезда и заслушивания доклада Свердлова было решено, по предложению Зиновьева, политический отчет о деятельности ЦК отложить до следующего дня, когда съезд пополнится теми делегатами, которые пока еще находились в пути⁶. И в 21 час 25 минут член президиума съезда делегат Шелавин закрыл первое заседание⁷.

Второе заседание съезда открылось в 12 часов дня 7 марта политическим отчетом о деятельности ЦК, с которым выступил Ленин⁸. Он дал анализ развития Октябрьской социалистической революции, международной

¹ Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 226.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 298; *Труш М. И.* Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 128.

³ См. там же.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 299; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 1—7; Правда. 1918. 7 марта.

⁵ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 1.

⁶ См. там же. С. 7.

⁷ См. там же. С. 7, 188.

⁸ См. там же. С. 8—26; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 3—26; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 299—300.

обстановки и мирового революционного движения, всесторонне обосновал необходимость выхода из войны и завоевания мирной передышки для упрочения Советской власти, укрепления обороноспособности страны, вскрыл ошибки противников заключения вынужденного аннекционистского мира, показал, что их политика ведет к гибели революции, Советской власти.

Подчеркнув, что политический отчет ЦК «слился с докладом о войне и мире», Свердлов предложил пока не входить в обсуждение отчета и в первую очередь предоставить слово содокладчику Бухарину¹; последний, не согласившись с доводами Ленина, дал понимание проблем войны и мира и оценил международное положение и мировое революционное движение так, как это он сам и его сторонники не раз уже в последнее время излагали на различных собраниях и в печати. Бухарин говорил, что «русская революция либо будет спасена международной революцией, либо погибнет под ударами международного капитала», что «выгоды, проистекающие из подписания мирного договора, являются иллюзией», которой живет Ленин, что «мы можем принять перспективу немедленной войны с империалистами», что «подписание мира — акт нецелесообразный», что «это капитуляция по всему фронту, капитуляция вовне, капитуляция внутри»².

После выступления Бухарина Свердлов проинформировал делегатов, что в прениях уже записалось 26 человек, и в 14 часов 10 минут закрыл второе, утреннее, заседание съезда на перерыв³.

Третье заседание, вечернее, открылось 7 марта в 18 часов прениями по докладам Ленина и Бухарина и длилось до 21 часа 45 минут⁴. На этом заседании выступили Урицкий, Зиновьев, Бубнов, Смилга, Радек, Сокольников, Троцкий, Рязанов, Свердлов, Оболенский, Сергеев (Артем), Коллонтай, Шелавин. Прения проходили напряженно, выступления были острыми. В ходе прений, помимо двух точек зрения — за одобрение подписанного мира и против его признания — выявилась и третья, вы-

¹ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 26—42.

² Там же. С. 26—28, 34.

³ См. там же. С. 42; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 299—300.

⁴ См. там же. С. 300; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 43—94.

сказанная Троцким. Он говорил: «Я не знаю еще, какая резолюция будет вам предложена при том условии, что мир подписан. Революционной войны мы не можем вести, потому что тогда возник бы раскол в партии и была бы подорвана Советская власть. Ратификация представляется неизбежной, но я хочу внести в эту резолюцию попытку поставить предел тому отступлению, которое есть не только отступление от известной границы, но и от известных принципов интернациональной политики. Мы должны сказать, что мы хотим получить известную передышку, хотим выиграть время для подготовки своих сил, но мы не можем во имя этой передышки подменить смысл нашей интернациональной политики, в то время когда Украинская Рада душит украинских рабочих. Мы не можем заключить мира с Киевской Радой, которая рассматривает украинских рабочих как непосредственных классовых врагов»¹. И далее Троцкий, обращаясь к делегатам, выступающим за признание подписанного в Брест-Литовске мира, заявил: «Вы должны сказать другой стороне, что тот путь, на который стали, имеет некоторые реальные шансы. Однако это есть опасный путь, который может привести к тому, что спасают жизнь, отказываясь от ее смысла. Вы должны в этой резолюции дать нам гарантию того, что в вашем отступлении существует такой предел, дальше которого ЦК с Советом Народных Комиссаров отступать не позволят»². Троцкий, таким образом, не вставал твердо ни на одну из позиций, но в то же время как бы обуславливал свое признание подписанного мира.

В этот день, 7 марта, группа противников подписания мира предложила VII съезду партии свои «Тезисы о современном моменте»³. В них, в частности, указывалось: «Не давая никакой отсрочки по существу, подписание мира разлагает революционную волю пролетариата к борьбе и задерживает развитие международной революции. Поэтому единственно правильной тактикой могла бы быть тактика революционной войны против империализма»⁴. И в этой связи задачей партии и Советской власти вновь выдвигалось «аннулирование договора о

¹ Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 76.

² Там же. С. 75—76.

³ См. там же. С. 226—229.

⁴ Там же. С. 227.

мире»¹. Сторонники революционной войны буквально «в упор» отказывались видеть сложившиеся реальности, хотя даже «Правда» в этот же день, 7 марта, подчеркивала: «Для нас ясно, что Советской республике неминуемо придется еще столкнуться с враждебными силами мирового империализма, но ее долг сделать все, чтобы на последний, решительный бой она пошла возможно лучше подготовленной и вооруженной».

В резком столкновении различных мнений по вопросам мира и войны прошло и четвертое, утреннее, заседание съезда 8 марта, открывшееся в 11 часов 40 минут².

В «Правде» в этот день со статьей, посвященной вопросу о заключении мира, выступил видный деятель большевистской партии К. И. Ландер. Подвергая критике противников мирного договора, в том числе и товарищей из газеты «Коммунист», и указывая, что мы совершили «роковую ошибку», не подписав в свое время мира в Брест-Литовске, автор писал: «Спору нет — события, переживаемые нами, настолько трагичны по своему содержанию, что легко потерять голову и самому уравновешенному человеку. Но нельзя все же терять рассудка и чувства ориентации в столь ответственный момент. А с нашими друзьями произошло именно это. Увидя грозящую опасность, они не нашли ничего лучшего, как завопить на всю России: караул. Спасайся, кто может! К оружию и бей, как попало!»³ И далее в статье подчеркивалось: «Умереть в последнем бою мы всегда успеем, но пред нами сейчас другая задача — сохранение всех завоеваний рабочего класса, сохранение Советской власти. Эта задача и ответственнее и труднее сейчас всех остальных, и ее мы должны выполнить»⁴.

На утреннем заседании съезда 8 марта договорились заслушать нескольких товарищей с мест, и на этом заседании выступили: Стожок — от Донбасской организации, О. Розанова — от Ярославской, Масков — от Уральской, Т. В. Сапронов — от Московской окружной конференции и Шумайлов (сведений, от какой он организации, нет), после чего было решено прения по этому вопросу прекратить⁵.

¹ Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 228.

² См. там же. С. 95.

³ Правда. 1918. 8 марта (23 февраля).

⁴ Там же.

⁵ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 187—189, 105.

Дальнейший ход работы съезда начался выступлением Бухарина с заключительным словом, в котором он продолжал отстаивать линию на войну с Германией¹. Бухарин не соглашался с доводами Ленина относительно опасности такого курса для существования Советской власти, отвергая также все разумные соображения на этот счет, которые выдвигались Свердловым, Артемом, Зиновьевым, Сокольниковым, Смилгой².

С заключительным словом по вопросу о мире и войне выступил и Ленин, в свою очередь еще раз критически разобрав доводы Бухарина, а также Урицкого, Бубнова, Троцкого³. Касаясь позиции последнего, он остановился на двух ее сторонах. Когда Троцкий, говорил Ленин, «начал переговоры в Бресте, великолепно используя их для агитации, мы все были согласны с тов. Троцким. Он цитировал часть разговора со мной, но я добавлю, что между нами было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем. Немец нас надул: из 7 дней он 5 украл. Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание, была верна; неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан. Я предложил совершенно определенно мир подписать. Лучше Брестского мира мы получить не могли. Всем ясно, что передышка была бы в месяц, что мы не проиграли бы»⁴.

Касаясь второй стороны позиции Троцкого — требовать от нас обещания не подписывать мир с Радой, Ленин сказал, что такого обещания ни он, ни его единомышленники на себя не возьмут. «Это значило бы,— разъяснял свою мысль Ленин,— вместо ясной линии маневрирования,— отступая, когда можно, иногда наступая,— вместо этого связать себя снова формальным решением. Никогда в войне формальными соображениями связывать себя нельзя. Смешно не знать военной истории, не знать того, что договор есть средство собирать силы...»⁵

По ходу работы четвертого заседания съезда Ленин готовил проект резолюции о войне и мире. Забегая вперед, скажем, что первые три абзаца этого документа на-

¹ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 105—113.

² См. там же. С. 106, 109, 110, 112.

³ См. там же. С. 1, 113—119.

⁴ Там же. С. 116.

⁵ Там же.

писаны Лениным, а последние три — Сокольниковым и Зиновьевым¹. Прежде чем решить вопрос о том, какой документ взять за основу резолюции о войне и мире — подготовленный Лениным, Сокольниковым и Зиновьевым или тот, который был в виде «Тезисов о современном моменте» предложен группой противников заключения мира съезду и 8 марта опубликован в четвертом номере газеты «Коммунист», — договорились определить этот вопрос простым поднятием рук, а после, когда принятый съездом документ обсудят, в целом его голосовать поименно². В результате за первый документ проголосовало 28 делегатов, за второй — 9, 1 — воздержался³.

При обсуждении материала, принятого за основу резолюции о войне и мире, выступали по документу, предлагали свои поправки к нему или мотивировали свою позицию Рязанов, Троцкий, Ленин, Радек, Зиновьев⁴. Прения были острыми. Съезд не принял поправок Рязанова, Троцкого, Радека. Ленин особенно резко выступил против поправки Троцкого, предлагавшего записать в резолюции о войне и мире: «Съезд считает недопустимым для Советской власти подписание мира с Киевской Радой и правительством финляндской буржуазии»⁵. Мотивируя свою позицию, Ленин подчеркивал: «Мы никоим образом ни в одном стратегическом маневре связывать себе руки не должны. Все зависит от соотношения сил и момента наступления на нас тех или иных империалистических стран, от момента, когда оздоровление нашей армии, несомненно начинающееся, дойдет до того, что мы будем в состоянии и обязаны будем не только отказаться от подписания мира, но и объявить войну»⁶.

И в этой связи Ленин вместо поправок Троцкого вынес на обсуждение свои: резолюцию в печати не публиковать, а только сообщить о согласии с договором; предоставить ЦК право в форму публикации и в ее содержание внести изменение в случае выступления японцев; оговорить, что съезд уполномочивает ЦК «как порвать все мирные договоры, так и объявить войну любой импе-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 301; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 35—36, 577.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 126.

³ См. там же.

⁴ См. там же. С. 126—133.

⁵ Там же. С. 127.

⁶ Там же. С. 128.

риалистической державе», если это будут позволять условия развития¹.

При постановке на голосование поправок Троцкого (а к одной из них — по вопросу о мире с Радой — присоединился и Радек) все они были отклонены². Когда стали рассматривать поправки Ленина, то Зиновьев предложил ограничиться в резолюции констатацией принятия съездом мирного договора и не записывать, во избежание кривотолков, что она не публикуется в печати; Ленин не согласился с такой редакцией; его поддержал Радек, в какой-то мере Рязанов, позиция которого в большей степени склонялась к ленинской³. Делегаты поддержали ту формулировку, которую внес Ленин.

Перед тем как приступили к выяснению поименного отношения к принятой за основу резолюции, Ленин, ради «сохранения военной тайны», внес предложение сдать в президиум все ее экземпляры, имеющиеся на руках у участников съезда, и настоял на голосовании этого предложения; большинством оно было отклонено⁴. Поименное же голосование резолюции по вопросу о войне и мире дало следующие результаты: за резолюцию высказалось 30 человек, против — 12, воздержалось — 4⁵.

Итак, 8 марта, на утреннем заседании VII съезда партии, когда шел 134-й день Советской власти, делегаты большинством голосов приняли резолюцию о войне и мире⁶, которая начиналась следующими словами: «Съезд признает необходимым утвердить подписанный Советской властью тягчайший, унижительнейший мирный договор с Германией, ввиду неимения нами армии, ввиду крайне болезненного состояния деморализованных фронтовых частей, ввиду необходимости воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей, возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую социалистическую республику». Отсюда выдвигалась задача

¹ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 128.

² См. там же. С. 129—130; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 301—302.

³ См. там же; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 130—131.

⁴ См. там же. С. 132—133; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 302.

⁵ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 133.

⁶ См. там же. С. 180—181; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 35—36.

повышения дисциплины трудящихся масс, их обучения военному делу. Съезд заявлял, что надежная гарантия «закрепления социалистической революции, победившей в России», заключается «в превращении ее в международную рабочую революцию». В резолюции подчеркивалось, что в интересах этой революции «шаг, сделанный Советской властью при данном соотношении сил на мировой арене, был неизбежен и необходим», что мы будем всеми силами и средствами «поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран».

Об острейшей борьбе на съезде по вопросу о войне и мире говорит и «концовка» утреннего заседания 8 марта. Готовились уже объявить перерыв, когда попросил слово Крестинский, сказавший, что в речи Ленина «сквозило резкое осуждение» тактики неподписания мира в Брест-Литовске 10 февраля, то есть той тактики, которая имела «за собой» одобрение большинства партийной организации¹. И он от себя и от имени Иоффе внес резолюцию, в которой говорилось, что съезд заявляет о правильности этой тактики. Однако желающих выступить «за» или «против» не оказалось, и поставленная на голосование эта резолюция была незначительным большинством отвергнута². Тогда взявший слово для личного заявления Троцкий сказал, что поскольку съезд этим своим последним голосованием фактически отверг ту политику, «которую я, в числе других, проводил в составе нашей Брест-Литовской делегации», то поэтому, заключил Троцкий, «я слагаю с себя какие бы то ни было ответственные посты, которые до сих пор возлагала на меня наша партия»³.

После этого говорил Зиновьев, подчеркивавший, что никто не осуждает тактики нашей делегации в целом на переговорах в Брест-Литовске, что «мы разошлись по вопросу о том, когда наступил критический момент, когда надо было ультиматум принять», что наша тактика «вытекала из условий момента» и разногласия существуют относительно формулировки «ни война, ни мир», и поэтому он, Зиновьев, предлагает «считать весь инцидент не бывшим»⁴.

Однако «инцидент» все более и более разгорался,

¹ Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б), Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 133.

² См. там же. С. 135.

³ Там же. С. 134.

⁴ Там же. С. 135.

страсти накалялись, один оратор сменял другого, подавались реплики, председательствующему Свердлову с трудом, да и то не всегда, удавалось сдерживать делегатов в протокольных рамках¹. Выступили Крестинский, Рязанов, Троцкий, Зиновьев, В. И. Соловьев, Радек, Грушинский, М. А. Ларин, А. Шотман, В. Н. Яковлева, В. Володарский, Оппоков; некоторые ораторы брали слово по нескольку раз — Крестинский, Троцкий, Зиновьев, Радек; Крестинский, Зиновьев, Радек, Троцкий вносили резолюции. Вопрос, по сути дела, шел о том, как оценить заявление нашей мирной делегации в Брест-Литовске от 10 февраля? И снова пришлось проводить, и не одно, голосование по этому вопросу. Большинством в 25 голосов против 12 была принята резолюция Зиновьева, которая в нейтральных и спокойных словах приветствовала нашу мирную делегацию «за ее громадную работу в деле разоблачения германских империалистов, в деле вовлечения рабочих всех стран в борьбу против империалистических правительств»².

И только после этого был объявлен перерыв до вечера, когда в 20 часов под председательством Свердлова открылось пятое заседание съезда. Оно обсуждало доклад Ленина, выступавшего от имени ЦК по вопросу о пересмотре партийной программы и изменении названия партии³. Эта часть съезда прошла в атмосфере здоровой критики, свободного высказывания и отстаивания своих взглядов. Съездом была избрана комиссия для выработки программы партии из 7 человек, в которую в порядке полученных голосов вошли Ленин и Троцкий (по 37), Бухарин (36), В. М. Смирнов (32), Зиновьев (30), Сокольников (25), Сталин (21)⁴. Предлагались также кандидатуры Радека, Крупской и В. В. Оболенского (Осинского); Радек набрал 19 голосов, а Оболенский — 7, и оба по предложению Свердлова были зачислены кандидатами в эту комиссию⁵.

Затем съезд перешел к выборам в ЦК партии, договорившись о его количественном составе в 15 человек⁶.

¹ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 133—143.

² Там же. С. 136, 142, 143.

³ См. там же. С. 145; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 302—303.

⁴ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 169—170.

⁵ См. там же. С. 170.

⁶ См. там же. С. 171, 172.

В зачитанный список кандидатов в члены ЦК вошли: Ленин, Свердлов, Зиновьев, Троцкий, Сталин, Сокольников, Смилга, В. В. Шмидт, Лашевич, Стасова, М. Ф. Владимирский, Сергеев (Артем), Крестинский, Дзержинский, Бухарин¹. И здесь Урицкий от имени тех, кто голосовал против заключения мира, сделал заявление о том, что ЦК «должен быть однородным», что они не хотят брать на себя ответственность по вопросу, например, «о мире с Винниченко» и поэтому не могут входить в ЦК ни как его члены, ни как кандидаты². На предложение Зиновьева высказать от имени съезда пожелание, чтобы намеченные товарищи не заостряли этого вопроса, выступившие Ломов и Урицкий ответили от имени своих сторонников отказом. Тогда слово взял Ленин, вновь призывая товарищей «взять свои заявления обратно»³.

Здесь было предложено устроить небольшой перерыв для обсуждения создавшегося положения. После перерыва выступил Ломов и снова заявил, что он и его товарищи не считают возможным «связывать себя вхождением в ЦК»⁴. Свердлов поставил на голосование написанную Лениным резолюцию, в которой говорилось, что «отказ от участия в ЦК поведет к расколу даже против воли самих товарищей», и предлагалось их избрать в состав руководства партии; эта резолюция была принята⁵. Когда встал вопрос о том, чтобы приступить к выборам в ЦК, слово по мотивам голосования взял Т. В. Сапронов, заявивший, что товарищи, решившие не входить в ЦК и не брать на себя ответственности за его решения, воздержатся от голосования.

Это был уже новый поворот всего дела, о чем стал говорить Зиновьев, предложивший в этом случае к уже принятой, подготовленной Лениным резолюции добавить слова об осуждении товарищей за неучастие в выборах ЦК и доведении этого протеста до пославших их на съезд организаций; большинством против 1 и при 5 воздержавшихся это добавление было принято⁶. После этого съезд решил приступить к выборам в ЦК непосредственным голосованием путем записок. И снова небольшая

¹ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 172.

² См. там же.

³ Там же. С. 173, 174.

⁴ Там же. С. 175.

⁵ Там же.

⁶ См. там же. С. 176.

заминка: председательствующий Свердлов говорит, что товарищи, объявившие о своем неучастии в голосовании, снимают это свое заявление и поэтому предлагается снять и добавление Зиновьева к резолюции. Выступивший Бухарин разъяснил: «Решение относительно невхождения в ЦК остается в силе, но ввиду того, что заявление относительно неучастия в голосовании было истолковано большинством Съезда как шаг к расколу в то время, как оно не имело такого характера, мы это заявление снимаем»¹.

Провели выборы, и комиссия в составе В. А. Аванесова, И. И. Алешина, В. И. Соловьева, который оглашал съезду результаты голосования, и К. И. Шелавина произвела подсчеты. Было подано 39 записок, 5 товарищей воздержались от голосования — подали записки пустыми; 15 баллотировавшихся товарищей получили: Ленин и Троцкий — по 34 голоса, Свердлов и Зиновьев — по 33, Бухарин, Сокольников, Сталин, Крестинский — по 32, Смилга — 29, Стасова — 28, Лашевич — 27, Шмидт и Дзержинский — по 26, Владимирский — 24, Сергеев — 23².

После оглашения списка избранных тут же взял слово Бухарин и сказал, что отказывается войти в ЦК и предлагает заменить его из числа кандидатов по количеству набранных ими голосов. С аналогичным же заявлением от своего имени и от имени Ломова выступил Урицкий; они оба были избраны кандидатами в члены ЦК. В этой обстановке вполне логичным было предложение Сокольникова: все выбранные товарищи могут сделать свои заявления на первом же заседании ЦК, а сейчас выборы закончены, и какие-либо заявления больше приниматься не могут; к этим словам присоединился и Ленин, сказав, что, «значит, замещение отложить до ЦК»³.

И все же в тот же день вечером, очевидно после выборов в ЦК, товарищи, голосовавшие на съезде против резолюции о мире, обратились к съезду и ко всем членам партии с заявлением, в котором излагали свою позицию. В нем подчеркивалось, что на съезде «компромиссные решения были отвергнуты», что в этих условиях они не могут брать на себя «ответственность за намеченную съездом линию» и этим объясняется их поведение при

¹ Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 177.

² См. там же.

³ Там же. С. 178.

выборах в ЦК, что «идти на раскол» в данный момент они считают «невозможным», но тем не менее избранный членом ЦК Бухарин, а кандидатами в члены ЦК — Ломов и Урицкий по-прежнему таковыми себя не считают; 10 марта этот документ был опубликован в шестом номере их газеты «Коммунист»¹. Там же было напечатано и заявление уральских представителей от большевиков на IV съезд Советов Г. И. Сафарова, А. Авдеева, П. Василенко и А. Кузьмина, прибывших в Петроград после окончания партийного съезда и присоединивших свои подписи к меньшинству съезда, голосовавшего против признания заключенного мира².

Закljučая работу партийного форума, Свердлов говорил, что в связи с подписанием договора, который скоро предстоит рассматривать съезду Советов на предмет его ратификации, партийным организациям на местах предстоит решать много вопросов, которые до сих пор были в компетенции советских организаций, и что поэтому мы не можем допустить раскола в наших рядах³. Уже после съезда Ленин, в оставшемся незаконченном им материале, с горечью напишет о Бухарине, Смирнове, Оболенском и Яковлевой, отказавшихся от своих партийных и советских постов, что «это совершенно нелояльные, нетоварищеские, нарушающие партийную дисциплину поступки, и такое поведение было и остается шагом к расколу со стороны названных товарищей...»⁴. Пройдет еще немного времени, и Бухарин в октябре 1918 года напишет в «Правде», что линия, которую он проводил со своими товарищами в период заключения мира с немцами, была ошибочной, что прав был Ленин⁵.

В 0 часов 20 минут 9 марта Свердлов закрыл VII съезд партии⁶. И в заключение одна деталь работы этого съезда. Вероятно, только специалисты-историки знают, что на нем в качестве делегатов многие члены ЦК партии имели право лишь совещательного голоса, то есть они не принимали участия в голосовании по выдвигаемым резолюциям. Это — Бубнов, Бухарин, Иоффе, Коллонтай,

¹ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 229—230.

² См. там же. С. 230.

³ См. там же. С. 178—179.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 77.

⁵ См.: Правда. 1918. 11 октября.

⁶ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 179.

Ленин, Милютин, Ногин, Сокольников, Сталин, Стасова, Троцкий, Уряцкий¹.

По Петрограду уже давно ползли слухи, что правительство собирается покинуть столицу и перебраться в Москву. И оно действительно намеревалось это сделать. Такой шаг диктовался как складывавшейся текущей обстановкой и ходом событий, так и стремлением обезопасить центральные органы власти на будущее. И никакой тайны в этом не было, газеты часто помещали сообщения наподобие, скажем, того, какое появилось в «Известиях ЦИК» в пятницу 8 марта: заинтересованные лица извещались, что работа Наркомюста в Петрограде с пятницы прекращается и будет возобновлена в Москве с 11 марта.

8 марта Ленин подписывает постановление СНК об условиях эвакуации рабочих и служащих Петрограда². С практических позиций подходит он и к вопросам обороны страны, утверждая в субботу 9 марта документ о создании комиссии военных специалистов для выработки плана образования центра по реорганизации армии³. Тогда же он участвует в заседании ЦК РКП(б), где речь идет, в частности, о переезде ЦК и СНК из Петрограда в Москву, о переводе газеты «Правда» как центрального партийного органа в Москву и о других вопросах аналогичного характера⁴.

А уже 10 марта, в воскресенье, «Известия ЦИК» публикуют сообщение: «Вследствие многочисленных обращений, настоящим объявляется, что Совет Народных Комиссаров предполагает выехать в Москву в понедельник 11 марта, вечером». В этом же номере говорилось, что он последний, который выходит в Петрограде как орган ЦИК и Петросовета и что со вторника 12 марта газета станет издаваться в Москве как орган только ЦИК; одновременно сообщалось, что вопрос о переносе столицы будет решен съездом Советов. О переезде правительства писала 10 марта и «Правда», указывая, что СНК выезжает в Москву 11 марта.

9 марта проходило заседание Петросовета, на котором Сокольников подробно рассказал о поездке нашей

¹ Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 188—189.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5: С. 301.

³ См. там же. С. 303.

⁴ См. там же. С. 304.

делегации в Брест-Литовск для подписания мирного договора¹. «Бесконечные вереницы беженцев, поезда с солдатами и беспорядочные толпы разбегающейся демобилизованной армии, оставляющей на произвол судьбы артиллерию, пулеметы и прочее военное снаряжение, полная растерянность среди населения...— рассказывал Сокольников на заседании Петросовета,— такова картина, которая разворачивалась перед делегатами на пути к линии немецкого наступления»². Широко распространялись слухи, говорил он, о высадке в Петрограде немецкого десанта и отъезде Совнаркома из города, что усиливало панику среди населения и войск. Все это еще более укрепляло делегацию «в убеждении невозможности, при таких условиях, продолжать войну и необходимости заключения мира»³.

Сокольников проинформировал также и о том, что не исключена была возможность во время переговоров добиться некоторых уступок со стороны Германии, но они были бы столь незначительны и несущественны, что советская делегация предпочла не добиваться их, дабы аннексионистский характер немецких условий выступал во всей своей грубости. Сокольникову были заданы вопросы, на которые он ответил в своем заключительном слове.

На заседании приняли список делегатов от Петросовета на IV съезд Советов; от большевистской фракции были избраны 16 человек: Ленин, Зиновьев, Сталин, Сокольников, Свердлов, В. А. Аванесов, И. Г. Правдин, Мих. Смирнов, Смирнов, Володарский, Евдокимов, Л. С. Сосновский, Вас. Смирнов, Ашкенази, Садофьев и М. И. Лацис, секретарем фракции утвердили М. Ефремова⁴.

Сразу же после того, как VII съездом партии заключение мирного договора было одобрено и, следовательно, теперь предстояло его рассмотрение IV съездом Советов, союзные державы, на сей раз в лице США, предприняли попытку сорвать его ратификацию. Официальные круги стран Антанты имели полное представление о разногласиях по вопросу о мире в руководстве партии большеви-

¹ См.: Известия ЦИК. 1918. 10 марта; Правда. 1918. 10 и 12 марта (25 и 27 февраля); Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 12 марта.

² Известия ЦИК. 1918. 10 марта.

³ Там же; Правда. 1918. 10 марта (25 февраля).

⁴ Там же.

ков, знали позицию левых эсеров. Уже 9 марта в правящих кругах США заговорили об отправке в Россию в адрес IV съезда Советов специального послания президента Вильсона, совет которому на этот счет подал Буллит¹. Об этом же писал президенту 10 марта и Хауз. «Что думаете вы о посылке успокоительного обращения к России в день 12 марта, когда в Москве соберется съезд Советов? — говорилось в письме Хауза. — Наше общеизвестное дружественное расположение к России может быть вновь подтверждено, и вы можете заявить о нашей цели помочь ей в ее усилиях объединиться на основе демократии»². Словом, речь шла о поддержке в России противников заключения мира.

В тот же день, 10 марта, такое послание было составлено, и на следующий день оно было передано американскому генеральному консулу в Москве Саммерсу³. Американцы «спешили», ибо в советской печати заранее было объявлено, что съезд Советов откроется 12 марта в Москве.

А руководство партии большевиков, многие советские наркомы двигались в это время на специальном поезде из Петрограда в Москву, куда они выехали в 22 часа 10 марта⁴. До места назначения все добрались только через сутки, в 21 час 30 минут 11 марта⁵. В этот день в Москву вместе с Лениным прибыли Крупская, М. И. Ульянова, Сталин, Трутовский, Г. И. Петровский, Лацис, редактор «Известий ЦИК» Ю. М. Стеклов, Сокольников, В. Д. Бонч-Бруевич и другие⁶.

Тотчас же по прибытии Ленин окунается в работу по подготовке и проведению IV съезда Советов, которому предстояло рассмотреть вопросы, связанные с ратификацией мирного договора, перенесением столицы, выборами ВЦИК. Остановившись в гостинице «Националь», он поздно вечером того же дня, 11 марта, беседует с делегатом IV съезда Советов от Украины В. П. Затонским⁷. Последний приехал с наказом голосовать за мир,

¹ См.: Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 209.

² Архив полковника Хауза. Том 3. С. 280.

³ См.: Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 209.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 307—308.

⁵ См. там же. С. 308.

⁶ См. там же. С. 307—308; Известия ЦИК. 1918. 12 марта.

⁷ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 309.

и Ленин предлагает ему выступить на заседании большевистской фракции съезда¹.

Не теряя Ленин время и по дороге из Петрограда в Москву: в поезде им была написана статья «Главная задача наших дней», которая 12 марта публикуется в вышедшем уже в Москве номере «Известий ВЦИК». В этой работе Ленин, показав величие пролетарской революции в России, выражал твердую уверенность в том, что, несмотря на невероятно тяжелые условия Брест-Литовского мирного договора, который мы были вынуждены подписать, Советская республика вынесет все тяготы и станет могучей социалистической державой. «Не надо самообманов. Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде,— писал Ленин.— Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной»². Для этого, подчеркивал Ленин, у нас есть всё.

12 марта газеты сообщают, что расстройство железных дорог не позволило многим делегатам с мест прибыть к открытию IV съезда Советов и он откладывается до 14 марта³. 12 марта было первым полным рабочим днем Ленина в Москве. В этот день Москва отмечала первую годовщину Февральской революции 1917 года. В 18 часов 30 минут Ленин приходит на заседание Моссовета, где ему вне очереди предоставляют слово и он выступает с речью, в которой затрагивает и вопросы войны и мира⁴. Мы «вырвались» из войны, говорил Ленин, заплатив огромную дань, «мы дали передышку народу», хотя и не знаем, насколько она «будет продолжительна»⁵. Говоря о том, что годовщина революции отмеча-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 309; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 131.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 79.

³ См.: Правда. 1918. 12 марта (27 февраля); Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 12 марта.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 312; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 83—88.

⁵ Там же. С. 85.

ется в тяжелые дни, Ленин, как бы продолжая «бой» за мир, подчеркивал: «Мы никому не изменяем, мы никого не предаем, мы не отказываем в помощи своим братьям. Но мы должны будем принять неслыханно тяжелый мир, мы должны будем принять ужасные условия, мы должны будем принять отступление, чтобы выиграть время...»¹ И здесь Ленин заострил внимание присутствующих на очень важной, думается, мысли: мы теперь оброронцы, мы защищаем позиции социализма, и это должны понять миллионы населения России, понять, чтобы «побороть наше отсутствие дисциплины, нашу вялость, нашу дряблость, при которых мы могли победить царизм и русскую буржуазию, но не европейскую международную буржуазию»².

Прямо с заседания Моссовета Ленин отправляется в Лефортово, на 10-тысячный митинг, посвященный первой годовщине революции, где вновь в своем выступлении говорит о тех причинах, которые вынудили нас подписать тяжелый мир с немцами, призывает трудящихся к организованности и выражает твердую уверенность в их победе³.

Первая годовщина Февральской революции 1917 года отмечалась и в Петрограде, где в Александринском театре состоялось заседание Петросвета⁴. В 17 часов его открыл Лашевич. Сначала оно носило деловой характер, а затем после решения ряда вопросов началось торжественное заседание. С приветствиями к присутствующим обратились представители Индии, Персии, трудящихся различных районов нашей страны. С речью выступил Зиновьев⁵. Он говорил о трудных днях нашей революции, о тяжелом мире, который нас вынудили подписать. Немцы стоят у Пскова и Двинска, подчеркивал Зиновьев, австрийцы — у Киева и Одессы, турки — на Кавказе, «зашевелились» и союзники — на севере англичане и на востоке японцы. Зиновьев заявил также, что точка зрения украинских, финских и эстляндских товарищей по вопросу о мире однозначна — в условиях, в которых ока-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 87.

² Там же.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 312.

⁴ См.: Правда. 1918. 14 (1) марта; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 12 и 14 марта.

⁵ См.: Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 14 марта; Правда. 1918. 14 (1) марта.

залась наша страна, его надо было подписывать¹. На торжественном заседании в Александринском театре 12 марта выступали также Троцкий, Луначарский, Володарский, Лашевич, Спиридонова и другие².

Годовщину Февральской революции в России отмечала и правая печать, буржуазные газеты. Вот что писала, например, в этот день «Баку»: «Бедная русская демократия! Она беззаботно носит свои яркие знамена, лепечет о скором пришествии социализма, о братстве и равенстве, о мире народов, когда улицы русских городов и сел утопают в крови русских же граждан, а на шее всего народа затянута петля рабства и международной эксплуатации... Граница всюду открыта для всех иноземных полчищ, и Россия накануне мира, который ей продиктует в ее же столице высокомерный победитель»³.

Между тем делегаты IV съезда Советов съезжались в Москву: к 14 часам 13 марта их было зарегистрировано уже свыше 850 человек⁴. Газеты сообщали, что для освещения работы съезда в зал заседаний будут допущены журналисты только тех органов печати, представители партий которых входят в ЦИК⁵. Проходили фракционные совещания. У левых эсеров против подписания мира выступали Камков, Спиридонова, Штейнберг⁶. Однако поступавшие с мест данные свидетельствовали о значительном росте поддержки массами линии на одобрение подписанного мира. Это проявилось уже на VII съезде партии в выступлениях делегатов с мест — Шелавина, Розановой, Маскова⁷. За дни, прошедшие после съезда, эта тенденция окрепла, усилилась. Беспочвенная сверхреволюционность в этом вопросе начинала давать осечку. В «Правде» даже появляется термин относительно товарищей из нашей партии — «сверхлевые большевики»⁸.

¹ См.: Правда. 1918. 14 (1) марта.

² См.: Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 12 марта.

³ Баку. 1918. 1 марта (ст. ст.).

⁴ См.: Известия ВЦИК. 1918. 14 марта; Правда. 1918. 14 (1) марта.

⁵ См. там же; Известия ВЦИК. 1918. 14 марта.

⁶ См.: Правда. 1918. 14 (1) и 15 (2) марта; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 15 марта.

⁷ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 93, 100—103.

⁸ Правда. 1918. 9 марта (24 февраля).

Ленин подготовился к собранию фракции большевиков на IV съезде Советов — написал план своей речи¹. 13 марта состоялось два заседания большевистской фракции². На утреннем — слушали доклады с мест, большинство выступавших высказывались за ратификацию мирного договора. Были и колеблющиеся. Так, представитель донского казачества говорил, что оно «всецело за большевиков», но в то же время за отклонение германских условий мира и продолжение войны³. На этом заседании Ленин не присутствовал.

В первой половине дня он подписывает постановление СНК: об освобождении Троцкого (по его просьбе) от руководства Народным комиссариатом иностранных дел и назначении временным заместителем на эту должность Г. В. Чичерина, об освобождении Подвойского (по его просьбе) от руководства Народным комиссариатом по военным делам и назначении руководителем этого ведомства Троцкого, об упразднении (по предложению Крыленко) должности главковерха⁴. Это постановление было подписано также Сталиным и левым эсером В. Карелиным⁵.

После 10 часов 30 минут Ленин участвует в работе двух совещаний руководящих военных работников страны, на которых обсуждаются вопросы организации и строительства Красной Армии, использования старых военных специалистов; в деловой обстановке, без громких революционных фраз Ленин и его сторонники практически решали военные вопросы в новых условиях, в которых находилась страна⁶.

13 марта Ленин встретился с полковником Р. Робинсом⁷. Встреча проходила в номере гостиницы «Националь» в присутствии Крупской и М. И. Ульяновой. Ленин проинформировал Робинса, что завтра, 14 марта, он намерен представить съезду Советов проект резолюции о ратификации мирного договора, и в этой связи спросил полковника, не получен ли ответ правительства США на ноту Совнаркома от 5 марта 1918 года, которая была

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 539, 635.

² См.: Известия ВЦИК. 1918. 14 марта.

³ См. там же.

⁴ См. там же; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 314.

⁵ См.: Известия ВЦИК. 1918. 14 марта.

⁶ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 315.

⁷ См. там же. С. 314—315.

передана через него же. Узнав, что никаких известий нет, Ленин сказал, что таковых не имеется и у английского представителя Р. Локкарта от своего правительства. И как бы в качестве резюме Ленин добавил, что ни американское, ни какое-либо другое «союзное» правительство сотрудничать с рабоче-крестьянским революционным правительством России не будут даже против Германии, с которой они сегодня воюют.

Вечером проходит второе заседание большевистской фракции IV съезда Советов¹. Обсуждается вопрос о мире. От имени ЦК партии выступает с докладом Ленин — за ратификацию мирного договора. Содокладчиком был Бухарин — за революционную войну. Среди выступавших затем ораторов были сторонники как той, так и другой линии. Началось голосование по резолюции о признании мирного договора, которая была принята 453 голосами против 36 при 8 воздержавшихся; к этому времени еще не все делегаты съехались, и состав фракции был неполным. Одобренную резолюцию передали в ЦК для последующего редактирования. В ней говорилось, что фракция большевиков высказывается за ратификацию мирного договора, что действия Совнаркома по вопросу о мире признаются правильными «и особенно мирной делегации, отказавшейся от обсуждения германских мирных условий ввиду их насильнического характера, а прямо подписавшей без детального рассмотрения»². Резолюция в самой резкой форме характеризовала также германские мирные условия, в ней подчеркивалась необходимость установить всемерный порядок и поднять дисциплину в стране, содержался призыв укреплять мощь социалистического отечества, указывалось, что мы будем оказывать посильную помощь социалистическому движению во всех странах.

Наступает 14 марта, день открытия IV съезда Советов. «Известия ВЦИК» вторично помещают на своих страницах статью Ленина «Главная задача наших дней». Ленин уже готов к участию в работе съезда: написал план доклада, с которым собирается выступить относительно ратификации мирного договора, и резолюцию по этому вопросу³.

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 315; Известия ВЦИК. 1918. 14 марта; Правда. 1918. 15 (2) марта.

² Известия ВЦИК. 1918. 14 марта.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 315, 316.

Прошло чуть более суток, как Ленин принимал руководителя американской миссии Красного Креста, и вот полковник Р. Робинс вторично наносит визит Владимиру Ильичу и спешит вручить ему обращение президента В. Вильсона к IV съезду Советов до его официального открытия¹.

В этот день, 14 марта, «Известия ВЦИК» помещают полный текст мирного договора; газеты сообщают о прибытии Троцкого в Москву², о том, что на открывающемся съезде Советов преобладают крестьяне и солдаты, что слабо представлено казачество, а также в меньшей степени, чем остальные районы страны, Украина и Сибирь³.

Открытие IV съезда Советов было назначено на 17 часов, однако этот график его работы сбился⁴. К 18 часам зал бывшего Дворянского Собрания был набит битком, делегаты заволновались, стали требовать начать работу, и здесь выяснилось, что открытие съезда задерживается по причине продолжающегося совещания фракции левых эсеров. Но вот в зале уже появляются В. Бонч-Бруевич, Чичерин, Крыленко, Дыбенко, Штейнберг, Коллегаев, Карелин, Трутовский... В 19 часов 30 минут Свердлов и его два заместителя, В. А. Аванесов и Смолянский, садятся за стол президиума, и Яков Михайлович приветствует открытие съезда. Затем от имени Моссовета это делает М. Н. Покровский. После его выступления оглашаются другие приветствия съезду, в том числе и послание президента США В. Вильсона.

О чем же говорилось в этом послании? Оно начиналось с заявления о сочувствии русскому народу в тяжкий для него час испытаний. «Пользуясь Съездом Советов,— писал американский президент,— я хотел бы от имени народа Соединенных Штатов выразить искреннее сочувствие русскому народу, в особенности теперь, когда Германия ринула свои вооруженные силы в глубь страны с тем, чтобы помешать борьбе за свободу, уничтожить все ее завоевания и вместо воли русского народа осуществить замыслы Германии»⁵.

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 316.

² См.: Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 15 марта.

³ См. там же.

⁴ См. там же. 1918. 16 марта; Правда. 1918. 15 (2) марта; Известия ВЦИК. 1918. 15 марта.

⁵ Известия ВЦИК. 1918. 15 марта; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 212.

Но это было, если говорить начистоту, лицемерное выражение сочувствия нашему народу. Президент США не мог не знать об истинных целях союзников в отношении России, которые уже стали действовать на севере и востоке нашей страны и активно помогали контрреволюционным силам на юге. И Вашингтон не стоял в стороне от этой политики. Другими словами, цель послания заключалась в том, чтобы «поддержать» в России позицию противников заключения мира и тем самым «помешать» ратификации мирного договора съездом Советов. Об этом, кстати, писал и полковник Хауз¹. Да и последующий текст послания свидетельствовал то же самое.

«Хотя Правительство Соединенных Штатов, к сожалению, в настоящий момент не в состоянии оказать России ту непосредственную и деятельную поддержку, которую оно бы желало оказать,— говорилось далее в послании Вильсона,— я хотел бы уверить русский народ через посредство настоящего Съезда, что Правительство Соединенных Штатов использует все возможности обеспечить России снова полный суверенитет и полную независимость в ее внутренних делах и полное восстановление ее великой роли в жизни Европы и современного человечества»².

И снова это звучало, мягко говоря, некорректно. Ведь американцы готовились к интервенции на нашем Дальнем Востоке, их суда «маячили» вблизи Владивостока, на ноту Совнаркома от 5 марта о возможной помощи нам в случае определенного стечения событий они не отвечали. Впрочем, в послании Вильсона прямо говорилось о невозможности сделать это «в настоящий момент». Недоумение, конечно, вызывал и тот тезис в послании американского президента, где заявлялось, что США, используя все свои возможности, собираются обеспечить нам «снова полный суверенитет и полную независимость». Об этом-то как раз мы никого и не просили.

После зачитания приветствия Вильсона съезду Советов Свердлов в ответ на это послание огласил резолюцию ЦИК, которая была подготовлена Лениным, имевшим возможность еще ранее ознакомиться с американским документом³. В резолюции выражалась «признатель-

¹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 715.

² Там же. С. 212; Известия ВЦИК. 1918. 15 марта.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 317; Известия ВЦИК. 1918. 15 марта.

ность американскому народу и в первую голову трудящимся и эксплуатируемым классам» США по поводу выражения Вильсоном сочувствия нам в связи с тяжелыми испытаниями, которые переживает Россия¹. А в заключение говорилось, что недалеко то время, когда «трудящиеся массы всех буржуазных стран свергнут иго капитала и установят социалистическое устройство общества, единственно способное обеспечить прочный и справедливый мир, а равно культуру и благосостояние всех трудящихся»².

И с этого момента съезд Советов переходит к обсуждению повестки дня. Сначала избирается президиум съезда, в который от большевиков вошли Ленин, Свердлов, Зиновьев, Аванесов, Бухарин, В. П. Затонский, Крыленко, А. Ф. Мясников (Мясникян), К. И. Ландер, Коллонтай, Стеклов, Покровский, Володарский, от левых эсеров — Спиридонова, М. А. Натансон (Бобров), Камков, Черепанов, Бакалов, от меньшевиков и правых эсеров — Хинчук³. Затем оглашаются данные о количестве зарегистрировавшихся к этому моменту делегатов, их распределении по фракциям: 732 большевика, 238 левых эсеров, остальные делегаты относились к различным эсеровским группам, меньшевикам, анархистам, беспартийным — всего пока собралось 1084 делегата. Представителей РКП(б) было явное большинство.

После этого перешли к утверждению детального регламента и вообще подробного порядка работы съезда Советов. И здесь «неугомонный» Мартов, попросив слово для предложения, стал говорить: «Принимая во внимание, что на этом съезде будет идти речь о разделе России и продаже русской революции германскому империализму...»⁴ Стали раздаваться крики «долой!», и Свердлов, прервав Мартова, призвал его к порядку и недопущению впредь подобных выражений. Тогда Мартов заявил, что такой важный вопрос, как подписание мира, должен рассматриваться, дескать, подлинными представителями пролетариата, что поэтому необходимо проверить мандат каждого делегата, и он предлагает с этой целью включить в мандатную комиссию и меньшевиков, и

¹ См.: Известия ВЦИК. 1918. 15 марта; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 211.

² Там же.

³ См.: Известия ВЦИК. 1918. 15 марта.

⁴ Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 15 марта.

представителей тех групп, которые очень слабо представлены на съезде Советов.

После выступлений на этот счет Сергеева (Артема) и представителя эсеров-максималистов Свердлов предложил избрать мандатную комиссию из расчета 1 человек на 100 депутатов, но если фракция, говорил он, насчитывает более 20 человек, то она также имеет право выдвинуть 1 человека в мандатную комиссию; в интересах же политических групп, представленных на съезде малыми фракциями, Свердлов предложил и в президиум, относительно которого уже договорились, избирать 1 человека на 50 делегатов, дать возможность малым фракциям (менее 50, но более 20 делегатов) также выделять 1 представителя¹.

Решив все вопросы организационного порядка, съезд Советов перешел к заслушиванию докладов. Первым с сообщением о мире выступил Чичерин². Он изложил делегатам ход событий после принятия нами германских условий, раскрыл содержание статей мирного договора, подчеркивая при этом, что мир был нам продиктован и мы были вынуждены пойти на его подписание.

Затем слово предоставили Ленину, который выступил с докладом о ратификации мирного договора. Ленин редко когда нарушал регламент. И хотя, согласно последнему, докладчику полагалось времени только час, он говорил более часа двадцати минут; его не прерывали³. Ленин изложил исторические условия развития социалистической революции в России, проанализировал причины заключения мирного договора с Германией, обосновал необходимость его ратификации.

В своем докладе Ленин, в частности, подчеркивал, что «главным источником разногласий» среди различных партий у нас по вопросу о мире является то, что «некоторые слишком поддаются чувству законного и справедливого негодования по поводу поражения Советской республики империализмом, слишком поддаются иногда отчаянию и, вместо того, чтобы учесть исторические условия развития революции, как они сложились перед настоящим миром и как они рисуются нам после мира, вме-

¹ См.: Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 15 марта; Известия ВЦИК. 1918. 15 марта.

² См.: Известия ВЦИК. 1918. 15 марта.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 317.

сто этого пытаются ответить относительно тактики революции на основании непосредственного чувства»¹.

Ленин говорил, что мы «путем легких и быстрых успехов», так как имели дело с отсталым и гнилым политическим строем, прошли путь от конца февраля 1917 года до середины февраля 1918 года, и это создало представление, что «быстрое шествие русской революции может рассчитывать на дальнейшую победу»². И здесь Ленин подчеркивает, что эти наши быстрые успехи были возможны в обстановке окружения нас империалистическими хищниками «постольку, поскольку буржуазия, находясь в мертвой схватке борьбы друг с другом, была парализована в своем наступлении на Россию»³.

Теперь положение меняется, продолжал Ленин, и мы вынуждены отступать «перед силой международного империализма и финансового капитала», мы должны теперь «спасать хотя бы небольшую часть позиции», дожидаясь того времени, «когда изменятся международные условия вообще»⁴. Вот этот-то поворот, указывал он, и упускают из виду люди, которые смотрят на события «с точки зрения чувства и негодования»⁵.

Мы должны считаться с тем, подчеркивал Ленин, что принять бой сейчас не в состоянии, что, «какова бы ни была передышка, как бы ни был непрочен, как бы ни был короток, тяжел и унижителен мир, он лучше, чем война, ибо он дает возможность вздохнуть народным массам»⁶. Если мы знаем действительное положение дел, понимаем, что армии у нас нет, не обманываем себя «фразами и фанатериями», то «наш революционный долг подписать хотя и тяжелый, архитяжелый и насильнический договор»⁷. Да, «наш народ должен вынести тяжчайшую ношу, которую он взвалил на себя, но народ, сумевший создать Советскую власть, не может погибнуть»⁸, с уверенностью заявлял Ленин.

После речи Ленина почти в полночь закончилось первое заседание IV съезда Советов⁹. В конце этого дня

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 92.

² Там же. С. 95—96.

³ Там же. С. 96.

⁴ Там же. С. 96, 97.

⁵ Там же. С. 97.

⁶ Там же. С. 102.

⁷ Там же. С. 106.

⁸ Там же. С. 110.

⁹ См.: Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 16 марта.

Ленин опять беседует с полковником Р. Робинсом, который присутствовал в зале заседания съезда, и снова спрашивает, получил ли он ответ правительства США на ноту СНК и имеет ли Локкарт какие-либо известия из Лондона на этот счет¹. Дав отрицательный ответ на вопрос Ленина, Робинс сам интересуется у Владимира Ильича, можно ли будет продлить прения на съезде Советов по его докладу о ратификации мирного договора до получения интересующего Ленина ответа из США, и Председатель СНК на это своеобразное, так сказать, условие отвечает отрицательно².

Интерес Ленина к ответу из США был понятен. Накануне открытия съезда Советов немцы заняли Чернигов, в день начала работы съезда австрийцы и немцы вступили в Одессу³. Ленин с тревогой следил за расширением масштабов агрессии держав Четверного союза. Немцы рассчитывали на Украине одним коротким ударом и получить хлеб, и свергнуть Советскую власть, но этого не получилось, и их вторжение превращалось в затяжную войну. Обстановка на юге была очень сложной, но дело там происходило совсем не так, как об этом твердили противники заключения мира, заявляя, будто мы выдаем украинский народ германскому империализму. На Украине, наоборот, нарастало сопротивление трудящихся масс, активно вступавших в борьбу против оккупантов не без помощи Советской России, помощи, которая, конечно, не афишировалась. 14 марта Ленин направляет письмо чрезвычайному комиссару района Украины Г. К. Орджоникидзе, в котором, в частности, подчеркивалось: «Очень прошу Вас обратить серьезное внимание на Крым и Донецкий бассейн в смысле создания единого боевого фронта против нашествия с Запада»⁴. Текст этого письма был составлен Сталиным, Ленин сделал к нему приписку о необходимости строгого контроля за расходованием денег на оборону, поставил дату и подписал письмо⁵.

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 317; Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 211.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 317.

³ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (6). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 288; Известия ВЦИК. 1918. 16 марта.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 49.

⁵ См. там же. С. 50—51; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 316.

На утреннем, втором, заседании съезда Советов, которое в 11 часов 45 минут 15 марта открыл Володарский, Ленина не было¹. Он участвовал в заседании ЦК РКП(б), обсуждавшего большую повестку дня, в том числе намерение части большевиков — противников заключенного мира выступить на IV съезде Советов со своей декларацией².

А во второй день работы съезда Советов атмосфера становилась все более напряженной. Заседание началось с резкой речи левого эсера Камкова против подписанного мира. «Мы не можем подписать этот мир! Это самоубийство! — заявлял оратор. — Да разве для подписания такого мира нужно было устраивать революцию, создавать войну на внутренних фронтах и идти на смерть? Нужно было рисковать всем для того, чтобы быть отдаленным в результате на съедение германскому империализму?»³ Камков не согласился с обвинением с места, будто его слова есть революционная фраза, и, продолжая, говорил, что мир дает не передышку для революции, а «отдышку» для империализма, который убьет нас, что, по его мнению, мы получили условия капитуляции, а не мира, что с точки зрения интернациональной политики мы совершаем измену.

Затем от объединенных меньшевиков выступил Мартов. Ничего не предлагая конкретного, он демонстрировал свою непримиримость к заключенному миру. Подчеркивая, что большевики, прикрывшись съездом Советов, все делают поспешно, что за столь короткий срок невозможно осмыслить происходящее, Мартов обвинил Чичерина, комментировавшего, по его мнению, тихим голосом текст договора, которого, мол, нет на руках у делегатов. Здесь его речь была прервана возгласами «есть», и председатель заседания пояснил, что еще вчера текст договора в количестве тысячи экземпляров был роздан делегатам⁴. Заключил Мартов старым требованием меньшевиков: «Наша задача, задача, которую ставит себе наша партия, это — создание революционного фронта, замена анархического режима большевистской партии организо-

¹ См.: Известия ВЦИК. 1918. 16 марта.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 318.

³ Правда (Социал-демократ). Орган ЦК и МК. 1918. 16 (3) марта. «Правда» с этого дня стала издаваться в Москве вместо «Социал-демократа».

⁴ См.: Известия ВЦИК. 1918. 16 марта.

ванном режимом всей его революционной демократии»¹.

Грубым было выступление правого эсера Лихача, в речи которого вместо изложения позиции его партии сохранились различного рода намеки в отношении отдельных личностей, за что оратора лишили слова.

Против заключенного мира выступили также Ге — от анархистов, Лебедев — от эсеров-максималистов, Н. И. Ривкин — от максималистов.

Вечернее заседание этого дня, третье по счету, возобновилось в 19 часов 15 минут; в нем участвует Ленин, просмотревший стенограмму утреннего заседания и ознакомившийся с текстом содоклада Б. Д. Камкова, других выступавших². Первым вечером на трибуну поднялся левый эсер Штейнберг, говоривший, что, принимая мирный договор, мы подписываем себе смертный приговор, ибо капитуляция на внешнем фронте приведет, по его мнению, и к капитуляции на внутреннем фронте. Штейнберг заявил, что, так как левые эсеры не хотят брать на себя ответственность за подписание мира, они выходят из правительства и будут работать в массах, организуя их на борьбу, которую неизбежно придется вести.

Взявший слово Зиновьев подверг критике выступление Штейнберга. Он говорил, что позиция левых эсеров станет роковой не для русской революции, а для самой этой партии. «Те, кто желает умыть руки и уйти, пусть уйдут, — подчеркивал Зиновьев, — партия большевиков, которая не на словах, а на деле доказывает свою веру в грядущее торжество международной революции, возьмет на себя ответственность»³.

После того как заслушали от объединенных интернационалистов Плетнева, большевики внесли предложение прекратить прения, поскольку уже представители всех политических течений высказались по обсуждаемому вопросу, и дать заключительное слово докладчику. Предложение было принято, но перед этим с изложением мотивов позиции партии левых эсеров выступил Камков.

«Мы исходим из твердого убеждения, — говорил оратор, — что революционная Россия никогда сознательно не вложит своей шеи в ту петлю, которую на нее набросили германские хищники, и все наши силы употребим на то,

¹ Известия ВЦИК. 1918. 16 марта.

² См. там же; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 319.

³ Правда. 1918. 16 марта.

чтобы ратифицированный вами мирный договор практически не выполнялся»¹. Далее Камков обосновывал причину выхода левых эсеров из Совнаркома, подчеркивая, что, как правительственная партия, они не имели бы права, высказавшись за ратификацию мирного договора, не выполнять его, а как партия политическая могут, будут и обязаны бороться против этого договора всеми вооруженными партизанскими силами. Поэтому, говорил Камков, мы будем поддерживать существующее повстанческое движение против немцев и расширять его до всеобщего в стране. Если ваш выход — это ратификация договора, то наш, левых эсеров, — это борьба с этим миром, а что касается вопросов защиты социальных завоеваний русской революции, продолжал оратор, то левые эсеры будут по-прежнему «вместе с товарищами большевиками» проводить линию Совнаркома. В отношении же к договору шаг большевиков, заявлял Камков, «есть объективное предательство революции, и ратификация условий мира есть условия гибели революции», и поэтому мы, левые эсеры, не останемся в правительстве, чтобы не связывать себе руки и бороться с этим миром.

15 марта левые эсеры И. З. Штейнберг, А. А. Шрейдер, В. А. Карелин, А. Л. Колегаев, П. П. Прошьян и другие вышли из СНК в знак протеста против подписания мирного договора².

Когда с трибуны сошел Камков, время уже приближалось к 23 часам, и следующим оратором должен был быть Ленин³. И вновь Владимир Ильич видит Р. Робинса, за последние двое суток это уже в четвертый раз, и спрашивает его опять об ответе США на ноту СНК⁴. Ответ Робинса все тот же — ничего из Вашингтона нет. И тогда Ленин заявляет ему, что он идет на трибуну для заключительного слова по докладу о ратификации мирного договора и что этот договор будет ратифицирован⁵.

И Ленин начал говорить⁶. Он подверг критике пред-

¹ Известия ВЦИК. 1918. 16 марта; Правда. 1918. 16 марта.

² См. там же; Известия ВЦИК. 1918. 16 марта; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 323—324; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 288.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 321; Известия ВЦИК. 1918. 16 марта.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 321.

⁵ См. там же.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 112—121.

ставителей партии левых эсеров, меньшевиков и других, которые выступали против заключенного мира. Ленин подчеркивал, что вся буржуазия только этого и ждет, что она тянет нас всех «в западню на войну»¹, к которой мы совершенно неготовы. Владимир Ильич выражал уверенность в том, что решение большевистской фракции по вопросу о мире, вынесенное накануне открытия съезда Советов, будет поддержано трудящимися России. Он заявлял: «Вот почему я говорю вам, товарищи, я глубоко убежден в том, что решение, вынесенное девятьюдесятью нашей большевистской фракции, будет вынесено девятьюдесятью всех сознательных трудящихся рабочих и крестьян России»². Отступая, подчеркивал он, мы сохраняем позиции, выигрываем время, которое работает на нас.

После речи Ленина Свердлов огласил телеграмму, которую в адрес съезда Советов прислал лидер американских профсоюзов Самуэль Гомперс³. Эта телеграмма, как и послание американского президента, была выдержана в приветственных тонах русскому народу, но также не содержала ничего конкретного относительно помощи ему. Ответ съезда Советов на нее был аналогичен ответу В. Вильсону.

Съезд переходит к решению вопроса о мире. Политические партии выносят свои резолюции. От имени большевиков это делает Сергеев (Артем)⁴. В зачитанном им документе, который был предварительно одобрен большевистской фракцией, говорилось, что съезд ратифицирует мирный договор, что он одобряет действия ВЦИК и Совнаркома, постановивших его заключить, что он призывает трудящихся напрячь силы для создания армии⁵.

Оглашают свои резолюции представители других политических партий и групп⁶. От имени левых эсеров это делает Штейнберг, резолюция которых призывает съезд отклонить условия мира и готовить восстание. От меньшевиков выступил Доброницкий, от правых эсеров — Лихач, от анархистов — Ге, от максималистов — Кузь-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 120.

² Там же. С. 121.

³ См.: Известия ВЦИК. 1918. 16 марта; Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 210.

⁴ См.: Правда. 1918. 16 марта; Известия ВЦИК. 1918. 16 марта.

⁵ См.: Известия ВЦИК. 1918. 16 марта.

⁶ См. там же; Правда. 1918. 16 марта.

мин; их резолюции были составлены в духе солидарности с документом партии левых эсеров¹.

Затем слово получил Березин, доложивший о результатах работы мандатной комиссии, по данным которой на съезд Советов прибыло к этому времени 1154 делегата с правом решающего голоса².

Делегаты решили сначала голосовать карточками, а уже потом поименно. Большинство голосов в 12 часов 10 минут, то есть уже 16 марта, IV Всероссийский съезд Советов открытым голосованием постановил ратифицировать мирный договор, высказавшись за резолюцию, предложенную большевиками³.

Наступил 142-й день существования Советской власти.

В сообщении о ратификации договора, в частности, говорилось: «...поименное голосование производится, после которого станет известно точное количество голосов, поданных за и против ратификации договора»⁴. В субботу утром 16 марта поименное голосование по вопросу о ратификации мирного договора продолжалось.

Назначенное на 11 часов утра общее собрание съезда не состоялось, весь день заседали фракции⁵. К 19 часам зал начал заполняться; после 20 часов на заключительное, четвертое, заседание съезда Советов приехал Ленин⁶. Итоги поименного голосования огласил Свердлов. Они были следующими (даются по газетам того времени): в голосовании участвовало 1198 человек, за ратификацию договора высказалось 704 делегата, против — 285, воздержалось — 115, не приняли участия в голосовании по тем или иным причинам (отсутствовали или не успели) — 94 делегата⁷. Возможно, среди последних было немало таких, кто в дальнейшем высказался «за», и это

¹ См.: Известия ВЦИК. 1918. 16 марта.

² Там же.

³ См.: Правда. 1918. 16 марта; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 19 марта; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 122—123; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 212—213.

⁴ Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 19 марта.

⁵ См. там же; Правда. 1918. 17 марта.

⁶ См.: Правда. 1918. 17 марта; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 321.

⁷ См.: Правда. 1918. 17 марта; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 19 марта; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 288.

увеличило первую цифру, которая вошла в последующие публикации.

И вновь представители фракций, не голосовавших за ратификацию мирного договора, начали выступать с изложением мотивов своего поведения. Выступили со своей декларацией и представители меньшинства большевистской фракции, которые были противниками заключения договора¹. По поручению группы ее документ зачитал В. В. Куйбышев². Изложив свою позицию, товарищи подчеркивали, что «раскол пролетарской партии был бы сейчас вредным для дела революции», и поэтому они «при голосовании вопроса о ратификации договора против решения партии» не голосуют, а воздерживаются³. Это было нарушением решений ЦК партии и ее съезда, в которых четко определялась линия поведения большевиков по вопросу о мире. Декларация этой группы большевиков была опубликована 19 марта в 11-м номере их газеты «Коммунист»⁴. Среди более чем 50 большевиков — делегатов IV съезда Советов с решающим голосом и около 10 большевиков — членов ЦИК, подписавших этот документ, были В. Куйбышев, М. В. Фрунзе, П. Дыбенко, А. Коллонтай, Г. Оппоков, Н. Бухарин, В. Оболенский, И. Арманд, С. Косиор, И. Уншлихт, А. Бубнов, М. Ветошкин, Сапронов, В. Барышников, Г. Усиевич, М. Покровский, Г. Сафаров и другие⁵.

Уже поздно вечером 16 марта по вопросу о переносе столицы в Москву на съезде выступил Зиновьев⁶. Подчеркнув, что нахождение немцев в непосредственной близости от Петрограда предопределило такую постановку вопроса, Зиновьев выразил надежду, что Совнарком оставляет Питер на короткое время. После предоставления слова одному оратору «за» и одному «против» приступили к голосованию, и большинство одобрило предложение фракции большевиков о переносе столицы в Москву.

Последним вопросом повестки дня IV съезда Советов

¹ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 230—232; Правда. 1918. 17 марта.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 230.

³ См. там же. С. 232; Правда. 1918. 17 марта.

⁴ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 230.

⁵ См. там же. С. 230, 232, 273.

⁶ См.: Правда. 1918. 17 марта.

стояли выборы в ЦИК¹. Докладывал Володарский. Состав ЦИК определили в 200 человек — из расчета 1 на 60 депутатов. 140 мест предоставили большевикам, 40 — левым эсерам, 20 — представителям всех других фракций. Списки своих кандидатов были поданы фракциями в президиум съезда. Ленина избрали членом ВЦИК.

Через несколько дней Володарский поделится своими впечатлениями о работе съезда на страницах печати². Мы боялись, что съезд будет малолюдным и неавторитетным, чтобы решать вопрос о войне и мире, напишет он. Но ни спешка с его созывом, ни развал транспорта, затруднявший делегатам путь до места назначения, не помешали им прибыть в Москву и высказаться по жгучему вопросу о войне и мире. Никто из оппозиции, подчеркивал Володарский, не посмел и заикнуться «о неправомочности Съезда». Оппозиция на съезде выглядела жалко не потому, что была малочисленной, а потому, что их доводы и поведение были беспомощными. Володарский говорил также и о другой оппозиции, оппозиции левых эсеров, указывая, что у них не было «понимания того, чего они хотят». 19 марта о поведении еще одной оппозиции — оппозиции из числа коммунистов, воздержавшихся при голосовании вопроса о ратификации мирного договора, говорил Зиновьев на заседании Петросовета, который присоединился к решениям IV съезда Советов³.

Свердлов заключал трехдневную работу съезда, который закрылся под звуки исполняемого делегатами «Интернационала».

Постановление о ратификации мирного договора немедленно передали по радиотелеграфу во все районы страны, о чем распорядился секретарь Президиума ВЦИК В. А. Аванесов⁴. Оно было в большинстве случаев поддержано на местах и — что, думается, самое главное — одобрено II съездом Советов Украины, трудящимися Украины, которые в этот тяжелый и грозный для всей страны час проявили на деле подлинный интернационализм.

За подписью Чичерина в Берлин, Вену, Константинополь и Софию по радио было послано извещение о ратификации мирного договора IV съездом Советов, анало-

¹ См.: Правда. 1918. 17 марта.

² См.: Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 20 марта.

³ См. там же.

⁴ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 212.

гичные телеграммы были посланы нашим представителям в союзных и нейтральных странах¹.

Заключение мира не означало, конечно, отказа от революционной борьбы. Об этом прямо говорил при закрытии IV съезда Советов Свердлов, подчеркивая, что «если мы и подписали мирный договор, то это отнюдь не значит лечь спать», что теперь «пришло время, когда из пораженцев мы сделались оборонцами», и «если наше социалистическое отечество в опасности, то все будем защищать его»².

Одновременно приходилось и вести идейную борьбу с теми, кто хотел сорвать мирный договор. Так, после ратификации мирного договора партия эсеров в напыщенном обращении ко «Всеим народам цивилизованного мира, центральным комитетам всех социалистических партий» подчеркивала: «Партия Социалистов-Революционеров перед лицом всего мира заявляет, что она брестского трактата не принимает и имеющим законную силу его не признает... Власть совета народных комиссаров, предавших демократическую Россию, революцию, интернационал, должна быть уничтожена, ибо народ Российской республики не может терпеть власти, держащейся милостью немецких штыков. ...П. С.-Р. считает, что Россия продолжает оставаться в состоянии войны с германским империализмом и его союзниками»³.

17 марта газеты комментировали решение о ратификации мирного договора. «Правда» писала, что Советская Россия, утвердив договор, «должна немедленно поставить перед собой задачу вооружения, всеобщего обучения военному делу, задачу создания народной советской армии», что мы не знаем, сколько времени нам отпущено для осуществления этой задачи, «но потеря каждого часа может оказаться роковой», и поэтому власти на местах и в центре обязаны направить все силы на ее осуществление.

Критически оценила «Правда» в этот день и поведение партии левых эсеров, которые уже не в первый раз «умывают руки». Газета писала, что так было в ночь взятия Зимнего дворца, когда левые эсеры ушли из Военно-революционного комитета Петрограда, тоже играя

¹ См.: Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 20 марта.

² Известия ВЦИК. 1918. 17 марта.

³ Социал-революционер. Издание ЦК партии социалистов-революционеров. Сборник первый. М., 1918. С. 11.

в демократию и не желая брать ответственности за вооруженное восстание против правительства Керенского. Так же они поступили и при образовании Совнаркома, когда отказались войти в правительство, требуя создания власти из всех «социалистических партий», включая и те, которые боролись против большевиков.

17 марта Ленин подписывает постановление СНК об уходе советских войск из десятиверстной зоны перед Псковом и о недопустимости военных действий ввиду ратификации мирного договора с Германией¹. В этот же день договор ратифицировал Германский союзный совет². На следующий день началось рассмотрение договора в германском рейхстаге, который одобрил его 22 марта голосами всех партий, кроме независимых социал-демократов³. 18 марта проходившая в Лондоне конференция держав Антанты заявила о непризнании ими мирного договора, подписанного в Брест-Литовске⁴.

Словом, борьба продолжалась: одни в ней стремились использовать в своих интересах с таким трудом завоеванную кратковременную передышку, другие — урвать побольше от куска доставшейся добычи, третьи — сорвать мирный договор.

18 марта за подписью Чичерина и Карахана Наркоминдел направляет по радио ноту германскому внешнеполитическому ведомству, в которой говорится о крайней желательности скорейшего проведения в жизнь постановлений заключенного договора «о создании русско-германской комиссии для определения пограничных линий», а также комиссии о военнопленных⁵. Тогда же за подписью временного заместителя наркома иностранных дел Чичерина в тот же адрес по радио передается протест против занятия германскими войсками уже после подписания мирного договора Одессы, которая «не входит в пределы Украины», и германское правительство запрашивается на предмет того, «в каком виде оно представляет границу Украины»⁶.

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 322.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 288.

³ См. там же; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 268.

⁴ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 288.

⁵ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 213—214.

⁶ Там же. С. 214.

К сожалению, в эти трудные для нашей страны дни противники заключения мира среди большевиков продолжали вести свою, мягко говоря, дезорганизаторскую работу, хотя на товарищеское отношение к ним они пожаловаться не могли. Эта оппозиция в партии по вопросу о войне и мире группировалась вокруг газеты «Коммунист». Казалось бы, что после ратификации мирного договора эти товарищи, как писала пресса, «не пожелают ослабить партию и республику своим отказом от государственной работы»¹. Однако уже 18 марта СНК вынужден рассматривать вопрос о замещении в правительстве ряда постов в связи с выходом из него шестерых левых эсеров, а также большевиков — А. М. Коллонтай, В. М. Смирнова, Н. Осинского, П. Е. Дыбенко².

С большим тактом и по-товарищески отнеслась наша партия и к левым эсерам, покинувшим государственные посты. «Нам приходится жалеть только их и никого больше, так как они скоро убедятся в своей ошибке и поймут,— писала газета «Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот»,— что уходя из правительства в наиболее острый и критический момент они тем самым не пожелали продолжать до конца начатое ими вместе с нами дело»³. И газета заключала: «Время фразы прошло и на место ее пришел труд, который знает свое призвание победить капитал и который с честью доведет до конца возложенную на него миссию»⁴.

Борьба за мир, который хотели и который ненавидели, продолжалась.

* * *

Итак, мир был заключен. Обе стороны его ратифицировали. Совнарком уже работал в Москве, когда ему от германского правительства был прислан текст мирного договора на русском и немецком языках, безукоризненно выполненный с типографской и издательской точек зрения. Судя по всему, это было в конце весны 1918 года. В. М. Бонч-Бруевич писал впоследствии, что, получив этот экземпляр, он тотчас же понес его Владимиру Иль-

¹ Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 19 марта.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 323; Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 20 марта.

³ Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 20 марта.

⁴ Там же.

ичу. Ленин взял книжку в руки, посмотрел и, смеясь, вспоминает Бонч-Бруевич, сказал: «Хороший переплет, отпечатано красиво, но не пройдет и шести месяцев, как от этой красивой бумажки не останется и следа. Не было более непрочного и нереального мира, чем этот. Немцы стоят у последней ступеньки своего военного могущества, и им суждено пережить величайшие испытания. Для нас этот мир сослужит огромную службу: мы сумеем укрепиться в это время. отошлите эту нарядную книжечку товарищу Чичерину для его коллекции»¹.

Ленин оказался пророком. Никто мир, заключенный в Брест-Литовске, не расторгал, ибо он перестал существовать сам собой.

9 ноября 1918 года в Германии началась революция, которая смела монархию.

13 ноября ВЦИК Советов аннулировал Брест-Литовский мирный договор. Под декретом об этом акте Советской власти стояли подписи Я. Свердлова и В. Аванесова — Председателя и Секретаря ВЦИК соответственно.

История мирного договора, заключенного в Брест-Литовске, — это пример маневрирования только что родившегося пролетарского государства в кольце империалистических хищников. Сделанный там шаг помог нам выстоять. Через три с половиной года Владимир Ильич Ленин напишет: «Мы с такой головокружительной быстротой, в несколько недель, с 25 октября 1917 г. до Брестского мира, построили советское государство, вышли революционным путем из империалистической войны, доделали буржуазно-демократическую революцию, что даже громадное попятное движение (Брестский мир) оставило все же за нами вполне достаточно позиций, чтобы воспользоваться «передышкой» и двинуться победоносно вперед, против Колчака, Деникина, Юденича, Пилсудского, Врангеля»².

Но это уже другая страница нашей истории.

¹ *Бонч-Бруевич Влад.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. С. 260.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 228.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5	
Глава 1	Мира не ждут, его завоевывают	7
Глава 2	Когда третьего не дано	43
Глава 3	И все-таки сепаратные...	71
Глава 4	Быть или не быть социалистическому Отечеству?	102
Глава 5	Брест-литовская голгофа	166
Глава 6	Советской власти шел 129-й день	268
Глава 7	Борьба за... грабительский мир	362

Игорь Николаевич Ксенофонтов

МИР, КОТОРОГО ХОТЕЛИ И КОТОРЫЙ НЕ НАВИДЕЛИ

Документальный репортаж

Редактор *Л. С. Макарова*

Младшие редакторы *А. Н. Сергеева, Н. В. Абрамов*

Художник *И. И. Суслов*

Художественный редактор *О. Н. Зайцева*

Технический редактор *Н. А. Шавкунова*

ИБ № 7564

Сдано в набор 10.10.90. Подписано в печать 11.03.91. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84. Уч.-изд. л. 24,52. Тираж 30 тыс. экз. Заказ № 1255. Цена 2 р. 90 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

ей категоріи
дін и Украй-
оговора гово-
кденном за-
узавной Утра-
ьство кромѣ
ить от своих
Одним их ха-
аго договора
ем немедлен-
звительствен-
при чем это
характер.
ней арміи на
т далѣе тов.
е является
руженіем на-
Необходимо
договора, в
редоставленіи
и Афгани-
вору с 4-мя
присоедине-
правовых до-
ономическаго
дуція торго-
и.
к подробной
жных пун-
ров, в силу

вого народа. Но несмотря на всю тяжесть
этого періода, в процессѣ развитія пере-
ходной эпохи нашей революціи, закалялись
свои силы Совѣты.

Этот період, о котором я говорю, яв-
ляется періодом чрезвычайно непродолжи-
тельным с точки зрѣнія международной
революціи. В этот період мы переживаем
апрѣльское возмущеніе обманутаго наро-
да, мы переживаем грабительское
завоеваніе наступленіе 18 іюня,
жестокое июльское пораженіе
с контр-революціон-
щины. И тогда
вой народ, ка-
горькаго опыта
своей подготовкѣ
всю предательскую
люціонных соглаше-
— только послѣ
этого созрѣла благоприятная почва для
октябрьской революціи, которая ознаме-
нована наиболѣе быстрыми и крупными
тріумфами и побѣдами над буржуазіей
революціоннаго народа ибо для всѣх ясно,
что октябрьскіе дни, это побѣдное тріум-
фальное шествіе русской социалистиче-
ской революціи.

В этот період начинаются гражданскія
войны, в которых силы врагов народа
оказались в сравненіи с революціонной
мощью пролетариата чрезвычайно ничтож-
ными. Гражданская война — это тріумф

дежно поддалась вліянію чувства. В тра-
гическій момент напряженнѣйшей бо-
мировой революціи с реакціей, в
слыханных пораженій и
клямація и революці-
ются гибелью
скрывается
полосе
не пораженіе,
иное униженіе Со-
но исторію пережитить
Передышка нам нужна,
короткая, непрочная передышка,
но все же будет время, за которое про-
зойдет новое накопленіе сил революціи,
оздоровленіе арміи от отчаянія, и утомле-
нія.

Если бы тогда, в первые дни революціи,
интеллигенція, вмѣсто оказанія помощи
Керенскому, возстала бы вмѣстѣ с наро-
дом против буржуазіи, вручила бы власть
Совѣтам, пошла бы навстрѣчу нуждам из-
страдавшей арміи, организовала бы за-
щиту отечества—не отечества барыша и
тайных договоров, а отечества крестьян и
рабочих,—если бы эта интеллигенція про-
тянула руку помощи активным участіем в
организациі защиты революціи разутому,
раздѣтому и голодному солдату—только
тогда были бы шансы к безболѣзненному
переходу к завершенію

4-й Всероссийскій Чрезвычайный Съезд Советов Рабочих, Крестьянских и Казацких Депутатов.
Сессіонное, 14 марта 1918 г.

ет: по
можно
о в
саин,
во пая
сіи, кото
дательст
лстов»,
Мы дол
дет толь
вой гиб
возстані
как и в
статіем
Бога
глашател
вых с-
когда
политико
соглашен
темъ в
мы хотѣ
разлисто
революці
ибо в те
стремлен
будем ра
чали, чт

Речь Т. Свердлова.

Товарищи, перед тем, как объявить чрезвычайный Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов открытым, я позволю себе от имени Центрального Исполнительного Комитета Съезда сказать на великое значение Съезда.

Настоящий Съезд соблаговременно уведомил вас, товарищи, для ратификации и утверждения договора, вопрос о котором уже решен Центральным Исполнительным Комитетом.

Мы не предполагали, что настоящий Съезд будет столь многочисленным и что со всех концов России явятся представители, представляющие с собой вопросы исключительной важности.

Указывая вам на важность вопросов, которые вам предстоит решить, в чрезвычайном и исключительном Комитете Съезда и вместе с тем предлагая вам его не имени Решения, предлагая ли вы вместе с тем, предложившие ли вы свои пор. или нет. (Бурные аплодисменты)